

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(62)'2017

Научный журнал

- ⌚ Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- ⌚ Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- ⌚ Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- ⌚ Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- ⌚ Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- ⌚ Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- ⌚ Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- ⌚ Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2017

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2017. – Вып. 2 (62). – 162 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2017

© Политическая лингвистика, 2017

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

2(62)'2017

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasily V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Бакланова И. И. Москва, Россия	Публичные выступления советского периода: образ автора и образ адресата (на материале обсуждений романа В. Гроссмана «За правое дело»).....	10
Васильева С. П. Красноярск, Россия	Динамика ценностных смыслов ассоциативного поля «Мир» в региональном языковом сознании сибиряков	19
Горбачева Е. Н. Астрахань, Россия	Обвинение как коммуникативный поступок в современной информационной войне (на материале англоязычного медийно-политического антироссийского дискурса)	27
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Коммуникативно-прагматические преференции адресата политической листовки	34
Сипко Й. Прешов, Словакия	Образ России в контексте американских президентских выборов (на материале словацких СМИ)	41
Солопова О. А. Челябинск, Екатеринбург, Россия	Прецедентные высказывания в президентском дискурсе: переводческий аспект (на материале английского и китайского языков)	47
Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия		
Шлемова Е. Д. Челябинск, Россия		

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алексеев А. Б. Москва, Россия	Конструирование моральной паники в политическом дискурсе.....	55
Алёшина Е. Ю. Пенза, Россия	Особенности дискурсивного отражения результата политического конфликта в публичной речи (на материале английского языка)	65
Злобина О. Н. Ижевск, Россия	Средства рациональной аргументации в американском политическом дискурсе	71
Плотникова С. Н. Кузнецова Л. В. Иркутск, Россия	Коллективная когниция в парламентской коммуникации	76

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Барковская Н. В. Екатеринбург, Россия	Речь как документ эпохи (стихотворение Линор Горалик «Кого забрали из живых перед продленкой...»)	83
Богоявленская Ю. В. Екатеринбург, Россия	Ретроспективная и проспективная парцелляция в СМИ.....	88
Кропотухина П. В. Екатеринбург, Россия	Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании	94

Лупанова Е. В. Москва, Россия	Образность фразеологических единиц в языковой картине мира представителей англо-американской военной субкультуры.....	100
Малышева Е. Г. Крамарь И. А. Омск, Россия	Интердискурсивная природа концепта 'Толерантность', объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх	105
Сурикова Т. И. Москва, Россия	За что термин признан лукавым?.....	110
Шилихина К. М. Стратиенко Ю. А. Воронеж, Россия	Фрейм «Волшебный мир Гарри Поттера» как способ осмысления политической ситуации в англоязычном общественно-политическом дискурсе.....	116

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Зверева П. К. Тюмень, Россия	Лингвофилософское толкование юридического текста.....	124
Злоказов К. В. Санкт-Петербург, Россия Колмыкова Т. И. Рыбьякова Е. А. Степанов Р. И. Екатеринбург, Россия	Восприятие читателем угрозы в информационном пространстве: результаты экспериментального исследования	131

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Пром Н. А., Лихачёва Т. С. Волгоград, Россия	Лингвополитическая концепция М. Эдельмана	139
--	---	-----

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Камчатнов А. М. Москва, Россия	Как уловить неуловимое? (рецензия на «Словарь русской ментальности» В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновы)	149
Соколова О. Л. Скопова Л. В. Ренер Е. И. Екатеринбург, Россия	Речевые акты различной коммуникативной направленности: прагматические аспекты (на материале французского языка)	154
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		159

CONTENTS

Editorial principles of the journal "Political Linguistics"	8
---	---

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Baklanova I. I. Moscow, Russia	Public speeches of the Soviet period: the image of the author and the image of the addressee (based on the V. Grossman's novel interpretation "For a Just Cause").....	10
Vasilyeva S. P. Krasnoyarsk, Russia	Dynamics of the value meanings of the associative field "Mir" in the regional linguistic consciousness of Siberians.....	19
Gorbacheva E. N. Astrakhan, Russia	Accusation as a communicative deed in the current information warfare (based on the English political media Anti-Russian discourse)	27
Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Communicative and pragmatic preferences of political leaflet addressee	34
Sipko J. Prešov, Slovakia	The image of Russia in the light of American presidential elections (based on Slovak mass media)	41
Solopova O. A. Chelyabinsk, Ekaterinburg, Russia	Intertexts in presidential discourse: translation perspective (on the material of English and Chinese).....	47
Shlemova E. D. Chelyabinsk, Russia		
Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia		

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Alekseev A. B. Moscow, Russia	Moral panic in political discourse.....	55
Aleshina E. Y. Penza, Russia	Discursive reflection of the result of political conflict in a public speech (based on the English language)	65
Zlobina O. N. Izhevsk, Russia	Types of rational argumentation in American political discourse	71
Plotnikova S. N. Kuznetsova L. V. Irkutsk, Russia	Collective cognition in political communication.....	76

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Barkovskaya N. V. Ekaterinburg, Russia	Speech as a document of the epoch (the poem by Linor Goralik).....	83
Bogoyavlenskaya Y. V. Ekaterinburg, Russia	Retrospective and prospective parceling in mass media	88
Kropotukhina P. V. Ekaterinburg, Russia	Conceptual metaphors of the UK crisis discourse.....	94

Lupanova E. V. Moscow, Russia	Phraseological units images in linguistiv worldview of British-American military subculture representatives.....	100
Malysheva E. G., Kramar I. A. Omsk, Russia	Interdiscursive nature of the concept 'Tolerance', objectified in the journalistic Internet discourse on computer games	105
Surikova T. I. Moscow, Russia	Why is the term considered evil?	110
Shilikhina K. M. Stratienko Y. A. Voronezh, Russia	The frame „Magic world of Harry Potter“ as a tool for categorization of political situations in British and American mass media discourse.....	116

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Zvereva P. K. Tyumen, Russia	Linguo-philosophical interpretation of legal text	124
Zlokazov K. V. St. Petersburg, Russia Kolmykova T. I. Rybyakova E. A. Stepanov R. I. Ekaterinburg, Russia	Perception of threat in infosphere by the reader: experimental reseach results	131

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Prom N. A., Likhacheva T. S. Volgograd, Russia	M. Edelman's linguo-political conception	139
--	--	-----

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Kamchatnov A. M. Moscow, Russia	How to percept imperceptible? (a review of the monograph "Russian mentality dictionary" by V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov)	149
Sokolova O. L. Skopova L. V. Renner E. I. Ekaterinburg, Russia	Speech acts of different communicative functions: pragmatic aspects (in French discourse)	154

Manuscripts requirements	159
--------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:821.161.1-31
ББК Ш41.12-51+Ш33(2Рос=Рос)63-8,44

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.01

И. И. Бакланова
Москва, Россия

ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ОБРАЗ АВТОРА И ОБРАЗ АДРЕСАТА (НА МАТЕРИАЛЕ ОБСУЖДЕНИЙ РОМАНА В. ГРОССМАНА «ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО»)

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования является имплицитное отражение в публичных выступлениях советского периода образов их авторов и их предполагаемых адресатов. Материалом для анализа послужили записи заседаний по обсуждению романа В. Гроссмана «За правое дело», первое из которых состоялось 13 октября 1952 года в связи с выдвижением романа на Сталинскую премию, а второе — 16 января 1953 года в связи с началом кампании по «делу врачей». Показано, что образ автора может быть выведен из содержания текста на основании разработанной Б. А. Успенским типологии точек зрения наблюдателя, с позиций которого ведется повествование, а образ адресата можно определить на основании постулатов речевого общения Г. П. Грайса и сведений о том, каким способом подается информация в тексте. Как показал анализ, выведенные образы авторов выступлений указывают на приверженность советских писателей принципу партийности советской риторики, а выведенный образ адресата позволяет заключить, что адресатом выступлений являлись не участники заседаний, а властные структуры, в благосклонности которых авторы выступлений были остро заинтересованы. Во время первого заседания его участники были осведомлены об официальной положительной оценке романа, вследствие чего свободно и искренне высказывали различные аргументы в ее пользу, показывая свою приверженность к разным критериям оценивания литературного мастерства. Во время второго заседания его участники были осведомлены об официальной негативной оценке романа, вследствие чего, соблюдая видимость обсуждения, аргументировали ее произвольными доводами, носившими голословный характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ автора; образ адресата; публичные выступления; советский период; политический дискурс; политическая риторика; русская литература; русские писатели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бакланова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; 115409, Россия, Москва, Каширское шоссе, 31, комн. А-320; e-mail: ibaklanova@yandex.ru.

Нет, никакая не свеча —
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал —
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
Не к высшей мере!

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу —
Голосованьем.

Александр Галич. Памяти Б. Л. Пастернака

1. Введение

О характере исторической эпохи можно судить не только по свершившимся фактам, но и по особенностям присущей этой эпохе публичной речи, в частности по имплицитному отражению в речи образов ее автора и ее предполагаемого адресата, методами объективного анализа которого в публицистическом тексте располагает современная лингвистика.

Цель данной статьи — вывести из текстов речей членов Союза советских писателей, произнесенных на публичных обсуждениях романа Василия Гроссмана «За правое дело» в 1952 и 1953 гг., имплицитно отраженные в этих текстах образы их авторов и предполагаемых адресатов и на основании полученных сведений попытаться объяснить

специфические особенности публицистического дискурса советского периода.

Материалом для исследования послужили воспоминания А. Берзер об обсуждениях романа В. Гроссмана «За правое дело» и сделанные ею записи выступлений советских писателей [Берзер 1990].

2. Источники сведений об образе автора и образе адресата нехудожественного текста

Как было установлено, в любом нехудожественном тексте получает имплицитное отражение образ его автора и образ его предполагаемого адресата [Бакланова 2012; Бакланова 2013; Бакланова 2014]. При этом источником сведений об образе автора тек-

ста может служить теория точек зрения, разработанная Б. А. Успенским применительно к художественным текстам [Успенский 1995], а источником сведений об образе предполагаемого адресата текста — постулаты речевого общения Г. П. Грайса [Грайс 1985]. Имплицировано отраженные в тексте образы его автора и предполагаемых адресатов являются частью имплицитного содержания, передача которого не входит в коммуникативные намерения отправителя текста [Федосюк 2012].

Сначала охарактеризуем источники сведений об имплицитно отраженном образе автора текста.

Б. А. Успенский, опираясь на работы М. М. Бахтина [Бахтин 1996] и В. В. Виноградова [Виноградов 1971; Виноградов 1980], показал, каким образом в художественном тексте отражается информация о позиции того наблюдателя, с точки зрения которого ведется повествование. Б. А. Успенский выявил четыре аспекта художественного текста, в которых может проявляться точка зрения повествователя: *план идеологии, план фразеологии, план пространственно-временной характеристики и план психологии*.

План идеологии, по мнению Б. А. Успенского, содержит оценки, по которым можно судить о том лице, с позиции которого ведется изложение. План фразеологии содержит совокупность приемов словесного выражения, свойственных персонажу, на основании которых можно судить об этом персонаже. План пространственно-временной характеристики содержит сведения о характере описываемых событий, на основании чего можно говорить о позиции, занимаемой наблюдателем. И наконец, план психологии, по мнению исследователя, содержит сведения о внутреннем состоянии персонажей, на основании чего можно составить мнение об этих персонажах.

В публицистических текстах тоже есть повествователь, поэтому логично предположить, что его образ отражается в тексте примерно в тех же аспектах, которые были выявлены Б. А. Успенским. Учитывая, что в публицистических текстах содержание излагается не с точки зрения вымышленных персонажей, а с точки зрения реальных авторов, будем называть *план идеологии* — **планом оценки**, *план фразеологии* — **планом выбора языковых средств**, для обозначения *плана пространственно-временной характеристики* используем термин И. Р. Гальперина *фактуальная информация* [Гальперин 1981] и назовем его **планом фактуальной информации**, а название *плана психологии* оставим без изменения.

На основании плана оценки по высказанным автором оценкам можно составить представление о его взглядах и системе ценностей.

На основании плана выбора автором языковых средств можно судить о его языковой личности: о его лексиконе, о степени владения литературным языком и его функциональными стилями, а также нелитературными разновидностями языка, теми или иными терминсистемами, иностранными языками и т. п., а также о его темпераменте и уровне речевой культуры [Гольдин, Сиротина 1993].

На основании плана фактуальной информации по изложенным автором фактам можно сделать выводы о биографических данных автора, о его жизненном опыте, о характере его знаний, кругозоре и сфере его интересов.

На основании плана психологии по выраженным автором чувствам и эмоциям в тот или иной момент можно составить представление о его характере и психологии.

Рассмотрим два примера выведения из нехудожественного текста — текста мемуаров — образа его автора.

«Мы идем по самой середине мостовой, но машины нас не обгоняют и никто не попадает навстречу — улица Ордынка совершенно пуста и *разукрашена красными тряпками*. Из репродукторов доносится бравурная музыка. Это 1 Мая. <...> А потом возле мавзолея будет *„демонстрация трудящихся“*, и сюда хлынут толпы оживленных людей *с бумажными гирляндами столь же ненатуральными, как их патриотические чувства...*» [Ардов 2001: 133].

Данные автором оценки: многочисленные флаги на улице названы *красными тряпками*, выражение *демонстрация трудящихся* взято в кавычки как не соответствующее его истинному содержанию, патриотические чувства названы *ненатуральными* и сопоставлены с бумажными гирляндами — все это дает основание вывести из текста имплицитную информацию о том, что автор текста негативно оценивает коммунистический режим в СССР и советские праздники.

«*Потом я часто задумывалась, надо ли выть, когда тебя избивают и топчут сапогами. Не лучше ли застыть в дьявольской гордыне и ответить палачам презрительным молчанием? И я решила, что выть надо.* В этом жалком вое, который иногда неизвестно откуда доносился в глухие, почти звуконепроницаемые камеры, сконцентрированы последние остатки человеческого достоинства и веры в жизнь. Этим воем человек оставляет след на земле и сообщает людям, как он жил и умер. Воем он отстаивает свое право на

жизнь, посылает весточку на волю, требует помощи сопротивления. Если ничего другого не осталось, надо выть. Молчание — настоящее преступление против рода человеческого» [Н. Мандельштам].

С точки зрения плана психологии, на основании того, что автор ставит перед собой страшный вопрос, отвечает на него и аргументирует ответ, из текста можно вывести имплицитно отраженный в нем образ автора: автор не отделяет свою жизнь от жизни государства и пытается осознать происходящее и выработать тактику поведения в непростое время.

Охарактеризуем теперь источники сведений об имплицитно отраженном в тексте образе предполагаемого адресата.

Основой для выведения имплицитно отраженного в публицистическом тексте образа предполагаемого адресата могут служить постулаты речевого общения Г. П. Грайса, реализующие так называемый принцип Кооперации, который требует от любого участника общения такого коммуникативного вклада на каждом шаге диалога, какое определяется совместно принятой целью этого диалога. Это постулаты *категории Количества, категории Качества, категории Отношения и категории Способа* [Грайс 1985]. Согласно Г. П. Грайсу, при соблюдении принципа Кооперации подсознательная осведомленность говорящего и слушающего о постулатах дает им широкие возможности для имплицитной передачи информации и ее восприятия. Но, с нашей точки зрения, справедливо и обратное: при условии соблюдения постулатов речевого общения содержание и форма текста могут служить источником информации о предполагаемом адресате.

Как было показано [Бакланова 2012; Бакланова 2013; Бакланова 2014], на основании постулатов категории Количества можно судить о степени осведомленности предполагаемого адресата о содержании передаваемых ему сведений. Свернутая информация указывает на то, что, по мнению отправителя текста, многие ее компоненты уже знакомы предполагаемому адресату. Подробное изложение отправителем текста элементов передаваемой информации позволяет утверждать, что она, скорее всего, является новой для адресата.

На основании постулатов категории Качества можно судить о полноте доверия адресата отправителю текста: отсутствие аргументации указывает на то, что, по мнению отправителя текста, передаваемое утверждение не вызовет у адресата сомнения в его истинности; наличие аргументации, напротив, свидетельствует о том, что адре-

сат может усомниться в истинности передаваемой ему информации.

На основании постулата категории Отношения можно судить о характере понимания адресатом логической структуры этого текста: отсутствие метатекста предполагает адресата, способного легко установить смысловые связи между частями текста; наличие метатекста, как правило, свидетельствует о том, что текст предназначен адресату, затрудняющемуся в определении этих смысловых связей.

На основании постулатов категории Способа можно судить о том, известны или неизвестны адресату употребленные в тексте лексические средства: отсутствие объяснения отправителем текста значения использованных им языковых средств говорит о том, что его предполагаемому адресату их значение известно; наличие объяснения, напротив, свидетельствует о том, что его адресат, скорее всего, незнаком с этими значениями.

Очевидно, что присутствовавшие на заседаниях писатели были осведомлены о теме заседаний и не испытывали затруднения в восприятии звучащих речей, поэтому в статье мы ограничимся анализом характера писательской аргументации, которая строится на основании постулатов категории Качества и представляется главным источником сведений об образах их авторов и предполагаемых адресатов [ср. Баранов 1990; Мищук 2014].

С. И. Поварнин говорил о воздействии аргументации на адресата следующее: «Желая *убедить* кого-нибудь, выбираем доводы, которые должны казаться наиболее убедительными *ему* <адресату>. Желая *победить* противника, выбираем доводы, которые более всего могут поставить *его* в затруднение» <здесь и далее курсив С. И. Поварнина. — И. Б.> [Поварнин 1994: 36].

Ниже мы рассмотрим образы авторов и предполагаемых адресатов выступлений, прозвучавших на двух заседаниях по обсуждению романа В. Гроссмана «За правое дело», первое из которых состоялось 13 октября 1952 г. в связи с выдвижением романа на Сталинскую премию, а второе — 16 января 1953 г. в связи с началом кампании по «делу врачей». Тексты каждого из заседаний мы будем рассматривать по одинаковым схемам: сначала выводить из каждого выступления образ его автора, а затем — образ предполагаемого адресата.

3. Образы авторов и адресатов выступлений на заседании 13 октября 1952 года

Обратимся к выведению образов авторов выступлений.

А. Берзер вспоминает, что роман В. Гроссмана «За правое дело» печатался в журнале «Новый мир» в течение 1952 г. в четырех номерах — с 7-го по 10-й. «А 13 октября 1952 года собирается секция прозы Союза писателей для обсуждения романа В. Гроссмана „За правое дело“ и для выдвижения романа на Сталинскую премию по прямому указанию А. А. Фадеева» [Берзер 1990: 147]. Из этого следовало, что власть роман одобряет [ср.: Червински 2010]. Поэтому писатели, чувствуя себя свободно, искренне высказывали свои оценки и аргументировали их.

«Первым, — вспоминает А. Берзер, — взял слово активно печатавшийся в те годы театральный критик Иван Чичеров. Он начал с замечательной цитаты из Толстого: **„Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трех сторон. Во-первых, со стороны содержания — насколько важно и нужно людям то, что с новой стороны открывается художником, потому что всякое произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни; во-вторых, насколько хорошо, красиво соответственна содержанию форма этого произведения; и в-третьих, насколько искренне отношение художника к своему предмету, то есть насколько он верит в то, что изображает, где сказывается его любовь и ненависть“**. <...>

С этих высоких толстовских позиций Чичеров обращается к роману „За правое дело“, „с трех сторон“, как сказал Толстой, и делает вывод, что это **„высокохудожественное произведение“**. И такие, вполне искренние, слова: **„Многое, что Гроссман очень тонко и умно заметил, я почувствовал, что это то, что и я чувствовал, а сформулировать не мог...“** [Там же: 148].

На основании выделенных слов можно сказать, что их автор главным критерием оценивания художественных произведений считает классические принципы Л. Н. Толстого, в частности для автора важны новизна содержания произведения, форма и ее соответствие содержанию и искренность отношения к предмету описания. В то же время автор критичен в оценке своих писательских способностей.

«Слово берет, — продолжает А. Берзер, — Иван Тимофеевич Козлов, — в те годы ответственный работник Воениздата, редактор романа Гроссмана, за что его ждут увольнение и расплата. Он говорит,

что может привести множество примеров, сцен, эпизодов — удивительно верных по их соответствию правде жизни и правде войны. Удивительно точных... И добавляет: **„В этом смысле я не знаю, в чем можно упрекнуть Гроссмана. Он об этом хорошо написал. По психологии героев, по пейзажам, по военным и батальным сценам, — эта книга удивительно правдива“**.

И еще одно ценное свидетельство. Козлов вспоминает **„Повесть о настоящем человеке“** Полевого.

Там написано: **„Танки ворвались в населенный пункт и ведут огонь со всех видов бортового оружия.“** И поясняет: **„У танков бортового оружия нет.“**

„Таких вещей в романе Гроссмана нет“, — заключает Козлов» [Там же: 148—149].

Как видно, для автора выделенных слов одним из критериев оценивания художественного произведения является правдивость изображения и внимание к деталям.

«Слово берет писатель Авдеенко, автор повести „Я люблю...“. Он произносит замечательную речь, живую и непосредственную. И очень искреннюю.

„...Что бы я ни делал, вся моя душа рвется к этому роману ... Я уверен, что не найдется человека в мире, который, прочитав начало романа, не захотел прочитать его до конца...“

И далее так благородно: **„Я считаю себя писателем неплохим, как и вы все, но считаю, что я не дорос еще до написания такой книги. Я не боюсь сказать все хорошие слова в адрес этой книги... Я считаю, что это замечательная книга. У меня не хватает эмоций, умения, разумения, может быть образования, чтобы оценить полностью эту книгу“**.

Авдеенко приводит цитаты из романа Гроссмана, читает их, восхищается ими. И заключает:

„Еду ли я по Москве, завтракаю ли или еще что-то делаю, весь строй моих мыслей вращается вокруг этого произведения“. <...>

Авдеенко напоминает, что роман Гроссмана в номере 10 „Нового мира“ оказался рядом с романом Симонова. И говорит, что Симонову невыгодно такое соседство. У Симонова, говорит он, **„роман плоский, как монгольская пустыня...“** [Там же: 150].

Для автора выделенных слов одним из критериев оценки художественного произведения является эмоциональное воздействие на читателя.

«Гоффеншефер — знающий и серьезный критик <...>: „...Я поражаюсь, как Гроссман восстановил эту картину боя, не заложив в нашу душу сомнения в правдивости изображения. Эта сцена написана кровью сердца, только художник, который вжился всем своим существом в ощущение солдата, мог создать такой эпизод, и мне кажется, что он является типичным для манеры художника Гроссмана“» [Там же: 151].

Для автора выделенных слов одним из критериев оценки художественного произведения является правдивость и психологизм изображения.

Как видно, получив от власти положительную оценку романа в виде выдвижения его на Сталинскую премию, члены заседания ощутили свободу для высказывания своих мнений. Поэтому они искренне положительно характеризовали роман и аргументировали свои оценки романа с точки зрения своих представлений о критериях качества художественного произведения.

Теперь обратимся к выведению образа предполагаемого адресата выступлений.

Р. Водак, опираясь на наблюдения Гилля Сайделя, утверждает, что политический дискурс и политический текст конфликтны сами по себе, «поскольку одновременно должны быть выполнены многие функции и реализованы многие мотивы» [Водак 1997: 26]. Исследовательница, объясняя отражение работы идеологической машины в дискурсе, говорит, что текст призван «убеждать, агитировать, пропагандировать», при этом должна быть очевидной связь каждого его конкретного пункта «с убедительной идеологией данной партии, <...> т. е. каждое требование, каждый поступок должны быть аргументативно связаны с ценностями, традициями и идеологией» [Там же]. Поэтому вероятнее всего предположить, что с точки зрения постулатов Качества писатели аргументировали свои оценки для тех адресатов, которые не были расположены высказываться и, возможно, придерживались отрицательной оценки романа.

Роман был выдвинут на Сталинскую премию.

4. Образы авторов и адресатов выступлений на заседании 16 января 1953 года

Октябрьское заседание секции прозы Союза советских писателей проходило в атмосфере обострения государственного антисемитизма, проявившегося в так называемом «деле врачей». «Первой жертвой „дела врачей“ стал профессор Яков Этингер — личный врач Берии. <...> Осенью 1952 года

последовал арест девяти виднейших врачей, среди которых был и личный врач Сталина В. Н. Виноградов, а также профессора Вовси, Фельдман, Гирнштейн <Так в тексте. Видимо, Гринштейн. — И. Б.>, Яков Раппопорт и другие» [История России 2009: 257].

13 января 1953 года в газете «Правда» появилась статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», «обвинявшая ведущих профессоров медицины в том, что они, в сговоре с американской разведкой и сионистскими организациями, убивали советских лидеров и военачальников» [Там же: 256]. В статье, в частности, говорилось: «Участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, злодейски подрывали здоровье последних... Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища Жданова, умышленно скрыли имеющийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища Жданова... Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, советский народ раздавит, как омерзительную гадину» [Там же: 256—257]. Появление этой статьи официально оформило отношение власти к интеллигентам с еврейскими фамилиями и, следовательно, обусловило отрицательную оценку романа В. Гроссмана.

Через три дня после публикации статьи в газете «Правда», 16 января 1953 г., «состоялось обсуждение романа на редакционном совете издательства „Советский писатель“. Председатель — главный редактор издательства Николай Васильевич Лесючевский» [Берзер 1990: 153].

Заседание редакционного совета издательства «Советский писатель» 16 января 1953 года повторило модель заседания 13 октября 1952 года: присутствовавшие на нем писатели аргументировали данную «сверху» оценку, на этот раз — отрицательную.

Проанализируем образы авторов выступлений.

«Докладчиком, — вспоминает А. Берзер, — на заседании была старший редактор издательства Клавдия Сергеевна Иванова.

Клавдия Сергеевна Иванова в этих обстоятельствах не случайно оказалась редактором романа Гроссмана. Ее задача — провести роман через редсовет. Она уже написала свое редакционное заключение. Она встречалась с Василием Семеновичем и ссылается на его слова. Она знает об отношении Фадеева. Говорит открыто и прямо о героическом образе народа в романе „За правое дело“.

„Это очень большой труд. Автор посвятил ему десять лет. Неоднократно роман перерабатывался, дважды был в ЦК партии, дважды его редактировал Александр Александрович Фадеев. Последняя редакция романа — Фадеева“ [Там же: 154—155].

Как видно, автор, несмотря на известную официальную точку зрения, дает положительную оценку роману, на основании чего можно утверждать, что автор является мужественным и принципиальным человеком, стремящимся в любых обстоятельствах отстаивать свою точку зрения.

Остальные члены заседания дали роману безоговорочно отрицательную оценку. При этом отрицательную оценку они поддерживали так называемыми произвольными доводами, не связанными с выдвинутыми тезисами [ср.: Купина 2012; Никифорова 2013]. С. И. Поварнин характеризовал произвольные доводы как «вовсе не очевидные и не доказательные», т. е. такие, которые не могут являться аргументом, т. к. сами не доказаны [Поварнин 1994: 105].

Рассмотрим выступление И. Арамилева.

«И вот, — продолжает А. Берзер, — выступает Иван Арамилев. Ведет он свою речь так, будто всем и давно хорошо известно, какой это неудачный и порочный роман... И начинает топтать, топтать: „В качестве эпопеи роман не выдерживает критики“, „Защитники Сталинграда даны без биографии, без психологии, без раскрытия душевного мира. Они обеднены чрезвычайно“. <...>

„Батальонный комиссар Крымов... Не знаю, почему товарищ Иванова называет его крупным политработником... О нем сказано очень много. Он тоже ничего не делает... Такая фигура, как Штрум... Я не понимаю роли этого персонажа в романе, его назначения“. <...>

„Видимо, автор хотел изобразить Штрума чем-то вроде идейно-философского фонаря, который освещает события. Но Штрум — не фигура! Свет этого фонаря тусклый, фальшивый“, — повторялся Арамилев. <...>

„Я считаю, — заявляет Арамилев, — очень серьезным недостатком изображение Гитлера. Давайте вспомним, как Фейхтвангер изображал фашизм — он видел основное зло фашизма в его отношении к еврейству, и с этих позиций еврейского буржуазного националиста он изображает фашизм... И естественно, когда американский фашизм снял этот лозунг, у Фейхтвангера не оказа-

лось никаких разногласий с американским фашизмом...“ [Берзер 1990: 157].

«„Что получилось у Гроссмана? — продолжает Арамилев. — Он раскрывает Гитлера на еврейском вопросе, показывает разногласия между Гитлером и Гиммлером — Гиммлер хочет уничтожить евреев с музыкой и цветами, а Гитлер — поделовому. Выпячивается на первый план эта проблема, как будто бы самое характерное, с точки зрения Гроссмана, в фашизме. И, естественно, что здесь Гроссман скатывается на сионистские позиции Фейхтвангера, а надо раскрывать фашизм в том плане, как это сделано товарищем Сталиным...“ [Там же: 157—158].

Как видно, аргументы, приводимые И. Арамилевым в поддержку отрицательной оценки романа — *В качестве эпопеи роман не выдерживает критики; Защитники Сталинграда обеднены чрезвычайно; непонимание мнения К. С. Ивановой и непонимание роли Штрума в романе; название очень серьезным недостатком изображение Гитлера; Гроссман скатывается на сионистские позиции Фейхтвангера*, — не объясняют высказываемое мнение, а сами требуют доказательства. Именно такие аргументы С. И. Поварнин называл произвольными доводами.

Кроме того, И. Арамилев использует палочные доводы. С. И. Поварнин писал, что «палочным доводом называется довольно некрасивая уловка, состоящая в том, что приводят такой довод, который противник, по соображению софиста, должен принять из боязни чего-нибудь неприятного, часто опасного, или на который он не может правильно ответить по той же причине и должен или молчать, или придумывать какие-нибудь „обходные пути“». — Это, в сущности, разбой в споре» [Поварнин 1994: 69].

Примером палочных доводов в выступлении И. Арамилева является обвинение В. Гроссмана в том, что он *скатывается на сионистские позиции Фейхтвангера*, и утверждение, что *надо раскрывать фашизм в том плане, как это сделано товарищем Сталиным*. Естественно, что такие заявления вызывали боязнь не только за судьбу романа, но и за свою жизнь и заставляли человека либо молчать, либо искать обходные пути для ответа.

Далее выступавшие писатели вслед за И. Арамилевым использовали произвольные и палочные доводы.

«Анна Караваева, — продолжает А. Берзер, — спорит с Ивановой о композиции: композицию надо менять. „Очень большие претензии у меня к образу Крымова“, — говорит она. И у нее, как у Арами-

лева, „*есть беспокойство относительно выпячивания еврейского вопроса*“.

Один герой, по мнению Караваевой, „действует мало“, другой — много... Почему один куда-то поехал, а другой — оттуда уехал?» [Берзер 1990: 159].

Как видно, А. Караваева приводит произвольные доводы, не объясняя, почему композицию надо менять и почему у нее очень большие претензии к образу Крымова. Палочным доводом в ее выступлении является сообщение о том, что у нее *есть беспокойство относительно выпячивания еврейского вопроса*.

«Александр Чаковский <...> „О некоторых вещах мы должны условиться сейчас“, — считает Чаковский. „То, что говорила товарищ Иванова, принять все-таки нельзя, потому что издательство не будет гарантировано тогда...“ Так фактически он и Ивановой выражает недоверие. „...Мне кажется, — продолжает Чаковский, — что надо раз и навсегда решить вопрос о героях. Я абсолютно не согласен с Ивановой... Мы должны стоять на точке зрения правильного подсказывания автору его недостатков...“ <...>

„Таким образом, мне кажется, что это вопрос бесспорный, и мы должны со всей серьезностью указать Гроссману на то, чтобы он стал здесь на правильный исторический путь“» [Там же: 161].

Как видно, А. Чаковский приводит произвольные доводы, не объясняя, в чем он не согласен с точкой зрения К. С. Ивановой, как он предлагает решить вопрос о героях и в чем заключается правильное подсказывание автору его недостатков и правильный исторический путь. В то же время доводы о правильности являются палочными, поскольку против *правильного* возражать нельзя.

«Выступает потом критик И. Гринберг, который за свою жизнь написал много статей и книг. Он, как всегда, „согласен с товарищами, которые очень верно и с разных сторон“ подошли к роману. Но выдвигает и новое обвинение: „...То, что Гроссман погубил в самом начале Сталинградской битвы Вавилова, который и появился-то в романе как представитель народных масс, как русский колхозник, гвардии колхозный активист...“.

Потом Гринберг присоединяется к тому, о чем, по его словам, „первым заговорил Иван Андреевич Арамилев...“

„Говорить об истреблении евреев — это значит говорить об одном внешнем проявлении...“» [Там же: 161—162].

И. Гринберг также приводит произвольные доводы, не объясняя, в чем заключается вер-

ная оценка романа и почему он ставит в вину В. Гроссману, что в романе погибает неглавный герой. Палочным доводом является упоминание об истреблении евреев.

Таким образом, анализ выступлений писателей на обсуждении романа В. Гроссмана дает основания для выведения следующего образа автора. Выступавшие не руководствовались какими-либо критериями оценки романа и, не опираясь на логически некорректную аргументацию, высказывали негативную оценку романа, чего ожидала от них власть.

По мнению Т. А. ван Дейка, изложение идеологии не требует аргументации. Вот что он пишет: «Идеология — это просто набор убеждений и оценок. Ее социокогнитивная природа включает в себя большее количество элементов. <...> Идеология представляет собой комплексную когнитивную систему, контролирующую формирование, трансформирование и применение других социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая и социальные предубеждения. Эта идеологическая система состоит из социально релевантных норм, целей и принципов, которые отобраны, соотношены и применены таким образом, чтобы они могли поддержать восприятие, интерпретацию и действия в социальных практиках, направленных на защиту базовых интересов группы. В этом случае идеология предписывает когерентность социальных оценок, что в свою очередь тоже детерминирует социальные практики. Нужно подчеркнуть, что идеологические социальные знания — это система убеждений или мнений, принадлежащих не индивидам, а, главным образом, членам социальных формаций и институтов» [Ван Дейк 2015: 54].

Теперь обратимся к выведению из речей выступавших образа их предполагаемого адресата.

Аргументация К. С. Ивановой была направлена сторонникам негативной оценки романа. Зная отрицательную оценку романа, она выбрала аргументы, которые были связаны не с правдивостью или психологизмом, а, во-первых, с длительным сроком написания романа (*Автор посвятил ему десять лет. Неоднократно роман перерабатывался*), во-вторых, с его оценкой партийными органами и непосредственно А. Фадеевым (*Роман дважды был в ЦК партии, дважды его редактировал Александр Александрович Фадеев. Последняя редакция романа — Фадеева*).

Остальные писатели понимали, что от них требуются формальные выступления с отрицательной оценкой романа. Следовательно, вместо содержательной аргументации они приводили бездоказательные произвольные доводы.

В своей статье о дискуссиях сталинского времени В. Н. Базылев говорит о том, что при всей неоднозначности и противоречивости оценок дискурсной практики и всей эпохи второй четверти XX в. «не подлежит сомнению, что в основании той дискурсной практики лежала идея пересмотра содержания реальности как исходной точки новой картины мира. Реальность при этом воспринималась как культурный акт творения, совершаемый автором» [Базылев 2014: 23—25].

Страна и ее культура жили под давлением разработанного еще Лениным принципа партийности, призванного придавать «знанию и его речевому воплощению пропагандистский характер» [Романенко 2003: 73—74]. Партийность являлась той категорией, которая семiotически разграничивала «своих» и «чужих», так как характеризовала только советскую риторику и, следовательно, отсутствовала у врагов. И поэтому, если человек не придерживался принципа партийности, он автоматически попадал во «враги».

Выводы

Подводя итог, можно сказать следующее.

1. Лингвистический анализ текстов публичных выступлений советского периода дает основания для реконструкции образов их автора и предполагаемого адресата.

2. Во время первого заседания по выдвижению романа В. Гроссмана «За правое дело» на Сталинскую премию его участники были осведомлены об официальной положительной оценке романа, вследствие чего свободно и искренне высказывали различные аргументы в ее пользу, показывая свою приверженность к разным критериям оценивания литературного мастерства.

3. Во время второго заседания по осуждению романа В. Гроссмана «За правое дело» его участники были осведомлены об официальной негативной оценке романа, вследствие чего, соблюдая видимость обсуждения, аргументировали ее произвольными доводами, носившими голословный характер.

4. Адресатом публичных речей в обоих случаях была власть, и поэтому либо высказываемые писателями мнения не должны были расходиться с ее точкой зрения, либо аргументация должна была строиться на критериях, разделяемых властью, как это было в речи К. С. Ивановой.

Очень четко определил особенности риторики советского времени сам В. Гроссман. В повести «Все течет» он писал: «Хотя принцип государства без свободы требовал, чтобы именно так обстояло дело, чтобы Сталин решал все вопросы без изъятия. Но физически это оказалось невозможно, и вто-

ростепенные вопросы решали доверенные люди Сталина, решали всегда одинаково в духе Сталина.

Только поэтому они были доверенными людьми Сталина или доверенными его доверенных. Их решения были объединены одной общей чертой — независимо от того, касались ли они постройки гидростанции в нижнем течении Волги либо посылки на двухмесячные курсы доярки Анюты Феоктистовой — они выносились в духе Сталина. Суть ведь была в том, что дух Сталина и дух государства были едины.

Доверенные Сталина-Государства сразу были видны на любых заседаниях, собраниях, летучках, съездах — с ними никто никогда не спорил: они ведь говорили именем Сталина-Государства.

То, что государство без свободы всегда действовало от имени свободы и демократии, боялось ступить шаг без упоминания ее имени, свидетельствовало о силе свободы. Сталин мало кого боялся, но постоянно и до конца своей жизни он боялся свободы, — убив ее, он заискивал перед ею мертвой» [Гроссман 2005: 532].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардов М. Легендарная Ордынка. Портреты: воспоминания. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.
2. Базылев В. Н. Сталинские дискуссии: дискурсные параллели // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 23—29.
3. Бакланова И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: сходства и различия // Русский язык в школе. 2012. № 10. С. 59—65.
4. Бакланова И. И. О соотношении источников сведений об образе автора и образе адресата мемуарного текста // Гуманитарный вектор. 2013. № 4. С. 33—39.
5. Бакланова И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста. — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2014.
6. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... д-ра филол. наук. — М.: Институт русского языка, 1990.
7. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собр. соч.: в 7 т. / М. М. Бахтин. — М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 287—297.
9. Берзер А. Прощание // Жизнь и судьба Василия Гроссмана / С. И. Липкин. Прощание / А. Берзер. — М.: Книга, 1990.
10. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2015.
11. Виноградов В. В. О теории художественной речи. — М.: Высшая школа, 1971.
12. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. С. 176—239.
13. Водак Р. Лингвопрагматика // Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. — Волгоград: Перемена, 1997. С. 24—34.
14. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981.
15. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Вып. 25. С. 9—19.
16. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. С. 217—237. (Новое в зарубежной лингвистике; вып. 16).

17. Гроссман В. С. Избранное. В городе Бердичеве. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005.
 18. История России. XX век: 1939—2007. — М.: Астрель : АСТ, 2009.
 19. Купина Н. А. Советский конформизм в зеркале языка // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 27—32.
 20. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. URL: http://modernlib.ru/books/mandelstam_nadezhda_yakovlevna/vospominaniya/read/ (дата обращения: 26.07.2013).
 21. Мищук О. Н. Аргументативные ошибки как ракурс персуазивного речевого воздействия в публичных политических выступлениях (на материале публичных выступлений Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 13—17.

22. Никифорова О. О. Дескридация противника в парламентских дебатах // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 129—135.
 23. Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора. — Псков : Изд-во Псков. обл. ин-та усовершенствования учителей, 1994.
 24. Романенко А. П. Образ ратора в советской словесной культуре. — М.: Флинта : Наука, 2003.
 25. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Семиотика искусства / Б. А. Успенский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 9—218.
 26. Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка. — М.: ИНФРА-М, 2012.
 27. Червински П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 55—73.

I. I. Baklanova
 Moscow, Russia

PUBLIC SPEECHES OF THE SOVIET PERIOD: THE IMAGE OF THE AUTHOR AND THE IMAGE OF THE ADDRESSEE (BASED ON THE V.GROSSMAN'S NOVEL INTERPRETATION "FOR A JUST CAUSE")

ABSTRACT. *The paper studies implicit representation of the images of the author and addressees in public speeches of the Soviet period. The material for this research are the records of meetings to discuss V.Grossman's novel "For a Just Cause". The first meeting was held on October 13, 1952, it was connected with the nomination of the novel for Stalin's award. The second meeting took place on January 16, 1953 and was caused by the "Doctor's plot". It is shown that the image of the author may be brought out from the content of the novel on the basis of B.A. Uspensky's typology of observer's views; the image of the addressee may be accumulated on the basis of the postulates of verbal communication by H.P. Grice and the accounts of how the information is presented in the text. The analysis showed that the images of the public speeches authors indicate devotion of the Soviet writers to the principles of the Soviet rhetoric. The image of an addressee shows that the text addressed the authorities, whose support was so important for the writers, rather than the participants of the meetings. During the first meeting its participants were aware of the positive evaluation of the novel by the authorities and they gave arguments for the novel, showing their commitment to different criteria of literary work assessment. During the second meeting, the participants new about the negative evaluation of the novel, and as a result they gave different arguments against it, most of which were proofless.*

KEYWORDS: *the image of author; the image of addressee; public speech; the Soviet period; political discourse; political rhetoric; Russian literature; Russian writers.*

ABOUT THE AUTHOR: *Baklanova Irina Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Ardov M. Legendarnaya Ordynka. Portrety: vospominaniya. — М.: B.S.G.-Press, 2001.
2. Bazylev V. N. Stalinskie diskussii: diskursnye paralleli // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48). С. 23—29.
3. Baklanova I. I. Obraz avtora i obraz adresata nekhudozhestvennogo teksta: skhodstva i razlichiya // Russkiy yazyk v shkole. 2012. № 10. С. 59—65.
4. Baklanova I. I. O sootnoshenii istochnikov svedeniy ob obraze avtora i obraze adresata memuarnogo teksta // Gumanitarnyy vektor. 2013. № 4. С. 33—39.
5. Baklanova I. I. Obraz avtora i obraz adresata nekhudozhestvennogo teksta. — М.: Gos. IRYa im. A. S. Pushkina, 2014.
6. Baranov A. N. Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod) : dis. ... d-ra filol. nauk. — М.: Institut russkogo yazyka, 1990.
7. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku : ucheb. posobie. — М.: Editorial URSS, 2001.
8. Bakhtin M. M. Yazyk v khudozhestvennoy literature // Sobr. soch. : v 7 t. / M. M. Bakhtin. — М.: Russkie slovari, 1996. T. 5. S. 287—297.
9. Berzer A. Proshchanie // Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana / S. I. Lipkin. Proshchanie / A. Berzer. — М.: Kniga, 1990.
10. Van Deyk T. A. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — М.: URSS : LIBROKOM, 2015.
11. Vinogradov V. V. O teorii khudozhestvennoy rechi. — М.: Vysshaya shkola, 1971.
12. Vinogradov V. V. Stil' «Pikovoy damy» // O yazyke khudozhestvennoy prozy / V. V. Vinogradov. — М.: Nauka, 1980. S. 176—239.
13. Vodak R. Lingvopragmatika // Yazyk. Diskurs. Politika / R. Vodak. — Volgograd : Peremena, 1997. S. 24—34.
14. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — М.: Nauka, 1981.
15. Gol'din V. E., Sirotinina O. B. Vnutrinatsionalnye rechevye kultury i ikh vzaimodeystvie // Voprosy stilistiki. Problemy kultury rechi. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1993. Vyp. 25. S. 9—19.
16. Grays G. P. Logika i rechevoe obschenie // Lingvisticheskaya pragmatika. — М.: Progress, 1985. S. 217—237. (Novoe v zarubezhnoy lingvistike ; vyp. 16).
17. Grossman V. S. Izbrannoe. V gorode Berdicheve. — Ekaterinburg : U-Faktoriya, 2005.
18. Istoriya Rossii. KhKh vek: 1939—2007. — М.: Astrel' : AST, 2009.
19. Kupina N. A. Sovetskiy konformizm v zerkale yazyka // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). С. 27—32.
20. Mandel'shtam N. Ya. Vospominaniya. URL: http://modernlib.ru/books/mandelstam_nadezhda_yakovlevna/vospominaniya/read/ (data obrashcheniya: 26.07.2013).
21. Mishchuk O. N. Argumentativnye oshibki kak rakurs persuazivnogo rechevogo vozdeystviya v publichnykh politicheskikh vystupleniyakh (na materiale publichnykh vystupleniy B. Obamy) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48). С. 13—17.
22. Nikiforova O. O. Deskrityatsiya protivnika v parlamentskikh debatakh // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). С. 129—135.
23. Povarnin S. I. Spor. O teorii i praktike spora. — Pskov : Izd-vo Pskov. obl. in-ta usovershenstvovaniya uchiteley, 1994.
24. Romanenko A. P. Obraz ratora v sovetskoy slovesnoy kul'ture. — М.: Flinta : Nauka, 2003.
25. Uspenskiy B. A. Poetika kompozitsii // Semiotika iskusstva / B. A. Uspenskiy. — М.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. S. 9—218.
26. Fedosyuk M. Yu. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. — М.: INFRA-M, 2012.
27. Chervinski P. Yazyk sovetskoy deystvitel'nosti: semantika pozitiva v oboznachenii lits // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). С. 55—73.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

С. П. Васильева
Красноярск, Россия

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «МИР» В РЕГИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СИБИРЯКОВ¹

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ ассоциативного поля «Мир», сгенерированного по результатам массового ассоциативного эксперимента в Приенисейской Сибири и размещенного в электронной базе данных «Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири» (ЭОАСПС). Электронная база данных создана по аналогии с Русским ассоциативным словарем (РАС) и имеет «прямой» и «обратный» входы. По модели, предложенной А. А. Залевской и апробированной неоднократно в психолингвистических исследованиях, на основе данных «Электронного обратного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири» (от реакции к стимулу) сформировано ядро языкового сознания (ментальный лексикон) сибиряка. Выбор ассоциативного поля «Мир» обусловлен высокой частотностью ассоциативных связей слова мир в ассоциативной вербальной сети. На основе сопоставления данных поля «Мир» (от реакции к стимулу) в РАС-2 и ЭОАСПС выявляется динамика ценностных смыслов в региональном языковом сознании. В результате анализа удалось определить набор ценностей в рамках поля «Мир», характерных для русского языкового сознания, независимых от времени и места: противопоставление «мир» — «война» (это значит, что на стимул «война» наиболее частотная реакция русского человека — «мир»). Наиболее значимы такие характеристики мира, как «древний», «огромный», «материальный», «весь». Наличие изменений в языковом сознании сибиряка подтверждается появлением в ядерной зоне поля определений «другой», «изменчивый» как ощущения перемен постперестроечного периода, поддерживаемого в зоне ближней периферии словами «хаос», «хаотичный», «темный», «несчастный», «глупый».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковое сознание; ассоциативные эксперименты; сибиряки; психолингвистика; ассоциативные поля; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Васильева Светлана Петровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; e-mail: vasileva@kspsu.ru.

Понятие ценности в разных сферах знания трактуется по-разному. Кроме того, содержание понятия варьируется в зависимости от времени, места, общественной группы, конкретных обстоятельств. «Ценность — то, чему человек осознанно назначает высокую цену, чем дорожит и ради чего готов жертвовать чем-то другим, платить усилиями, временем или деньгами. Это то, в безусловную важность чего человек верит, ради чего он живет, к чему стремится и чем руководствуется в своем выборе» [Козлов 2017]. Любое общество характеризуется своей системой ценностей. Таким образом, ценность — это продукт человеческого сознания, сформированный на основе опыта. Любая социальная наука — философия, психология, языкознание — задается целью определить и измерить систему ценностей индивида и общества. Необходимость определить и измерить систему ценностей привела к формированию такой отрасли науки, как аксиометрия — изучение и «измерение» ценностей в социокультурном и историческом аспектах. К методикам в сфере гуманитарных наук относятся:

- 1) тесты (направленные на изучение мотиваций и личностных выборов);
- 2) проективные методики (предполагающие «проигрывание» аксиологической проблематики в условно-задаваемых ситуациях и режимах);
- 3) аксиобиографические методики (ориентированные на выявление личностных смыслов респондентов и наиболее значи-

мых, аксиологически окрашенных событий их жизни);

4) методы социопсихолингвистики или семиосоциопсихологии (позволяющие фиксировать смысловую воспринимаемость речи, текстов и сообщений);

5) контент-анализ (измерение «встречаемости» и частотности аксиологически значимых единиц-сигналов) и информационно-целевой (смысловой, содержательный) анализ текстов и любых иных знаково закрепленных продуктов человеческой деятельности;

6) социометрия (фиксация и анализ предпочтений в социальных группах);

7) метод семантического дифференциала (основанный на шкальном измерении ценности через характеризующие ее антонимические пары прилагательных);

8) работа в фокус-группах (основанная на сценариях представления и обсуждения той или иной проблематики в режиме групповой работы);

9) методы статистической обработки и качественного анализа получаемых результатов [Шохин, Абушенко 2016].

В рамках языкознания наиболее плодотворными в этом направлении оказались достижения психолингвистики как интегративной науки. Данное исследование преследует цель выявить динамику ценностных смыслов в региональном языковом сознании сибиряков на материале ассоциативного поля «Мир». Основным методом — анализ и интерпретация экспериментальных данных.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Красноярского края фонда в рамках проекта № 16-14-24003 «Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири»

Источником послужила электронная база данных «Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири» (обратный вход) [Васильева, Васильев, Мамаева, Устьянцева, Шибяев 2016], созданная в 2013—2017 гг. по типу РАС-2 [Караулов, Сорокин, Тарасов, Уфимцева, Черкасова 1994—1998], являющаяся результатом массового ассоциативного эксперимента и включающая около 2000 анкет испытуемых разного возраста, проживающих на территории Приенисейской Сибири, имеющая «прямой» и «обратный» входы.

Используя полученную ассоциативную вербальную сеть (АВС) «Обратного электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири», мы получили набор наиболее частотных ассоциативно-вербальных связей, т. е. ментальный лексикон регионального носителя. Набор лексических единиц, отличающихся наибольшим количеством ассоциативно-вербальных связей, называют «ядром ментального лексикона», или «ядром языкового сознания». Выделение единиц по мере снижения частотности ассоциативных связей формирует ближнюю и дальнюю периферию.

Теоретической базой исследования послужила предложенная А. А. Залевской концепция слова как средства доступа к единой информационной базе человека как сложному продукту перцептивно-когнитивно-аффективной переработки индивидом его многогранного опыта познания и общения [Залевская 1977]. При таком подходе ментальный лексикон трактуется как функциональная динамическая (самоорганизующаяся) система, как постоянное взаимодействие ансамбля психических процессов и их продуктов при динамике разных уровней осознанности: то, что находит выход в «окно» сознания и поддается вербализации, базируется на широких кругах выводных знаний, описываемых спиралевидной моделью идентификации слова и понимания текста [Залевская 1988]. По методике А. А. Залевской были описаны ядро языкового сознания русских и славян [Уфимцева 2003: 139—162], испанцев [Караулов 2000: 191—206].

Данной теме посвящено довольно большое количество научных трудов. Н. О. Золотова в докторской диссертации «Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык» отмечала: «На основании анализа ядра как более или менее стабильного образования в ментальном лексиконе делается вывод о системности образов сознания носителей того или иного языка, их системе ценностей с акцентированием внимания на национально-культурной специфике языкового сознания [Уфимцева 1996] <...>

Таким образом, в центре внимания оказываются проблемы сходства и различия образов сознания разных этносов или проблемы модусов существования языковой личности. Очевидно, назрела необходимость переключения внимания на самую суть ядра ментального лексикона как функциональной основы, обеспечивающей общее психическое и языковое развитие человека независимо от его этнической принадлежности, с одной стороны, и его ориентацию в хаотическом мире, с другой» [Золотова 2005].

Работа с базой данных «Обратный электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири» дает возможность выявить ядро языкового сознания сибиряка, т. е. ментальный лексикон, по модели А. А. Залевской [Залевская 1990: 148]. Это 75 единиц с максимальным количеством ассоциативных связей. В результате анализа массива содержащихся в ассоциативном тезаурусе ОЭАСПС данных выделен следующий набор слов: 2 из них вызваны более чем 1000 разных слов-стимулов (*человек, деньги*); 2 — более 700 (*друг, дом*); 3 — более 500 (*день, мир, домой*); 2 — более 400 (*жизнь, язык*); 14 — более 300 (*время, жизни, плохо, вода, большой, хорошо, ребенок, отдых, работа, любовь, еда, цвет, дома, вопрос*); 36 — более 200 (*характер, дело, вид, мужчина, боль, парень, далеко, поступок, власть, зло, свет, лес, фильм, болезнь, машина, письмо, дверь, радость, город, взгляд, путь, сила, смерть, поезд, телефон, разговор, счастье, море, быстро, я, война, много, умный, жить, стул, все*); 14 — более 100 (*экзамен, дорога, страх, Россия, пол, добро, России, есть, писатель, солнце, семья, хороший, игра, помощь*).

Максимальная частота выделенных ассоциативных связей позволяет говорить о них как о базовых ценностях регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири.

Такие ценности ядра языкового сознания сибиряка, как «Человек» [Васильева 2015], «Деньги» [Васильева 2016], «Дом» [Васильева 2014], были рассмотрены нами ранее. Обращение к ассоциативному полю «Мир» обусловлено расположением слова в списке единиц ядра языкового сознания сибиряков на 6-м месте с частотой связей 528. Немаловажен содержательный аспект понятия, отраженный в когнитивной терминологии: «картина мира», «образ мира». Исследователи замечают: «Формируемый через посредство ядра лексикона образ мира отражает „наивный реализм“ носителя языка, для которого характерно ставить себя (человека) в центр мироздания. В ядре лексикона сконцен-

трированы актуальные для человека образы действительности в их взаимосвязях и отношениях: расположение этих образов в ментальном пространстве обнаруживает универсальный характер по линии фабульного построения: „Вселенная — Человек — Человек и Вселенная“ [Золотова 2005].

Осознание и словесное определение окружающего мира есть способ выявления ценностного аспекта картины мира. Существуют различные примеры репрезентации образа «Мир». В частности, концепт МИР рассматривался Т. И. Шутовой в американском дискурсе противодействия терроризму 1970—2012 г. и анализировался ею в динамике методом дискурс-анализа. Выбор автора обусловлен тем, что слово *мир* оказалось ключевым в исследуемом корпусе текстов. В результате был получен следующий вывод: «Наиболее очевидным в концептуализации мира в американском дискурсе противодействия терроризму является репрезентация мира как опасного и нестабильного, противопоставление „цивилизованного“ западного мира арабскому миру и позиционирование США как определяющей силы в борьбе с террористическими угрозами миру» [Шутова 2016: 96].

Обращаясь непосредственно к нашей задаче, рассмотрим ассоциативное поле «Мир» в Русском ассоциативном словаре (РАС-2, 1994—1998) и «Обратном электронном ассоциативном словаре Приенисейской Сибири» (ОЭАСПС, 2013—2016).

В РАС-2 обнаруживаем 1615 стимулов, вызвавших реакцию *мир*, в ОЭАСПС — 528 стимулов. Поскольку объем сопоставляемой информации различен, обратимся к нормализации по частоте, т. е. к процентной значимости каждого стимула, вызвавшего реакцию мир.

Выделим ядерную зону поля «Мир» в РАС-2 и ОЭАСПС на основе количественной

значимости: это первая десятка слов по количеству ассоциативных связей. В таблице они расположены в порядке убывания. Во второй и четвертой колонке таблицы 1 число рядом со словом обозначает количество связей, в третьей и пятой — процентную долю слова в пределах поля.

Важно отметить наличие совпадений (выделены шрифтом), так как рассматриваются материалы ассоциативного эксперимента одной национальной общности, но различающиеся территориально и по времени; всего совпало 5 стимулов: «война», «древний», «огромный», «материальный», «весь». Это составляет 50 % слов ядерной зоны поля и свидетельствует о наличии общей базовой части ядра поля, независимой от времени и места проживания.

Наиболее яркие связи — антонимические, как в РАС-2, так и в ОЭАСПС: «мир» — «война». Следует заметить, что в лексикографическом описании толковых словарей [Ожегов, Шведова] существуют омонимы *Мир-1* с первым значением «*Вселенная*» и *Мир-2* с первым значением «*согласие*». Данная ассоциативная связь обоих словарей репрезентирует лексикографическое значение слова *Мир-2* — «*согласие*». Нормализация по частоте показывает самый высокий статус этой связи ассоциативного поля «Мир» в языковом сознании русского человека, независимо от места и времени.

На 2-м месте по количеству связей следуют определения слова «мир», список которых в РАС-2 возглавляет слово «древний» (отражение 4-го значения слова *Мир-1* — «*объединенное по каким-н. признакам человеческое общество, общественная среда, строй*» [Ожегов, Шведова]), в ОЭАСПС — слово «другой» (отражение того же значения слова *Мир-1*) как свидетельство перемен, ощущение границы, за которой мир осознается как другой.

Таблица 1. Ядро ассоциативного поля «Мир»

Номер	РАС	РАС, %	ЭАСПС	ЭАСПС, %
1	Война — 92	5,70	Война — 36	6,82
2	Древний — 78	4,83	Другой — 34	6,44
3	Огромный — 70	4,33	Весь — 28	5,3
4	Преступный — 67	4,15	Древний — 27	5,11
5	Материальный — 57	3,53	Остальной — 23	4,36
6	Буржуазный — 55	3,41	Материальный — 22	4,17
7	Новый — 45	2,79	Изменчивый — 21	3,98
8	Необъятный — 43	2,66	Огромный — 16	3,03
9	Животный — 41	2,54	Жестокий — 13	2,46
10	Весь — 40	2,48	Современный — 11	2,08

На 3-м месте в РАС-2 — определение «огромный», которое в ОЭАСПС находится на 8-м месте, а в ОЭАСПС на 3-м месте — местоимение «весь». Оба слова осознаются как синонимы, отражающие восприятие мира, выходящего за пределы видимого и транслирующегося в словаре как 3-е значение *Мир-1* «Земной шар, Земля, а также люди, население земного шара» [Ожегов, Шведова]. На 8-м месте в РАС-2 — слово «необъятный», сопоставимое в ОЭАСПС с синонимом «огромный», содержащие экспрессивный компонент значения, отражающего эмоциональное восприятие большого мира, мира без границ.

В РАС-2 4-е место занимает определение «преступный», вероятно, как отражение ситуации 90-х гг. Определение переключается со словом «жестокый» в ОЭАСПС, которое занимает 9-е место. В XXI в. преступным мир назвать уже нельзя, но жестоким он остается. При этом характеристика по частоте слова «преступный» — 4,15 % — более чем в 1,5 раза превышает частоту определения «жестокый» — 2,46 %. Из этого можно заключить, что степень опасности окружающего мира в 2013—2016 гг. в восприятии сибиряка значительно ниже. Данная ассоциативная связь транслирует уже названное 4-е значение Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова].

На 7-м месте в РАС-2 — определение «новый» (можно предположить отражение прецедентности: журнал «Новый мир» или слова Интернационала: «Мы наш, мы новый мир построим»), в ОЭАСПС — «изменчивый», как отражение новой риторики, риторики реформ, бесконечных перемен (4-е значение слова *Мир-1* в словаре [Ожегов, Шведова]).

Характеристика мира с точки зрения времени в РАС-2 обозначена парой «древний — новый», в ОЭАСПС — «древний — современный», содержательно очень близких.

С точки зрения ментальной характеристики «свой — чужой» в РАС-2 «чужим» предстает мир «буржуазный», как отражение пред-

ставлений марксистско-ленинской философии о классовом строе, в ОЭАСПС — «остальной», противопоставленный «своему» миру, без какого-либо политического оттенка.

В РАС-2 на 9-м месте «животный» (мир), как противопоставление миру человека, репрезентирует 5-е значение «отдельная область жизни, явлений, предметов» [Ожегов, Шведова]. В ОЭАСПС все характеристики ядерной зоны поля «Мир» относятся к миру человека.

Таким образом, в центре ядерной зоны ассоциативного поля «Мир» как в РАС-2, так и в ОЭАСПС репрезентировано лексикографическое значение слова *Мир-2* — «согласие». Ассоциативные связи поля «Мир» в РАС-2 отражают 3, 4, 5 значения Толкового словаря русского языка. Ассоциативные связи ОЭАСПС — 3, 4 значения.

Околоядерная зона ассоциативного поля «Мир» включает 12 слов. При анализе важно помнить, что деление на зоны условно и границы между ними подвижны. Мы видим, что характеристики *Мира*, такие как «современный», «другой», в РАС-2 находятся в околоядерной зоне поля, в то время как в ОЭАСПС они отмечены в ядерной зоне.

Символ мира — «голубь» — в равной степени актуален для общерусского и регионального языкового сознания (под влиянием, вероятно, культурного символа и прецедентного сочетания *голубь мира*).

Околоядерная зона ассоциативного поля «Мир» характеризуется противопоставлением «внутренний — внешний» (5-е значение словаря [Ожегов, Шведова]). В РАС-2 внутренний мир репрезентируется словами «духовный», «прекрасный» (последнее определение может относиться и к внешнему миру). В околоядерной зоне поля ОЭАСПС нет слова «внутренний», есть местоимение «мой», которое включает компонент «внутренний». Кроме того, есть определения «богатый», «гармоничный», характеризующие внутренний мир. Позитивные характеристики внутреннего мира в РАС-2 и ОЭАСПС не совпадают, но очень близки по смыслу.

Таблица 2. Околоядерная зона ассоциативного поля «Мир»

РАС-2, %	ОАСПС, %
современный 1,73	наш 1,89
голубь 1,61	голубь 1,89
видеть 1,49	детский 1,52
внутренний 1,42	таинственный 1,52
свободный 1,42	изменить 1,52
внешний 1,24	открытый 1,33
увидеть 1,24	мой 1,33
духовный 1,11	хрупкий 1,33
подводный 1,11	внешний 1,33
прекрасный 1,05	богатый 1,33
другой 0,99	гармоничный 1,14
неизведанный 0,99	доброта 1,14

Таблица 3. Ближняя периферия ассоциативного поля «Мир»

Часть речи	РАС-2	ОАСПС
Имя прилагательное		
а) позитивнооценочные	светлый — 0,80 мирный — 0,68 органический — 0,68 разный — 0,62 будущий — 0,50 открытый — 0,50 большой — 0,43 людской — 0,43 целый — 0,43 пестрый — 0,37	прекрасный — 0,95 зеленый — 0,95 самобытный — 0,95 будущий — 0,76 разный — 0,76, большой — 0,76 подлинный — 0,57 живой — 0,57 социальный — 0,57 светлый — 0,57
б) негативнооценочные	жестокий — 0,68 потерянный — 0,56 странный — 0,56 враждебный — 0,5 крошечный — 0,4 старый — 0,43 атомный — 0,37	чужой — 0,95 хаотичный — 0,95 буржуазный — 0,57 темный — 0,57, несчастный — 0,57 глупый — 0,57
Местоимение	этот — 0,50 наш — 0,37 все — 0,31	все — 0,95
Глагол	познать — 0,68 открывать — 0,43 воссоздавать — 0,37	существовать — 0,76 увидеть — 0,76 возрождать — 0,57 договориться — 0,57 воссоздавать — 0,57
Имя существительное	труд — 0,80 человечество — 0,56	окно — 0,57 труд — 0,57 хаос — 0,57

Внешний мир в околядерной зоне РАС-2 определяется словами «свободный», «подводный», «прекрасный», «неизведанный», в ОЭАСПС — «таинственный», «открытый», «хрупкий», «доброта».

В околядерной зоне поля «Мир» ОЭАСПС отмечаем акцент в плане «свой — чужой» посредством местоимений «наш», «мой».

Околядерная зона поля «Мир» характеризуется появлением глагольной лексики. В РАС-2 отражен созерцательный характер отношения к миру посредством глаголов «видеть», «увидеть», в ОЭАСПС — активное, деятельное отношение, на которое указывает глагол «изменить».

К ближней периферии ассоциативного поля «Мир» мы отнесли 25 слов (см. табл. 3). Формальная структура зоны ближней периферии характеризуется преобладающим количеством имен прилагательных, как и ранее представленные зоны поля.

Имена прилагательные в РАС-2 репрезентированы 17 единицами, в ОЭАСПС — 16 единицами. Количественное сопоставление позитивнооценочных и негативнооценочных определений внутри зоны ближней периферии поля «Мир» в обоих словарях свидетельствует о почти равном соотношении: в РАС-2 — 10 к 7, в ОЭАСПС — 10 к 6. В том и другом случае преобладают позитивнооценочные прилагательные.

При сопоставлении обнаружено 4 совпадения, и все они из числа позитивнооценочных: «светлый», «разный», «будущий», «большой». Некоторые из несовпадающих слов соотносимы тематически (первое в паре взято из РАС-2, второе — из ОЭАСПС): «органический» — «живой», «людской» — «социальный», «пестрый» — «зеленый».

Среди негативнооценочных прилагательных совпадений не обнаружено. Соотносимые тематически определения: «странный» — «хаотичный», «враждебный» — «чужой». Некоторые определения, находящиеся в ядерной зоне РАС-2, обнаруживаются на периферии ОЭАСПС, и наоборот. Так, слово «буржуазный» находится в ядерной зоне поля РАС-2, в ОЭАСПС — в зоне ближней периферии. Слово «жестокий» в ОЭАСПС находится в ядерной зоне, а в РАС-2 — в зоне ближней периферии. Данные факты свидетельствуют о вариативности и подвижности границ зонирования в пределах одной культуры и общности на различных временных отрезках.

При анализе местоимений обнаруживаем совпадение — слово «все», которое в ОЭАСПС имеет нормализацию по частоте в 3 раза большую, чем в РАС-2. Местоимение «наш», актуализирующее ментальное противопоставление «свой — чужой», в РАС-2

находится в зоне ближней периферии, а в ОЭАСПС — в околоядерной зоне.

Глаголы в количественном отношении соотносятся в исследуемых словарях как 3 к 5. Среди глаголов есть одно совпадение — «воссоздавать», характеристика активного, деятельного начала русского сознания. Кроме него, в ОЭАСПС есть синонимичный глагол «возрождать» (возродить), имеющий синонимичное значение «восстанавливать» (восстановить) [Ожегов, Шведова]. Оба глагола содержат компонент «после разрушения»; возможно, это отражение перипетий исторических событий в России, когда народ вынужден восстанавливать разрушенное войной, революцией или перестройкой.

В РАС-2 глаголы «познать», «открывать» свидетельствуют о гносеологическом восприятии мира. В ОЭАСПС глагол «существовать» подчеркивает онтологический аспект сознания, глагол «увидеть» — созерцательное отношение к миру, глагол «договориться» свидетельствует о стремлении достигнуть соглашения с окружающим миром и/или людьми.

Среди имен существительных в зоне ближней периферии отмечается совпадение слова «труд», которое имеет значение *«целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей»* [Ожегов, Шведова], т. е. указывает на активное отношение к окружающему миру.

Слово «человечество» в ассоциативном поле РАС-2 перекликается с местоимением «все». Это говорит о том, что мир осознаётся как человеческое общество. В ОЭАСПС слово «окно» может быть связано с прецедентным выражением *«окно в Европу»*, символизирующим открытость, доступность для познания. Слово «хаос» в ОЭАСПС, обозначающее что-то непонятное, непознанное, перекликается с набором негативнооценочных прилагательных: «чужой», «хаотичный», «темный», «несчастный», «глупый». В древнейших мифологических представлениях хаос рисовался так: *«...беспорядочная материя, неорганизованная стихия, из которой образовалось впоследствии все существующее»* [Ожегов, Шведова].

В связи с тем, что значимость единиц ассоциативного поля с минимальным количественным показателем является малоинформативной, считаем, что нет необходимости обращаться к анализу зоны дальней периферии поля.

Подведем итоги, отметив общие и специфические черты ассоциативного поля «Мир» в двух обратных словарях, «от реакции к стимулу».

1. Совпадение 50 % слов ядерной зоны поля «Мир» в РАС-2 (1994—1998 гг.) и ОЭАСПС (2013—2016 гг.) свидетельствует о наличии общей базовой части ядра поля, не зависящей от времени и места проживания носителей русского языка.

Наиболее яркая ассоциативная связь «мир» — «война», репрезентирующая лексикографическое значение слова *Мир-2 «согласие»*, отражает устремление русского сознания к миру, формулируемое в народе: «Только бы не было войны!». В околоядерной зоне поля этот смысл поддерживается словом «голубь», обозначающим символ мира.

Общность определений: «древний», «огромный», «материальный», «весь» — свидетельствует об общих представлениях русского сознания о мире как явлении материальном, имеющем прошлое, настоящее и будущее, не ограничиваемом рамками видимого. Синонимичные экспрессивные прилагательные ассоциативного поля «Мир» в РАС-2 и ОЭАСПС — «огромный», «необъятный» — характеризуют эмоциональное восприятие большого мира.

Характерно для общерусского языкового сознания, что ближняя периферия поля «Мир» содержит характеристики «внешнего — внутреннего» мира и представлена одними и теми же позитивнооценочными прилагательными: «светлый», «разный», «будущий», «большой».

Отмечается такое свойство русского языкового сознания в поле «Мир», как созерцательность, выраженная глаголом «увидеть», однако синонимичные глаголы в двух исследуемых словарях («воссоздавать», «возрождать») и существительное «труд» свидетельствуют и о наличии активного, деятельного начала.

2. О динамике ценностных смыслов образа «Мир» в сознании сибиряков свидетельствуют различия совпадающих стимулов по частоте и появлению стимулов, отражающих новую реальность. Так, в ядерной зоне поля «Мир» ОЭАСПС появляются определения «**другой**», «**изменчивый**» как ощущение перемен постперестроечного периода, поддерживаемое в зоне ближней периферии словами «**хаос**», «**хаотичный**», «**темный**», «**несчастный**», «**глупый**».

В ассоциативном поле «Мир» сибиряков отсутствует определение «преступный», характерное для языкового сознания русских 90-х гг., но появилось определение «**жестокый**», как отражение оставшегося чувства опасности со стороны окружающего мира, однако значительно сниженное, по сравнению со словом «преступный» (в 1,5 раза).

Прилагательное «буржуазный», находящееся в ядре поля «Мир» в РАС-2, в ОЭАСПС переместилось на периферию, что свидетельствует об изменении представлений советского времени о «чужом» мире как «буржуазном».

В ближней периферии поля «Мир» ОЭАСПС ценность внешнего мира подчеркивают такие слова, как «хрупкий», «доброта», и внушают надежду такие глаголы, как «изменить» (мир), «договориться», свидетельствующие об активном отношении к миру и желании согласоваться с ним, ощутить гармонию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева С. П. Ассоциативное поле «Дом» в русском языковом сознании жителей Приенисейской Сибири // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2014. № 2 (28). С. 107—112.
2. Васильева С. П. Представление о ЧЕЛОВЕКЕ в языковом сознании сибиряка // Язык и культура этноса : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19 нояб. 2015 г.) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. — Красноярск, 2015.
3. Васильева С. П. ДЕНЬГИ как ценность в языковом сознании русских Приенисейской Сибири // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. 2016. № 3 (37). С. 158—165.
4. Васильева С. П., Васильев А. Д., Мамаева Т. В., Устьянцева Е. В., Шибяев М. В. Обратный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири = ОЭАСПС : электронная база данных / Краснояр. гос. пед. ун-т. URL: <http://react.ftn24.ru/statistic> (дата обращения: 23.03.2017).
5. Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека : учеб. пособие. — Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.

S. P. Vasilyeva
Krasnoyarsk, Russia

DYNAMICS OF THE VALUE MEANINGS OF THE ASSOCIATIVE FIELD “MIR” IN THE REGIONAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF SIBERIANS

ABSTRACT. *The article presents the analysis of the associative field “Mir” (translated as world), compiled on the basis of the result of associative experiment in Prieniseyskaya Siberia and put in the electronic database “Electronic associative dictionary of Prieniseyskaya Siberia” (EOAPS). The electronic database is created by analogy with the Russian associative dictionary (RAS) and has “direct” and “reverse” inputs. According to the model proposed by A. A. Zalevskoy and repeatedly tested in psycholinguistic studies, based on the data of the “Electronic reverse associative dictionary of Prieniseyskaya Siberia” (from the reaction to the stimulus) we formed the core of the language consciousness (mental lexicon) of a Siberian. The choice of the associative field “Mir” is due to the high frequency of associative links of the word world in the associative verbal network. Based on the comparison of the “Mir” field data (from reaction to stimulus) in PAC-2 and EOAPS, the dynamics of value meanings in the regional linguistic consciousness are revealed. As a result of the analysis it was possible to determine a set of values within the framework of the “Mir” field, characteristic of the Russian language consciousness, independent of time and place: the opposition “peace” — “war”, this means that the Russian person gives the most frequent reaction to the stimulus “war” “peace”. The most significant features of the world are: “ancient”, “huge”, “material”, “whole”. The presence of changes in the linguistic consciousness of the Siberian is confirmed by the appearance in the nuclear zone of the field of definitions: “different,” “changeable” as a sense of change in the post-perestroika period, supported in the near periphery by the words “chaos,” “chaotic,” “dark,” “unhappy, stupid”.*

KEYWORDS: *language consciousness; associative experiment; the Siberian; psycholinguistics; associative field; linguoculturology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vasilyeva Svetlana Petrovna, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Vasil'eva S. P. Assotsiativnoe pole «Dom» v russkom yazykovom soznanii zhiteley Prieniseyskoy Sibiri // Vestn. Krasnoyarsk. gos. ped. un-ta im. V. P. Astaf'eva. 2014. № 2 (28). S. 107—112.
2. Vasil'eva S. P. Predstavlenie o ChELOVEKE v yazykovom soznanii sibiryaka // Yazyk i kul'tura etnosa : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (19 noyab. 2015 g.) / Krasnoyarsk. gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva. — Krasnoyarsk, 2015.
3. Vasil'eva S. P. DEN'GI kak tsennost' v yazykovom soznanii russkikh Prieniseyskoy Sibiri // Vestn. KGPU im. V. P. Astaf'eva. 2016. № 3 (37). S. 158—165.
4. Vasil'eva S. P., Vasil'ev A. D., Mamaeva T. V., Ust'yantseva E. V., Shibaev M. V. Obratnyy assotsiativnyy slovar' Prieniseyskoy Sibiri = OEASPS : elektronnoy baza dannykh / Krasnoyarsk. gos. ped. un-t. URL: <http://react.ftn24.ru/statistic> (data obrashcheniya: 23.03.2017).

6. Залевская А. А. Понимание текста. Психолингвистический подход. — Калинин : Калинин. гос. ун-т., 1988. 96 с.

7. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 208 с.

8. Золотова Н. О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык : дис. ... д-ра филол. наук. — Тверь, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/yadro-mental'nogo-leksikona-cheloveka-kak-estestvennyy-metayazyk#ixzz4ZgL4h2kC> (дата обращения: 23.03.2017).

9. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира : сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой. — М., 2000. С. 191—206.

10. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка = PAC-2. В 3 ч., 6 кн. М., 1994—1998. URL: <http://tesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 23.03.2017). — (Кн. 1, 3, 5 : Прямой словарь: от стимула к реакции ; кн. 2, 4, 6. : Обратный словарь: от реакции к стимулу).

11. Козлов Н. И. Психологос : энцикл. практ. психологии. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/cennost> (дата обращения: 23.03.2017) (1994—1998).

12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34233> (дата обращения: 23.03.2017).

13. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. Изд. 2-е. — М., 2003. С. 139—162.

14. Шохин В. К., Абушенко В. Л. Аксиология : гуманитарная энцикл. / Центр гуманитарных технологий, 2010—2016 (последняя ред.: 30.10.2016). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6894>.

15. Шутова Т. И. Концептуализация мира в американском дискурсе противодействия терроризму (1972—2012): опыт корпусно ориентированного дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 90—96.

URL: <http://cheloveknauka.com/yadro-mental'nogo-leksikona-cheloveka-kak-estestvennyy-metayazyk#ixzz4ZgL4h2kC> (data obrashcheniya: 23.03.2017).

9. Karaulov Yu. N. Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v asotsiativno-verbal'noy seti // Yazykovoe soznanie i obraz mira : sb. nauch. st. / pod red. N. V. Ufimtsevoy. — M., 2000. S. 191—206.

10. Karaulov Yu. N., Sorokin Yu. A., Tarasov E. F., Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. Russkiy assotsiativnyy slovar'. Assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka = RAS-2. V 3 ch., 6 kn. M., 1994—1998. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (data obrashcheniya: 23.03.2017). — (Kn. 1, 3, 5 : Pryamoy slovar': ot stimula k reaktsii ; kn. 2, 4, 6. : Obratnyy slovar': ot reaktsii k stimulu).

11. Kozlov N. I. Psikhologos : entsikl. prakt. psikhologii. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/cennost> (data obrashcheniya: 23.03.2017) (1994—1998).

12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34233> (data obrashcheniya: 23.03.2017).

13. Ufimtseva N. V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya : sb. st. / otv. red. N. V. Ufimtseva. Izd. 2-e. — M., 2003. S. 139—162.

14. Shokhin V. K., Abushenko V. L. Aksiologiya : gumanitarnaya entsikl / Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2010—2016 (poslednyaya red.: 30.10.2016). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6894>.

15. Shutova T. I. Kontseptualizatsiya mira v amerikanskom diskurse protivodeystviya terrorizmu (1972—2012): opyt korpusno orientirovannogo diskurs-analiza // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). S. 90—96.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. Д. Васильев.

Е. Н. Горбачева
Астрахань, Россия

ОБВИНЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОСТУПОК В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНТИРОССИЙСКОГО ДИСКУРСА)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается перформативный речевой жанр «обвинение» как коммуникативный поступок в ситуации современной информационной войны. Обвинение наделяется качеством поступка, являясь актом социального поведения, что предполагает установку его субъекта на дискурсивную реализацию определенной ценности/антиценности и осознание ответственности за все последствия данного акта. Обвинение является одним из способов ведения информационной войны в современном политическом массмедийном дискурсе. В западноевропейской англоязычной прессе в рамках информационной войны против России обвинение нацелено на создание стереотипного образа России как агрессора и формирование отрицательного к ней отношения. Обвинение может быть представлено в нарративной форме, когда оно реализуется не на стратегическом, а на когнитивном уровне, что подразумевает актуализацию его концептуальных признаков (процесс предъявления обвинения; предмет/субъект/объект обвинения; жертва преступления/правонарушения; субъекты и способы наказания; оценка приписываемого преступления/правонарушения со стороны предъявителя обвинения). В информационных вбросах обвинение выражается косвенно, посредством предикатов с преобладающей семантикой неофициального заявления, отсутствия имен и фамилий лиц, вовлеченных в процесс обвинения, перифраз, выполняющих конспиративную функцию, проведения исторических аналогий, создания тропической образности, выражения предостережения от последующих угроз со стороны обвиняемого. Эффект информационного вброса с обвинительной имплицитной иллокуцией может достигаться на уровне заголовков статей. Факт предъявления России безосновательных обвинений подвергается ироническому осмыслению в англоязычном интернет-пространстве в виде различных мемов, объединенных названием «Blame Russia Memes».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: обвинения; речевые жанры; политический дискурс; медиадискурс; информационные войны; образ России; мемы; политическая коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горбачева Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Астраханский государственный университет; 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а; e-mail: elen-gorbachyova@yandex.ru.

Информационная война является одним из способов коммуникативного взаимодействия субъектов разного рода от государств, их союзов и коалиций до виртуальных социальных сообществ (детальная классификация субъектов информационной войны представлена в работе А. В. Манойло, А. И. Петренко и Д. Б. Фролова [Манойло, Петренко, Фролов 2004: 281]). Взяв за основу ряд определений понятия «информационная война» [Сковородников, Королькова 2015: 161; Некляев 2008: 35; Панарин 2012: 58; Шевцов 2014: 81], мы полагаем, что, будучи направленной на сознание целого народа, определенной социальной группы либо — реже — на сознание индивида [Сковородников, Королькова 2015: 161], информационная война представляет собой систему способов информационно-психологического воздействия на адресата с целью формирования у него ценностной картины мира, выгодной для субъекта воздействия.

Одним из коммуникативных «орудий» информационной войны является речевой жанр «обвинение». Рассмотрим, как оно используется в публикациях англоязычных СМИ, нацеленных на создание определенного имиджа России и стереотипного представления о ее роли на международной политической арене.

Обвинение — перформативный речевой жанр, поскольку представляет собой коммуникативный поступок, т. е. высказывание, являющееся актом социального поведения, что предполагает установку его субъекта на

дискурсивную реализацию определенной ценности/антиценности и осознание ответственности за все последствия данного акта. Смысл реального общения при этом актуализируется посредством ценностно нагруженных коммуникативных действий: 1) осуждения, упрека, укора; 2) обвинения (действия по глаголу «обвинять» — считая виновным в чем-н., возбуждать уголовное преследование против кого-н., привлечь к суду (право, офиц.) [Ожегов, Шведова http; Ушаков 1996]. Ближайшее соответствие лексеме «обвинение» в английском языке — «accusation» — обозначает аналогичные действия: 1) *claim that (someone) has done something wrong* — заявлять, что кто-то поступил неправильно; 2) *charge (someone) with an offence or crime* — предъявлять обвинение кому-либо в нанесении обиды или совершении преступления [Oxford Dictionary of English 2005].

Будучи перформативным жанром, обвинение в политическом дискурсе реализуется посредством тактики дискредитации оппонента в рамках оспаривающей перформативной стратегии, встраиваемой в следующий сценарий:

Я говорю X,
X является одновременно действием,
говоря = делая X, я дискредитирую статус того, кому адресовано действие X,
я несу ответственность за последствия изменения статуса адресата [Горбачева 2015: 160].

В политическом массмедийном дискурсе обвинение представлено в нарративной

форме, поэтому здесь следует говорить о его реализации не на стратегическом, а на когнитивном уровне, что подразумевает актуализацию его концептуальных признаков. Так, в следующей статье под названием «U.S. government officially accuses Russia of hacking campaign to interfere with elections» из газеты «The Washington Post» от 7 октября 2016 г. обвинение представлено в газетном нарративе. Его лексику можно условно разделить на лексико-семантические группы, в которые входят слова и словосочетания, обозначающие следующие признаки концепта «обвинение»:

1) процесс предъявления обвинения. Лексема с общим значением обвинения — «accuse», «accusation», «blame» — употребляются в статье в сочетании со словами, передающими значения официальности и публичности, благодаря чему увеличивается ценностная значимость самих обвинений в массовом сознании адресата статьи: *The Obama administration on Friday officially accused Russia...* — Администрация Обамы в пятницу официально обвинила Россию...; *The administration also blamed Moscow for the hack...* — Администрация также обвинила Москву в хакерской атаке...; *to go public with an accusation* — предъявить публичное обвинение, *the administration's accusation* — обвинение администрации;

2) предмет обвинения. В заголовке статьи предмет обвинения обозначен как «hacking campaign» / «хакерская кампания». Далее в тексте статьи данное обозначение предмета обвинения употребляется 10 раз: *Other leaks of hacked material followed. — Последовали и другие случаи утечки „хакнутого“ материала; There was no immediate word from the FBI as to whether the Russians were behind the alleged hack. — Со стороны ФБР не было предъявлено ни одного непосредственного доказательства в пользу того, что за данными хакерскими атаками стоит Россия; и т. д.*

Кроме этого, в статье используются перифрастические наименования того же «преступления», что усиливает ее эмоциональное воздействие на читателя:

These thefts and disclosures are intended to interfere with the U.S. election process. — Эти случаи краж и разоблачений нацелены на вмешательство в избирательный процесс в США. Употребление существительных *theft* — «кража, воровство» и *disclosure* — «обнаружение, раскрытие, разоблачение» в форме множественного числа создает нетропеическую образность (возникает образ непрерывного процесса проникновения хакеров в информационные системы США).

On the eve of a critical post-revolution presidential vote in Ukraine in 2014, for instance, a digital assault nearly crippled the website of the country's central election commission. — К примеру, накануне важного послереволюционного президентского голосования в Украине в 2014 г. цифровая атака почти парализовала работу веб-сайта центрризбиркома страны. Лексема *assault* — «атака, штурм; нападение, нападки» в сочетании с уточнительным эпитетом *digital* и предикатом *crippled* образует развернутую метафору и создает таким образом тропеическую образность, причем создаваемый образ имеет ярко выраженную негативную оценку.

Moscow orchestrated these hacks because [Russian President Vladimir Putin] believes Soviet-style aggression is worth it. — Москва руководила этими атаками, потому что [Президент России Владимир Путин] считает, что агрессия в советском стиле стоит этого. Слово *aggression* — «агрессия» ассоциируется с началом ссоры или войны, называя неспровоцированное атакующее действие: *the action of attacking without provocation, esp. in beginning a quarrel or war* [New Oxford American Dictionary 2005]. Сочетая это слово с уточнительным эпитетом *Soviet-style*, автор статьи, по-видимому, проводит аналогию с актами вмешательства Советского Союза во внутреннюю политику стран Восточного блока, сложившегося по итогам Второй мировой войны. Благодаря этой аллюзии слово *aggression* в данном контексте имеет характер гиперболы и усиливает воздействующий потенциал всего предложения, призванного создать устрашающий образ России как наследника агрессивной политики Советского Союза.

Тот же образ России как агрессора создается в следующем предложении: *The DNC publicly disclosed the intrusions in June, saying its investigation determined that Russian government hackers were behind the breach. — На съезде Демократической партии в июне официально заявили об атаках, говоря, что их расследование выявило причастность к ним российского правительства.* Слово *intrusion* является метафорическим обозначением предмета обвинения. Будучи употребленным в форме множественного числа, это слово способствует закреплению за Россией стереотипного образа государства, характеризующегося крайне агрессивной внешней политикой.

Наряду с обозначением предмета преступления, в заголовке статьи также раскрывается главная цель вменяемого в вину России «преступления», его мотив — «to interfere

with elections» / «вмешаться в выборы». В тексте статьи глагол «to interfere» употребляется дважды в уточняющих контекстах: *to interfere in the 2016 elections; to interfere with the U.S. election process*. Наряду с этим глаголом для обозначения мотива хакерских атак, в которых обвиняется Россия, автор статьи использует его синоним — глагол «to meddle» — и метафору «to sow discord»:

Assistant Attorney General John Carlin said at the same event that the message to countries, such as Russia, that attempt to meddle in the U.S. election is, "You can and will be held accountable." — Тогда же помощник генпрокурора Джон Карлин сказал, что их посыл к странам, таким как Россия, которые вмешиваются в выборы в США, таков: „Вы можете и будете нести ответственность“.

The denunciation <...> came <...> to publicly name Moscow and hold it accountable for actions apparently aimed at sowing discord around the election. — Публичные обвинения направлены в сторону Москвы, на которой лежат ответственность за действия, открыто нацеленные на то, чтобы посеять вражду вокруг выборов;

3) субъект обвинения. Для обозначения субъекта обвинения в статье используются собирательные существительные *administration* — «администрация» и *government* — «правительство» (*The Obama administration, U.S. government*), словосочетание с метонимическим значением *the White House* и имя собственное — *the United States*, которое в данном контексте также употребляется в метонимическом значении, что придает выдвигаемым обвинениям масштабный характер: *The United States must upend Putin's calculus with a strong diplomatic, political, cyber and economic response.* — Соединенные Штаты должны положить конец действиям Путина сильной дипломатической, политической, кибер- и экономической реакцией;

4) объект обвинения. Объект обвинения в представленной статье обозначается аналогичным образом — посредством собирательного существительного *government* (*The U.S. Intelligence Community is confident that the Russian Government directed the recent compromises of e-mails from U.S. persons and institutions <...>.* — Спецслужбы США уверены, что российское правительство причастно к недавним компрометирующим электронным письмам от частных лиц и учреждений Штатов); с помощью имен собственных — *Russia, Moscow, the Kremlin* — в метонимическом значении (*Russia must face serious consequences. Moscow orchestrated these hacks <...>* — Россия должна

иметь серьезные последствия. Москва управляла этими хакерскими атаками; *The public finger-pointing was welcomed by senior Democratic and Republican lawmakers, who also said they now expect the administration to move to punish the Kremlin as part of an effort to deter further acts by its hackers.* — Публичные претензии были поддержаны лидерами Демократической и Республиканской партий, которые также утверждали, что теперь они ждут от своей администрации наказания Кремля, чтобы предотвратить последующие атаки его хакеров).

Автор статьи употребляет и более конкретные обозначения объекта обвинения, которые стали неотъемлемым элементом в устрашающем имидже России, сложившемся в западных СМИ: *...We believe, based on the scope and sensitivity of these efforts, that only Russia's senior-most officials could have authorized these activities.* — Судя по масштабу и засекреченности, как мы считаем, эти действия могли быть произведены только с разрешения высокопоставленных государственных лиц.

Благодаря введению в текст статьи обозначений субъекта и объекта обвинения масштабного, глобального характера реальные исполнители «преступления» — хакеры — переходят из разряда объекта обвинения в инструмент совершения «преступления»;

5) жертва преступления/правонарушения. В соответствии со статьей, жертвами хакерских атак, в которых обвиняется Россия, стали официальные лица, так или иначе связанные с Демократической партией США: *the Democratic National Committee and other political organizations* — Национальный комитет Демократической партии; *Clinton's campaign chairman, John Podesta* — председатель предвыборной кампании Клинтон; *The administration also blamed Moscow for the hack of the Democratic Congressional Campaign Committee and the subsequent leak of private email addresses and cellphone numbers of Democratic lawmakers* — Администрация также обвиняет Москву в хакерской атаке на Комитет по выборам в конгресс Демократической партии и последующей утечке личных электронных писем и телефонных номеров парламентариев-демократов; *It has included the private emails of former secretary of state Colin Powell and aides to former secretary of state and Democratic presidential nominee Hillary Clinton* — Он [хакерский материал] включает в себя личную электронную переписку бывшего госсекретаря Колина Пауэлла и помощников бывшего госсекретаря и кандидата в президенты Хиллари Клинтон.

Полагаем, что многочисленные повторы прилагательного «democratic» в различных контекстах, описывающих жертву «преступления» со стороны России, служат созданию нетропеической образности: российские хакерские атаки представляются посягательством на демократию в государстве, которое постулирует демократические нормы как основополагающие в своем общественно-политическом укладе;

б) субъекты и способы наказания. В статье освещены субъекты и способы наказания на разных уровнях:

а) на уровне исполнительной власти — экономические и дипломатические санкции: *The administration has a range of options, including economic sanctions for malicious cyber-activity, a new tool created by the president that has yet to be used.* — У администрации есть ряд вариантов, включая экономические санкции за злоумышленную киберактивность, новый инструмент, созданный президентом и уже действующий.

Or the State Department can decide to eject Russian diplomats. — Или же Госдеп может принять решение о выдворении российских дипломатов;

б) на уровне судебной власти — официальные обвинения: *The Justice Department could bring indictments for hacking.* — Министр юстиции могло бы предъявить обвинения в хакерских атаках;

в) на уровне Агентства национальной безопасности США — секретная операция в киберпространстве по противодействию российским хакерским атакам:

The National Security Agency could take a covert action in cyberspace to send a signal to the Kremlin. — Агентство национальной безопасности могло бы предпринять секретные действия в киберпространстве как сигнал Кремлю;

7) оценка приписываемого преступления/правонарушения со стороны предъявителя обвинения. Вменяемые в вину России хакерские атаки оцениваются однозначно отрицательно субъектами обвинения, для чего используется прямая этическая оценка в виде эпитета *malicious* — «злой, злонамеренный, преднамеренный» (*malicious cyber-activity*), а также имплицитная психологическая оценка, заложенная в семантике вышеотмеченных лексем *aggression, intrusion*, фразеологического оборота *to sow discord* — «сеять раздор» и аллюзии *Soviet-style* — «в стиле Советского Союза» (в западноевропейском сознании сформирован агрессивный, а значит, преимущественно отрицательный образ Советского Союза).

В группе выделенных признаков концепта «обвинение» не представлен один важный признак, без которого любое обвинение переходит в разряд голословного заявления или даже клеветы, — доказательная база.

В ряде похожих статей обвинительного характера отсутствие доказательств вины России компенсируется информационными вбросами — эффективным способом информационного влияния на массовое сознание адресата. Такие высказывания являются выражением косвенного обвинения, когда обвинительная иллюзия завуалирована в информационном сообщении. Например, в статье «*Beware: The Russian bear is getting bolder*» из газеты «The Washington Post» от 1 декабря 2016 г. Россию обвиняют во вмешательстве в парламентские выборы в Черногории и попытке организовать путч. При этом автор отмечает отсутствие обвинения со стороны официальных властей: *Montenegrin authorities have not publicly accused the Russian government of sponsoring the plot.* — Власти Черногории не предъявили официальных обвинений российскому правительству в осуществлении материальной поддержки организаторам переворота. Здесь при осуществлении информационных вбросов использованы следующие средства:

1) предикаты с преобладающей семантикой неофициального заявления: *But they have identified two Russian nationals who traveled to the country as its organizers, and the Times quoted sources close to the investigation as saying they were intelligence officers.* — Но они опознали двух российских граждан, которые приехали в страну для его [переворота] организации, а газета „Times“ сослалась на источники, близкие к расследованию, утверждая, что они сотрудники разведки; *But veteran analysts say such bold attempts to sow chaos in countries linked to NATO are virtually unprecedented.* — Аналитики с большим стажем говорят, что такие наглые попытки посеять хаос в странах, связанных с НАТО, в сущности беспрецедентны;

2) отсутствие имен и фамилий тех, кто так или иначе вовлечен в процесс обвинения: *But they have identified two Russian nationals who traveled to the country as its organizers...; The men have since returned to Moscow and disappeared.* — Эти два человека вернулись в Москву и исчезли; *But veteran analysts say...;*

3) перифразы, выполняющие конспиративную функцию: *the Times quoted sources close to the investigation; They reflect a regime that has given free rein to its covert operatives...;*

4) проведение исторических аналогий: *Russian intelligence services have been known for meddling in foreign countries since the time of the czars. — Известно, что российские спецслужбы вмешиваются в политику других стран с царских времен;*

5) тропы: *But veteran analysts say such **bold attempts to sow chaos** in countries linked to NATO are virtually unprecedented.*

*They reflect a regime that has given **free rein** to its covert operatives, on the calculation that there will be **little or no pushback** from a **weak and divided West**. — Они отражают режим, который разрешает проведение секретных операций, рассчитывая, что со стороны слабого и разделенного Запада последует слабая реакция или не последует вообще.*

Само название статьи аллегорично: Россия предстает в традиционном образе медведя, а ее якобы агрессивная внешняя политика уподобляется наглому поведению этого животного;

б) выражение предостережения от последующих угроз со стороны обвиняемого — Москвы/России: *Until that theory is proved wrong, **expect more trouble from Moscow's agents**. — Пока эта теория не опровергнута, ожидайте еще проблем со стороны агентов Москвы.*

В названии статьи выражается предостережение от нападок медведя как олицетворения России: *Beware. — Осторожно.*

Вероятно, авторы подобных сообщений выбирают косвенное обвинение, поскольку оно не возлагает на адресанта никакой ответственности. По сути, косвенное обвинение теряет качество коммуникативного поступка.

Эффект информационного вброса с обвинительной имплицитной иллокуцией может достигаться на уровне заголовков статей. Так, например, при освещении в западноевропейской англоязычной прессе убийства Бориса Немцова 28 февраля 2015 г. в заголовке статьи из газеты «The New York Times» — «Boris Nemtsov, Putin Foe, Is Shot Dead in Shadow of Kremlin» — используются две перифразы, выполняющие конспиративную функцию: *Putin Foe* — «путинский враг» и *in Shadow of Kremlin* — «в тени Кремля». С помощью первой перифразы автор формирует отрицательное отношение массовой аудитории к Путину и косвенно представляет его как главного виновника убийства. Вторая перифраза основана на каламбуре: в прямом смысле она означает близость к Кремлю того места, где было совершено преступление, в переносном смысле эта перифраза приобретает свойство необъективного факта и означает то, что Борис Немцов

был убит с разрешения / под прикрытием официальной власти.

Факт предъявления России безосновательных обвинений и фактическое превращение презумпции невиновности — одного из основополагающих принципов судопроизводства — в «презумпцию виновности» становится объектом иронии в англоязычном интернет-пространстве в виде различных мемов, объединенных названием «Blame Russia Memes». Так, один из популярных мемов содержит фотографию В. Путина и текст от первого лица, в котором российский президент признается, что он виновен во всех неудачах, сопровождающих предвыборную кампанию Хиллари Клинтон на президентских выборах в США 2016 г.:

I drugged Hillary's cold chai so that she coughed endlessly and short circuited, forcing her to get thrown into a van. Then I phished Podesta and sexted Weiner so that I could order WikiLeaks and the FBI to do my bidding. I also personally filmed all of Project Veritas' undercover videos.

When in doubt: Blame Russia

Ироническое (либо юмористическое) переосмысление дискурса в целом и речевых жанров в частности мы называем карнавализацией. В данном примере высмеиваются многочисленные попытки сторонников Хиллари Клинтон обвинить Россию во вмешательстве в их кампанию и причастности к ее провалу. Формально соответствуя речевому жанру «признание виновности», данный мем является ярким примером карнавализации, которая достигается за счет перечисления абсурдных фактов (подмешивание наркотиков в чай для Клинтон; публикация электронных писем Джона Подесты, председателя предвыборного штаба Хиллари Клинтон; рассылка в Интернете интимных фотографий Энтони Винера, супруга Хумы Абедин, помощницы Хиллари Клинтон; производство всех разоблачительных видеофильмов проекта «Project Veritas», созданного американским журналистом Джеймсом О'Кифом) и таким образом лишает обвинения, звучащие в адрес России, логичности и обоснованности.

Авторы некоторых мемов иронизируют по поводу абсурдности обвинений в адрес России, вынося их за пределы политики в разные сферы деятельности человека. В следующем меме имитируется телефонный разговор между Хиллари Клинтон и Рондой Раузи, американской актрисой и бойцом MMA:

— *Hey Hill*

— *Yeah Ronda?*

— *I just lost, what should I do?*

— *Blame Russia.*

В данном примере Хиллари Клинтон предлагает Ронде Раузи винить Россию в своем проигрыше в одном из боев, что представляется тем более абсурдным и невероятным, поскольку Ронда считается одним из лучших в мире бойцов ММА.

В Сети также распространены мемы, действующие лица которых винят российских хакеров либо русских и Россию в целом за свои правонарушения на дороге («*It's not my fault, officer. The Russians hacked my speedometer*»), за мелкие хулиганства: например, фотографии набедокуривших дома детей или домашних животных сопровождаются подписями «*The Russians did it!*», «*We're glad you're home. The Russians pooped in the hallway!*».

Итак, обвинение является одним из способов ведения информационной войны в современном политическом массмедийном дискурсе. В западноевропейской англоязычной прессе в рамках информационной войны против России обвинение нацелено на создание стереотипного образа России как агрессора и формирование отрицательного к ней отношения. Обвинение может быть представлено в нарративной форме, когда оно реализуется не на стратегическом, а на когнитивном уровне, что подразумевает актуализацию его концептуальных признаков (процесс предъявления обвинения; предмет, субъект, объект обвинения; жертва преступления/правонарушения; субъекты и способы наказания; оценка приписываемого преступления/правонарушения со стороны предъявителя обвинения). В информационных вбросах может быть выражено косвенное обвинение. В англоязычном интернет-пространстве факт предъявления России безосновательных обвинений становится объектом иронии в виде различных мемов.

E. N. Gorbacheva
Astrakhan, Russia

**ACCUSATION AS A COMMUNICATIVE DEED IN THE CURRENT INFORMATION WARFARE
(BASED ON THE ENGLISH POLITICAL MEDIA ANTI-RUSSIAN DISCOURSE)**

ABSTRACT. *The article studies the performative speech genre «accusation» as a communicative deed in the situation of current information warfare. Accusation acquires the property of a communicative deed being an act of social behaviour which presupposes its agent's aiming at discursive realization of a certain value/anti-value and being aware of responsibility for the consequences of this deed. Accusation can be one of the instruments of waging information warfare in the present-day political media-discourse. In the Western European media involved in anti-Russian information warfare accusation is aimed at creating a stereotyped image of Russia as an aggressor and forming a negative attitude towards it. Accusation in the media can be used in the narrative form when it's expressed at the cognitive rather than strategic level, which consists in actualizing its conceptual categories (the process of accusing; the subject/agent/object of accusation; the victim of the offence; the agents and ways of punishment; the estimation of the offence by the agent of the accusation). In information attacks accusation is expressed indirectly through predicates expressing unofficial statements, absence of surnames of those who are involved in accusation, periphrases performing the function of conspiracy, historical analogy, tropes and warning against the accused. The effect of information attacks rendering the implicit illocution of accusation can be produced by means of article titles. The fact of accusing Russia without giving evidence in the Western European political media-discourse is mocked at in the so-called "Blame Russia Memes".*

KEYWORDS: *accusation; speech genre; political discourse; media discourse; information warfare; the image of Russia; meme; political communication.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gorbacheva Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of English Philology, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры : моногр. — Астрахань : Астрахан. гос. ун-т ; Изд. дом «Астраханский университет», 2015. 304 с.
2. Иванова С. В., Сподарен О. О. Реализация стратегии субъ-ективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 71—75.
3. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологических конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности : учеб. пособие. — М. : МИФИ, 2004. 392 с.
4. Некляев С. Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2008. № 5. С. 35—51.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 20.03.2017).
6. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. — М. : Поколение, 2012. 411 с.
7. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000.
8. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—50.
9. Сковородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 160—172.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : ТЕРРА, 1996.
11. Шевцов А. М. Техника ведения дискуссии как один из инструментов ведения информационно-психологической войны // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 1 (6). С. 81—83.
12. Beware: The Russian bear is getting bolder. URL: <https://www.washingtonpost.com> (date of access: 27.03.2017).
13. Blame Russia Memes. URL: <https://yandex.ru> (date of access: 15.03.2017).
14. Boris Nemtsov, Putin Foe, Is Shot Dead in Shadow of Kremlin. URL: <https://www.nytimes.com> (date of access: 29.03.2017).
15. New Oxford American Dictionary (for ABBYY Lingvo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
16. Oxford Dictionary of English (for ABBYY Lingvo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
17. U.S. government officially accuses Russia of hacking campaign to interfere with elections. URL: <https://www.washingtonpost.com> (date of access: 18.03.2017).

REFERENCES

1. Gorbacheva E. N. Diskursivnaya performativnost': priznaki, tipy, zhanry : monogr. — Astrakhan' : Astrakhan. gos. un-t ; Izd. dom «Astrakhanskiy universitet», 2015. 304 s.
2. Ivanova S. V., Spodarets O. O. Realizatsiya strategii sub"ektivizatsii v strukture novostnogo politicheskogo diskursa SMI // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 3. S. 71—75.
3. Manoylo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskikh konfliktov vysokoy intensivnosti i sotsial'noy opasnosti : ucheb. posobie. — M. : MIFI, 2004. 392 s.
4. Neklyayev S. E. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna v usloviyakh setevoy voyny kak novaya forma ugrozy natsional'noy bezopasnosti // Vest. Mosk. un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika. 2008. № 5. S. 35—51.
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (data obrashcheniya: 20.03.2017).
6. Panarin I. N. SMI, propaganda i informatsionnye voyny. — M. : Pokolenie, 2012. 411 s.
7. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. Osnovy voenno-kommunikativnykh issledovaniy. — M. : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000.
8. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—50.
9. Skovorodnikov A. P., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 160—172.
10. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. D. N. Ushakova. — M. : TERRA, 1996.
11. Shevtsov A. M. Tekhnika vedeniya diskussii kak odin iz instrumentov vedeniya informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. 2014. № 1 (6). S. 81—83.
12. Beware: The Russian bear is getting bolder. URL: <https://www.washingtonpost.com> (date of access: 27.03.2017).
13. Blame Russia Memes. URL: <https://yandex.ru> (date of access: 15.03.2017).
14. Boris Nemtsov, Putin Foe, Is Shot Dead in Shadow of Kremlin. URL: <https://www.nytimes.com> (date of access: 29.03.2017).
15. New Oxford American Dictionary (for ABBYY Lingvo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
16. Oxford Dictionary of English (for ABBYY Lingvo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
17. U.S. government officially accuses Russia of hacking campaign to interfere with elections. URL: <https://www.washingtonpost.com> (date of access: 18.03.2017).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Карасик.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ АДРЕСАТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИСТОВКИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию типовой политической листовки с точки зрения предпочтений (предпочтений) и антипредпочтений потенциального адресата текста. Автор отталкивается от мысли о том, что параметры эффективности коммуникационного сообщения можно условно дифференцировать с выделением универсальных, национальных и специальных (релевантных для конкретного формата дискурса). Обращаясь к специальным параметрам эффективности стандартной политической листовки, автор исследует ее восприятие экспериментальным путем. Анализ рецепции вербальной (основного текста) составляющей текста предвыборных листовок свидетельствует о том, что адресат (потенциальный избиратель) предпочитает краткость текста при информационной насыщенности; оптимальное соотношение личной и программной информации; ориентацию на потенциальных избирателей (акцент на том, что кандидат хочет сделать для города/региона и т. д., экспликацию целей кандидата); понятный, доступный текст; искренность, открытость адресанта. В свою очередь, эмоциональность текста оценивается двояко: и как позитивная черта, и как негативная. Анализ предпочтений по графической части листовок свидетельствует о том, что адресат предпочитает крупный («читабельный») шрифт; логичное графическое структурирование информации текста, дифференциацию смысловых блоков; шрифтовые выделения, соотношение же цветов расценивается двояко.

К антипредпочтениям по текстовой части листовки можно отнести избыточность информации (прежде всего личной); отсутствие (недостаточность) программных заявлений; невыраженную интенциональность текста; излишнюю самопрезентацию; отсутствие путей решения проблем избирателей; жанровую неопределенность; ошибки разных видов. К антипредпочтениям по графической части листовки относятся мелкий шрифт; шрифтовой разброс; излишние шрифтовые выделения; плохая графическая структурированность информации. В целом предпочтения адресата политической листовки можно отнести к специальным параметрам, определяющим эффективность этого жанра. Аналогичные параметры можно выделить и для иных жанровых форм политического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая реклама; политические листовки; политический дискурс; политическая коммуникация; политические тексты; слоганы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Политическая реклама, как и любой рекламный продукт, призвана воздействовать на адресата на трех важнейших уровнях: когнитивном, аффективном и конативном (поведенческом). Ж. Ж. Ламбен выделяет следующие уровни рекламной эффективности: эффективность восприятия, эффективность на уровне отношения, поведенческая эффективность [Ламбен 1996: 520—524]. Эти уровни взаимосвязаны, а от степени их совместной действенности зависит в целом эффективность/неэффективность (успех/неуспех) рекламного сообщения.

Краткий экскурс в теорию эффективной/неэффективной коммуникации, в том числе рекламной, позволяет определить точку отсчета для данной статьи.

1. Универсальные коммуникативные параметры, релевантные для оценки эффективности сообщения на любом языке и в разных форматах дискурса, наиболее удачно, на наш взгляд, представлены в работе Д. П. Гавры: «Существует три общих параметра, которые делают коммуникационный источник эффективным инструментом убеждения и управления аудиторией, — правдоподобие, привлекательность и влияние (объем власти)... Правдоподобие представляет собой, с одной стороны, меру компетентности источника (т. е. его способности знать «правильные» ответы), с другой — характеристику отсутствия у него предубеждения, т. е.

намерения манипулировать аудиторией в своих интересах... Привлекательные источники — это те, которые сходны с реципиентом демографически и идеологически... Правдоподобие и надежность источника ведет к интернализации новых мнений, обещивают привлекательность новых идентификаций и податливость аудитории к воздействию обладающего властью коммуникатора» [Гавра 2006: 196].

2. Национальные коммуникативные параметры, учитывающие национальную специфику сообщения, связаны с понятием национального коммуникативного стиля.

«Национальный коммуникативный стиль отражает существующие в лингвокультуре предпочтения (предпочтения) по выбору вербальных, невербальных и паравербальных средств в организации межличностного взаимодействия... Национальный коммуникативный стиль специфицируется в разных социально-коммуникативных сферах, в контекстах разных институциональных дискурсов, сохраняя базовые, культурно обусловленные коммуникативно-языковые характеристики и приобретая при этом специфические черты в зависимости от конкретного типа дискурса и сложившейся ситуации» [Куликова 2011: 149].

3. Специальные параметры, релевантные для конкретного дискурсивного формата (в нашем случае — формата политического

дискурса) и отдельных жанровых форм, включая не только вербальную, но и невербальную составляющую сообщения. В свою очередь, эффективность печатной рекламной продукции часто оценивается исследователями именно в аспекте многоканальности, ср.: «Печатная речь имеет не только словесную природу. Воспринимая письменный текст, мы точно так же воспринимаем и паралингвистическую информацию, которая создает определенный фон для интерпретации самого текста» [Коньков 1997: 21]. Приведем мнения о необходимости двойных (лингвистических и паралингвистических) критериев эффективности печатной рекламы.

- «Рекламисты должны свято чтить правило: качество рекламной продукции подсознательно проецируется и на объект рекламы, в данном случае — на кандидата и на политические силы, которые за ним стоят. Листовка, напечатанная на второсортной бумаге, небрежная по исполнению, воспринимается как свидетельство тщедушности тех политических сил, от имени которых она выпущена» [Феофанов 2000: 277].

- «Ключевым элементом печатной политической рекламы является не текст, как принято считать, а целостный образ, формируемый посредством графических, текстовых и шрифтовых средств. Поэтому здесь особую роль играет то, как набран и расположен базовый слоган и ключевые слова, как набраны основные, вспомогательные и второстепенные, дополнительные элементы текста, насколько хорошо иллюстрирован текст. Наиболее распространенная ошибка — перегруженность текста. Обычно сами политики считают, что „кашу маслом не испортишь“, и требуют, чтобы текст содержал как можно больше благоприятных подробностей об их личности, партии и движении. Перегруженность вызывает скуку и ведет к отторжению текста. Поэтому печатная реклама должна быть лаконичной, включать только самое существенное, „броское“ и заведомо привлекать внимание» [Ольшанский 2003: 237].

В данной статье мы обратились к специальным коммуникативным параметрам, сделав попытку охарактеризовать предпочтения (предпочтения) и антипредпочтения адресата политического сообщения в области собственно вербальной и графической организации текста, а также обобщить мнения относительно эффективности/неэффективности слоганов. Корреляция между речевыми способами убеждения, используемыми адресантом политического сообщения, и коммуникативными предпочтениями реципиента

во многом определяет достижение/недостижение запланированного перлокутивного эффекта, ср. мнение Н. И. Клушиной: «Интенциональность идеологического дискурса, обусловленная интенцией убеждения, включает две равноправных составляющих: стилистику адресанта, которая имеет идеологический модус, и стилистику адресата, которая может как совпадать со стилистикой адресанта (и усваиваться массовым читателем), так и рефреймироваться» (т. е. иметь незапланированный перлокутивный эффект) [Клушина 2012: 277]. В свою очередь, запланированным для текстов политической рекламы перлокутивным эффектом является высокий уровень поведенческой эффективности, определяющей успех или неудачу того или иного кандидата на выборах в органы власти.

В качестве материала для исследования нами использовались 3 достаточно стереотипные предвыборные листовки кандидатов в депутаты регионального уровня (все кандидаты — мужчины, возраст от 30 до 40 лет, фамилии кандидатов опущены).

К политической листовке как жанру политической коммуникации обращался целый ряд исследователей [Егорова-Гантман, Плешаков 1999; Кривонос 2002; Култышева 2011; Кудинов 2000; Проскуряков 2000 и др.]. Все они так или иначе касаются формально-смысловой и прагматической организации этого жанра. А. Д. Кривонос выделяет два типа листовок — «презентационную и агитационную. Первая служит цели представления кандидата общественности, вторая призывает за него голосовать» [Кривонос 2002: 228]. Со своей стороны считаем, что современной стереотипной листовкой является листовка смешанного (презентационного и агитационного) типа, текст которой представляет комбинацию биографической и программной частей и включает слоган или лозунг-призыв. Указанные смысловые блоки комбинируются в разных вариантах. Наиболее полным является тот, который включает презентацию кандидата (фамилию, имя, отчество, принадлежность к политическому движению, партии, избирательный округ, а также фотографию и контактную информацию), биографическую часть, программную часть, слоган, отражающий политическое кредо кандидата, или лозунг-призыв голосовать.

Стереотипные листовки, предложенные респондентам, имеют одинаковый формат и включают визуальную часть (фотографию) и вербальную часть (основной текст и слоган). Вербальную часть листовок мы предложили оценить группе испытуемых — студенческой

молодежи в возрасте от 18 до 25 лет (около 100 человек). Дифференциация вербальной части на слоган и основной текст обусловлена тем, что большая часть потребителей рекламной продукции (примерно 80 %) читают лишь заголовки, но не читают основной рекламный текст [Музыкант 1996]. То же относится и к политической рекламе: «...значительное количество потребителей политической (впрочем, и коммерческой) рекламы дальше слогана не идут... Прочитывают листовку лишь 10—20 процентов. И это хороший результат» [Киселев 2002: 28—29]. Две из предложенных респондентам листовок включают слоганы: «*Не выживать, а жить достойно*», «*Достойную жизнь нашему городу*». В третьей листовке слоган заменен заголовком-представлением: «*Меня зовут Н. Н....*», который предметом рассмотрения не являлся.

Вопросы, предложенные для выявления коммуникативных предпочтений:

1. Что вас привлекает в тексте листовок? Изложите аргументы «за» (выявляются предпочтения по текстовой части листовок).

2. Что вас привлекает в графическом оформлении листовок? Изложите аргументы «за» (выявляются предпочтения по графической части листовок).

3. Что для вас неприемлемо в тексте листовок? Изложите аргументы «против» (выявляются антипредпочтения по текстовой части листовок).

4. Что для вас неприемлемо в графическом оформлении листовок? Изложите аргументы «против» (выявляются антипредпочтения по графической части листовок).

5. Какой из предложенных слоганов является, по вашему мнению, «сильным»? Почему? (выявляются предпочтения по слогану).

6. Какой из предложенных слоганов является, по вашему мнению, «слабым»? Почему? (выявляются антипредпочтения по слогану).

Попытаемся сначала обобщенно представить ответы на вопросы 1—4 (речь и стиль ответов оставлены без изменения, формально идентичные высказывания учитывались 1 раз).

1. Что вас привлекает в тексте листовок? Изложите аргументы «за».

Текст очень нравится, описан как человек в семье и биографии; текст нравится, написано все о кандидате, о его близких, о его мотивах; нравится обращение к землякам; нравится то, что он предлагает; нравится бескомпромиссность обещаний; по пунктам все расписано; все понятно и доступно; не слишком много; кратко, четко; текст четкий, небольшой; коротко, по де-

лу; много интересной информации; нравится, что в листовке отражены автобиографические данные; есть краткая биография, что очень важно; информация полная; четко говорит, что он сделает для вас, и ему хочется верить; говорит о том, что он хочет сделать для города; даны перспективы дальнейшего развития; понравилось, что текст написан „от души“ честно, открыто; нравятся некоторые высказывания; за такого кандидата я бы проголосовала.

2. Что вас привлекает в графическом оформлении листовок? Изложите аргументы «за».

ФИО выделены жирно и сделаны крупно — сразу бросается в глаза; инициалы видны; текст располагается от крупного к мелкому — смотрится очень красиво; тематические блоки разделены графически; понравилась компоновка текста, графические выделения; хороший дизайн листовки, логично расположены блоки, хорошая композиция; выделены слова, которые привлекают внимание; важные слова выделены; белый текст на черном фоне выглядит стильно; текст привлекает внимание.

3. Что для вас неприемлемо в тексте листовок? Изложите аргументы «против».

Слишком большой текст; большой текст; большой текст и много лишнего; много воды; объемный, но не информативный текст; слишком много ненужного текста, много лексики; нет конкретики; текст нужно сделать короче и более легким для восприятия; необходимо сделать текст более сжатым и более легким для восприятия; скучно оформлена страница; нет описания предвыборной кампании; слишком много подробностей; расплывчатая информация о кампании; информация „не отфильтрована“; много ненужной информации — не хочется читать; что конкретно представляет кандидат — непонятно; не нашла конкретных целей; написан не по теме; очень подробно описана биография кандидата; сократить всю автобиографию; много информации о себе; очень много информации о себе; вся информации лишь о себе; много личной информации; слишком много информации о себе и мало о планируемом мероприятии; о себе можно было бы не писать; много биографии, но отсутствие программы действий кандидата; много биографии, но мало об опыте кандидата; не указаны конкретные действия для достижения целей; нет четко поставленной цели; о своей предвыборной кампании он совсем не гово-

рит; он только рассказывает о своей жене; информация недостоверна: слишком много про жену; в тексте преобладает информация о семье; кандидат говорит только о себе, о своей жизни, а то, что он хочет сделать для города — неизвестно; текст биографический, не для кандидата; не хватает программы; добавить программу действий; необходимо добавить информацию о будущей политической деятельности; избыточность положительной информации (лексики) по отношению к себе; практически не сказано про проблемы, которые кандидат хочет решить; мало видит проблем, решения проблем нет; выделено мало проблем и нет их решения; нет проблем и их решений; нет нацеленности на избирателей; много где работал; текст не дает уверенности в выполнении обещанного; частица НЕ в лозунге ослабляет эффект доверия; недостоверность информации; алогизмы; „корявая“ эхо-фраза; не хватает экспрессии; необходимо убрать экспрессию; не хватает эмоциональности; нет презентабельности; человек в себе не уверен (чувствуется из текста); листовка напоминает объявление о пролаже человека; не понимаю, что это, похоже на личное дело; я вообще считаю, что этот текст не предназначен для баллотирования в депутаты; текст неприятно читать; неинтересно читать; думаю, что народу это будет не совсем интересно, так как людям нравятся предложения и действия; нет контактной информации; резкие переходы как перепады настроения; грамматические ошибки; пунктуационные ошибки; несвязный текст; очень много цифр; текст составлен некорректно; не хватает запятой, необходимо заменить слова „наказы“ на более понятное и подходящее для целевой аудитории; „обуздает“ — лишнее слово, надо более нейтрально; „обуздать“ — не выдержан стиль; текст бывшего уголовника; за такого кандидата не хочется голосовать.

4. Что для вас неприемлемо в графическом оформлении листовок? Изложите аргументы «против».

Текст в середине очень мелкий, и его много; текст нечитаемый, громоздкий; сплошной текст; сплошной текст, непонятно, что где; неудачный (мелкий) шрифт; очень мелкий шрифт, нужно вглядываться; несоответствие шрифтов; разный шрифт; неудачное расположение частей текста; очень как-то все набросано, разбегаются глаза; все в куче, непонятно, с чего начать; нужно увеличить масштаб текста; дизайн листовки не со-

временный; верстка неудачна — имя рядом с лицом; ФИО должны находиться сверху; белые буквы на черном фоне — ужасно!; излишнее выделение отдельной информации.

Сказанное выше позволяет нам, несмотря на разброс индивидуальных мнений, обобщить предпочтения и антипредпочтения респондентов относительно собственно текстовой и графической составляющей политических листовок.

Предпочтения по текстовой части листовок:

- краткость текста при информационной насыщенности (текст небольшой, четкий, но информационно достаточный);
- оптимальное соотношение личной и программной информации («перекося» в сторону преобладания биографической информации расцениваются как негатив);
- ориентация на потенциальных избирателей (акцент на том, что кандидат хочет сделать для города/региона и т. д., экспликация целей кандидата);
- понятность, доступность текста;
- искренность, открытость адресанта;
- эмоциональность текста может оцениваться двояко: как позитив и как негатив (не хватает экспрессии / нужно убрать экспрессию).

Предпочтения по графической части листовок:

- крупный («читабельный») шрифт;
- логичное графическое структурирование информации текста (дифференциация смысловых блоков);
- шрифтовые выделения самой важной информации текста;
- соотношение цветов расценивается двояко (белый текст на черном фоне для одних респондентов выглядят стильно, а для других — неудачно).

Антипредпочтения по текстовой части листовки:

- избыточность информации (прежде всего — личной);
- отсутствие (недостаточность) программных заявлений;
- невыраженная интенциональность текста (не обозначенная или плохо обозначенная цель);
- излишняя самопрезентация (самовосхваление);
- отсутствие путей решения проблем избирателей;
- жанровая неопределенность (листовка? личное дело? объявление? — и т. д.);
- ошибки разных видов.

Антипредпочтения по графической части листовки:

- мелкий шрифт (необходимость вглядываться в текст);

- шрифтовый разброс;
- излишние шрифтовые выделения;
- плохая графическая структурированность информации (сплошной текст или нелогичный разброс информации).

Кроме ответов на приведенные выше вопросы, респондентам было предложено коротко охарактеризовать оптимальную, с их точки зрения, модель политической листовки. Результаты свидетельствуют о том, что большая часть респондентов предпочла бы листовку, созданную по стандартизированной (стереотипной) трехчастной модели:

СУБЪЕКТ (презентация кандидата).

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ (небольшой, четкий, с оптимально дозированной информацией, включающей биографию кандидата и ключевые пункты его программы).

ЛОЗУНГ (призыв к действию).

Кроме того, респонденты предпочитают **крупный** (легко читаемый) **шрифт**, графически **структурированную** подачу информации и графические **выделения**, позволяющие легко усвоить ключевые положения текста.

Близкие или аналогичные данные мы получили ранее при экспериментальном исследовании восприятия вербальной части трех «женских» предвыборных листовок. Приведем результаты, сходные с изложенными выше:

«Незапланированный перлокутивный эффект вербальной части политического сообщения реализуется по следующим основным направлениям:

- неудачный слоган;
- избыточность текста (множественные предложения сделать текст короче, убрать избыточную информацию);
- избыточность информации о себе;
- избыточность самопрезентационной информации (воспринимается как самореклама);
- недостаточность программной информации (нет сведений о том, что кандидат хочет сделать для жителей округа);
- плохая воспринимаемость текстов (неудачный подбор шрифтов, сплошной текст, тяжелый текст);
- стандартность текста, нивелирующая интерес к кандидату;
- излишняя обобщенность информации (проблемы обозначены, а пути их решения — нет);
- ошибки различных видов» [Пирожкова, Руженцева 2016: 110].

Полученные результаты заставляют сомневаться в некоторых практических рекомендациях, ср.: «Расположить избирателя к Вам может доверительный, мягкий тон листовки. Составляя ее текст, включите в автобиографию наиболее милые эпизоды из Вашего дет-

ства или юности, не забудьте про трудности и лишения, которые выпали на долю ваших родителей, вспомните, как начинали свою жизнь в коммуналке, расскажите о своей милой жене (добром муже) и прелестных послушных детях» [Березкина 1997: 67—68].

Сомнения в эффективности подобной презентации кандидата в стереотипных листовках смешанного типа вызывает частотная негативная реакция респондентов на избыточность личной информации, детерминирующая аргументацию «против»: *о своей предвыборной кампании он совсем не говорит, он только рассказывает о своей жене; информация недостоверна: слишком много про жену; в тексте преобладает информация о семье* — и т. д.

Перейдем к предпочтениям и антипредпочтениям респондентов относительно слоганов. Общие требования к любому рекламному слогану Д. В. Ольшанский сформулировал следующим образом:

« — он должен быть кратким, динамичным, благозвучным, ритмичным;

– должен ясно и однозначно восприниматься с первого раза;

– не должен допускать двойного толкования;

– должен учитывать психологию целевой группы, на которую направлен;

– не должен быть слишком ассоциативным.

Слоган, соответствующий этим требованиям, будет хорошо запоминаться в силу его сильного эмоционального воздействия на целевую аудиторию. Сuggestивные возможности слогана обычно усиливаются образностью тщательно отбираемых ключевых слов» [Ольшанский 2003: 223—224].

Попробуем конкретизировать эти требования относительно политических слоганов.

5. Какой из предложенных слоганов является, по вашему мнению, «сильным». Почему?

Не выживать, а жить достойно!

Чувствуется возможная помощь кандидата гражданам, возможность улучшения их жизни; надежда на лучшую жизнь; большинство жителей РФ живут со средним достатком или за гранью бедности, поэтому такой кандидат может понравиться многим; хочет улучшить жизненные условия земляков; надежда на лучшие жизненные и финансовые условия; внушает надежду, заинтриговывает; дает надежду на будущее; хорошо сказано, почти резюме; я бы за него голосовала.

Достойную жизнь нашему городу!

Наболевшее, важная проблема; актуальная проблема; в словах чувствуется уверенность в завтрашнем дне; чувствуется уверенность кандидата в себе; слова при-

дают уверенность в будущем; слоган побуждает к действию; хороший слоган; удачный слоган; все по делу; все коротко и ясно; слоган мотивирует; очень нравится лозунг — позитивные обещания; слоган располагает голосовать за такого кандидата.

6. Какой из предложенных слоганов является, по вашему мнению, «слабым»? Почему?

Не выживать, а жить достойно!

Абстрактно, ничего конкретного; так любой может сказать и ничего при этом не сделать; не знает людей, которые выживают; кто сказал, что выживают — кого-то все устраивает; обобщенно, многие люди примут за оскорбление; своими словами может кого-то оскорбить, говоря, что город очень плохо живет; не нужно кричать, что люди выживают, если достойную жизнь он не обеспечит; непонятная фраза; не внушает доверия, не дает уверенности, что что-то поменяется; двусмысленное высказывание; говорит про себя или про народ, что маловероятно; не ценит свой город и власть в нем; жители должны думать, что только он изменит это „безобразие“; слоган ставит под сомнение жизнь горожан, заставляет задуматься, сможет ли он сделать жизнь лучше; так все говорят, заезженный слоган; слоган выглядит не внушающе, слабый слоган; лозунг не в тему.

Достойную жизнь нашему городу!

Кандидат не „зацепил“ меня своей фразой, все слишком размыто и обобщенно; каждый второй кандидат идет на выборы с таким лозунгом; каждый кандидат так говорит; стандартный слоган; и так достойно живу; а сейчас жизнь города недостойная?; внушает, что город без его участия в руководстве живет недостойно.

Сказанное выше свидетельствует о том, что **преференции** данной (молодежной) группы респондентов определяются репрезентацией в слогане:

- смысла «надежда на лучшее будущее»;
- позитивных обещаний;
- уверенности кандидата в будущем;
- актуальной проблематики.

Предпочтения адресата определяются также формой высказывания — ее ясностью, краткостью и деловым характером.

Антипреференции адресата, в свою очередь, связаны с восприятием слогана:

- как излишне обобщенного, абстрактного, неконкретного (размытого);
- излишне самопрезентационного;
- стандартного, невыразительного;
- двусмысленного;
- способного обидеть адресата.

Негативно-оценочная интерпретация слоганов вызвана также недоверием к кандидату, сомнением в том, что именно он сможет улучшить жизнь населения. Отсутствие слогана в одной листовке расценивалось большинством респондентов как ее недостаток.

В целом мы считаем, что преференции адресата политической листовки, о которых речь шла выше, можно отнести к специальным параметрам, определяющим эффективность текста. Аналогичные параметры можно выявить и для иных жанров политического дискурса, в частности для программы, политического заявления и др.

Следует вновь акцентировать внимание на том, что в данном случае речь идет о стереотипной модели политической листовки и достаточно стандартных слоганах, в значительной степени нивелирующих индивидуальность кандидата. Индивидуальные, нестереотипные решения, как и сочетание индивидуальности и стереотипа, являются для политической рекламы очень актуальным вопросом, требующим отдельного исследования, так как доля подобных текстов в настоящее время постоянно увеличивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березкина О. П. Как стать депутатом или продать себя на политическом рынке: тайны ремесла. Практические рекомендации. — СПб. : Тренинг, 1997.
2. Гавра Д. П. Коммуникативные источники // Основы теории коммуникации. — СПб. : Роза мира, 2006. Ч. 2. С. 178—198.
3. Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Политическая реклама. — М. : Центр политического консультирования «Никколо М», 1999.
4. Ламбен Ж.-Ж. Стратегический маркетинг. — СПб. : Наука, 1996.
5. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. — Екатеринбург : УрО РАН, 2002.
6. Клушина Н. И. Власть, СМИ и общество (стратегии и тактики формирования общественного мнения) // Язык СМИ и политика. — М. : МГУ, 2012. С. 262—283.
7. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2002.
8. Кудинов О. П. Основы организации и проведения избирательных кампаний в регионах России. — Калининград : Янтарный сказ, 2000.
9. Куликова Л. В. Коммуникация. Стиль. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению. — Красноярск : СФУ, 2011.
10. Култышева И. В. Убеждение и доказательство в современной российской предвыборной листовке как жанре агитационного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2011.
11. Музыкант В. Л. Реклама. Международный опыт и российские традиции. — М. : Право и Закон, 1996.
12. Ольшанский Д. В. Политический PR. — СПб. : Питер, 2003.
13. Пирожкова И. С., Руженцева Н. Б. Когнитивные векторы рефреймирования предвыборной листовки // Речевое воздействие в политическом дискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. С. 104—111.
14. Проскураков М. Р. Концептуальная структура текста. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
15. Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России. — СПб. : Питер, 2000.

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC PREFERENCES OF POLITICAL LEAFLET ADDRESSEE

ABSTRACT. *The paper studies a typical political leaflet from the point of view of the preferences and anti-preferences of a potential addressee. The main idea is that the parameters of the message effectiveness may be divided into universal, national and special (relevant for certain type of discourse). As for the special parameters of effectiveness of a standard political leaflet, the paper studies them experimentally. The analysis of perception of verbal (the text) component of election leaflet shows that addressees (potential voters) prefer the text to be short but information-rich; there should be good balance of personal and program information; appeal to potential voters (the stress is on what the candidate wants to do for the city/region, explicit description of the candidate's goals); clear and comprehensible text; sincerity and frankness of the addresser. The emotional component of the text is viewed differently, it is treated both as a positive feature and a negative feature. The analysis of the preferences of the graphic design of the leaflets reveals that addressees prefer large, easy-to-read print; logical graphic structure of the information, differentiation of the conceptual blocks; good typography. But the use of colors is treated differently.*

Among anti-preferences concerning the leaflet text are information redundancy (especially personal information); the absence or insufficiency of program information; vague intention of the text; excessive self-presentation; the absence of ways to solve the voters' problem; genre ambiguity; mistakes of different types. Among anti-preferences concerning the graphic part of the leaflet we find small print; the use of different fonts; too much display; poor graphic structure. In general, addresses preferences may be referred to special parameters, which determine effectiveness of political leaflet. Similar parameters may be identified in the other genres of political discourse.

KEYWORDS: *political advertising; political leaflet; political discourse; political communication; political texts; slogans.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Berezkina O. P. Kak stat' deputatom ili prodat' sebya na politicheskom rynke: tayny remesla. Prakticheskie rekomendatsii. — SPb. : Trening, 1997.
2. Gavra D. P. Kommunikativnye istochniki // Osnovy teorii kommunikatsii. — SPb. : Roza mira, 2006. Ch. 2. S. 178—198.
3. Egorova-Gantman E., Pleshakov K. Politicheskaya reklama. — M. : Tsentr politicheskogo konsul'tirovaniya «Nikkolo M», 1999.
4. Lamben Zh.-Zh. Strategicheskii marketing. — SPb. : Nauka, 1996.
5. Kiselev K. V. Politicheskii slogan: problemy semanticheskoy politiki i kommunikativnaya tekhnika. — Ekaterinburg : UrO RAN, 2002.
6. Klushina N. I. Vlast', SMI i obshchestvo (strategii i taktiki formirovaniya obshchestvennogo mneniya) // Yazyk SMI i politika. — M. : MGU, 2012. S. 262—283.
7. Krivososov A. D. PR-tekst v sisteme publichnykh kommunikatsiy. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2002.
8. Kudinov O. P. Osnovy organizatsii i provedeniya izbiratel'nykh kampaniy v regionakh Rossii. — Kaliningrad : Yantarnyy skaz, 2000.
9. Kulikova L. V. Kommunikatsiya. Stil'. Interkul'tura: pragmatolingvisticheskie i kul'turno-antropologicheskie podkhody k mezhkul'turnomu obshcheniyu. — Krasnoyarsk : SFU, 2011.
10. Kultysheva I. V. Ubezhdenie i dokazatel'stvo v sovremennoy rossiyskoy predvybornoy listovke kak zhanre agitatsionnogo diskursa : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2011.
11. Muzykant V. L. Reklama. Mezhdunarodnyy opyt i rossiyskie traditsii. — M. : Pravo i Zakon, 1996.
12. Ol'shanskiy D. V. Politicheskii PR. — SPb. : Piter, 2003.
13. Pirozhkova I. S., Ruzhentseva N. B. Kognitivnye vektory refreymirovaniya predvybornoy listovki // Rechevoe vozdeystvie v politicheskom diskurse / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. S. 104—111.
14. Proskuryakov M. R. Kontseptual'naya struktura teksta. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2000.
15. Feofanov O. A. Reklama: novye tekhnologii v Rossii. — SPb. : Piter, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Й. Сипко
Прешов, Словакия

ОБРАЗ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАЦКИХ СМИ)

АННОТАЦИЯ. Анализируется отражение американской президентской предвыборной кампании 2016 г. в словацких СМИ, а именно обращение в прессе к русской теме в связи с указанными выборами. Это обращение объясняется тем, что Д. Трамп во время публичных выступлений относительно корректно отзывался о России, что было особенно заметным на фоне преобладавшего при рассмотрении других тем в дискурсе кандидата от Республиканской партии негативно-экспрессивного тона. Умеренная по сравнению с кандидатами от Демократической партии риторика по отношению к России воспринималась многими журналистами как свидетельство секретного сотрудничества Трампа с Путиным, общности экономических и политических взглядов этих двух политиков, желания Трампа построить в Америке ту же олигархическую модель правления, что в России. Тема поддержки Трампа со стороны России привела к оживлению антироссийской пропаганды в СМИ. Обсуждение называвшихся СМИ неожиданными результатов выборов продемонстрировало, что в предвыборный период СМИ манипулировали общественным мнением. Наметились недоверие общества к информации, распространяемой СМИ. В газетных публикациях подчеркивалось, что победа Трампа выгодна Путину, указывалось на опасности в связи со случившимся для безопасности Европы, прежде всего Восточной Европы, Прибалтики и Украины. Выходили и более-менее взвешенные публикации, призывавшие к равновесию разных сил на внешнеполитической арене. В заключение антироссийская тенденция многих СМИ, создающих отрицательный образ России, вписывается в контекст мировой политики, связывается с попытками построения однополярного мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: американские президенты; предвыборные кампании; политический дискурс; медиадискурс; словацкие СМИ; средства массовой информации; образ России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сипко Йозеф, профессор, доктор, кандидат филологических наук, Философский факультет, Институт русистики, Прешовский университет; 08005, Словакия, Прешов, Вазежка, 14; e-mail: jozef.sipko@unipo.sk.

1. Введение

Американские президентские выборы и предшествующая им предвыборная кампания вызывают большой интерес во всем мире. В 2016 г. предвыборная кампания длилась полтора года, и на последнем, заключительном ее этапе проходили **острые дебаты** между Хиллари Клинтон — кандидатом от Демократической партии и Дональдом Трампом (от Республиканской партии). Во время их словесных поединков, по регулярным опросам и по прогнозам специалистов, лидировала Клинтон с отрывом в 10 %, а то и больше. Трамп обратил на себя внимание целым рядом радикальных заявлений в адрес конкретных групп людей, что послужило поводом для острой критики в его адрес со стороны многих СМИ и видных деятелей в США и других странах. В данном материале внимание обращено главным образом на ведущие словацкие СМИ и то, как они интерпретировали указанные события. В центре внимания находится **русская тема**, т. е. конкретные ассоциации, связанные с **Трампом и Россией**. Внимание к подобной тематике базировалось на том, что Трамп в своих публичных выступлениях говорил о России и ее президенте относительно корректно, что считалось необычным, поскольку большинство его выступлений были очень экспрессивны. При этом в прессе подчеркивалось, что президентская предвыборная кампания 2016 г. была в истории США самой отвратительной:

Ядовитая американская кампания шокирует не только избирателей (S. 8.11.2016).

Этот остро отрицательный тон закономерно отразился при обсуждении всех тем, в том числе и рассматриваемой русской темы.

2. Трамп и Россия

Одной из центральных тем всей предвыборной кампании, как отмечено выше, была **Россия**, ее оценки, перспективы будущих отношений между США и Россией, Россия и Запад, Россия и Прибалтика, Украина и др. В этом плане Трамп несколько раз высказался сдержанно и в некотором смысле положительно, что на фоне острых антироссийских заявлений Клинтон и некоторых других представителей США и Запада выглядело как почти что дружеское отношение Трампа к России и ее президенту Путину. Одной из подобных тем, в связи с которыми в постсоветские годы критикуется Россия, является **Прибалтика**, и в данном контексте Трамп заявил:

Из-за Эстонии мы не начнем войну против России.

Отдельные корректные заявления Трампа относительно России были в центре внимания СМИ и общественности во время всей предвыборной кампании. Они считались иногда проявлением почти что его дружественных чувств к России, что высокопоставленному политику США совершенно не подходит:

Его комплименты в адрес России в американской политике беспримерны (P. 20.10.2016).

Подобные заявления послужили для многообразных, в первую очередь отрицательных, оценок Трампа, и его противники намеревались скомпрометировать респуб-

ликанского кандидата за якобы положительное отношение к России. Высказывались в том числе даже невероятные гипотезы и утверждения о сотрудничестве между Трампом и Путиным:

Связь между влиятельным окружением Путина и штабом Трампа (S. 8.11.2016).

Указанная связь Путина и Трампа стала считаться в антироссийских кругах почти что реальным фактом. Это еще больше повышало степень отвержения республиканского кандидата в президенты США значительной частью СМИ и общественности. А если к тому же союзник Трампа Путин наделен самыми отвратительными качествами, то его неприемлемость как президента США должна казаться естественной:

Если в эту картину добавим сумасшедшего из Кремля, то риск, связанный с Трампом, приобретает конкретные очертания (S. 8.11.2016).

В этом контексте путинско-трамповских сопоставлений неудивительно, что появились даже невероятные оценки фигуры самого Трампа. В одном из таких материалов высказывала свои соображения даже живущая ныне в США дочь Н. С. Хрущёва [Khrushchova 2016: 40—41], которая усмотрела у Трампа и Путина одни и те же отрицательные качества:

В США тоже есть свои Путины. Большая ложь, которая так легко дается Путину, сегодня является ключевым элементом президентской кампании Трампа (Т. 2016.42).

Антироссийские авторы отмечали и другие общие черты между Россией при президенте Путине и Америкой при потенциальном президентстве Трампа. В этом контексте упоминалось богатство миллиардера Трампа и богатство российских олигархов, которые поддерживают Путина:

Следующая черта России — власть олигархов (Т. 2016.42).

Трамп изображался не только как союзник Путина, но еще и как человек, который будет зависеть от президента России. В таком случае заслуживают критику все, кто поддерживают Трампа, в том числе и высокопоставленные политические деятели в Америке, поскольку у президента США будет ядерный чемоданчик:

Определенной части американских правых не мешает, что она готовится одолжить ядерный чемоданчик полезному идиоту Путину (Р. 8.11.2016).

Россия в словацких прозападных СМИ характеризовалась как страна, опасная и для нас, как агрессор. По сути дела, это продолжение антироссийской пропаганды прошлых периодов. В особенности для про-

западных кругов опасной представляется **российская пропаганда**, с которой необходимо вести бескомпромиссную борьбу, так как она распространяет ложь по всему миру:

Пока правда обуется, то ложь три раза облетит землю (S. 26.10.2016).

В этом контексте острая критика направлена также против словацкого правительства Р. Фицо, который считается сторонником России, и за это он удостоен самой острой критики [Сипко 2016]. Известными стали его открытые заявления такого толка:

Санкции против России бессмысленны, и надо их отменить.

С точки зрения некоторых журналистов, словацкое правительство ничего не предпринимает против российской пропаганды [Korcsay 2016: 10], которая считается опасной. Более того, распространялись сведения, что в эту президентскую кампанию в США включилась также Россия на стороне Трампа. Такие утверждения были призваны снизить его шансы на победу. Особой темой в этом контексте стали **российские хакеры**:

От расистских обид до российского хакерства (S. 8.11.2016).

Россия, таким образом, в связи с американской предвыборной кампанией была показана как активный ее участник, естественно, на стороне Трампа. Это относилось не только к российским хакерам, но также к российской власти, и в этом плане высказывались даже невероятные предположения:

Русские намерены менять результаты американских выборов (S. 7.11.2016).

Россия не только симпатизировала Трампу, но, по мнению некоторых авторов, прямо оказывала влияние на ход предвыборной кампании [Eritous 2016: 8] и, по всей вероятности, добилась некоторых успехов:

Русские поставят выборы под сомнение. Они кое-чего уже добились, ослабили позиции Клинтон (S. 7.11.2016, с. 8).

Агрессивность России стала основной темой в рамках негативного изображения данной страны. На этом фоне выдвигалась идея о том, что Европа должна самым тесным образом сотрудничать с США, повышать военный бюджет, а это будет возможно только при победе Клинтон. Вместе с тем требуется создать общие военные части на государственной границе с Россией:

НАТО создает батальоны на Востоке (Р. 27.10.2016).

Только в очень редких случаях встречались публикации, в которых высказывались **резвые** и относительно объективные оценки отношений между Россией и Европой. Обе стороны должны сотрудничать, поскольку это в их жизненных интересах:

Позаботится ли Европа о своей безопасности? ЕС и Россия осуждены на сотрудничество. Пользу принесет партнерство ради мира на нашем континенте (S. 27.10.2016).

Но таких высказываний было мало. Разнообразные политические события часто описывались с ассоциативными негативными отсылками к России, ее прошлому и многочисленным аспектам российской действительности. Как правило, такие ассоциации связывались с **советской** эпохой, политическую линию которой якобы продолжает и современная Россия. Так, в Чехии не была вручена награда человеку, племянник которого как министр культуры встретился с тибетским далай-ламой. Чешский президент М. Земан это посчитал шагом, направленным против государственных интересов Чехии. Один из критических комментариев гласил:

Это оргии большевистского бесстыдства (S. 27.10.2016).

Та же самая ситуация, связанная с государственными наградами в Чехии, послужила поводом для критического упоминания не только России, но и Китая. И все, кто не относится к этим двум странам критически, заслуживают сурового осуждения, потому что они *склоняются* перед Россией и Китаем:

Необходимость склоняться перед Китаем и Россией (S. 7.11.2016).

Советские реминисценции с однозначными отрицательными ассоциациями являются составной частью негативного образа современной России на протяжении всей постсоветской эпохи. Иногда советскую коммунистическую идеологию ставят в один ряд с фашизмом:

Между свастикой и серпом с молотом необходимо поставить знак равенства (S. 7.11.2016).

(В этом контексте представляет интерес указание на объединение советской и фашистской символики в националистическом дискурсе современной России. М. Р. Бабилова [Бабилова 2016] приводит примеры презентации визуальных образов Третьего рейха в среде сторонников Национал-большевистской партии, символом которой являются свастика и серп с молотом.)

На основе массивной антироссийской пропаганды складывалось мнение, что победа Трампа будет для России выгодной, о чем регулярно писали и в российских СМИ, где Клинтон изображалась как политический деятель, который очень критически настроен против России:

Хиллари Клинтон будет раздувать войну. С Трампом есть шанс мировой войны избежать (ЛГ. 2016.3б, ак. Глазьев).

Одним из проявлений антироссийской тенденции в значительной части прозападных политических комментариев прессы является обращение к **украинской** проблеме. Запад и его сторонники однозначно обвиняют в этом кризисе Россию. В результате соответствующие события воспринимаются как главный фактор в отношениях между Россией и США:

Майданный тренд на Украине — использовать и презирать одновременно. Это война Америки против России, не война России с Украиной (ЛГ. 2016.3).

Тема Украины, таким образом, стала очередным поводом заявить о победе Клинтон, поскольку Трамп, по ряду версий [Štrba 2016], Украине не поможет, и она окажется в очень опасном положении:

На Украине умирают люди (S. 20.10.2016).

3. После выборов

Во вторник 8 ноября 2016 г. прошли президентские выборы в США. Общим местом стало мнение о неожиданности их результата, поскольку, согласно многочисленным опросам и аналитическим исследованиям, должна была победить Клинтон. На первый взгляд, результаты американских президентских выборов действительно оказались неожиданными, но при более подробном анализе ситуации всё выглядело совершенно по-другому. Можно было обратить внимание на роль СМИ, которые в большинстве своем всё время подчеркивали перевес Клинтон над Трампом. После выборов стало ясно, что СМИ серьезно **манипулировали** общественным мнением; внимательному наблюдателю становится очевидным, что подобные манипуляции характерны не только для американской предвыборной кампании. Значительная часть общества сильно сомневается в объективности современных СМИ. Показательной была в этом плане «информация» на одной из главных улиц нашего города Прешова, где на таблице, предназначенной для меню, приводилось сообщение, основанное на языковой игре с участием слова *трампыты* — *заботы*:

В США сняли новый фильм — „Трампыты пани Хиллариовой“.

Тем самым в смеховом жанре была показана разница между здравомыслящими людьми, внутренне свободными, и официальными представителями политической и медийной власти. В большинстве словацких СМИ явно выражалось мнение о том, что победа Трампа представляет собой опасное явление для демократии и вообще для человечества.

4. Трамп опасен

Некоторые заголовки словацких СМИ авторы писали в истеричном тоне, трактуя победу Трампа как большое несчастье, которое постигло не только Америку, но и весь «свободный мир». Типичным в этом отношении был такой заголовок:

Трамп победил Америку (S. 10.11.2016).

Этот же лейтмотив проявился в метафоре, в рамках которой Трамп предстает как стихийное бедствие, причем, по всей видимости, актуализируются многие острые выступления Трампа, сделанные еще до выборов и не только в адрес Клинтон. Республиканец действительно выглядел часто как

Ураган Трамп (P. 10.11.2016).

Разные формы удивления, высказывавшиеся в отдельных оценках президентских выборов в США, сменились резко отрицательной критикой Трампа, которая иногда полностью лишена рационального зерна, а скорее выражает личное огорчение некоторых авторов, которые результаты выборов посчитали за великую беду для «свободного и демократического мира»:

Захватчик (S. 10.11.2016).

5. И опять Россия виновата

Значительная часть комментариев к результатам выборов опять же отсылала к **российской теме**, в контексте которой делались прогнозы о том, какими будут отношения между Россией и США при президенте Трампе. Имелись в виду конкретные заявления Путина и Трампа, сделанные еще до выборов, не содержавшие взаимной критики, что словацкие западники принимали почти *со слезами на глазах*:

Трамп и Путин во время предвыборной кампании обменивались комплиментами (S. 10.11.2016).

Аналогичные комментарии говорили о том, что Путин и Трамп не только не будут соперничать, но даже станут тесно сотрудничать [Raganová 2016: 8], и в этой новой ситуации победителем будет однозначно Путин:

Путин теперь получил сильного союзника (S. 10.11.2016).

В связи с российскими ассоциациями частой была тема **безопасности** в Европе, в частности в ее восточной части, особенно в **Прибалтике и на Украине**. Антироссийские авторы отмечали, что данный регион после победы Трампа может стать более опасным. И в данном случае явно прослеживается тот же мотив близости *Путина и Трампа*:

Самыми главными проигравшими из-за голосования за Трампа являются Украина, Восточная Европа и страны Балтии (S. 10.11.2016).

Прибалтика, по этим авторам, при президенте Трампе будет находиться в опасности, если учесть некоторые его заявления еще до выборов (см. выше). Именно этот мотив российской опасности и определенно-го равнодушия Трампа к судьбе восточноевропейских стран повторялся до выборов и после них:

Прибалтийские государства обеспокоены заявлениями Трампа, по которым помощь НАТО не будет автоматической (S. 29.11.2016).

Ослабление НАТО представляет собой очередную тему в рамках материалов с отрицательной оценкой победы Трампа, и данный факт непосредственно касается также Словакии, правительство которой часто критикуют за то, что оно не увеличивает свой военный бюджет. В этом, естественно, тоже чувствуется рука Москвы:

Российская пропаганда со своей машиной троллей, бывших кагэбэшников и других агентов будет делать всё для того, чтобы поставить под сомнение наше членство в НАТО (S. 10.11.2016).

Аналогичную тему поднимали в российских СМИ, где обращалось внимание на то, как положение Украины после победы Трампа интерпретируют отдельные политики на Западе. Например, бывший американский посол в России Макфол прямо после выборов заявил:

Украина стала главным проигравшим в этих выборах (PB. 2016.11).

Украинская тема по понятным причинам не могла остаться без внимания во время предвыборной кампании и после выборов. Чаще всего повторялась мысль о том, что Трамп не будет поддерживать Украину так, как это было в предыдущем периоде при президенте Обаме, и Украина останется под угрозой России [Latta 2016: 27]:

Трамп не понимает, для чего нужна Украина Соединенным Штатам (автор цитирует украинского политолога Бондаренко) (P. 22.11.2016).

P. Schutz [Schutz 2016: 12] убежден даже в том, что в новой обстановке произойдет разделение **сфер влияния** так, как это было в советскую эпоху и во время холодной войны, и, таким образом, страны, которые были в советской сфере влияния, опять попадут в опасное положение и окажутся в российской сфере влияния:

Речь не только о Путине, с которым, по всей видимости, Трамп намерен восстановить сферы влияния, которые были до 1989 г. Если бы я жил в Риге, Таллине или в Вильнюсе, то собирал бы чемоданы (S. 10.11.2016).

Сферы влияния России и США, по отдельным комментариям, отсылают к советскому периоду истории, черты которого, по мнению ряда авторов, опять вернутся в мировую политику в связи с победой Трампа. В некотором смысле для союзников США настанут времена еще хуже, поскольку Трамп намерен проводить политику изоляционизма, что будет для Европы очень опасно. В этой связи высказываются серьезные сомнения:

Оставит ли Трамп Европу и разделит ли он сферы влияния с Путиным (Т. 2016.27).

Односторонние суждения иногда выражают абсурдные идеи. 25 ноября 2016 г. умер Фидель Кастро. Кроме целого ряда обзорных статей со всесторонней оценкой его деятельности появились также публикации, в которых данное событие связывалось опять же с Трампом и Россией [Štrba 2016: 6]. Ассоциативная **кубинско-российско-трамповская** связь привела даже к следующему оригинальному умозаключению:

Аналитики теперь часто (sic! — Й. С.) думают над тем, как бы закончился ракетный кризис на Кубе, если бы в Белом доме сидел не Кеннеди, но, например, Трамп (S. 29.11.2016).

Так и хочется этим *аналитикам* подсказать, что Трампу в октябре 1962 г., во время Карибского кризиса, было 16 лет...

6. Всё может быть по-другому

Появились и совершенно другие оценки [Dgrábek 2016: 4], авторы которых видели ближайшее будущее российско-американских отношений более-менее **взвешенно**, без коренных изменений, но также и без лишнего напряжения:

Трамп не будет куклой Путина (Р. 11.10.2016).

Подобные позиции высказывались также в российских СМИ, в которых отдельные авторы давали трезвые и даже сдержанные оценки Трампа. В то же время на сайте «Русская весна» появилось интервью с патриархом американской политики 94-летним Генри Киссинджером. Журналистами подчеркивались его слова о необходимости взаимного уважения и **равновесия** между Россией и США. Представляется очень интересным, что Киссинджер воспринимает русских через русскую классическую литературу:

Чтобы понять Путина, надо читать Достоевского, а не Mein Kampf, — Генри Киссинджер. Россия ищет признания как великая держава. Как равный, а не как проситель в системе, спроектированной Америкой (РВ. 2016.11).

По всей вероятности, именно к такому миру должны стараться прийти ответственные политики.

7. Заключение

Некоторое время после распада СССР казалось, что мир будет всё-таки развиваться, в отличие от предыдущей эпохи, путем сотрудничества, без напряжения, и холодная война останется окончательно в прошлом. Еще в начале 1990-х гг. не наблюдалось никакой конфронтации между Россией и Западом. Оказывается, что одной из главных причин такого состояния была геополитическая слабость России. США и НАТО в те годы включили в сферу своего влияния Восточную Европу и даже бывшую территорию СССР. Варшавский договор перестал действовать, и в НАТО приняли бывших союзников СССР. В те же самые годы США и западные союзники бомбили Югославию, Ирак (под предлогом, что там существует оружие массового уничтожения), Афганистан и стали мировым гегемоном в так называемом **однополярном мире**. Стало очевидным, что они не остановятся на достигнутом. События на Украине это однозначно подтвердили: даже западные журналисты заметили в столице Украины высших представителей ЦРУ. **В новой обстановке Россия стала возвращаться в мировую политику**, и этот факт можно считать главной причиной нынешнего напряжения. Не стоит особого труда заметить, что любое политическое событие в современном мире регулярно оценивается СМИ с созданием **отрицательного образа России**. То, что прозападные авторы высказывают антироссийские оценки по любому поводу, приводит даже к парадоксам. При этом создаются даже абсурдные мыслительные конструкты, в которых Россия предстает как агрессор, который угрожает миру. Освещение американских президентских выборов полностью подтвердило эту антироссийскую оценочную тенденцию. Ассоциативная связка «американские президентские выборы — Трамп — Россия — зло» представляла одну из главных содержательных и оценочных линий. В полной мере проявляется несвобода «свободных» СМИ. И что больше всего вызывает тревогу, так это **ненависть** «свободолюбивых» авторов (*сумасшедший из Кремля, идиот Путина, захватчик*), которая самым тесным образом смыкалась с ложью и враждой, когда Трампа представляли как союзника и даже друга Путина. А ведь в конце концов одна из ценностей, часто провозглашаемая в качестве западной, формулируется так:

Свобода, равенство, братство.

Это оказывается пустым лозунгом, если обратить внимание на общую картину во многих современных СМИ, в которых почти нет места для отображения положительных характеристик некоторых объектов.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. P — Pravda.
2. S — Sme.
3. T — Týždeň.
4. ЛГ — Литературная газета.
5. РВ — Русская весна. URL: <http://rusvesna.su>.

ЛИТЕРАТУРА

6. Бабикина М. Р. Прецедентные визуальные образы Третьего рейха: варианты презентации в националистическом дискурсе // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2016. С. 17—20.
7. Запорожец Н. До последнего украинца // Литературная газета. 2016. № 39. С. 3.
8. Сипко Й. Образ России в современной Словакии // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направле-

ния : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2016. С. 187—190.

9. Drábek I. Trump nebude Putinovou babkou // Pravda. 2016. 10.11. S. 4.
10. Eritous A. Rusi spochybnia voľby // Sme. 2016. 7.11. S. 8.
11. Julian J. Postará sa Európa o svoju bezpečnosť? // Sme. 2016. 27.10. S. 11.
12. Khrushchova N. Trump ruskýmiočami // Týždeň. 2016. № 42. S. 40—41.
13. Kopcay M. Prikrčení pred Ruskom // Sme. 2016. 26.10. S. 10.
14. Latta B. Ukrajina je ako kufor bez rúčky // Pravda. 2016. 22.11. S. 27.
15. Matisák A. NATO skladá prapory na východe // Pravda. 2016. 27.10. S. 27.
16. Nicholson T. Jedovatá americká kampaň šokuje nielen voličov // Sme. 2016. 8.11. S. 11.
17. Raganová K. Putin teraz získal veľmi silného spojencu // Sme. 2016. 11.10. S. 8.
18. Schutz P. Votreclec // Sme. 2016. 10.11. S. 12.
19. Štrba P. Na Ukrajine zomierajú ľudia // Sme. 2016. 20.10. S. 8.
20. Štrba P. Fidelova Kuba mohla spustiť jadrovú vojnu // Sme. 2016. 29.11. S. 6.

J. Sipko

Prešov, Slovakia

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE LIGHT OF AMERICAN PRESIDENTIAL ELECTIONS (BASED ON SLOVAK MASS MEDIA)

ABSTRACT. *The paper analyzes representation of American presidential electoral campaign of 2016 in Slovak mass media; special attention is paid to the references to the topics of Russia in connection with these elections. Such references are caused by the fact that D. Trump was rather tactful when speaking about Russia, which was especially obvious when compared to the statements of negative expressive coloring made by this Republican candidate about some other topics. Trump's moderate rhetoric towards Russia, which was different from that of the Democratic Party, was considered by some journalists as a proof of secret cooperation between Trump and Putin, similarity of economic and political views of the two politicians, and Trump's wish to bring the similar oligarchical control as exists in Russia. The topic of Trump's support by Russia stimulated anti-Russia propaganda in mass media. Mass media called the elections result unexpected, which proved that mass media manipulated mass consciousness during the campaign. This gave rise to lack of trust to the information given by mass media. Media articles underlined that Trump's victory is advantageous for Putin, spoke about the danger for European security, especially for the security of Eastern Europe, the Baltic States and Ukraine. At the same time there were a number of carefully worded articles that encouraged balance of the powers in the international political arena. In conclusion, anti-Russia tendency of mass media that create negative image of Russia fits in the context of international politics aimed at establishment of one-polar world.*

KEYWORDS: *American presidents; election campaign; political discourse; media discourse; Slovak mass media; mass media; the image of Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sipko Joseph, Professor, Doctor, Candidate of Philology, Faculty of Philosophy, Institute of the Russian, Ukrainian and Slavic Languages, University of Prešov, Slovakia.*

REFERENCES

1. P — Pravda.
2. S — Sme.
3. T — Týždeň.
4. LG — Literaturnaya gazeta.
5. RV — Russkaya vesna. URL: <http://rusvesna.su>.
6. Babikova M. R. Pretsedentnye vizual'nye obrazy Tret'ego reykh: varianty prezentatsii v natsionalisticheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg, 2016. S. 17—20.
7. Zaporozhets N. Do poslednego ukrainca // Literaturnaya gazeta. 2016. № 39. S. 3.
8. Sipko Y. Obraz Rossii v sovremennoy Slovaki // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg, 2016. S. 187—190.
9. Drábek I. Trump nebude Putinovou babkou // Pravda. 2016. 10.11. S. 4.

10. Eritous A. Rusi spochybnia voľby // Sme. 2016. 7.11. S. 8.
11. Julian J. Postará sa Európa o svoju bezpečnosť? // Sme. 2016. 27.10. S. 11.
12. Khrushchova N. Trump ruskýmiočami // Týždeň. 2016. № 42. S. 40—41.
13. Kopcay M. Prikrčení pred Ruskom // Sme. 2016. 26.10. S. 10.
14. Latta B. Ukrajina je ako kufor bez rúčky // Pravda. 2016. 22.11. S. 27.
15. Matisák A. NATO skladá prapory na východe // Pravda. 2016. 27.10. S. 27.
16. Nicholson T. Jedovatá americká kampaň šokuje nielen voličov // Sme. 2016. 8.11. S. 11.
17. Raganová K. Putin teraz získal veľmi silného spojencu // Sme. 2016. 11.10. S. 8.
18. Schutz P. Votreclec // Sme. 2016. 10.11. S. 12.
19. Štrba P. Na Ukrajine zomierajú ľudia // Sme. 2016. 20.10. S. 8.
20. Štrba P. Fidelova Kuba mohla spustiť jadrovú vojnu // Sme. 2016. 29.11. S. 6.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

О. А. Солопова
Челябинск, Екатеринбург, Россия

А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

Е. Д. Шлемова
Челябинск, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

АННОТАЦИЯ. Целью работы является исследование особенностей перевода прецедентных высказываний в президентском дискурсе В. В. Путина на английский и китайский языки. Новым в исследовании прецедентных высказываний в рамках президентского дискурса является комплексный сопоставительный анализ прецедентных высказываний на материале русского языка и особенностей их перевода на английский и китайский языки. Авторами предложен алгоритм анализа переводческих решений, который включает определение источника прецедентного высказывания и уровня прецедентности, констатацию наличия или отсутствия трансформаций в языке оригинала, анализ выбора переводческого решения (лексической трансформации при переводе на английский и китайский языки). Авторы приходят к выводу, что интертекстуальное включение лишено «абсолютной» переводимости, поскольку наличие эквивалента прецедентного высказывания в переводящей культуре является единичным случаем. Любая из переводческих трансформаций (буквальный перевод; адаптация: добавление, экспликация, парафраз; замена исходного прецедентного высказывания на аналог в переводящей культуре), применяемых при переводе интертекстуального фрагмента на другой язык, так или иначе «не позволяет» добиться адекватного переводческого решения, что связано как с типологическими различиями языков оригинала и перевода, так и с несовпадением фоновых знаний носителей языка оригинала и языка перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: президентский дискурс; прецедентное высказывание; лексическая трансформация; переводческая трансформация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры «Лингвистика и перевод» Института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 223; кафедра риторики, межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: solopovaolga@yandex.ru.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Шлемова Елизавета Дмитриевна, студент, бакалавриат, специальность «Типологическая и прикладная лингвистика», кафедра «Лингвистика и перевод», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 223; e-mail: liza-shv_95@mail.ru.

Любой политик располагает огромным спектром языковых средств для влияния на массовое сознание и манипулирования им. В современном политическом дискурсе политики (часто при помощи спичрайтеров) используют разнообразные лингвистические технологии для достижения своих целей и намерений, что требует не только знаний об экстралингвистических реалиях, о ценностях и потребностях имплицированных адресатов, но и владения языком на «лингвистическом, национально-культурном, энциклопедическом и ситуативном уровнях» [Апресян 1995], что включает «манипулирование» словом, использование национально обусловленной специфики языковых средств, знание реалий, которые «стоят» за словом, применение языковых средств сообразно ситуации, намерениям говорящего и ожиданиям адресата. Подобные технологии позволяют политикам упрочить свое положение, объяснить и оправдать существующий социальный порядок, добиться общественного признания, делая выступления яркими, убе-

дительными, запоминающимися и эмоционально заряженными.

Обзор работ по исследованию президентского дискурса показывает, что в фокусе внимания ученых оказываются концепты глав государств, концепты прецедентных личностей, дискурсивные характеристики текстов глав государств, идиостили политических лидеров, закономерности метафорического моделирования в идиостиле отдельного политика [Бирюкова 2009; Ворошилова 2013; Гаврилова 2005; Добрич 2014; Керимов 2009; Макарова 2011; Мешкова 2005; Нахимова 2009; Онищенко 2011; Садуов 2012; Седых 2011; Слышкин 2004; Спиридовский 2011; Тамерьян, Цаголова 2013; Учиров 2015; Шустрова 2010]. Особое внимание в работах современных ученых уделяется анализу различных аспектов дискурса российского президента [Балашова 2013; Дементьева 2009; Зелянская 2014; Лассан 2014; Марьянич 2015; Светоносова 2006; Сипко 2014].

К специфическим характеристикам современного политического дискурса в целом

и президентской риторики в частности, наряду с институциональностью, информативностью, смысловой неопределенностью, авторитарностью и динамичностью [Нахимова 2009; Чудинов 2003; Шейгал 2004], исследователи относят интертекстуальность. Использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе является одним из самых эффективных средств убеждения и эмоционального воздействия на адресата. Яркие примеры, подтверждающие точку зрения автора, универсальные истины, не требующие доказательств, обращение к культурно-исторической памяти, апелляция к эмоциям помогают создать эффект синхронизации мыслительной деятельности адресанта и адресата, сделать последнего не просто потребителем информации, но и активным «соучастником», задействованным в генерировании политических, идеологических и эстетических смыслов в случае верной интерпретации и декодирования им интертекстуального послания.

Однако недостаточные знания аудитории использовать адресантом прецедентных феноменов могут быть причинами коммуникативных неудач, что особенно актуально при переводе последних на иностранный язык. Переводчик должен обладать так называемой интертекстуальной компетенцией, сформированной его «подключенностью» не только к мировой культуре [Кушнерук 2006] (в случае перевода универсально-прецедентного феномена), но и к культуре конкретной страны (в случае перевода национально-специфичного прецедентного феномена и социумно-прецедентного феномена). Интертекстуальная компетенция включает «узнавание» прецедентных феноменов в смысле формальной констатации их наличия и их содержательное декодирование в ключе, заданном адресантом. Переводчик должен быть носителем «интертекстуальной энциклопедии» [Эко 2004], которая включает совокупность знаний культурного, исторического, географического и прагматического характера [Олизько 2002: 32].

Декодирование прецедентных феноменов и их перевод на другой язык требует определенных операций, поскольку интертекстуальные блоки могут быть по-разному интерпретированы и чаще всего «становятся для переводчика почти непреодолимой проблемой» [Бойко 2006]. Существует ряд точек зрения на проблему перевода интертекстуальных включений с одного языка на другой. С одной стороны, критерий прагматической адекватности перевода предполагает равенство коммуникативного эффекта оригинального и переводного текстов, когда реакция

адресата на текст перевода эквивалентна реакции адресата на оригинальный текст, что при неизбежности культурных различий между текстом оригинала и текстом перевода заставляет переводчика обращаться к некоторым прагматическим адаптациям [Нойберт 1978: 180—202]. С другой стороны, ряд исследователей поддерживает идею включения в переводной текст примечаний, сносок, культурологических комментариев с целью минимизировать количество изменений в переводном тексте и обеспечить адекватность перевода и понятность адресату [Найдя 1978: 90—97].

Настоящая статья ограничена анализом прецедентных высказываний, являющихся одной из характерных черт дискурса российского президента В. В. Путина. Актуальность избранной темы обусловлена тем, что, как отмечают исследователи, «среди создаваемых образов персоналий президент РФ В. В. Путин является абсолютным лидером по объему внимания, которое ученые уделяют конкретной личности президента, изучая тексты СМИ» [Хренова 2017: 80]. Новым в исследовании указанных прецедентных феноменов в рамках президентского дискурса является комплексный сопоставительный анализ прецедентных высказываний на материале русского языка и особенностей их перевода на английский и китайский языки.

Анализ прецедентных высказываний (ПВ) в президентском дискурсе и особенностей их перевода на английский и китайский языки включает следующие параметры:

– *источник прецедентного высказывания* (Библия, мифы античности, музыка, фольклор, песни, тексты, связанные с политикой, наукой, спортом, медициной и др.);

– *уровень прецедентности*: социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены;

– *наличие или отсутствие трансформаций* в исходном тексте (лексические трансформации: замещение, добавление, усечение, контаминация);

– *вид переводческой трансформации* при переводе прецедентного высказывания с русского на английский, китайский язык: буквальный перевод, адаптация (добавление, экспликация, парафраз), замена исходного прецедентного высказывания на аналог в переводящей культуре, комментарий, элиминация.

В качестве иллюстративных примеров приведем несколько прецедентных высказываний, проанализированных в соответствии с указанным выше алгоритмом анализа.

1. **Товарищ волк знает, кого кушать — кушай и никого не слушай** (В. В. Путин в

послании к Федеральному собранию о развитии оборонной сферы, военном бюджете США, вероятном вторжении США в Иран, май 2006 г.). Когда журналист из заинтригованной данным выражением многочисленной аудитории поинтересовался у президента о том, какой смысл заложен в данном высказывании, В. В. Путин лишь коротко ответил, что выражение родилось по ходу обзора послания. В русскоязычном варианте присутствует добавление, точнее, слияние двух прецедентных высказываний — выражения из анекдота и фольклорной поговорки. Источником первой части («Товарищ волк знает, кого кушать») является анекдот про Рабиновича, в котором Рабинович, волк и козленок провалились в яму, и волк съел козленка, не тронув Рабиновича. Рассматриваемое прецедентное высказывание можно отнести к социумно-прецедентным высказываниям. Вторая часть («Кушай и никого не слушай») — народная поговорка, известная с детства большинству носителей русского языка, является национально-прецедентным высказыванием. Поскольку национально- и социумно-прецедентные феномены часто становятся непроницаемыми как для переводчика, так и для адресата переводящей культуры, так как их ассоциативный план естественно ограничен вследствие их нерелевантности для носителей переводящей культуры, в языках перевода (китайском и английском) основным переводческим приемом является буквальный перевод:

狼同志知道要吃谁 — 狼同志知道要吃谁, 他不分青红皂白地吃, 很明显他不会听任何人的话 [Yingshe meiguo weilang tongzhi pujiang yaoqiang 2006]. / **Товарищ волк знает, кого нужно есть, независимо от его беспорядочного питания; совершенно очевидно, что он не хочет слушать ничьи слова.** / *Comrade wolf knows who to eat. He eats without listening to anybody and it seems he is not ever going to listen* [Vladimir Putin. Quotes]. / **Товарищ волк знает, кого есть. Он ест, никого не слушая,** и, кажется, слушать не собирается.

Тем не менее переводчику часто приходится прибегать к грамматическим и лексическим трансформациям. Это, во-первых, обусловлено тем, что переводу подлежат социумно-прецедентное и национально-прецедентное высказывания, специфичные для представителей исходной культуры и определенного социального слоя; во-вторых, типологическими различиями языков на морфологическом и синтаксическом уровнях языка оригинала и языка перевода. Пословный перевод в обеих переводящих культу-

рах используется скорее для сохранения метафорического образа «волка Америки», транслируемого посредством первого ПВ, нежели для передачи целостного смысла данного выражения. Следует отметить, что заданная в тексте оригинала сфера-мишень, несмотря на «советизм» «товарищ», не претерпевает изменений. В переводе с русского языка на китайский и английский язык переводчики прибегают к техническим переводческим приемам парафразы и добавления. Парафраз национально-прецедентного высказывания и необходимость передачи в языке перевода значений ПВ, отсутствующих в переводящей культуре и выраженных в языке оригинала, требуют от переводчика, являющегося не столько посредником, сколько полноправным участником межкультурной коммуникации, введения лексических добавлений:

狼同志知道要吃谁, 他不分青红皂白地吃, 很明显他不会听任何人的话; *it seems he is not ever going to listen.*

Лексические добавления не только способствуют адаптации текста в обеих переводящих культурах, но и частично восполняют элиминированное прецедентное высказывание «Кушай, никого не слушай», опущение которого лишает реплику национального колорита.

2. «Да врут они все!». — «Вы что хотите? Чтобы я землю ел из горшка с цветами и клялся на крови?» (В. В. Путин на «большой» пресс-конференции в Кремле о возможной и пугающей деноминации рубля, февраль 2008 г.). Социумно-прецедентное высказывание «есть землю» интересно тем, что оно является менее экспрессивным вариантом выражения «жрать землю» (мальчишеское обещание). Данное высказывание использовано в повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» (1937). Помимо замены, в данном высказывании присутствует добавление «из горшка с цветами». Выражение «поклониться на крови» является национально-прецедентным. Несмотря на то что кровь является предметом многочисленных церемоний и ритуалов во многих традиционных культурах и «клятва на крови» считается хорошо изученным обрядом, сохранившимся до сих пор как форма присяги и средство подтверждения данного ранее обещания или слова, в английском и китайском языках отсутствуют эквиваленты использованного прецедентного высказывания. В англоязычном контексте для минимизации риска потери национально-специфических компонентов прецедентного высказывания оптимальным для переводчика является сочетание буквального перевода и пояснения: *When*

pressed on the issue, and asked whether he could guarantee that there would be no redenomination, Putin joked, adapting traditional Russian expressions: "Do you want me to eat earth from a flower pot and swear in blood?" [Putin rejects rumors that zeros will be knocked off the ruble 2008]. Пояснением для исходного интертекстуального блока является указание переводчика в контексте на использование В. В. Путиным «традиционных русских выражений»: *Putin joked, adapting traditional Russian expressions*. Тем не менее даже в случае наличия прецедентного высказывания, обладающего одинаковым или схожим эмоционально-оценочным компонентом в переводящей культуре, переводчику часто приходится прибегать к грамматическим и лексическим трансформациям, что связано как с типологическими различиями языков оригинала и перевода, так и с несопадением фоновых знаний носителей языка оригинала и языка перевода. Так, если при переводе на китайский язык первого ПВ используется буквальный перевод:

吃土 (есть землю) — 您想要我怎么办? 要我连花和花盆里的土一起吃掉, 指天发誓是不是? [Самые известные фразы Владимира Путина 2013]. / *«Они лгут!»*. — *«Вы что хотите, чтобы я сделал? Мне нужно съесть землю из горшка с цветами, поклясться Небу?»*, то перевод второго прецедентного высказывания требует от переводчика адаптации, замены исходного прецедентного высказывания на аналог в переводящей культуре (*поклясться Небу*). Согласно одной из трактовок символа 天 (*тянь*, небо) в китайской культуре, это верховное божество, высшая сила, именно поэтому Китай во многих источниках упоминается как Поднебесная. Во времена правления императоров, которые носили титул «Сына Неба», именно Небо вручало «Сыну Неба» мандат на правление. И только император мог приносить жертву Небу, клясться ему, тем самым отвечая за благополучие народа. В китайскоязычном контексте переводчик прибегает к замене прецедентного высказывания на его аналог, что, с одной стороны, позволяет переводчику раскрыть смысл интертекстуального послания, с другой — лишает прецедентное высказывание национально-специфического компонента.

3. *Мы будем преследовать террористов везде, в аэропорту — в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймает, мы и в сортире их замочим, в конце концов. Все, вопрос закрыт окончательно* (В. В. Путин, на пресс-конференции в Астане, прокомментировав бомбардировку

Грозного, сентябрь 1999). Социумно-прецедентное высказывание, жаргонизм «мочить в сортире», употребляется в значении «жестко разобраться, ликвидировать». Возникновение указанного прецедентного высказывания обычно связывают с двумя прецедентными ситуациями. В первом случае блатное выражение *убить стукача и (про)мочить его в сортире* обычно связывают со сталинским периодом, репрессиями и лагерными восстаниями. Первое, что делали восставшие, — убивали стукачей и сбрасывали их трупы в сортиры [Горбаневский 2012]; выгребные ямы выкачивали только весной, следовательно, до весны труп, который все это время будет «вымачиваться» в содержимом выгребной ямы, не обнаружат. Во втором случае прецедентной ситуацией, с которой связано рассматриваемое прецедентное высказывание, являются события 1972 г., когда палестинские террористы захватили «Боинг-707», владельцем которого была авиакомпания «Sabena». При освобождении заложников были убиты несколько террористов, их глава в это время прятался в кабинке туалета («сортир „Сабены“»), где его позже застрелили. В обоих случаях лексическая трансформация первоначальных высказываний представлена усечением. Трансформированное социумно-прецедентное высказывание осложняет работу переводчика, поскольку часто приводит к непониманию текста иноязычным реципиентом. Именно поэтому при переводе как на китайский, так и на английский язык переводчики используют адаптацию, парафраз исходного прецедентного высказывания, передавая его семантику как сумму сигнификативных значений лексем, входящих в его состав, редуцируя перевод до наиболее существенных, стилистически нейтральных элементов смысла:

就把他溺死在马桶里 — 如果在厕所里遇到恐怖分子, 就把他溺死在马桶里 [Ruguo pujing yudao kongbufenzi hui zenme zuo? 2015]. / *Если в туалете натолкнемся на террориста, то утопим его в унита-зе; We will chase terrorists everywhere. If in an airport, then in the airport. So if we find them in the toilet, excuse me, we'll rub them out in the outhouse. And that's it, case closed* [Oliphant 2015]. / *Мы будем преследовать террористов везде. Если в аэропорту, то в аэропорту. Если мы найдем их в туалете, извините, мы ликвидируем их в туалете* (outhouse (англ.) — туалет вне дома).

4. *Ассанж, как и Сноуден, считают себя правозащитниками и заявляют, что борются за распространение информации. Задайте себе вопрос: нужно ли выдавать*

таких людей для посадки в тюрьму? В любом случае, я бы предпочитал не заниматься такими вопросами, потому что это все равно что **поросенка стричь — визга много, а шерсти мало** (В. В. Путин, в интервью Первому каналу и агентству «Associated Press» о выдаче Э. Сноудена, июнь 2013 г.). В данном случае перевод универсально-прецедентного, актуализованного в оригинальном тексте в буквальном, нетрансформированном виде прецедентного высказывания на китайский и английский языки не вызывает трудностей. Исследователи отмечают, что в европейских языках, в том числе в русском и в английском, выражение существует уже несколько веков почти в неизменном виде [Мокиенко 2013]. В русский язык старая европейская поговорка проникла из речи немецких колонистов в послепетровский период и стала частью городского просторечия с XVIII в. Пословица существовала уже в Средние века (XV в.), ее создателями считаются немецкие писатели С. Франк, Г. Сакс. Источником поговорки послужил рассказ об одуряченном черте, который, увидев, как Бог стрижет овцу, захотел постричь свинью, однако от свиньи было много визгу, а шерсти мало; разозленный черт в конечном счете содрал со свиньи кожу. Выражение зафиксировано в различных фразеологических словарях (А. В. Киселев, В. П. Аникин, М. И. Михельсон), словарях русских поговорок (В. П. Жуков, В. И. Даль), в рассказах и романах (В. Шурьгин). При переводе на английский язык используется эквивалентное прецедентное высказывание: *In any case, I'd rather not deal with such questions, because anyway it's like shearing a pig — lots of (great / much) screams but little wool* [Putin: NSA whistleblower Snowden is in Moscow airport]. При переводе на китайский язык в связи с отсутствием переводческого эквивалента в китайской культуре использован буквальный перевод:

给幼猪剃毛——尖叫声很多，但是没什么毛 [Pujing: buhui manzu meiguo yindu sinuodeng de yaoqiu]. / **Поросенка стричь — визга много, а шерсти нет.**

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что интертекстуальный фрагмент лишен «абсолютной» переводимости. Наличие эквивалента прецедентного высказывания в переводящей культуре является единственным случаем. Эквивалентные прецедентные высказывания, как правило, представляют собой фразеологизмы, поговорки и поговорки, не отсылающие к знаниям о тексте-источнике, прецедентной ситуации и использующиеся в президентском дискурсе в нетрансформированном виде. Любая из

переводческих трансформаций (буквальный перевод; адаптация: добавление, экспликация, парафраз; замена исходного прецедентного высказывания на аналог в переводящей культуре), применяемых при переводе интертекстуального фрагмента на другой язык, так или иначе «препятствует» адекватному переводческому решению. Буквальный перевод национально- и социумно-прецедентных высказываний может привести к тому, что смысл исходного сообщения может быть частично/полностью утерян. Включение в переводной текст примечаний, сносок, культурологических комментариев может «перегрузить» текст в переводящей культуре и осложнить его восприятие адресатом. Кроме того, перевод высказываний первого лица государства должен быть не только точным, но и лаконичным, что в принципе лишает переводчика возможности прибегать к данным переводческим приемам. Парафраз интертекстуального включения и адаптация исходного интертекстуального блока часто ведут к ложной интерпретации его исходного содержания. Элиминация интертекста из текста перевода, как и буквальный перевод, может привести к частичной/полной потере смысла исходного сообщения. Даже в случае универсально-прецедентного феномена или наличия прецедентного высказывания, обладающего одинаковым или схожим эмоционально-оценочным компонентом в переводящей культуре, переводчику часто приходится прибегать к грамматическим и лексическим трансформациям, что связано как с типологическими различиями языков оригинала и перевода, так и с несовпадением фоновых знаний носителей языка оригинала и языка перевода.

ИСТОЧНИКИ

1. Самые известные фразы Владимира Путина. = 普京最著名的话. 2013. 14 марта. URL: <http://ru.hujiang.com/new/p453835/>.
2. Oliphant Roland. Fifteen years of Vladimir Putin: in quotes // The Telegraph. 2015. 17 May. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/vladimir-putin/11588182/Fifteen-years-of-Vladimir-Putin-in-quotes.html>.
3. Pujing: buhui manzu meiguo yindu sinuodeng de yaoqiu. = 普京：不会满足美国引渡斯诺登的要求. URL: <http://news.boxun.com/news/gb/intl/2013/06/201306260245.shtml#WP7huX0VyU1>.
4. Putin rejects rumors that zeros will be knocked off the ruble // Sputnik. 2008. 14 Feb. URL: <https://sputniknews.com/russia/2008021499202868/>.
5. Putin: NSA whistleblower Snowden is in Moscow airport // The Guardian. 2013. 26 June. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/25/edward-snowden-moscow-vladimir-putin>.
6. Ruguo pujing yudao kongbufenzi hui zenme zuo? Pujing jingdan yulu da heji. = 如果普京遇到恐怖分子会怎么做？普京经典语录大合集！ 20.11.2015. URL: <http://www.wanhuajing.com/d92513>.

7. Vladimir Putin. Quotes // Wikiquote. URL: https://en.wikiquote.org/wiki/Vladimir_Putin.

8. Yingshe meiguowei lang tongzhi pujing yaoqiang. = 影射美国为“狼同志” 普京誓要强军. 5.12.2006. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2006-05/12/content_4537921.htm.

ЛИТЕРАТУРА

9. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки русской культуры: Восточная литература: РАН, 1995. 472 с.

10. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 11—22.

11. Бирюкова Е. В. Реализация категории эмотивности в политическом тексте (на материале речей американских президентов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бирюкова Екатерина Валерьевна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб., 2009. 258 с.

12. Бойко Л. Б. К вопросу о переводе интертекста // Вестн. Балтийск. фед. ун-та им. И. Канта. Филологические науки. 2006. № 3. С. 52—59.

13. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 194 с.

14. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Гаврилова Марина Владимировна ; С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2005. 468 с.

15. Горбаневский Я. Владимир Буковский — Путин и Агата Кристи. 2012. 29 февр. URL: <http://ru.rfi.fr/rossiya/20120229-vladimir-bukovskii-putin-i-agata-kristi> (дата обращения: 01.04.2017).

16. Дементьева М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 82—92.

17. Добрич Н. Метафоры в политическом дискурсе Сербии — президент и образ великодушного отца // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 93—96.

18. Зелянская Н. Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 120—126.

19. Керимов Р. Д. Метафорические образы в речах президента ФРГ Й. Рау // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 104—116.

20. Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. 288 с.

21. Лассан Э. Изображение СМИ верховной власти в свете политических традиций России и Литвы // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (27). С. 32—40.

22. Макарова В. В. О риторических особенностях выступлений фюрера // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 147—151.

23. Марьянич В. А. Оценочный вектор как инструментальная категория и компонент аксиологической структуры текста // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 39—43.

24. Мешкова Т. С. Способы актуализации концепта князь (на материале Новгородской I летописи) : дис. ... канд. фи-

лол. наук : 10.02.01 / Мешкова Татьяна Сергеевна ; Кемеров. гос. ун-т. — Кемерово, 2005. 174 с.

25. Мокиенко В. М. Неологизация архаизма: визга много, а шерсти мало // Мир русского слова. 2013. №3. С. 11—18.

26. Найда Ю. А. К науке переводить: принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. 1978. С. 114—136.

27. Нахимова Е. А. Прецедентное поле «Монархи» в дискурсе современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 85—90.

28. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. 1978. С. 185—201.

29. Онищенко М. С. Медведев — Путин в современной русской концептосфере: концептуальное единство или оппозиция // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 129—142.

30. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ : моногр. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2012. 136 с.

31. Светоноснова Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Светоноснова Татьяна Александровна ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. 174 с.

32. Седых А. П. Шарль де Голль и идиополитический дискурс // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 46—50.

33. Сипко Й. Лингвокультурология антироссийских санкций в словацких СМИ, или Украинский кризис продолжается // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 93—98.

34. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич ; Волгоград. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2004. 323 с.

35. Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики президентской риторики как вида политического дискурса : моногр. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 173 с.

36. Тамерьян Т. Ю., Цаголова В. А. Номинативное поле социоперсонального концепта Kanzlerin Angela Merkel — Канцлер Ангела Меркель // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 151—155.

37. Учиров П. С. Концепт президент и языковые способы его репрезентации в спичрайтерских текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). Ч. 3. С. 172—176.

38. Хренова А. В. Историческая динамика концептов ПРЕЗИДЕНТ и PRESIDENT в американских и российских СМИ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Хренова Анна Викторовна. — СПб., 2017. 288 с.

39. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2003. 248 с.

40. Шейгал Е. А. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Шейгал Елена Иосифовна ; Волгоград. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2000. 367 с.

41. Шустрова Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 77—91.

42. Эко У. «Имя розы». — СПб. : Симпозиум, 2004. 638 с.

O. A. Solopova

Chelyabinsk, Ekaterinburg, Russia

E. D. Shlemova

Chelyabinsk, Russia

A. P. Chudinov

Ekaterinburg, Russia

INTERTEXTS IN PRESIDENTIAL DISCOURSE: TRANSLATION PERSPECTIVE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND CHINESE)

ABSTRACT. *The authors aim at studying peculiarities of translating intertexts in the presidential discourse of Vladimir Putin into the English and Chinese languages. The novelty aspect in the study of intertexts within the presidential discourse is a comprehensive comparative analysis of intertexts in the Russian language and peculiarities of their translation into English and Chinese. The authors propose the following algorithm for analyzing the translators' choices: determining the source of intertexts and the level of the intertext in the source language, stating the presence / absence of transformations in the source language, analyzing the choice of translators' solutions (lexical transformations in the target languages). The authors conclude that the translation of intertexts can't be "absolute". It's only possible if*

there's an equivalent of the intertext in the target culture, which is a rare case. Any translation transformation (literal translation; adaptation: extension, explication, paraphrase; replacing the original intertext by its equivalent in the target culture) used when translating an intertextual fragment into another language somehow "deprives" the latter of adequate translation. The reasons are typological differences between the source language and the target languages and cultural differences between the background knowledge of native speakers of the source language and the target languages.

KEYWORDS: presidential discourse; intertext (precedent expression); lexical transformation; translation transformation.

ABOUT THE AUTHORS: Solopova Olga Alexandrovna, *Doctore of Philology, Associate Professor; Department of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, Southern Ural State University (National Research University); Department of Rhetoric, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Shlemova Elizaveta Dmitrievna, *bachelor student of the programme "Fundamental and Applied Linguistics", Chair of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.*

Chudinov Anatoly Prokopievich, *Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Samey izvestnye frazy Vladimir Putina. 2013. 14 marta. URL: <http://ru.hujiang.com/new/p453835/>.
2. Oliphant Roland. Fifteen years of Vladimir Putin: in quotes // The Telegraph. 2015. 17 May. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/vladimir-putin/11588182/Fifteen-years-of-Vladimir-Putin-in-quotes.html>.
3. Pujing: buhui manzu meiguoy yindu sinuodeng de yaoqiu.
4. Putin rejects rumors that zeros will be knocked off the ruble // Sputnik. 2008. 14 Feb. URL: <https://sputniknews.com/russia/2008021499202868/>.
5. Putin: NSA whistleblower Snowden is in Moscow airport // The Guardian. 2013. 26 June. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/25/edward-snowden-moscow-vladimir-putin>.
6. Ruguoy pujing yudao kongbufenzi hui zenme zuo? Pujing jingdan yulu da heji. 20.11.2015. URL: <http://www.wanhuajing.com/d92513>.
7. Vladimir Putin. Quotes // Wikiquote. URL: https://en.wikiquote.org/wiki/Vladimir_Putin.
8. Yingshe meiguoy wei lang tongzhi pujing yaoqiang. 5.12.2006. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2006-05/12/content_4537921.htm.
9. Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika. 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Yazyki russkoy kultury: Vostochnaya literatura: RAN, 1995. 472 s.
10. Balashova L. V. Politicheskiiy 2012 god v zerkale kontseptual'noy metafory // Po-liticheskaya lingvistika. 2013. № 2 (44). S. 11—22.
11. Biryukova E. V. Realizatsiya kategorii emotivnosti v politicheskom tekste (na materiale rechey amerikanskikh prezidentov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / Biryukova Ekaterina Valer'evna; Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gertsena. — SPb., 2009. 258 s.
12. Boyko L. B. K voprosu o perevode interteksta // Vestn. Baltiysk. fed. un-ta im. I. Kanta. Filologicheskie nauki. 2006. № 3. S. 52—59.
13. Voroshilova M. B. Politicheskiiy kreolizovannyy tekst: klyuchi k prochteniyu: mo-nogr. — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2013. 194 s.
14. Gavrilova M. V. Lingvokognitivnyy analiz russkogo politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01 / Gavrilova Marina Vladimirovna; S.-Peterb. gos. un-t. — SPb., 2005. 468 s.
15. Gorbanevskiy Ya. Vladimir Bukovskiy — Putin i Agata Kristi. 2012. 29 fevr. URL: <http://ru.rfi.fr/rossiya/20120229-vladimir-bukovskii-putin-i-agata-kristi> (data ob-rashcheniya: 01.04.2017).
16. Dement'eva M. K. Yazykovye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 4 (30). S. 82—92.
17. Dobrich N. Metafory v politicheskom diskurse Serbii — prezident i obraz veli-kodushnogo ottsa // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 4 (30). S. 93—96.
18. Zelyanskaya N. L. Mediaobraz politika: internet-soobshchestvo kak agens politicheskoy real'nosti // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 120—126.
19. Kerimov R. D. Metaforicheskie obrazy v rechakh prezident FRG Y. Rau // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 4 (30). S. 104—116.
20. Kushneruk S. L. Sopostavitel'noe issledovanie pretsedentnykh imen v rossiyskoy i amerikanskoy reklame: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / Kushneruk Svetlana Leonidovna; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. 288 s.
21. Lassan E. Izobrazhenie SMI verkhovnoy vlasti v svete politicheskikh traditsiy Rossii i Litvy // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 2 (27). S. 32—40.
22. Makarova V. V. O ritoricheskikh osobennostyakh vystupleniy fyurera // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 147—151.
23. Mar'yanchik V. A. Otsenchnyy vektor kak instrumental'naya kategoriya i komponent aksiologicheskoy struktury teksta // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 39—43.
24. Meshkova T. S. Sposoby aktualizatsii kontsepta knyaz' (na materiale Novgorodskoy I letopisi): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / Meshkova Tat'yana Sergeevna; Kemerov. gos. un-t. — Kemerovo, 2005. 174 s.
25. Mokienko V. M. Neologizatsiya arkhazima: vizga mnogo, a shersti malo // Mir russko-go slova. 2013. №3. S. 11—18.
26. Nayda Yu. A. K nauke perevodit': printsipy sootvetstviy // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike. 1978. C. 114—136.
27. Nakhimova E. A. Pretsedentnoe pole «Monarkhi» v diskurse sovremennykh rossiyskikh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 1 (27). S. 85—90.
28. Noybert A. Pragmaticheskie aspekty perevoda // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike. 1978. C. 185—201.
29. Onishchenko M. S. Medvedev — Putin v sovremennoy russkoy kontseptosfere: kon-tseptual'noe edinstvo ili oppozitsiya // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3 (37). S. 129—142.
30. Saduov R. T. Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turo-logicheskiy i semioticheskiy analiz: monogr. — Ufa: RITs BashGU, 2012. 136 s.
31. Svetonosova T. A. Sopostavitel'noe issledovanie tsnennostey v rossiyskom i amerikanskom politicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / Svetonosova Tat'yana Aleksandrovna; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. 174 s.
32. Sedykh A. P. Sharl' de Goll' i idioliticheskiiy diskurs // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3 (37). S. 46—50.
33. Sipko Y. Lingvokul'turologiya antirossiyskikh sanktsiy v slovatskikh SMI, ili Ukrainskiy krizis prodolzhaetsya // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 93—98.
34. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19 / Slyshkin Gennadiy Gennad'evich; Volgograd. gos. ped. un-t. — Volgograd, 2004. 323 s.
35. Spiridovskiy O. V. Lingvokul'turnye kharakteristiki prezident'skoy ritoriki kak vida politicheskogo diskursa: monogr. — Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2011. 173 s.
36. Tamer'yan T. Yu., Tsagolova V. A. Nominativnoe pole sotsioperonal'nogo kontsepta Kanzlerin Angela Merkel — Kantsler Angela Merkel // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 151—155.

37. Uchirov P. S. Kontsept prezident i yazykovye sposoby ego reprezentatsii v spich-rayterskikh tekstakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 3 (45). Ch. 3. S. 172—176.

38. Khrenova A. V. Istoricheskaya dinamika kontseptov PREZIDENT i PRESIDENT v amerikanskikh i rossiyskikh SMI : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / Khrenova Anna Viktorovna. — SPb., 2017. 288 s.

39. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunika-tsii : monogr. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t., 2003. 248 s.

40. Sheygal E. A. Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01, 10.02.19 / Sheygal Elena Iosifovna ; Volgograd. gos. ped. un-t. — Volgo-grad, 2000. 367 s.

41. Shustrova E. V. Diskurs Baraka Obamy: priemy i obrazy // Politicheskaya lingvis-tika. 2010. № 2 (32). S. 77—91.

42. Eko U. «Imya rozy». — SPb. : Simpozium, 2004. 638 s.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42:811.111'27

ББК ШП43.21-51+ШП43.21-006.21

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

А. Б. Алексеев

Москва, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ МОРАЛЬНОЙ ПАНИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается понятие «моральная паника» с точки зрения его применимости для лингвистического анализа дискурса. На примере американского политического дискурса утверждается, что моральная паника может вполне сознательно конструироваться заинтересованными людьми. При этом обязательно есть и объективная сторона паники — событие или некие действия, которые действительно заслуживают порицания. Однако с помощью манипуляций, инвективных и дискредитирующих стратегий и тактик заинтересованные лица (политики, журналисты, рекламодатели и т. п.), как правило, преувеличивают масштабы произошедшего. Цель любой моральной паники — вызвать страх и тревогу в сердцах людей, «поселить» в их жизни неопределенность и нестабильность, заставить их действовать определенным образом. Анализируется американский политический дискурс 2015—2017 гг. (предвыборная кампания и период после нее), позволяющий проследить зарождение, развитие и затухание моральной паники, связанной с фигурой Д. Трампа. В начальный период одновременно поводом и предметом паники послужило эпатажное поведение Д. Трампа, когда «вызывающий разногласия язык» Д. Трампа превращается во время первых дебатов в предмет для дискуссий. Затем поведение Д. Трампа, его высказывания связываются (безосновательно) с происходящими в мире, да и в самой Америке социальными потрясениями, например, терроризмом, ростом расистских настроений и т. п. В 2016 г. выделяется три пика моральной паники, создававшие благодатную почву для манипуляций, инвективных выпадов, «припоминания» старых обид.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: моральная паника; политический дискурс; манипуляция сознанием; манипулятивное воздействие; эмоциональные состояния.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алексеев Александр Борисович, аспирант, кафедра английской филологии, Московский государственный областной ун-т; 105082, Россия, Москва, Переведеновский пер., д.5/7, 4 корп., к. 62; e-mail: neuausstatten@mail.ru.

Понятие моральной паники (*moral panic*), введенное в научный оборот и широко используемое британским социологом С. Коэном, представляется актуальным при рассмотрении политической коммуникации. Во-первых, общеизвестно, что сфера политики не игнорирует мысли и чувства людей, а на самом деле формирует и обуславливает их. Политический дискурс апеллирует к тому, что важно и значимо для людей, политик старается затронуть нужную струну души своего адресата [Синеокая [http](#)], как правило, человека массы, или, если хотите, толпы. Поведение толпы имеет свои особенности, ряд из которых может эксплуатироваться общественными деятелями во вполне корыстных целях. Нагнетание негативных эмоций, создание, конструирование чувства неопределенности и страха — одна из многих стратегий, к которым прибегает оратор, стремясь воздействовать на толпу. Чтобы такое воздействие было успешным, выступающему нередко необходимо обращаться к морали, становиться защитником и поборником истинных «ценностей» общества, выступать в роли пуриста.

В современном мире наблюдается «размывание ценностно-нормативных границ морали», а современное состояние общества можно было квалифицировать как «после добродетели» [Ефанов 2016: 3]. Такого рода тенденции проникают и в область языка, что находит свое выражение, например, в проникновении инвективной лексики в речевые регистры, ей исконно несвойственные — художественную литературу, политический

дискурс, рекламу. Вообще, как отмечает профессор В. И. Карасик, во многих ситуациях действует табу на скромно-уважительное поведение. Напротив, проявление любой формы агрессии поощряется или по крайней мере не осуждается. Приведем непосредственно слова ученого: «Табуирование скромно-уважительного поведения выражается в виде запретов на замедленную реакцию, эмоциональный самоконтроль, демонстрацию подчиненности и нежелания идти на конфликт. Нарушение этого табу вызывает насмешливо-агрессивную реакцию. Соблюдение такого запрета предполагает акцентированную маскулинность в поступках, особенно в речевом поведении» [Карасик 2015: 88].

Под термином «моральная паника» условимся подразумевать «преувеличенную, усиленную средствами массовой информации общественную реакцию на изначально относительно малозначимые действия социальной девиации, например, социальные беспорядки, связанные с модистами и рокерами» [Джери [http](#)]. Предметом моральной паники, как будет показано в данной статье, может стать и язык, манера политика говорить и вести себя, что в принципе объяснимо, — именно язык исторически служил средством социального контроля и проецирования власти. Язык был средством маркирования символически значимых групп людей (грамотные/неграмотные, вежливые/невежливые, богатые/бедные и т. п.). В современной лингвистической теории признается, что язык и власть — два понятия, перепле-

© Алексеев А. Б., 2017

тающиеся друг с другом (идея, восходящая к философским исканиям М. Фуко), но, например, как замечает Р. Водак, язык лишь наделяется властью со стороны людей, ей обладающей. Сам по себе язык, утверждает исследовательница, власти не имеет [Водак 1997: 19].

Как бы то ни было, любая моральная паника конструируется посредством языка, и в этом смысле она предмет лингвистики. Между тем, по нашим данным, сравнительно ограниченная распространенность самого термина «моральная паника» в русскоязычных работах не позволяет констатировать какую-либо степень лингвистической изученности дискурса моральной паники, хотя, конечно, многие явления, характерные для него (например, эмоциональность, манипулятивность, мифологичность, «раздувание» страха), получали подробное освещение. Новизна подхода к проблеме, принимаемого в данной статье, заключается в том, что мы стремимся описать все перечисленные особенности политического дискурса именно в связи с понятием моральной паники, но при этом, конечно же, нельзя ставить знак равенства между политической коммуникацией и коммуникацией в условиях моральной паники. Во-первых, следует допустить, что моральная паника отнюдь не всегда политически нагружена, а во-вторых, даже излишне говорить, что политика может легко обходиться без какой-либо паники и даже (по крайней мере, хочется надеяться!) негатива. И, тем не менее, политика очень часто представляется неким «полем сражения», конфликтом, и в этом есть своя доля правды. Но если политика — это война, то на войне все средства хороши, и чтобы мобилизовать своих сторонников и одновременно деморализовать противника, лишит его каких-либо веских аргументов, выставить его в свете попражнения значимых традиций, норм, ценностей таким диким гунном или, лучше, «народным дьяволом», «бесом» (folk devil), угрожающим устоям общества, нужна паника.

Преследуя личные интересы, оратор стремится трансформировать панику именно на область морали, в чем тоже есть свой смысл. Мораль, как показывает Н. В. Кузнецов, «имеет единую духовную природу» [Кузнецов 2010: 90] с культурой, и, несомненно, многие моральные принципы в общественном сознании культурно интегрируются, т. е. «приобщаются» к нормативным формам поведения, принятым в данной культуре, приобретая ярко выраженные национальные коннотации. Нарушить моральные принципы — значит пойти против общества, его правил. Нарушить их — зна-

чит бросить обществу вызов, стать его изгоем, «аутсайдером». Однако, если понимать мораль не в высоком философском смысле (как, например, у И. Канта), если отрицать ее универсальный и общечеловеческий характер, то можно прийти к мысли, что мораль, как и культура, есть конструктор своего времени, определенной исторической эпохи. Действительно, то, что считалось аморальным несколько веков назад (взять хотя бы свободную любовь), более не признается таковым. Можно проследить некоторые изменения в моральных устоях социума и в рамках межпоколенных традиций («отцов и детей»), и, предположительно, даже одного поколения.

Отсюда вытекает потенциальная возможность для политиков, журналистов, рекламодателей и других «играть» на моральных чувствах общества, взывать к ним и одновременно конструировать, что допустимо, а что нет, что подлежит осуждению, а что заслуживает поощрения. Моральная паника возникает, когда на смену рациональному или даже стереотипному мышлению («по шаблону») приходит страх — основной движущий элемент любой паники. Адресат оказывается в ситуации, где привычный для него, как правило, идеализированный мир рухнет (по крайней мере, так постулируется заинтересованным лицом — говорящим), где незаконно навязывается нечто новое, неизведанное, но в самом негативном смысле. Новое для паникера — это не источник положительных эмоций, интереса и симпатии. Напротив, это то, чего надо бояться и опасаться. Новое для паникера — всегда разрушительное, дестабилизирующее начало, угрожающее человеку, ставящее его в условия непредсказуемости и сталкивающее его с враждебным явлением, персонализированным в лице «другого», «чужого». Следовательно, по нашему мнению, категория «*мы — они*» имеет важное значение для дискурса моральной паники, программируя его внутреннюю структуру, представленную образом мыслей и чувств говорящих.

Для более глубокого понимания моральной паники обратимся к модели данного явления, предложенной С. Козном и рассматриваемой в лингвистическом аспекте профессором Т. Мак-Энери. Во-первых, моральная паника конструируется вокруг объекта (т. е. того, о чем паника). Во-вторых, С. Козн вводит уже употребляемое нами понятие 'folk devils' — народных бесов (т. е. того, кого боится общество и одновременно винит в создавшемся положении дел). В-третьих, существуют катализаторы моральной паники (moral entrepreneurs) — заинтересованные группы, использующие СМИ для

разжигания паники. В качестве СМИ могут выступать не только печатные издания, радио, телевидение, но, например, и кафедра проповедника, как это было на раннем периоде становления современного английского языка. В-четвертых, как утверждает С. Коэн, дискуссии, порождаемые моральной паникой, — это всегда «навязчивые, моралистичные и паникерские» дискуссии [цитата по: McEneaney 2009: 5].

Соглашаясь с вышеописанной моделью моральной паники, Т. Мак-Энери пишет: «...анализируя моральную панику, я утверждаю, что в дискурсе моральной паники можно выделить несколько легко опознаваемых ролей, которые присутствуют в данном дискурсе. ...что-то признается оскорбительным, что-то или кто-то обвиняется в причинении этих оскорблений и кто-то обвиняет. Более того, обвинитель часто имеет более предпочтительное решение проблемы и утверждает, что, если не принять решения, наступят негативные последствия» [McEneaney 2009: 5—6].

Исследователь предлагает анализировать дискурс моральной паники в следующих категориях:

- 1) объект, т. е. то, что признается проблематичным;
- 2) «козел отпущения» (scapegoat), т. е. тот, кто виноват в создавшейся проблеме;
- 3) «моральный предприниматель» (moral entrepreneur), т. е. человек или группа людей, ведущие кампанию, направленную на исправление проблемы;
- 4) последствия нерешения проблемы;
- 5) коррективные действия, необходимые для разрешения проблемы;
- 6) желательный исход.

Автором отмечается, что не все категории могут быть освещены в рамках одного или даже нескольких текстов определенного дискурса, но, как правило, они реализуются в рамках дискурса в целом [Ibid: 6].

Американские исследователи Э. Гуд и Н. Бен-Иегуда перечисляют следующие особенности моральной паники: чрезмерная озабоченность угрозой и причиной ее возникновения, гипертрофированное неприятие и враждебное отношение к людям, которые якобы являются «виновниками» создавшейся ситуации, настойчивое требование решения проблемы, в том числе посредством принятия чрезвычайных мер. Авторы согласны с утверждением С. Коэна о том, что моральная паника часто вызывается нагнетанием истерии в массмедийном пространстве, и по мере того, как СМИ прекращают истерию, моральная паника быстро сходит на нет [Goode, Ben-Yehuda 1994: 154]. Дру-

гими словами, неоспорима огромная роль СМИ не только в конструировании такого социального феномена, как моральная паника, но также и их роль в ее прекращении. При всем этом, по мнению Р. Рорти, происходит качественное превращение СМИ из посредников, призванных передавать достоверную информацию обществу, в «каналы морального дискурса», которые претендуют на репрезентацию моральных ценностей общества [приводится по: Ефанов 2016: 18—19].

На гипертрофированный характер моральных паник указывает А. А. Сычев. По мнению ученого, страх и беспокойство, вызванные моральной паникой, не соответствуют реальной степени угрозы. В центре дискурса моральной паники часто оказываются события, не имеющие большого значения, но под воздействием СМИ и заинтересованных групп эти события оказываются в центре всеобщего внимания [Сычев 2014].

Для собственно лингвистического рассмотрения дискурса моральной паники интерес представляет изучение тех языковых средств, которые функционируют в нем. С этой целью обратимся к американскому политическому дискурсу 2015—2017 гг. По нашему мнению, в это время (время предвыборной кампании и после нее) четко можно проследить зарождение, развитие и затухание моральной паники, связанной с фигурой Д. Трампа. Причем эти процессы носили нелинейный, отчасти спорадический характер, во многом обуславливаемый новостной повесткой дня, — той информацией, которая подавалась американскому обществу СМИ и политическими деятелями. С другой стороны, необходимо отметить и объективный аспект информирования, субъективно преломляемый через идеологические установки американского избирателя, его чаяния и надежды. Так, очередной всплеск моральной паники был вызван вполне объективным фактом избрания Д. Трампа президентом, и неверно бы было видеть за массовыми протестными движениями, охватившими страну, непосредственное влияние массмедиа или политиков: Х. Клинтон официально признала свое поражение, Б. Обама (искренне) стремился обеспечить мирную передачу власти, и даже представители СМИ, отношения с которыми у новоизбранного президента были, мягко говоря, напряженными, в своем большинстве абсолютно признавали законность победы Д. Трампа. И тем не менее предвыборная кампания, развернувшаяся вокруг поведения и в особенности манеры говорить эпатажного бизнесмена, несомненно, способствовала нагнетанию панических

настроений, высшей точкой которых было осознание, что вопреки всему Д. Трамп будет сорок пятым президентом США.

Зарождение моральной паники вокруг личности Д. Трампа, на наш взгляд, можно отнести к периоду с июня 2015 г. до начала первых праймериз (конечно, это очень условные временные границы). Правда, шансы бизнесмена на победу тогда явно недооценивались. В этом смысле собственно паники возникнуть и не могло — не было предмета для нее, потому что не важно, что бы говорил кандидат на высший пост в стране, он рассматривался всего лишь как один из многих претендентов быть президентом. Более того, политические противники Д. Трампа искренне верили, что своими неполиткорректными высказываниями бизнесмен гарантированно лишил себя каких-либо возможностей «завоевать» Белый дом. Иначе думал и действовал Д. Трамп, избрав то, что можно бы было охарактеризовать как провокативно-инвективную стратегию, что, конечно же, заслуживает отдельного обсуждения. Здесь мы приведем примеры, которые, с нашей точки зрения, можно квалифицировать как свидетельства зарождающейся моральной паники и одновременно как слова, «подливающие масла в огонь», т. е. непосредственно ведущие к паническим настроениям в американском обществе. Однако подчеркнем, что для паники (равно как и для того, чтобы политики, представители массмедиа «опустились» до уровня инвективных нападок на Д. Трампа — явно для многих не импонирующая стратегия) был необходим объективный фактор: «необъяснимый» политический успех бизнесмена. Эпатажное поведение (главным образом речевое) претендента на высший пост в стране, Д. Трампа, послужило одновременно поводом и предметом паники.

Во время первых республиканских дебатов журналисты задавали много вопросов, которые лично не нравились бизнесмену и которые он воспринимал, что называется, «в штыки». Вот один из них:

KELLY: Mr. Trump, one of the things people love about you is you speak your mind and you don't use a politician's filter. However, that is not without its downsides, in particular, when it comes to women.

You've called women you don't like "fat pigs, dogs, slobs, and disgusting animals."

....

KELLY: Your Twitter account has several disparaging comments about women's looks. You once told a contestant on Celebrity Apprentice it would be a pretty picture to see her on her knees. Does that sound to you like the

temperament of a man we should elect as president, and how will you answer the charge from Hillary Clinton, who was likely to be the Democratic nominee, that you are part of the war on women? [1st Rep. deb].

Отметим, что в приведенных словах М. Келли еще нет собственно никаких панических ноток; неверно их рассматривать, на наш взгляд, и как предвзятое отношение к кандидату. И все же обрисовывается негативная сторона риторики Д. Трампа, которая, по мнению М. Келли, может использоваться противниками для дискредитации «начинающего» и в то же время на удивление успешного политика. Высказывания бизнесмена о женщинах, таким образом, подвергаются невольной и имплицитной критике, попадают в фокус пристального внимания, как и многое другое, произнесенное им:

WALLACE: Mr. Trump, it has not escaped anybody's notice that you say that the Mexican government, the Mexican government is sending criminals — rapists, drug dealers, across the border. Governor Bush has called those remarks, quote, "extraordinarily ugly." [1st Rep. deb].

«Удивительно безобразные» замечания — вот как характеризует слова Д. Трампа о мексиканцах его оппонент Дж. Буш! Впрочем, снизойти до личных оскорблений в адрес Д. Трампа бывший губернатор Флориды не решился. Показательный пример:

KELLY: Governor Bush, I want to ask you, on the subject of name calling of your fellow candidates, a story appeared today quoting an anonymous GOP donor who said you called Mr. Trump a clown, a buffoon, something else that cannot be repeated on television.

BUSH: None of which is true.

KELLY: Is it true?

BUSH: No. It's not true. But I have said that Mr. Trump's language is divisive [1st Rep. deb].

Нас, однако, в контексте данной работы особенно интересует «обзывание» Д. Трампа «клоуном, шутком и еще некоторыми словами, которые не могут быть повторены на телевидении». Дж. Буш официально отрекается от этих слов, но все-таки кем-то они были произнесены и намеренно «приписаны» авторитетному лицу — в данном случае Дж. Бушу! По нашему мнению, оскорбления и в особенности обвинения в адрес кого-либо человека — важная особенность дискурса моральной паники. С другой стороны, бывший губернатор Флориды, хоть и в мягкой форме, но осуждает «вызывающий разногласия язык» Д. Трампа.

Что обращает внимание? «Вызывающий разногласия язык» (может, лучше сказать «вызывающий язык»?) Д. Трампа превраща-

ется во время первых дебатов в предмет для дискуссий. Это своеобразный метадискурс — дискурс о дискурсе (и одновременно дискурс в дискурсе), выражающий отношение участников коммуникации к различным репликам бизнесмена. В подавляющем большинстве случаев высказывания миллиардера имплицитно (М. Келли) или эксплицитно (Дж. Буш) подвергаются критике, но при этом критика в узких рамках политического дискурса пока еще не является резкой, не носит инвективный характер.

Другое дело, если мы начинаем расширять эти узкие рамки, что в принципе неизбежно, так как политический дискурс нельзя представить себе лишь как слова политиков: в политическую коммуникацию невольно проникают мнения, оценки, высказывания людей из самых различных профессиональных областей. Более того, даже бытовой дискурс может оказывать воздействие на общение политиков: можно предположить, что «клоун, шут и еще некоторые слова, которые не могут быть повторены на телевидении», были перенесены в политическую коммуникацию именно из бытовой сферы. Однако, говоря о моральной панике, мы можем на материале первых республиканских дебатов констатировать лишь предпосылки для ее возникновения. К последним отнесем: формирование субъекта (в нашем случае — Д. Трамп) и объекта (язык) для осуждения, использование эмоционально окрашенных (*extraordinarily ugly*) и инвективно нагруженных характеристик субъекта и объекта, проникновение в дискурс анонимных реплик и «разоблачений», несущих негативный посыл, манипуляцию (в частности, приписывание авторитетному лицу слов, которые он не произносил).

Приведем примеры того, как указанные предпосылки далее разворачивались, реализовывались в дискурсивном пространстве американской политической коммуникации, приближая ее к тому, что можно бы было квалифицировать термином «моральная паника». Эпизод из вторых республиканских дебатов:

TAPPER: ...Fellow Republican candidate, and Louisiana Governor Bobby Jindal, has suggested that your party's frontrunner, Mr. Donald Trump, would be dangerous as President. He said he wouldn't want, quote, "such a hot head with his finger on the nuclear codes." You, as well, have raised concerns about Mr. Trump's temperament. You've dismissed him as an entertainer. Would you feel comfortable with Donald Trump's finger on the nuclear codes? [2nd Rep. deb].

Обратим внимание на такие нелестные эпитеты, даваемые Д. Трампу его политиче-

скими противниками, как «опасный», «вспыльчивый» (*hot*), и соотносимые непосредственно с угрозой ядерной войны. Иными словами, впервые к тому моменту уже ведущий (!) кандидат на номинацию от Республиканской партии представляет опасность, что, конечно, можно понимать и в переносном смысле, т. е. в смысле осознания по крайней мере некоторыми политиками реальной возможности победы миллиардера. Возникает также вопрос о темпераменте Д. Трампа — втором потенциальном объекте для моральной паники, тесно и неразрывно связанном с языком. Одновременно повышается инвектогенность самой коммуникации: неоднократно «сталкиваются» Дж. Буш и Д. Трамп, более агрессивную позицию к ведущему кандидату партии начинают занимать и другие кандидаты. Впрочем, сам бизнесмен щедро использует оскорбления, навешивает на своих оппонентов ярлыки (*low-energy Bush, little Marco, lyin' Ted*) — одним словом, занимает провокативную позицию, «подливает масла в огонь».

Личность Д. Трампа как потенциального соперника уже не могут игнорировать демократы. Их высказывания нередко звучат панически (алармистский дискурс) — имеется в виду, конечно, не страх перед кандидатом Д. Трампом, а конструирование страха у массовой аудитории. Поведение Д. Трампа, его высказывания связываются (безосновательно) с происходящими в мире, да и в самой Америке социальными потрясениями, например, терроризмом, ростом расистских настроений и т. п.:

CLINTON: Well I think a lot of people are understandably reacting out of fear and anxiety about what they're seeing. First what they saw in Paris, now what they have seen in San Bernardino. And Mr. Trump has a great capacity to use bluster and bigotry to inflame people and to make think there are easy answers to very complex questions [3rd Dem. deb].

В данной реплике Х. Клинтон, на наш взгляд, можно обнаружить элементы манипуляции: оратор постулирует присутствие в жизни простых американцев *страха* и постоянной *тревоги*. Почему? Террористический акт в Париже, массовое убийство в Сан-Бернардино, Д. Трамп, «обладающий необыкновенной способностью использовать громкие угрозы и фанатизм, *воспламенять* людей и заставлять их думать, что есть простые ответы на сложные вопросы». Очевидно, что оратор без каких-либо фактических доказательств проводит путем инсинуации мысль о связи между риторикой Д. Трампа и не только страхом американцев, но и событиями в Париже и Сан-Бернардино! В любом случае

обратим внимание: террористические действия и язык Д. Трампа ставятся в один ряд, по мнению Х. Клинтон, в равной степени определяя растущее беспокойство в обществе. А вот и «аргументированное» объяснение, почему бывшая госсекретарь убеждена в пагубности слов, произносимых Д. Трампом:

...*And we also need to make sure that the really discriminatory messages that Trump is sending around the world don't fall on receptive ears. He is becoming ISIS's best recruiter. They are going to people showing videos of Donald Trump insulting Islam and Muslims in order to recruit more radical jihadists. So I want to explain why this is not in America's interest to react with this kind of fear and respond to this sort of bigotry* [3rd Dem. deb].

Д. Трамп, согласно Х. Клинтон, лучший вербовщик для Исламского государства (террористическая организация, запрещенная в РФ. — *Ред.*), *ISIS's best recruiter!* Исламисты якобы распространяют видео Д. Трампа, оскорбляющего ислам и мусульман, чтобы привлечь на свою сторону радикальных джихадистов. О том, что радикальных джихадистов в принципе вербовать не надо (они уже по определению террористы!), оратор предпочитает не говорить. Неоднократное упоминание имени Д. Трампа в эмоционально заряженном контексте, в ситуации описания реалий терроризма и угроз, которые он представляет для мира и Америки, служит цели оратора — дискредитировать своего потенциального противника, «мобилизовать» аудиторию, позволить ей проникнуться чувством ненависти к подстрекателю и зачинщику беспорядков, дать ей испытать *страх*. При таком понимании приведенные реплики Х. Клинтон можно классифицировать как принадлежащие дискурсу моральной паники (конструкты дискурса) и одновременно как речевые элементы, конструирующие его, определяющие его формальные границы.

Не оставались в стороне и другие демократы, которые, однако, по-своему расставляли акценты. Так, Б. Сандерс, в соответствии со своей политической платформой, подчеркивал, что пока Д. Трамп «разглагольствует», сея ненависть в обществе, «богатые богатеют»: *And somebody like a Trump comes along and says, "I know the answers. The answer is that all of the Mexicans, they're criminals and rapists, we've got to hate the Mexicans. Those are your enemies. We hate all the Muslims, because all of the Muslims are terrorists. We've got to hate the Muslims." Meanwhile, the rich get richer* [3rd Dem. deb].

Здесь также очевидна манипуляция: говорящий вкладывает слова в уста своего

противника, неточно цитирует сказанное им. Напомним, что Д. Трамп о мексиканцах отзывался следующим образом: *When Mexico sends its people, they're not sending their best. They're not sending you. They're not sending you. They're sending people that have lots of problems, and they're bringing those problems with us. They're bringing drugs. They're bringing crime. They're rapists. And some, I assume, are good people.* Даже несмотря на то, что, несомненно, данные слова — провокативно-инвективные, речь не идет о «всех мексиканцах»: некоторые из мексиканцев, — полагает Д. Трамп, — хорошие люди. Б. Сандерс не только искажает этот аспект высказывания бизнесмена, но и делает из сказанного им неправомерные выводы: мы должны ненавидеть мексиканцев. Подобные манипулятивные действия, конечно, способствуют созданию негативного образа политического оппонента, а в нашем случае еще и «добавляют» к моральной панике, четко обозначая «виновного во всех грехах».

Нередко определение «виновного» достигается посредством инвектив:

O'MALLEY: ...The fact of the matter is — and let's say it in our debate, because you'll never hear this from that immigration-bashing carnival barker, Donald Trump, the truth of the matter is... [2nd Dem. deb].

Фраза *immigration-bashing carnival barker* может быть переведена как «оружий на карнавале ненавистник иммигрантов». Этой фразой не только подчеркиваются негативные коннотации дискурса противника, которые несут глаголы «орать», «ненавидеть», но и сама коммуникация сводится к карнавалу, к бессмысленному выкрикиванию чепуховых ненавистнических лозунгов.

Таким образом, по нашему мнению, к концу 2015 г. в американском политическом дискурсе (мы ограничиваем наше исследование политическим дискурсом) достаточно четко прослеживается «алармистский уклон», или, говоря иначе, моральная паника. Следующий, 2016 г., принесший Д. Трампу ряд крупных политических побед, пройдет в США под эгидой массовых социальных волнений, которые, мы предполагаем, хотя бы отчасти были вызваны «работой» паникеров, людей и групп, преследовавших свои (нередко корыстные) интересы. С другой стороны, абсолютно неверным представляется предвзятое, субъективное рассмотрение проблемы. На наш взгляд, — и эту мысль мы уже высказывали в нашей работе — моральная паника имеет под собой также объективные основания: взять хотя бы успех Д. Трампа, тем более «головокружительный» в свете действительно порой

очень спорных заявлений миллиардера по отношению к женщинам, национальным и религиозным меньшинствам, определенным социальным группам. Говоря проще, правомерно поставить вопрос о том, насколько сам субъект моральной паники создает ее своими провокационными и эпатажными действиями. Ответ на данный вопрос, однако, выходит за пределы настоящей работы — отсюда вынужденный редукционизм: мы не подвергаем

(за редким исключением, как, например, в случае с репликой о мексиканцах) критическому анализу высказывания Д. Трампа, служащие предметом паники.

В соответствии с уже изложенным представлением о моральной панике мы можем представить ее в виде изломанного графика с пиками и точками схождения на нет (см. рис.).

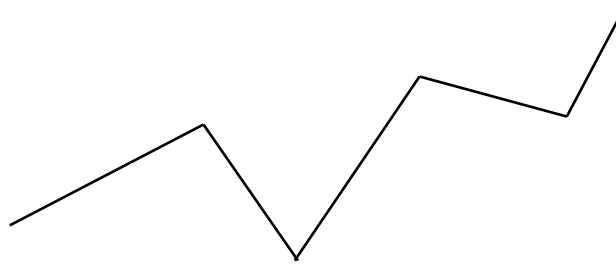

Рис.

При этом при описании дискурса моральной паники особый интерес представляют именно пики, т. е. временные отрезки, когда моральная паника наиболее очевидна. Как нам видится, в 2016 г. обоснованно выделить по крайней мере три такие высшие точки накала страстей. Первый пик — весна 2016 г. с ее серьезными беспорядками, скандалом вокруг менеджера избирательной кампании миллиардера К. Левандовского и грозящим ему судебным разбирательством, относительными неудачами Д. Трампа, вылившимися в поражения в штатах Канзас, Мэн, Айдахо, Вайоминг, Юта и др. Более того, против фигуры Д. Трампа открыто выступили видные республиканцы, в частности бывший номинант Республиканской партии и претендент на пост президента М. Ромни. Все эти события, переплетаясь между собой, создавали благодатную почву для манипуляций, инвективных выпадов, «припоминания» старых обид, а значит и для моральной паники. Приведем лишь некоторые примеры:

TAPPER: Mr. Trump, I want to start with you in this block. Earlier today, a man was arrested and charged with assault after sucker-punching a protester in the face at your rally in Fayetteville, North Carolina. This is hardly the first incident of violence breaking out at one of your rallies. Today, Hillary Clinton, your potential general election opponent, clearly indicated she sees this as an issue for the campaign. She said, quote, "this kind of behavior is repugnant. We set the tone for our campaigns, we should encourage respect, not violence." Do you believe that you've done anything to create a tone where this kind of violence would be encouraged? [11th Rep deb].

Событие, о котором ведет речь журналист — удар кулаком по лицу протестующего на одном из митингов Д. Трампа. Это проявление жестокости дало повод для очередного выпада в сторону миллиардера, (непрямого) обвинения, прозвучавшего из уст Х. Клинтон (и процитированного модератором дебатов), что ее потенциальный противник поощряет отвратительное (repugnant) поведение.

Как бы «между делом» отмечали подстрекающий (incendiary) язык своего основного оппонента и республиканцы:

CRUZ: And I tell you frankly one concern I have with Donald is that although his language is quite incendiary when you look at his substantive policies on Iran, he has said that he would not rip up this Iranian nuclear deal [11th Rep deb].

Однако, конечно, особую «тревогу били» демократы:

TUMULTY: Secretary Clinton, you have known Donald Trump a long time. You have seen what kind of campaign he's running. Secretary Clinton, is Donald Trump a racist?

CLINTON: Karen, I'm going to follow my friend Senator Sanders model here. If I'm so fortunate enough to be the Democratic nominee, there will be a lot of time to talk about him. I was the first one to call him out. I called him out when he was calling Mexicans rapists.

When he was engaging in rhetoric that I found deeply offensive, I said basta, and I am pleased that others ... others are also joining in making clear that his rhetoric, his demagoguery, his trafficking in prejudice and paranoia has no place in our political system. Especially from somebody running for president who couldn't

decide whether or not to disavow the Ku Klux Klan and David Duke. So people can draw their own conclusions about him. I will just end by saying this. You don't make America great by getting rid of everything that made America great... [8th Dem. deb].

Обращает внимание, что в наводящем вопросе журналиста «Дональд Трамп — расист?» уже звучит паника. Х. Клинтон отвечает, что была лично оскорблена словами, якобы (мы говорим «якобы», так как многое сказанное бизнесменом интерпретировалось по понятным причинам отнюдь не беспристрастно) произнесенными Д. Трампом. Бывшая госсекретарь осуждает «его риторику, демагогию, его „торговлю“ предрассудками и паранойю».

Б. Сандерс верил, что «американцы не изберут президентом человека, оскорбляющего мексиканцев, женщин, афроамериканцев...»:

This is what I think. I think that the American people are never going to elect a president who insults Mexicans, who insults Muslims, who insults women, who insults African-Americans. And let us not forget that several years ago, Trump was in the middle of the so-called birther movement, trying to delegitimize the president of the United States of America... [8th Dem. deb].

Второй пик моральной паники пришелся на октябрь 2016 г., после того, как появилась запись одиннадцатилетней давности, где Д. Трамп непристойно выражался о своих связях с женщинами. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что отнесение развернувшихся дискуссий вокруг Д. Трампа к дискурсу моральной паники ни в коем случае не является попыткой умалить значение произнесенных Д. Трампом слов, — несомненно, они заслуживают самого строгого осуждения, и сам претендент на пост президента от республиканцев и его ближайшие сторонники признали это. С другой стороны, возникшая моральная паника привела к самым радикальным заявлениям от самих республиканцев вплоть до призывов к Д. Трампу выйти из президентской гонки. Однозначно, что такие призывы могли диктоваться либо личной неприязнью к кандидату, либо эмоциями, подогреваемыми возникшей паникой, либо тем и другим. Вероятно, эмоции превалировали над рациональностью и строгим политическим расчетом, ведь выживание Д. Трампа из гонки фактически стопроцентно гарантировало победу Х. Клинтон. Видимо, об этом думали лидеры республиканцев, которые, строго осудив слова Д. Трампа, все же не решились отказать ему в поддержке.

Такой видный представитель Партии, как Дж. Маккейн, отказавшийся голосовать за бизнесмена, занял промежуточную позицию между республиканцами, требовавшими, чтобы Д. Трамп выбыл из кандидатов на пост президента, и республиканцами, скрепя сердце решившими поддерживать своего кандидата. Возможно, оскорбления в адрес Дж. Маккейна, высказанные Д. Трампом ранее, также играли определенную роль в принятом Дж. Маккейном решении «не голосовать».

Как бы ни были больны для Д. Трампа слова, произнесенные в его адрес республиканцами, действительный дискурс моральной паники конструировался демократами, а также в массмедийном пространстве. Одной из самых ярких речей, заклеивших Д. Трампа, была речь М. Обамы. Поскольку мы полагаем, что эта речь является типичным проявлением моральной паники, остановимся на ней подробнее. Первая леди США начала свою выступление, с одной стороны, напоминанием о серьезности происшедшего, а с другой, о грубости в уже и так грубой избирательной кампании:

So I wanna get a little serious here because we can all agree that this has been a rough week in already rough election.

Далее «объект» был очерчен более детально, а именно:

...in the election where we have consistently been hearing hurtful, hateful language about women, language that has been painful for so many of us, not just us women but us parents trying to protect our children and raise them to be caring respectful adults and as citizens who think that our nation's leader should meet basic standard of human decency.

Кто повинен в «пагубном языке, полном ненависти»? Уже в следующем предложении М. Обама дает ответ, при этом используются такие эпитеты, как «шокирующий», «приносящий»:

The fact is that in this election we have a candidate for president of the United States who over the course of his lifetime, over the course of this campaign has said things about women that are so shocking, so demeaning.

Эпитет «шокирующий», на наш взгляд, уже является явным проявлением моральной паники, так как свидетельствует об эмоциях оратора, ее душевном волнении. При этом М. Обама подчеркивает личностный характер переживаемого шока:

And I have to tell you I can't stop thinking about this, it has shaken me to my core in a way that I couldn't have predicted. Илу I feel it so personally and I'm sure many of you do too particularly the women.

Снова и снова проводится мысль о всей серьезности произошедшего: *This is not something that we can ignore. It's not something we can just sweep under the rug as just another disturbing footnote in a sad election season. Или: ...too many are treating this as just another day's headline, as if our outrage is overblown or unwarranted, as if this is normal, just politics as usual. But New Hampshire, be clear: this is not normal, this is not politics as usual.*

С другой стороны, постоянно делается акцент и на объекте, а именно непристойном языке: *and we're hearing these exact same things every day on a campaign trail, we're drowning in it...* Метафора *'we're drowning'* (мы тонем) показывает все обилие неприличного языка. Политический дискурс при этом в какой-то точке соприкасается с педагогическим, а именно, когда М. Обама выражает озабоченность о пагубном воздействии непристойного языка на детей: *...language so obscene that that many of us were worried about our children hearing it when we turned on the TV.*

Третий пик моральной паники будет лишь отмечен нами — для его анализа необходимо было бы обратиться к событиям начала 2017 г., связанным с инаугурацией нового президента и массовыми протестами по этому поводу.

В заключение выразим надежду, что нам удалось убедить читателя в продуктивности для лингвистического исследования дискурса понятия «моральная паника». Через призму данного термина социологических наук возможно рассматривать многие речевые языковые явления — манипуляцию, инвективные стратегии и тактики, убеждение, воздействие на эмоциональное состояние адресата и др. Моральная паника должна изучаться лингвистикой также с точки зрения одного из ее возможных предметов — языка. Нам, например, представляется актуальным описание моральных паник, которые кон-

струировались в исторической проекции и конструируются на этапе современности вокруг того, как собственно «надо говорить и вести себя» в определенном дискурсе, в определенной ситуации. Однако это — вектор будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика : пер. с англ. и нем. / ВГПУ. — Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
2. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-567-moralnaja-panika.htm>.
3. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М. : Изд-во МГУ, 1997.
4. Ефанов А. А. Моральные паники как фактор социальных изменений : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Ефанов Александр Александрович. — Саранск, 2016. 179 с.
5. Карасик В. И. Языковое проявление личности : моногр. — М. : Гнозис, 2015. 384 с.
6. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 194—199.
7. Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 53—59.
8. Красовская О. В. О «политической диглоссии» современных информационных войн // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2015.
9. Кузнецов Н. В. Культура и мораль: к вопросу о характере взаимосвязи // Вестн. гос. Ленингр. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 2, № 4. С. 90—97.
10. Синеокая Н. А. Характеристика политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7695> (дата обращения: 14.04.2016).
11. Сычев А. А. Моральная паника как форма существования скандала в современном мире // Скандал : социофилософские очерки / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. — М. : ЦСПиМ, 2014. С. 185—204.
12. Шейгал Е. И. Агоналность в коммуникации: структура понятия // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2009. № 34.
13. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and society. 2006. № 17 (2). P. 359—383.
14. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. — Wiley-Blackwell, 1994. 280 p.
15. McEnery T. Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. — Routledge, 2009. 276 p.

A. B. Alekseev
Moscow, Russia

MORAL PANIC IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper discusses the concept “moral panic” from the point of view of its worth for linguistic analysis of discourse. Based on the American political discourse, it is argued that moral panic may be constructed on purpose by those concerned. There is always an objective element of panic, it is an event or action that should be condemned. Usually all those interested (politicians, journalists, advertisers, etc.) exaggerate the drama using manipulation, invective and discrediting strategies and tactics. The aim of every moral panic is to cause fear and anxiety in the minds of people, to bring instability and bewilderment into their lives and to make them act in a certain way. American political discourse of 2015–2017 is analyzed (electoral campaign and its result), which made it possible to study the origin, development and weakening of moral panic associated with the image of D. Trump. In the beginning of this period the panic was caused by epatage behavior of D. Trump, when Trump's language in his first debates becomes the source of discussion. Then, Trump's statements are connected with the situation in the world and with social cataclysms in America (terrorism, racism, etc.). There are three types of moral panic of 2016: fruitful for manipulation, invectives, “chewing the rag”.*

KEYWORDS: *moral panic; political discourse; manipulation of consciousness; manipulative influence; emotional state.*

ABOUT THE AUTHOR: *Alexeyev Alexander Borisovich, Post-graduate Student, Department of English Philology, Moscow State Oblast University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Vodak R. Yazyk. Diskurs. Politika : per. s angl. i nem. / VGPU. — Volgograd : Peremena, 1997. 139 s.
2. Dzheri D., Dzheri Dzh. Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar'. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-567-moralnaja-panika.htm>.
3. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M. : Izd-vo MGU, 1997.
4. Efanov A. A. Moral'nye paniki kak faktor sotsial'nykh izmeneniy : dis. ... kand. sotsiol. nauk : 22.00.04 / Efanov Aleksandr Aleksandrovich. — Saransk, 2016. 179 s.
5. Karasik V. I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti : monogr. — M. : Gnozis, 2015. 384 s.
6. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A. Yazykovye markery manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4. S. 194—199.
7. Krasovskaya O. V. Informatsionnaya voyna kak kommunikativnyy fenomen // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4. S. 53—59.
8. Krasovskaya O. V. O «politicheskoy diglossii» sovremennykh informatsionnykh voyn // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27.11.2015) / gl. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2015.
9. Kuznetsov N. V. Kul'tura i moral': k voprosu o kharaktere vzaimosvyazi // Vestn. gos. Leningr. un-ta im. A. S. Pushkina. 2010. T 2, № 4. S. 90—97.
10. Sineokaya N. A. Kharakteristika politicheskogo diskursa // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7695> (data obrashcheniya: 14.04.2016).
11. Sychev A. A. Moral'naya panika kak forma sushchestvovaniya skandala v sovremennom mire // Skandal : sotsiofilosofskie ocherki / A. V. Dmitriev, A. A. Sychev. — M. : TsSPiM, 2014. S. 185—204.
12. Sheygal E. I. Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 34.
13. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and society. 2006. № 17 (2). P. 359—383.
14. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. — Wiley-Blackwell, 1994. 280 p.
15. McEnery T. Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. — Routledge, 2009. 276 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. Ю. Алёшина
Пенза, Россия

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОГО ОТРАЖЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению дискурсивного отражения результата политического конфликта в публичном политическом дискурсе. На примере двух англоязычных публичных выступлений У. Черчилля и Г. Трумэна, посвященных завершению Второй мировой войны, проиллюстрирована возможность описания особенностей результата разрешенного политического конфликта в публичной речи. Посредством диктемного анализа текста-дискурса выявлена его диктемная конфигурация и описаны особенности информационной структуры. Ключевым понятием анализа выступает понятие диктемы как ситуативно-тематической единицы текста, выполняющей ряд текстовых функций и реализующей речевые акты (М. Я. Блох). Выявленное преобладание фактуальных, фактуально-оценочных и установочных диктем в публичном политическом дискурсе соответствует его жанровым особенностям. Данные типы диктем характерны для публичной политической речи информационного жанра. В рассматриваемых текстах диктемы расположены в схожей конфигурации, что связано с жанровыми особенностями речи, а также со схожей прагматикой речей, определяемой выражением результата конфликта. В широком смысле исследование конкретного языкового материала позволяет рассматривать политику как общественный феномен, имеющий выражение в коммуникации посредством дискурсивного отражения политической деятельности, понимаемой как деятельность субъекта политики в системе политических отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; публичные речи; политические речи; политические конфликты; политическая деятельность; политическая риторика; политические деятели; английский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алёшина Екатерина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» Педагогического института им. В. Г. Беллинского Пензенского государственного университета; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, корп. 11, к. 489а; e-mail: alcatherine@yandex.ru.

Политический конфликт является неотъемлемой составляющей современной геополитической ситуации, что связано с естественным процессом «формирования новой международной архитектуры — как политической, так и финансово-экономической, которая отвечала бы новым реалиям» в условиях формирования полицентричности мира [Лавров 2008]. Предлагаем понимать политический конфликт как противодействие сторон — субъектов политики, причиной которого являются несовместимые политические интересы, цели и ценности, связанные с политической властью, которая, в свою очередь, является основным объектом политического конфликта [Алёшина 2015].

В контексте активно развивающейся политической лингвистики и исследований различных ее аспектов (А. П. Чудинов, В. Е. Чернявская, Г. Г. Почепцов, В. И. Карасик, Е. И. Шейгал и др.) представляется своевременным рассмотрение политического конфликта как коммуникативного феномена [Алёшина 2016а]. В частности, особый исследовательский интерес вызывает проблема отражения политического конфликта как коммуникативной политической деятельности в публичном выступлении. В широком лингвистическом смысле указанная проблема соотносима с изучением отражения человеческой деятельности в речи.

В центре методологии исследования — диктемный анализ текста, основанный на теории диктемы М. Я. Блоха [Блох 2000]. Диктемный анализ позволит описать информационную конфигурацию текста политиче-

ского выступления и сделать выводы об особенностях отражения политической деятельности в речи.

Прежде всего обратимся к определению политической деятельности. В политологии политическая деятельность понимается как вид активности, направленной на изменение или сохранение существующих политических отношений. В структуре политической деятельности выделяют субъект (действующее лицо или социальную группу), объект (предмет, на который направлена активность действующего субъекта) и само действие. Всякая деятельность основана на некой мотивации, приводящей к принятию решения о действии в соответствии с определенной целью и определенным же образом [Доманов 2010]. Политическая деятельность может быть определена как вид социальной активности, состоящий в использовании политической власти и предназначенный для принятия руководящих решений [Борисенков 2013].

Мы понимаем политическую деятельность как деятельность субъекта в системе политических отношений в рамках институтов государства, определяемую целью извлечения выгоды из контактов и перераспределения властных ресурсов. Такая трактовка политической деятельности связана с пониманием политики, согласно которому центральным мотивом действий субъектов является борьба за власть и извлечение выгоды. Политика как общественный феномен, реализуемый в коммуникации, имеет выражение в коммуникативных действиях, представляющих собой интеракции, в которых

участники согласуют и координируют планы своих действий [Habermas 2005]. По мнению П. Чилтона, при изучении феномена политики не всегда принимают во внимание тот факт, что поведение на микроуровне определяется лингвистическими действиями — дискурсом, равно как и деятельность институтов на макроуровне проявляется в определенных типах дискурса [Chilton 2004: 18]. При этом коммуникация играет в политике центральную роль. Политическое действие может быть рассмотрено как языковое действие [Дикманн 1975; Шейгал 2000].

Определение политического конфликта как противодействия сторон — субъектов политики, причиной которого являются несовместимые политические интересы, цели и ценности, связанные с политической властью [Алёшина 2015], позволяет рассматривать политический конфликт как политическую деятельность. При этом результат завершения политического конфликта может быть рассмотрен как результат соответствующей политической деятельности.

Стадия завершения политического конфликта традиционно выделяется как последняя/предпоследняя стадия в ходе разворачивания конфликта [Козырев 2008: 257]. За ней, как правило, следует постконфликтный этап. На данной стадии можно говорить как о разрешенном, так и о неразрешенном конфликте с сохранением противостояния сторон, которое может быть вооруженным. Политический конфликт может разрешиться как при согласии сторон, так и при поражении одной стороны. В связи с этим можно рассматривать соотношение сил на заключительной стадии конфликта в терминах триады «победитель — побежденный — позиции паритета».

Конфликтная ситуация, в которой развивается противодействие сторон — субъектов политики, предполагает их взаимодействие, сопровождающееся речевым общением. Определяя речевую ситуацию как временной срез, в котором происходит речевое общение, допускаем, что речевая ситуация является составляющей конфликтной ситуации. Коммуникативный характер политического конфликта определяется речевым характером информационного взаимодействия, выраженного в лингвистическом смысле посредством речевых актов, актуализируемых в диктемах дискурса. Диктема — единица тематизации текста, обеспечивающая формирование речевой последовательности [Блох 2000]. Именно в диктеме получают реализацию речевые акты [Блох 2013б: 6—7]. Исходя из понимания речевого общения как процесса отсылки и

обмена высказываниями, вслед за М. Я. Блохом мы рассматриваем речевое общение в ситуации политического конфликта как процесс информационного взаимодействия, определенной ситуацией борьбы за политическую власть. Политический дискурс будем понимать как текст, характеризующийся тематикой утверждения и выражения интересов субъектов политики в процессе их политической деятельности, борьбы за власть и рассмотренный в ситуации соответствующего общения [Алёшина 2015].

Рассмотрим особенности дискурсивного отражения результата разрешенного политического конфликта на примере двух политических выступлений, посвященных окончанию Второй мировой войны, по итогам которой Великобритания и США оказались на позициях победителей.

Речь Уинстона Черчилля «Победа в Европе» («Victory in Europe») была произнесена 8 мая 1945 г. после капитуляции Германии, в день, когда в Европе официально прекратились боевые действия. Речь в полном варианте, с которым Черчилль выступал в парламенте, может быть отнесена к информационному жанру [Алешина 2015] с элементами призыва. Основной интенцией выступления является информирование слушателя о капитуляции Германии, прекращении военных действий в Европе. Оратор также стремится подчеркнуть вклад союзников в победу, призвать соотечественников завершить войну в Японии, а также поблагодарить парламент за консолидирующие усилия во время войны.

Данное выступление как речь информационного жанра открывается фактуальными диктемами (диктемами-сообщениями). В диктемах преобладает фактуальная информация, выраженная посредством лаконичных конструкций с простым будущим временем в активном и пассивном залоге, содержащих факты — имена, позиции, даты. Именно эта часть выступления несет основную смысловую нагрузку, здесь содержится информация, которую ждет аудитория, в этой части обнаруживается основная интенция говорящего — информировать аудиторию о событиях.

To-day this agreement will be ratified and confirmed at Berlin, where Air Chief Marshal Tedder, Deputy Supreme Commander of the Allied Expeditionary Force, and General de Lattre de Tassigny will sign on behalf of General Eisenhower. Marshal Zhukov will sign on behalf of the Soviet High Command. The German representatives will be Field-Marshal Keitel, Chief of the High Command, and the Commanders-in-Chief of the German Army, Navy, and Air Forces.

Hostilities will end officially at one minute after midnight to-night (Tuesday, May 8), but in the interests of saving lives the "Cease fire" began yesterday to be sounded all along the front, and our dear Channel Islands are also to be freed to-day.

В последующих диктемах речи У. Черчилль обращается к началу войны, кратко очерчивает историю вступления союзников в войну.

The German war is therefore at an end. After years of intense preparation, Germany hurled herself on Poland at the beginning of September, 1939; and, in pursuance of our guarantee to Poland and in agreement with the French Republic, Great Britain, the British Empire and Commonwealth of Nations, declared war upon this foul aggression. After gallant France had been struck down we, from this Island and from our united Empire, maintained the struggle single-handed for a whole year until we were joined by the military might of Soviet Russia, and later by the overwhelming power and resources of the United States of America.

Finally almost the whole world was combined against the evil-doers, who are now prostrate before us. Our gratitude to our splendid Allies goes forth from all our hearts in this Island and throughout the British Empire.

Отнесем приведенные диктемы к фактуально-оценочному типу. Фактуальная информация, выраженная посредством фактов, о которых напоминает аудитории оратор (...Germany hurled herself on Poland at the beginning of September, 1939; and, in pursuance of our guarantee to Poland and in agreement with the French Republic, Great Britain, the British Empire and Commonwealth of Nations, declared war upon this foul aggression...), представлена на фоне оценки сторон конфликта. Оценка роли Германии и союзников обнаруживается в импрессивной информации, актуализируемой посредством эпитетов *foul (aggression)*, *overwhelming (power)* и *splendid (Allies)*, явлений гиперболизации и метафоризации (*maintained the struggle single-handed for a whole year; goes forth from all our hearts in this Island and throughout the British Empire*).

В следующих диктемах реализуется пропозиция, связанная с утверждением обоснованной необходимости победы над Японией. Информирование сопровождается призывом:

We may allow ourselves a brief period of rejoicing; but let us not forget for a moment the toil and efforts that lie ahead. Japan, with all her treachery and greed, remains unsubdued. The injury she has inflicted on Great Britain, the United States, and other countries, and her de-

testable cruelties, call for justice and retribution. We must now devote all our strength and resources to the completion of our task, both at home and abroad. Advance, Britannia! Long live the cause of freedom! God save the King!

Приведенный фрагмент текста представляет сочетание фактуально-оценочной (*We may allow... call for justice and retribution*) и установочной (*We must now devote ... God save the King!*) диктем (диктема — сообщение-оценка и диктема-призыв). Негативная оценка Японии обнаруживается посредством импрессивности, создаваемой эпитетом *detestable*, ключевыми словами *treachery, greed, cruelties*, при этом эффект усиливается персонализацией (*Japan, with all her treachery and greed, remains unsubdued. The injury she has inflicted on Great Britain, the United States, and other countries, and her detestable cruelties, call for justice and retribution*).

Заключительная часть выступления содержит признание консолидирующей роли парламента в военное время:

We have all of us made our mistakes, but the strength of the Parliamentary institution has been shown to enable it at the same moment to preserve all the title-deeds of democracy while waging war in the most stern and protracted form. I wish to give my hearty thanks to men of all Parties, to everyone in every part of the House where they sit, for the way in which the liveliness of Parliamentary institutions has been maintained under the fire of the enemy, and for the way in which we have been able to persevere-and we could have persevered much longer if need had been-till all the objectives which we set before us for the procuring of the unlimited and unconditional surrender of the enemy had been achieved.

Приведенная диктема может характеризоваться как оценочная (диктема-оценка). Высказывание достаточно выразительно. Импрессивность создается посредством сочетания стилистических средств и приемов: гиперболы (*my hearty thanks to men of all Parties, to everyone in every part of the House where they sit; the unlimited and unconditional surrender of the enemy had been achieved*), эпитетов (*most stern and protracted*), синтаксического параллелизма (*for the way in which the liveliness of Parliamentary institutions has been maintained under the fire of the enemy, and for the way in which we have been able to persevere*), анадиплосиса (*in which we have been able to persevere-and we could have persevered*) и др.

Обратимся к речи, произнесенной президентом США Гарри Трумэном 8 мая 1945 г., в которой он объявляет о капитуляции Германии. Подобно предыдущей, данная речь

может быть отнесена к информационному жанру с элементами призыва. Оратор информирует аудиторию о формальном окончании войны, призывает продолжить войну с Японией с целью установления окончательного мира, а также объявляет 13 мая 1945 г. днем молитвы в память о погибших.

Речь Г. Трумэна открывается информационно-оценочной диктемой, в которой сообщается о капитуляции Германии и утверждается значимость момента. Фактуальная информация (*General Eisenhower informs me that the forces of Germany have surrendered to the United Nations*) сочетается с импрессивностью, выраженной в оценке ситуации оратором посредством эпитетов (*a solemn but a glorious hour*) и сослагательного наклонения, выражающего сожаление (*I only wish that Franklin D. Roosevelt had lived to witness this day*).

This is a solemn but a glorious hour. I only wish that Franklin D. Roosevelt had lived to witness this day. General Eisenhower informs me that the forces of Germany have surrendered to the United Nations. The flags of freedom fly over all Europe.

В последующих оценочной и установочно-оценочной диктемах оратор с благодарностью обращается к Провидению и подчеркивает, что многие семьи потеряли в войне своих близких:

For this victory, we join in offering our thanks to the Providence which has guided and sustained us through the dark days of adversity.

Our rejoicing is sobered and subdued by a supreme consciousness of the terrible price we have paid to rid the world of Hitler and his evil band. Let us not forget, my fellow Americans, the sorrow and the heartache which today abide in the homes of so many of our neighbors — neighbors whose most priceless possession has been rendered as a sacrifice to redeem our liberty.

Оценочный характер приведенных диктем определяется актуализацией импрессивной информации посредством стилистических приемов и средств: эпитетов (*dark (days), evil (band), terrible (price), most priceless (possession)*), метафорой (*the sorrow and the heartache which today abide in the homes...*), анадиплосисом (*so many of our neighbors—neighbors...*).

Далее в тексте содержится установка на продолжение военных действий против Японии, а также на послевоенное международное сотрудничество:

We must work to finish the war. Our victory is but half-won. The West is free, but the East is still in bondage to the treacherous tyranny of the Japanese. When the last Japanese division

has surrendered unconditionally, then only will our fighting job be done.

We must work to bind up the wounds of a suffering world — to build an abiding peace, a peace rooted in justice and in law. We can build such a peace only by hard, toilsome, painstaking work—by understanding and working with our allies in peace as we have in war.

В приведенных установочно-оценочных диктемах коммуникативно-установочная информация выражена посредством конструкций с модальными глаголами *must* и *can* (*We must work to finish the war... We must work to bind up the wounds of a suffering world... We can build such a peace only by hard, toilsome, painstaking work...*). При этом в первой диктеме рассуждения говорящего отражены интеллективной информацией (*When the last Japanese division has surrendered unconditionally, then only will our fighting job be done*) и служат аргументом в установке на продолжение войны с Японией. Коммуникативно-установочная и интеллективная информация сопровождаются актуализацией импрессивной информации, выраженной посредством стилистических средств и приемов: контраста (*The West is free, but the East is still in bondage to the treacherous tyranny of the Japanese; ...by understanding and working with our allies in peace as we have in war*), метафоры (*the wounds of a suffering world*), анадиплосиса (*an abiding peace, a peace rooted in justice and in law*), эпитетов (*treacherous (tyranny), hard, toilsome, painstaking (work)*), гиперболы (*We can build such a peace only by hard, toilsome, painstaking work*).

Заключительная часть речи содержит призыв к народу обратиться с благодарственной молитвой к Богу, а также помолиться за погибших. Призыв реализуется в установочных диктемах:

I call upon the people of the United States, whatever their faith, to unite in offering joyful thanks to God for the victory we have won, and to pray that He will support us to the end of our present struggle and guide us into the ways of peace.

I also call upon my countrymen to dedicate this day of prayer to the memory of those who have given their lives to make possible our victory.

Коммуникативно-установочная информация актуализируется в речевых актах призыва (*I call upon the people of the United States...; I also call upon my countrymen...*).

Рассмотренная речь Г. Трумэна, на наш взгляд, отличается большей импрессивностью, чем речь У. Черчилля, что может считаться проявлением идиостиля оратора. В то же время в выступлениях много схожих

черт, которые обнаруживаются посредством диктемного анализа.

Обобщим диктемный анализ, представив типы диктем, реализующие информационное развертывание публичного дискурса стороны-победителя по итогам разрешенного конфликта. Рассмотренные речи в обобщенном плане представляют следующую диктемную конфигурацию: сообщение (информирование о результатах разрешения конфликта) — оценка (своей роли и роли соперника в конфликте) — установка (на дальнейшие действия после окончания конфликта) — оценка (благодарность за поддержку третьей стороне). Особенности диктемного строя рассмотренных выступлений соответствуют жанровым особенностям речи информационного типа. При этом информационный публичный политический дискурс, как правило, содержит элементы оценки и призыва [Алёшина 2015].

Обнаруженные особенности позволяют сделать некоторые выводы о дискурсивном отражении результата политического конфликта, в частности, результата разрешенного политического конфликта в политической риторике. В речи оратора результат разрешенного политического конфликта отражен в информационной структуре диктем как тематических составляющих дискурса, в речевых актах, актуализируемых в диктемах. Преобладание фактуальных, фактуально-оценочных и установочных диктем соответствует интенциям говорящего информировать аудиторию о результатах конфликта, а также осмыслить роли сторон конфликта и, возможно, призвать к дальнейшим действиям. Отражение результата политического конфликта в дискурсе позволяет говорить о дискурсивном отражении результата политической деятельности и самой деятельности в целом.

E. Y. Aleshina
Penza, Russia

DISCURSIVE REFLECTION OF THE RESULT OF POLITICAL CONFLICT IN A PUBLIC SPEECH (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

ABSTRACT. *The paper describes discursive reflection of the result of political conflict in a public political speech. Two speeches in the original (those by W. Churchill and H. Truman) devoted to the end of World War II exemplify the opportunity of describing the specificity of the resolved political conflict result in a political public speech. Dictemic analysis of the text-discourse allowed for revealing its dicteme configuration and describing its information structure. The key concept of the analysis is the dicteme as a situational and thematic unit of the text performing a number of textual functions and realizing speech acts (M.Ya. Blokh). The revealed predominance of the factual, factual and evaluating and goal-setting dictemes in public political discourse corresponds to its genre specificity. The given types of dictemes are characteristic of the informational public political speech. In the texts under study the dictemes are configured similarly which is linked to the genre of the speech as well as to the similar pragmatics of the speeches determined by the expression of the result of the conflict. In a broad sense, the research into linguistic material makes it possible to consider politics as a social phenomenon expressed in communication by means of discursive reflection of the political activity defined as a political subject's activity in the system of political relations.*

KEYWORDS: *political discourse; public speeches; political speeches; political conflicts; political activity; political rhetoric; political leaders; English.*

ABOUT THE AUTHOR: *Aleshina Ekaterina Yuryevna, Candidate of History, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Foreign Language Teaching Methods, V.G. Belinsky Pedagogical Institute, Penza State University; Penza, Russia.*

ИСТОЧНИКИ

1. Churchill W. Victory in Europe, 1945 // National Churchill Museum. URL: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/victory-in-europe.html> (date of access: 26.02.2017).
2. Truman H. Announcing the surrender of Germany on May 8, 1945 // Miller Center. University of Virginia. URL: <http://millercenter.org/president/truman/speeches/speech-3340> (date of access: 26.02.2017).

ЛИТЕРАТУРА

3. Алёшина Е. Ю. Политический конфликт как коммуникативный феномен // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история : сб. науч. статей III Международ. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 8—10 дек. 2016 г.). — Пенза : Изд-во ПГУ, 2016а. С. 164—169.
4. Алёшина Е. Ю. Регистры публичного политического дискурса и факторы их формирования (на материале английского языка) // Политическая лингвистика. 2016б. № 4. С. 87—92.
5. Алёшина Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. — М. : Прометей, 2015.
6. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56—67.
7. Блох М. Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013а. № 1. С. 5—11.
8. Блох М. Я. Язык, культура и проблема регуляции речевого общения // Язык. Культура. Речевое общение. 2013б. № 2. С. 8—9.
9. Борисенков А. А. Понятие политической деятельности // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 5. С. 1—28. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_610.html
10. Доманов В. Г. Политическая деятельность // Политология : слов. / отв. ред. В. Н. Коновалов. — М. : РГУ, 2010.
11. Козырев Г. И. Политическая конфликтология : учеб. пособие. — М. : ИД «ФОРУМ» : ИНФРА-М, 2008.
12. Лавров С. Россия и мир в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2008. № 4.
13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.
14. Chilton P. Analysing political discourse: theory and practice. — London : Routledge, 2004.
15. Dieckmann W. Politische Sprache — Politische Kommunikation. — Heidelberg, 1981.
16. Habermas J. Kommunikatives Handeln und Detranszendentalisierte Verkunft // Zwischen Naturalismus und Religion. Philosophische Aufsätze. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2005. S. 27—84.

REFERENCES

1. Churchill W. Victory in Europe, 1945 // National Churchill Museum. URL: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/victory-in-europe.html> (date of access: 26.02.2017).
2. Truman H. Announcing the surrender of Germany on May 8, 1945 // Miller Center. University of Virginia. URL: <http://millercenter.org/president/truman/speeches/speech-3340> (date of access: 26.02.2017).
3. Aleshina E. Yu. Politicheskiy konflikt kak kommunikativnyy fenomen // Problemy gumanitarnogo obrazovaniya: filologiya, zhurnalistika, istoriya : sb. nauch. statey III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 8—10 dek. 2016 g.). — Penza : Izd-vo PGU, 2016a. S. 164—169.
4. Aleshina E. Yu. Registry publichnogo politicheskogo diskursa i faktory ikh formirovaniya (na materiale angliyskogo yazyka) // Politicheskaya lingvistika. 2016b. № 4. S. 87—92.
5. Aleshina E. Yu. Publichnyy politicheskiy diskurs konfliktnoy situatsii. — M. : Prometey, 2015.
6. Blokh M. Ya. Diktema v urovnevnoy strukture yazyka // Voprosy yazykoznavaniya. 2000. № 4. S. 56—67.
7. Blokh M. Ya. Diskurs i sistemnoe yazykoznavanie // Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie. 2013a. № 1. S. 5—11.
8. Blokh M. Ya. Yazyk, kul'tura i problema regulyatsii rechevogo obshcheniya // Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie. 2013b. № 2. S. 8—9.
9. Borisenkov A. A. Ponyatie politicheskoy deyatelnosti // NB: Problemy politiki i obshchestva. 2013. № 5. S. 1—28. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_610.html
10. Domanov V. G. Politicheskaya deyatelnost' // Politologiya : slov. / otv. red. V. N. Konovalov. — M. : RGU, 2010.
11. Kozyrev G. I. Politicheskaya konfliktologiya : ucheb. posobie. — M. : ID «FORUM» : INFRA-M, 2008.
12. Lavrov C. Rossiya i mir v XXI veke // Rossiya v global'noy politike. 2008. № 4.
13. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk. — Volgograd, 2000.
14. Chilton P. Analysing political discourse: theory and practice. — London : Routledge, 2004.
15. Dieckmann W. Politische Sprache — Politische Kommunikation. — Heidelberg, 1981.
16. Habermas J. Kommunikatives Handeln und Detranszendentalisierte Verkunft // Zwischen Nturalismus und Religion. Philosophische Aufsätze. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2005. S. 27—84.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

О. Н. Злобина
Ижевск, Россия

СРЕДСТВА РАЦИОНАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается понятие политического дискурса, обсуждаются средства рациональной аргументации, использованные кандидатами на пост президента США в предвыборных кампаниях 2008 и 2012 годов. Материал исследования составляют предвыборные речи Джона Маккейна, Митта Ромни и Барака Обамы. Данные речи относятся к аргументирующему типу публичных выступлений, они направлены как на формирование определенных взглядов аудитории, так и на изменение уже существующих установок, т. е. переубеждение. Кроме того, предвыборные речи содержат в себе элементы прямой агитации — убеждение или просьбу проголосовать за оратора. Для доказательства определенных тезисов ораторы используют как рациональные, так и эмоциональные аргументы. Наиболее убедительным и самым распространенным классом аргументов являются ссылки на авторитеты. В текстах выступлений из предвыборных кампаний апелляция к авторитетам встречается в разнообразных формах: авторитет конкретного человека, авторитет учреждения, авторитет должности, авторитет возраста и собственный авторитет. Не менее важную роль в доказательстве играют естественные доказательства-иллюстрации, задача которых — конкретизировать аргумент, подтвердить его конкретными примерами. К иллюстрациям относятся показания очевидцев, простых людей (не авторитетов), которые делятся своим личным опытом, мыслями или мнениями. В качестве одного из аргументов в рассматриваемом типе речей используются также аллюзии (цитаты известных людей прошлого, исторические факты, ссылки на события современности и цитаты американских знаменитостей наших дней). Аллюзии легко узнаются носителями языка оратора, однако у реципиентов других лингвокультур соответствующие фоновые знания могут отсутствовать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; предвыборная речь; рациональная аргументация; убеждение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Злобина Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: onyakov@gmail.com.

По определению Т. А. ван Дейка, политический дискурс — это текст и разговоры профессиональных политиков или политических институтов, таких как президент, премьер-министр и другие члены правительства, парламент или политические партии, как на местном, национальном, так и на международном уровнях [ван Дейк 2013]. А. П. Чудинов отмечает, что политический дискурс — это сложное коммуникативное явление, которое должно включать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов 2003: 50—51]. Вслед за Е. Ю. Алешинной мы понимаем под политическим дискурсом текст, характеризующийся тематикой утверждения и выражения интересов субъектов политики в процессе их деятельности, борьбы за политическую власть и рассмотренный в ситуации соответствующего общения [Алешина 2016]. Политический дискурс не обойден вниманием современных исследователей, в последнее время активно исследуется концептосфера политического дискурса [Рябкова 2011: 273—278]. Интерес исследователей уже давно привлекают также языковые средства выразительности, используемые в политическом дискурсе, и проблемы их передачи при переводе [Чудинов 2003; Шутова 2004: 142—144].

В настоящей статье рассматриваются речи из предвыборных кампаний кандидатов на пост Президента США 2008 и 2012 гг. Данные речи относятся к аргументирующему типу публичных выступлений, они направле-

ны как на формирование определенных взглядов аудитории, так и на изменение уже существующих установок, т. е. переубеждение. Кроме того, предвыборные речи содержат в себе элементы прямой агитации — убеждение или просьбу проголосовать за оратора. Как известно, на протяжении практически всего периода существования США в стране доминировали две партии — Демократическая и Республиканская, регулярно сменяющие друг друга у власти. В этой связи для анализа были отобраны речи кандидатов от Республиканской партии — Джона Маккейна и Митта Ромни, а также речи кандидата от Демократической партии Барака Обамы.

Предвыборная риторика кандидатов на пост президента США насыщена различными относительно самостоятельными способами и приемами убеждающего воздействия на многочисленную аудиторию потенциальных избирателей. Для доказательства определенных тезисов ораторы используют как рациональные, так и эмоциональные аргументы. Предмет исследования в данной статье составляют рациональные аргументы.

Так, для создания эффекта объективности ораторы часто выстраивают причинно-следственные связи между высказываниями, прибегают к статистике, фактам из прошлого, показаниям очевидцев и подкрепляют все это ссылками на авторитеты успешных политиков прошлого, независимых экспертов и т. д. Кандидаты неоднократно обращаются к личному опыту, акцентируют авторитет собственной личности.

Что касается логики построения доказательства, то ораторы чаще всего используют двустороннюю восходящую аргументацию, предоставляя аудитории выбор между существующими позициями (оратора и оппонента). Помимо прямого доказательства, используется и косвенное, самым популярным вариантом которого в рассмотренных речах является приведение антитезиса к абсурду.

Рассмотрим средства рациональной аргументации более подробно.

Наиболее убедительным и самым распространенным классом аргументов являются ссылки на авторитеты. Авторитетные инстанции являются внешними для отправителя и получателя источниками знания и могут быть достоверными и относительными. В текстах выступлений из предвыборных кампаний апелляция к авторитетам встречается в разнообразных формах: авторитет конкретного человека, авторитет учреждения, авторитет должности, авторитет возраста и собственный авторитет.

Приведем пример апелляции к мнениям авторитетных политиков для обоснования тезисов ораторов:

1. As **President Kennedy** once said, "We will neglect our cities to our peril, for in neglecting them we neglect the nation."

2. "Never despair," **Winston Churchill** once said. And we did not despair. We were tested and we rose to the challenge.

Для объективной оценки некоторых событий и ситуаций кандидаты в президенты также апеллируют к мнениям экспертов в разных областях знания, что повышает убедительность тезиса. Интересно, что при этом их имена не всегда называются, важно лишь указание на достоверный и авторитетный источник и на область деятельности специалистов:

1. **Independent experts** say that my plan would cut our deficit by \$4 trillion.

2. When **folks who don't actually work for Governor Romney** start crunching the numbers, it turns out the tax plan doesn't add up, jobs plan doesn't create jobs, deficit plan doesn't reduce the deficit. **An economist at the New York Times** put it this morning, "There's no jobs plan — there's just a snow job on the American people. A snow job."

Помимо апелляции к авторитетным источникам, кандидаты в президенты, как сформировавшиеся, опытные политики, нередко устанавливают отношения доверия с аудиторией путем демонстрации своей компетентности в определенной области, успеха деятельности на политической арене. При этом возникают аналогии с саморекламой. Немаловажную

роль в данном случае играет уровень доверия к оратору. Так, Б. Обама, в прошлом сенатор США от штата Иллинойс, ссылается на пример удачно осуществленных им реформ здравоохранения на уровне штата:

In Illinois, when as a state senator, I brought Republicans and Democrats together to pass legislation that has expanded coverage to more than 150,000 people, including 70,000 children.

Таким образом, на основе предыдущего опыта оратор получает репутацию надежного человека и, следовательно, одобрение и согласие аудитории с его последующими предложениями.

Благодаря тесному общению с простыми американцами Б. Обама зарекомендовал себя как политик, понимающий нужды народа, что, безусловно, позволяло ему установить личные доверительные отношения с аудиторией. Благодаря этому ощущению общности вся передаваемая информация воспринималась как лично адресованная, не нейтральная, что особенно эффективно при убеждении:

I've shared the pain of families who've lost their homes, and the frustration of workers who've lost their jobs.

Совершенно очевидно, что предвыборные речи должны показывать кандидата с лучшей стороны. Акцентирование достоинств и желаемых для аудитории взглядов кандидата способно представить его в лучшем свете на фоне оппонента, что, безусловно, способствует укреплению доверия к оратору со стороны аудитории и повышает убедительность речи. При установлении собственного авторитета Дж. Маккейн использует в своих речах довольно сильную тактику: приглашение в свидетели самих слушающих. Так, он утверждает, что американские избиратели давно и очень хорошо знают его как политика, обладающего достаточным опытом и знаниями в решении проблем политических партий США, как «слугу» американского государства, который служит только государственным интересам:

But the American people didn't get to know me yesterday, as they are just getting to know Senator Obama. They know I have a long record of bipartisan problem solving. They have seen me put our country before any President — before any party — before any special interest — before my own interest.

В данном случае оратор используют параллельные конструкции и антитезу, а также лексические повторы, которые повышают воздействующую силу речи.

Таким образом, апелляция к авторитету является очень сильным способом склоне-

ния аудитории к доказываемой точке зрения. Авторитетному мнению, как правило, бывает очень трудно противостоять, что сразу же делает практически любой аргумент весомым, а тезис — приемлемым для аудитории.

Не менее важную роль в доказательстве играют естественные доказательства-иллюстрации, задача которых — конкретизировать аргумент, подтвердить его конкретными примерами. Они всегда носят частный, подчиненный характер. К иллюстрациям относятся показания очевидцев, простых людей (не авторитетов), которые делятся своим личным опытом, мыслями или мнениями. Как правило, оратор, который лично встречал этих людей и рассказывает какой-то случай своей аудитории, делает это с целью установления с ней эмоциональной связи, для того, чтобы речь была не отвлеченной, а лично окрашенной. Каждая история непременно служит наглядной демонстрацией и подкреплением определенного тезиса. Приведем фрагмент речи М. Ромни, в котором он демонстрирует неэффективность внутренней политики Б. Обамы на примере простой американки, которая потеряла свой бизнес:

Yesterday, I met Rhoda Elliott. She has been running her family restaurants for years, a business that has been in her family for 82 years. At its high point, she employed 200 people. She just closed it down telling me that regulations, taxes and the effects of the Obama economy put her out of business.

Помимо примеров из жизни, кандидаты часто вводят в свою речь различные цифровые показатели, приводят статистику, ссылаются на данные официальных учреждений. Анализ конкретных фактов и цифр позволяет слушателю самому прийти к логичному выводу, что повышает убедительность аргумента. Воздействующий эффект естественных доказательств повышается в сочетании с другими типами доводов и стилистическими приемам, такими как антитеза, сравнение, риторический вопрос:

1. *When George Bush came into office, we had surpluses. And now we have half-a trillion-dollar deficit annually. When George Bush came into office, our debt — national debt was around \$5 trillion. It's now over \$10 trillion.*

2. *\$5,000 tax credit. That sounds pretty good. But what Senator McCain doesn't tell you is that the average cost of a family health care plan these days is more than twice that much — \$12,680. So where would that leave you?*

Прием иллюстрации с помощью естественных доказательств встречается во многих исследуемых речах, поэтому его по праву можно считать популярным и сильным

способом убеждения. Иллюстрация помогает облегчить восприятие получаемой информации, повышает научность и обоснованность доказываемых положений. В подобных высказываниях оратор сам вводит все необходимые для понимания факты, поэтому при переводе переводчику необходимо следить за точностью передачи фактической информации.

В качестве одного из аргументов в рассматриваемом типе речей также используются аллюзии. Они являются еще одним способом повышения воздействующей силы речи, так как точно и сжато выражают сложные идеи. Под аллюзией традиционно (И. Р. Гальперин, И. В. Арнольд) понимается наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам [Гальперин 1958].

В рассматриваемых речах встретились аллюзии разных типов: цитаты известных людей прошлого, исторические факты, ссылки на события современности и цитаты американских знаменитостей наших дней.

Интересен следующий пример:

Four years of a badly-conceived military strategy had brought us almost to the point of no return.

В данном примере Д. Маккейн подразумевает Дж. Буша и его политику в Ираке. Несмотря на то что имя президента не называется, адресат понимает аллюзию, зная, что президентский срок в США составляет четыре года и неудачная военная политика проводилась в Ираке именно Дж. Бушем.

Рассмотрим другой пример:

If President Obama had delivered a real recovery — a Reagan recovery — we would have five million more jobs today.

В англоязычных источниках выражение *Reagan recovery* употребляется в контексте использования термина *Reaganomics* (в русскоязычных источниках — «рейганомика»). Экономический курс Р. Рейгана был успешен и нацеливался прежде всего на оздоровление экономики США. Таким образом, М. Ромни проводит аналогию между программами по оздоровлению американской экономической системы Б. Обамы и Р. Рейгана, намекая, что Б. Обама не сумел справиться с поставленной задачей так, как это сделал Р. Рейган.

Некоторые аллюзии требуют поисковой работы для их распознавания:

I particularly want to apologize to Chris Matthews. Four years ago I gave him a thrill up his leg; this time around I gave him a stroke.

Речь идет о том, что известный политический обозреватель и ведущий программы новостей Крис Мэтьюс описал свой восторг от выступления Б. Обамы на президентских дебатах, посвященных вопросам экономики, в следующих выражениях: *"I Felt This Thrill Going Up My Leg"*. Мэтьюс хотел сказать, что Б. Обама оценивает ситуацию в стране объективно, говоря о своих чувствах к своей стране и не смешивая их с политикой. Согласно интернет-ресурсам, Мэтьюс несколько неудачно выразился, используя несуразную фразу *Thrill Up the Leg*, над которой потом смеялась общественность. Б. Обама, в свою очередь, ссылается на на шумевшее высказывание, которое Мэтьюс изобрел сам.

Рассмотрим еще один пример:

But I just want to make sure I got this straight. He'll [Romney] get rid of regulations on Wall Street, but he's going to crack down on Sesame Street.

Оратор упоминает, казалось бы, знакомые реалии: финансовый центр в Нью-Йорке и детскую передачу, транслируемую на некоммерческом канале PBS, но их связь и отношение к политике М. Ромни не совсем понятны. Обращение к носителю языка позволило выяснить, что в данном примере Б. Обама насмехается над намерением М. Ромни избавить Уолл-стрит от государственного регулирования и сделать финансовую систему менее прозрачной, он упрекает его в наличии корыстного интереса: *Mitt Romney is a successful businessman and part of his fortune has been tied to big business. Those are the same type of investors and businesses that would be affected by Wall Street regulations. It was President Obama's intention to show that Romney was making bad choices in where to make cuts and impose regulation, and to show that at heart Romney is a part of the Wall Street crowd making big profits at the expense of others. And that Romney would rather pull the funding from 'Sesame Street' than to upset his big business Wall Street friends.*

Итак, аллюзии являются очень эффективным способом убеждения, придающим политической речи достоверность и убедительность, но их восприятие зависит от информированности аудитории, наличия определенных фоновых знаний.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные предвыборные речи построены в соответствии со всеми требованиями, предъявляемыми к аргументирующим речам, и обладают очень высокой степенью убедительности. Среди средств убеждения, используемых ораторами в качестве рациональных аргументов, важное место занимает апелляция к авторитетным

инстанциям: выдающимся политикам — предшественникам, независимым экспертам и т. д. Кроме того, оратор может устанавливать отношения доверия с аудиторией посредством ссылок на собственный авторитет, так как кандидаты в президенты США являются известными и уважаемыми деятелями с большим опытом работы на политической арене. Рациональная аргументация может подкрепляться естественными доказательствами: цифровыми показателями, примерами из жизни и показаниями очевидцев, делающими приводимые доводы наглядными, правдоподобными и истинными. Большую роль в убедительности аргументирующей речи играют аллюзии, которые могут точно и сжато выражать сложные идеи. Аллюзии легко распознаются носителями языка оратора, однако у реципиентов других лингвокультур соответствующие фоновые знания могут отсутствовать. Для правильного понимания аллюзий важную роль играют поисковая работа в сети Интернет и консультации с носителями языка.

ИСТОЧНИКИ

1. Administration of Barack Obama, 2012 Remarks at a Campaign Rally in Madison, Wisconsin. October 4, 2012. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/DCPD-201200778/pdf/DCPD-201200778.pdf> (date of access: 4.04.2017).
2. President Obama's speech at the Al Smith Dinner, October 18, 2012. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2012/10/18/president_obamas_speech_at_the_al_smith_dinner_115843.html (date of access: 4.04.2017).
3. Mitt Romney 2012 Republican Presidential Nominee: Governor-MA. Remarks to the National Association of Latino Elected and Appointed Officials in Orlando, Florida, June 21, 2012. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=101163> (date of access: 9.04.2017).
4. John McCain, 2008. Republican Presidential Nominee: US Senator-AZ. Remarks to the Members Of The Veterans Of Foreign Wars (VFW) in Kansas City, Missouri. April 7, 2008. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=77127> (date of access: 9.04.2017).
5. President Obama's Romnesia Speech — Transcript and Video. October 19th, 2012. Remarks by President Barack Obama at a campaign event at the George Mason University in Fairfax, Virginia. URL: <http://2012.presidential-candidates.org/?news=President-Obamas-Romnesia-Speech-Transcript-and-Video> (date of access: 9.04.2017).
6. Romney Delivers Rip-Roaring Speech in Wisconsin. Published November 2, 2012. URL: <http://nation.foxnews.com/mitt-romney/2012/11/02/romney-delivers-rip-roaring-speech-wisconsin> (date of access: 9.04.2017).
7. McCain Delivers Remarks on Primary Results. CQ Transcriptwire. Tuesday, June 3, 2008. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/03/AR2008060303837.html> (date of access: 9.04.2017).
8. Transcript: President Obama's Convention Speech. September 6, 2012. URL: <http://www.npr.org/2012/09/06/160713941/transcript-president-obamas-convention-speech> (date of access: 9.04.2017).
9. Barak Obama. Remarks in Newport News, Virginia. October 4, 2008. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=84479> (date of access: 9.04.2017).
10. U.S. Must Stay in Iraq to Assure Success, McCain Says. APRIL 7, 2008. URL: <http://www.nytimes.com/2008/04/07/us/politics/07text-mccain.html> (date of access: 9.04.2017).

ЛИТЕРАТУРА

11. Алешина Е. Ю. Регистры публичного политического дискурса и факторы их формирования (на материале английского языка) // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4. С. 87—92.
12. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — Екатеринбург, 2006. 252 с.
13. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. — М. : Либроком, 2013. 344 с.
14. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. — Екатеринбург, 2013. 194 с.
15. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. — М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 459 с.
16. Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2011. 252 с.

O. N. Zlobina
Izhevsk, Russia

TYPES OF RATIONAL ARGUMENTATION IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper discusses the notion of political discourse and the means of rational argumentation used by the candidates for Presidency in 2008 and 2012. The research offers analysis of the speeches by J. McCain, M. Romney and B. Obama. These speeches are referred to argumentative type of public addresses, they are aimed at formation of definite views of the audience and manipulation. Besides, electoral speeches contain the elements of direct campaigning – persuasion or appeal to vote for the speaker. To prove some statements the speaker use both rational and emotional arguments. The most persuasive and wide-spread arguments are references to the distinguished people. The texts of electoral campaign appeal to the authorities in different forms: the authority of a certain person, the status of the institution, prestige of the post, respect to age and the authority of the speaker himself. An important argument is a picture or image, the goal of which is to specify the statement and to support it by real examples. Images may include the witness's testimony; these witnesses are ordinary people who share their experience, thoughts or ideas. One of the arguments in such speeches is allusion (quotes of famous people of the past, references to historical facts and the events of modern times and the quotes from famous Americans of today). Allusions are easily recognized by the native speakers, but foreigners may lack the necessary background knowledge.*

KEYWORDS: *political discourse; campaign speech; rational argumentation; persuasion.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zlobina Olga Nikolaevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Translation and Applied Linguistics (English and German Languages), Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

REFERENCES

1. Administration of Barack Obama, 2012 Remarks at a Campaign Rally in Madison, Wisconsin. October 4, 2012. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/DCPD-201200778/pdf/DCPD-201200778.pdf> (date of access: 4.04.2017).
2. President Obama's speech at the Al Smith Dinner, October 18, 2012. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2012/10/18/president_obamas_speech_at_the_al_smith_dinner_115843.html (date of access: 4.04.2017).
3. Mitt Romney 2012 Republican Presidential Nominee: Governor-MA. Remarks to the National Association of Latino Elected and Appointed Officials in Orlando, Florida, June 21, 2012. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=101163> (date of access: 9.04.2017).
4. John McCain, 2008. Republican Presidential Nominee: US Senator-AZ. Remarks to the Members Of The Veterans Of Foreign Wars (VFW) in Kansas City, Missouri. April 7, 2008. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=77127> (date of access: 9.04.2017).
5. President Obama's Romnesia Speech — Transcript and Video. October 19th, 2012. Remarks by President Barack Obama at a campaign event at the George Mason University in Fairfax, Virginia. URL: <http://2012.presidential-candidates.org/?news=President-Obamas-Romnesia-Speech-Transcript-and-Video> (date of access: 9.04.2017).
6. Romney Delivers Rip-Roaring Speech in Wisconsin. Published November 2, 2012. URL: <http://nation.foxnews.com/mitt-romney/2012/11/02/romney-delivers-rip-roaring-speech-wisconsin> (date of access: 9.04.2017).
7. McCain Delivers Remarks on Primary Results. CQ Transcriptwire. Tuesday, June 3, 2008. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/03/AR2008060303837.html> (date of access: 9.04.2017).
8. Transcript: President Obama's Convention Speech. September 6, 2012. URL: <http://www.npr.org/2012/09/06/160713941/transcript-president-obamas-convention-speech> (date of access: 9.04.2017).
9. Barak Obama. Remarks in Newport News, Virginia. October 4, 2008. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=84479> (date of access: 9.04.2017).
10. U.S. Must Stay in Iraq to Assure Success, McCain Says. APRIL 7, 2008. URL: <http://www.nytimes.com/2008/04/07/us/politics/07text-mccain.html> (date of access: 9.04.2017).
11. Alëshina E. Yu. Registry pùblichnogo politicheskogo diskursa i faktory ikh formirovaniya (na materiale angliyskogo yazyka) // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 4. S. 87—92.
12. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — Ekaterinburg, 2006. 252 s.
13. Deyk T. A. van. Diskurs i vlast'. Reprèzentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii : per. s angl. — M. : Librokom, 2013. 344 s.
14. Voroshilova M. B. Politicheskii kreoлизovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu. — Ekaterinburg, 2013. 194 s.
15. Gal'perin I. R. Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka. — M. : Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1958. 459 s.
16. Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasilnikova ; otv. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2011. 252 s.
17. Ryabkova I. P. Kontseptosfera politicheskogo diskursa (perevodcheskiy aspekt) // Politicheskaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. S. 273—278.
18. Ryabkova I. P. Kognitivnaya sostavlyayushchaya «traektoriya dvizheniya» v ramkakh kontsepta «Put» v rechakh rossiy-skikh i amerikanskikh liderov: сопоставително-переводческий аспект // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 6. S. 126—131.
19. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2003. 248 s.
20. Shutova N. M. Metafora v politicheskoy kommunikatsii kak ob'ekt perevoda (na materiale inauguratsionnykh rechey amerikanskikh prezidentov) // Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya : materialy nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 19—20 apr. 2004 g.). — SPb., 2004. S. 142—144.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

С. Н. Плотникова, Л. В. Кузнецова
Иркутск, Россия

КОЛЛЕКТИВНАЯ КОГНИЦИЯ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В политической коммуникации, в зависимости от ситуации, может доминировать как индивидуальная, так и коллективная когнития. Сущность коллективной когнитии состоит в разделении индивидом убеждений политической группы, с которой он себя идентифицирует. Коллективный характер когнитии в ситуации принятия политического решения (например, в рамках парламентской коммуникации) заключается в формировании когнитивного сообщества (группы индивидов, мыслящих на основе общих когнитивных структур знаний — концептов, пропозиций, сценариев и других), члены которого производят свой дискурс на основе общей структуры знания, макропропозиции, выдвигаемой в качестве решения. Выработка общей разделяемой структуры знания, единой для политического сообщества, макропропозиции, в результате коллективной политической когнитии рассматривается на примере принятия решений в Государственной думе. Анализ показал, что при обсуждении пенсионной реформы в процессе коллективной когнитии выдвигаются два решения, но внутри этих решений выдвигаются по три микрорешения. Решающие осмысливают те макропропозиции, которые конкретизируют две главные макропропозиции с точки зрения того, что более выгодно для решения социальных проблем в стране, а общее, окончательное решение принимается через сопоставление двух наборов микрорешений в результате объединения двух конфликтующих когнитивных сообществ в единое сообщество. Участники парламентской коммуникации, включаясь в общее когнитивное сообщество, в процессе коллективной когнитии разделяются внутри него на два отдельных когнитивных сообщества, причем остаются парламентарии, воздержавшиеся при голосовании: индивидуальная когнития таких парламентариев не становится частью коллективной когнитии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коллективная когнития; политические коммуникации; парламентаризм; парламентская коммуникация; политическая риторика; политический дискурс; парламентский дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Плотникова Светлана Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; e-mail: snplotn@mail.ru.

Кузнецова Лариса Валерьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии, институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; e-mail: larisa.kuznecova@mail.ru.

Понятие политической когнитии является одним из новых понятий, появившихся в последние годы в сфере исследований политической коммуникации и политического дискурса. В трактовке Т. ван Дейка политическая когнития (political cognition) представляет собой обработку политической информации, в результате которой создается политический дискурс. Изучение политической когнитии фокусируется на таких аспектах обработки политической информации, как структуры ментальных репрезентаций политических ситуаций, организация политических убеждений, политические суждения и принятие решений, формирование впечатлений у социального адресата, политическое понимание (political understanding), политические стереотипы и предрассудки и т. д. [Dijk 2002: 203].

На наш взгляд, специфика политической коммуникации состоит в том, что в ней наблюдается отчетливая тенденция перерастания индивидуальной когнитии в коллективную. Об этом же фактически говорит Т. ван Дейк, который, хотя и не использует термин «коллективная когнития», но употребляет термин «коллективный дискурс» (collective discourse) в своем анализе трех уровней политической коммуникации.

Согласно Т. ван Дейку, базовый уровень политической коммуникации включает в себя индивидуальных политических акторов, а также их убеждения, дискурсы и другие ин-

теракции в политических ситуациях. Средний уровень, опирающийся на базовый, состоит из политических групп и институтов, а также из их разделяемых ментальных репрезентаций, коллективного дискурса, коллективных отношений и интеракций. Высший уровень, который, в свою очередь, опирается на средний, образуется политическими системами и их абстрактными ментальными репрезентациями, порядками дискурса и общими политическими, культурными и историческими процессами.

Как подчеркивает Т. ван Дейк, эти три уровня политической коммуникации взаимосвязаны: микро- и макроуровни реализуются одновременно. Например, депутат, выступая в парламенте, говорит как индивид и выражает свои личные взгляды и убеждения. В то же время он говорит как член определенной партии, выражая оппозицию (doing opposition) по отношению к другой партии или правительству и отстаивая идеологию своей группы. И наконец, делая это, он воплощает систему парламентской демократии, придерживаясь общих со всеми другими депутатами норм и ценностей [Dijk 2002: 204].

Соглашаясь в целом с трактовкой одноуровневой реализации политической когнитии на микро- и макроуровне, следует тем не менее отметить, что в каких-то ситуациях может доминировать индивидуальная когнития, а в каких-то — коллективная. Так, предвзятый дискурс об иммигрантах может быть

произведен конкретным парламентарием из личных убеждений, но отвергнут его однопартийцами, их коллективной когницией. Однако негативно настроенный парламентарий может остаться при своем мнении и продолжать высказывать его, невзирая на мнение группы. Индивидуальная когниция в подобных случаях превалирует над коллективной, поскольку она включает в себя такие личные убеждения индивида, которые он считает более ценными, чем коллективные убеждения группы. В других политических ситуациях явно доминирует коллективная когниция.

Цель данной статьи — доказать доминирование коллективной когниции в ситуации принятия решения в парламентской коммуникации.

Изучение коллективной когниции (*collective / social cognition*) было начато в когнитивной психологии в ходе дальнейшего рассмотрения понятий группы, организации и коллективного субъекта, воплощающего в себе коллективное сознание [Брушлинский 2002; Daft, Weik 1984; Larsen, Christensen 1993]. Представляется целесообразным продолжить разработку данного понятия в лингвистическом аспекте.

Наш подход к коллективной когниции опирается на принятое в лингвистике определение когниции как познавательного процесса (познания и познавания), т. е. приобретения и осмысления знаний и опыта; когниция способствует обработке и переработке поступающей к человеку информации [КСКТ].

Коллективная когниция понимается нами как *разделяемая* когниция, т. е. такое осмысление мира, которое разделяют все члены определенного сообщества и на основе которого они конструируют общее для них развитие мира [Плотникова 2014]. Коллективная когниция осуществляется в когнитивном сообществе; этот термин используется в когнитивной психологии для обозначения группы индивидов, мыслящих на основе общих когнитивных структур знаний — концептов, пропозиций, сценариев и т. д. [Kraus, Zarefsky 2011].

В процессе принятия закона в парламенте явным образом формируются два когнитивных сообщества, члены которых объединены разделяемой когницией. Коллективный характер когниции заключается в том, что в результате обработки политической информации каждый индивид, входящий в сообщество, выбирает единое со всеми другими индивидами решение, которое на когнитивном уровне представляет собой структуру знания — пропозицию. И именно эта пропо-

зиция дискурсивизируется членами когнитивного сообщества с помощью соответствующих речевых актов [Кузнецова 2015].

В данном случае пропозицию как единицу мысли, смысл предложения/высказывания [КСКТ], можно назвать макропропозицией.

На поверхностном языковом уровне пропозиция вербализуется в виде предложения либо нескольких предложений; сама же пропозиция в своей нотации может быть выражена при помощи других слов, чем в высказывании на естественном языке [Dijk, Kintsch 1978]. Пропозиции мы формулируем, используя метод пропозиционального анализа дискурса Т. ван Дейка и В. Кинча, и записываем их в виде предложений на естественном языке, заключая в треугольные скобки [Dijk, Kintsch 1978]. Макропропозиция — это глубинная пропозиция дискурса, обобщенный смысл всех высказываний, семантический дайджест дискурса [Dijk, Kintsch 1978].

Общая разделяемая структура знания, единая для политического сообщества, макропропозиция, вырабатывается в результате коллективной политической когниции; особенность такой когниции можно проиллюстрировать на примере принятия решений в Государственной думе РФ.

Прежде всего необходимо отметить, что парламентская коммуникация в рамках политической коммуникации занимает особое место. Это обусловлено тем, что парламентская коммуникация представляет собой «разговорный» тип политической коммуникации: политическая деятельность депутатов Государственной думы связана с обсуждением социальных и политических проблем. Вместе с тем, как указывают А. П. Чудинов и Э. В. Будаев, объектами анализа политической лингвистики являются в первую очередь тексты, созданные политиками; такие тексты носят институциональный характер [Будаев, Чудинов 2008: 20]. В качестве институциональных политических текстов мы анализируем записи выступлений политиков — парламентские стенограммы.

Парламентская коммуникация протекает в рамках проблемных ситуаций; политические проблемы постоянно формулируются, проговариваются, обсуждаются, осмысливаются и только потом принимается определенное решение; принятие решений представляет собой основу любой политической деятельности. «Особенность политической коммуникации заключается в том, что это важное звено политической деятельности, суть которой — принятие решений, обеспечивающих возможности для взаимодействия членов общества и функционирования об-

ществленных институтов» [Базылев 2005: 324]. В. Н. Базылев провел исследование текстов политических выступлений, произнесенных в пользу принятия того или иного решения. «Тексты политиков дают возможность реконструировать вербализованный процесс принятия решений на операциональном уровне, а также выяснить и исследовать закономерности отображения этого процесса в аргументативном тексте» [Базылев 2005: 325].

В анализируемом примере заседания комитета Государственной думы от 19 октября 2013 г. формулируется проблема, которую необходимо решить (*Сегодняшнее обсуждение очередной пенсионной реформы; нам необходимо решать этот вопрос*).

Два решения поставленной проблемы на когнитивном уровне можно сформулировать как две макропропозиции: <Изменить пенсионную систему> vs <Не изменять пенсионную систему>, или как первое решение (P1) и второе решение (P2).

Данные, выведенные из дискурса в виде его семантического дайджеста — макропропозиции, не требуют специальной пропозициональной обработки; они лежат на поверхности дискурса (propositions on the surface of discourse) [Stubbs 1983: 176], что является типичным для парламентской коммуникации, в которой при решении проблемы принято сразу предлагать варианты ее решения.

Две проблемные макропропозиции как два возможных варианта решения проблемы предполагают выбор одного из них. Этот выбор в лингвистическом плане сводится к вариантам между ответами «да» или «нет»; на когнитивном уровне это означает, что вербализуются две пропозиции, полностью исключающие друг друга.

В процессе коллективной когниции каждая из макропропозиций разъясняется с помощью ряда микропропозиций, вербализация которых происходит по адверсарияльному типу [Thargard 1992; Плотникова 1995]. Глубина пропозиционального содержания показывает глубину когниции, т. е. глубину осмысления и понимания проблемной ситуации. Чтобы осуществить одно из действий/решений (провести пенсионную реформу или оставить всё без изменений), необходимо предпринять ряд других действий/решений. Таких микрорешений/микропропозиций, представленных на языковом уровне разнообразными высказываниями, по три на каждое из двух микрорешений (P1 и P2).

Те политики, которые поддерживают законопроект, осмысливают его в рамках ко-

гнитивного сообщества, преследующего цель изменить систему начисления пенсии (провести пенсионную реформу); они осмысливают те действия, которые необходимо для этого осуществить. Микропропозиции, показывающие необходимость осуществления определенного действия в качестве первого решения (P1), мы обозначаем как P1/1, P1/2 и P1/3 и выводим их на основе анализа языкового материала.

Первую микропропозицию (P 1/1) мы формулируем как <Необходимо создать социально выгодные условия при расчете пенсии>. Она выражается при помощи лексических средств, подчеркивающих необходимость учета различных факторов при начислении пенсии, ведущих к ее **увеличению и улучшению благосостояния пенсионеров** (*модернизация пенсионного законодательства сможет обеспечить повышение благополучия всех пенсионеров; увеличены нестраховые периоды для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, с трех до четырех с половиной лет, более того, установлен повышающий коэффициент*).

Вторую микропропозицию (P 1/2) мы формулируем как <Необходимо повысить социальную ответственность за пенсионное обеспечение>. Она вербализуется при помощи лексики, обозначающей те меры, которые предпринимаются для того, чтобы обеспечить социальную защищенность граждан; это в первую очередь глаголы со значением усиления, увеличения, используемые в будущем времени (**позволит повысить социальную ответственность государства, работодателей и самих работников за уровень пенсионного обеспечения**), а также глаголы со значением изменения (*законопроектом предлагается для тех иностранных граждан и лиц без гражданства, которые приходят за назначением социальной пенсии, **ввести порог** необходимого проживания в Российской Федерации — пятнадцать лет; конструкция, предложенная в законопроекте, позволяет **постепенно сделать** бюджет фонда сбалансированным*).

Третье микрорешение, стоящее за микропропозицией (P 1/3) <Необходимо принять новую систему расчета пенсионных выплат>, учитывает изменение условий начисления пенсии; здесь преобладают описания положительных качеств будущей формулы расчета пенсии (*баллы — это обязательства государства: какими бы ни были рубли, какой бы ни была инфляция, государство будет обязано пересчитать в соответствии с инфляцией баллы таким обра-*

зом, чтобы человек получил пенсию, адекватную вкладу, который был сделан исходя из его стажа и исходя из его заработка).

Очевидно, что за приведенными в качестве примеров высказываниями стоят позиции, которые выражают те действия, которые необходимо предпринять, чтобы изменить существующую ситуацию и решить проблему.

Участники, входящие в другое когнитивное сообщество и выступающие за то, чтобы оставить всё без изменений, реализуя коллективную когницию и действуя как единый коллективный субъект, выражают свои решения через негацию, подчеркивая тот факт, что ситуация только ухудшится в будущем. Микропозиции, поддерживающие второе макрорешение (Р 2) — «Не изменять ситуацию», которые мы обозначаем как Р 2/1, Р 2/2, Р 2/3, мы формулируем при помощи отрицательной частицы «не».

Первая микропозиция (Р 2/1) «Не надо увеличивать пенсионный возраст» отрицает положительные качества, которые представлены микропозицией Р 1/3. Для этого используются слова с негативной семантикой и глаголы в отрицательной форме (*Если считать не рубли, а баллы, как предлагается в законопроекте, то по этой балльной системе получается, что низкооплачиваемые граждане, около двух с половиной миллионов человек, не смогут заработать 30 баллов до достижения пенсионного возраста; получение более высоких пенсий при более позднем выходе на пенсию, как предлагается в проекте, не поможет улучшить благосостояние пенсионера*). Также используется ирония, чтобы выделить смысл, противоположный буквальному (*стимулирование повышения возраста выхода на пенсию — конечно, видно, что это благие намерения, но мы все знаем, куда приводят благие намерения*).

Вторая микропозиция (Р 2/2), передающая смысл «Не надо ухудшать социальное положение пенсионеров», вербализуется с помощью глаголов со значением ограничения (*граждан с пятилетним стажем, у которых зарплата была на уровне минимального размера оплаты труда, у них не будет возможности получить даже фик-*

сированную выплату; Предлагаемая в сегодняшнем виде реформа во многом обесценивает не только труд человека, но и саму человеческую жизнь). Говорящие противопоставляют надежность существующей пенсионной системы сомнительным результатам будущего проекта, используя усиительные наречия (*достаточно, весьма*) и прилагательные и глаголы с пейоративной семантикой (*Аналогичные гарантии, предполагаемые в законопроектах, пока достаточно туманны; в них очень много еще несовершенно и недоработанного; Не кажется ли вам, что это весьма аморальная потеря, которую мы предлагаем обществу*).

Третья микропозиция (Р 2/3) «Не надо вводить новую формулу расчета пенсии» стоит за теми высказываниями, которые перечисляют неблагоприятные аспекты и слабые стороны новой системы начисления пенсии; для этого используются слова, передающие значения уменьшения, ухудшения, лишения (*Сложность новой пенсионной формулы неизбежно приведет к большим проблемам для людей; в формуле по расчету пенсий максимальный размер уплачиваемого взноса стоит в знаменателе формулы — чем больше знаменатель, тем меньший балл заработают малообеспеченные пенсионеры, будущие пенсионеры*).

Анализ показывает, что в процессе коллективной когниции выдвигаются два решения, но внутри этих решений выдвигаются по три микрорешения. Решающие осмысливают те микропозиции, которые конкретизируют две главные микропозиции с точки зрения того, что более выгодно для решения социальных проблем в стране, а общее, окончательное решение принимается через сопоставление двух наборов микрорешений в результате объединения двух конфронтующих когнитивных сообществ в единое сообщество.

Модель коллективной когниции в ситуации принятия решения в парламентской коммуникации представлена на схеме (см. рис.). Данная модель лежит не только в основе анализируемой ситуации принятия решения, но и других подобных ситуаций.

Рис. Общее когнитивное сообщество

Как показано на схеме, в процессе коллективной когниции актуализируются два решения, т. е. говорящие, осуществляя когнитивную обработку проблемных пропозиций, вербализуют две противоположные макропропозиции и подкрепляющие их микропропозиции, тем самым создавая своей когницией и своим дискурсом ситуацию принятия решения.

На схеме также показано, что процесс когниции протекает через осмысление и вербализацию противоположных пропозиций двумя коллективными субъектами. В этом общем когнитивном процессе вербализация идет от макропропозиций к микропропозициям; все конкретные решения перечисляются и вербализуются, т. е. решение проблемы осмысливается, затем проговаривается с точки зрения того, что рационально, выгодно и полезно.

Предлагаемая модель коллективной когниции в парламентской коммуникации позволяет объяснить, каким образом большое количество участников (более 400 человек), каждый из которых имеет свое мнение, все-таки принимают решение. Участники парламентской коммуникации, включаясь в общее когнитивное сообщество, в процессе коллективной когниции разделяются внутри него на два отдельных когнитивных сообщества, т. е. происходит сведение двух групп политиков в двух абстрагированных коллективных решающих субъектов и пере-

растание индивидуальной когниции в коллективную.

Данная модель объясняет также когнитивную сущность поведения парламентариев, воздержавшихся при голосовании. Они со-присутствуют с другими участниками в одном и том же месте и в одно и то же время и участвуют в процессе коммуникации (задают вопросы, вступают в полемику и т. д.), т. е. участвуют в институциональной и коммуникативной ситуации. Однако они не участвуют в самой ситуации принятия решения, поскольку принятие решения не стало их целью. Поэтому такие участники не входят ни в одно из когнитивных сообществ и не участвуют в процессе коллективной когниции (к ним относятся спящие парламентарии, или погруженные в какое-либо постороннее занятие, или сидящие с безучастным выражением лица). Индивидуальная когниция таких парламентариев не становится частью коллективной когниции. Это означает, что их сознание не принимает ни одну из обрабатываемых пропозиций, поскольку их личные убеждения не соответствуют коллективным убеждениям группы.

В целом коллективная когниция как одна из форм когниции, несомненно, заслуживает дальнейшего рассмотрения. Введение этого понятия в лингвистику дает возможность изучать формирование, накопление и структурирование совместно разделяемого знания в процессе коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. Политический дискурс: когнитивное моделирование // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. к юбилею Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 324—330.
2. Брушлинский А. В. Психология индивидуального и группового субъекта. — М. : ПЕРСЭ, 2002. 368 с.
3. Будаев А. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008. 352 с.
4. КСКТ = Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
5. Кузнецова Л. В. Дискурсивное конструирование будущего мира в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. Сер. Языкознание и литературоведение. 2015. № 3. С. 128—139.
6. Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование социального мира // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы : материалы второй Междунар. науч. конф. — М. : МГЛУ, 2014. С. 27—29.
7. Плотникова С. Н. Решение проблем в серии бесед // Фразеология и личность. — Иркутск : Изд-во ИГПИИЯ, 1995. С. 119—134.
8. Стенограмма заседания (19 нояб. 2013 г.). URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3960/> (дата обращения: 15.09.2015).

S. N. Plotnikova, L. V. Kuznetsova
Irkutsk, Russia

COLLECTIVE COGNITION IN POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *Depending on the situation, both individual and collective cognition may dominate in political communication. The essence of collective cognition consists in sharing the beliefs of a political group by an individual, with which he associates himself. Collective nature of cognition in the context of political decision making (in parliamentary communication, for example) consists in formation of cognitive community (a group of individuals having similar cognitive structures – concepts, propositions, scripts, etc.). The members of such community make their discourse on the basis of the common structure of knowledge and macroproposition offered as a solution. The development of the common structure of knowledge, shared by the members of the political community, macroproposition, which is the result of political cognition, is discussed on the basis of decision making in the State Duma. The analysis showed that discussion of the pension reform leads to two decisions, each of which has three micro-decisions in it. The decision-makers think over those micropropositions that specify two main macropropositions from the point of view of what is more useful for the solution of social problems of the country. The final decision is made after comparison of the two sets of micro-decisions as a result of combination of two confronting cognitive communities into one union. The participants of parliamentary communication, joining into the cognitive union, are divided into two cognitive communities inside the union in the process of collective cognition. There are some members who abstain: their individual cognition doesn't become a part of collective cognition.*

KEYWORDS: *collective cognition; political communication; parliamentarism; parliament communication; political rhetoric; political discourse; parliamentary discourse.*

ABOUT THE AUTHORS: *Plotnikova Svetlana Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunication, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.*

Kuznetsova Larisa Valerievna, candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of English Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunication, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

REFERENCES

1. Bazylev V. N. Politicheskiy diskurs: kognitivnoye modelirovaniye // Kontseptual'noye prostranstvo yazyka : sb. nauch. tr. k yubileyu N. N. Boldyreva / pod red. E. S. Kubryakovoy. — Tambov : Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2005. S. 324—330.
2. Brushlinskiy A. V. Psikhologiya individual'nogo i gruppovogo sub'ekta. — M. : PERSE, 2002. 368 s.
3. Budaev A. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2008. 352 s.
4. KSKT = Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. — M. : Filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.
5. Kuznetsova L. V. Diskursivnoye konstruirovaniye budushchego mira v pragmaticheskoy situatsii prinyatiya resheniya v politicheskoy kommunikatsii // Vestn. Moskov. gos. lingvist. un-ta. Ser. Yazykoznanie i literaturovedenie. 2015. № 3. S. 128—139.
6. Plotnikova S. N. Diskursivnoye konstruirovaniye sotsial'nogo mira // Diskurs kak sotsial'naya deyatelnost': priority i perspe-

9. Daft R., Weik R. E. Toward a model of organizations as interpretation systems // Academy of Management Review. 1984. 9 (2). P. 284—295.
10. Dijk T. A. van. Political discourse and political cognition // Politics as Text and Talk. Analytical Approaches to Political Discourse / ed by P. A. Chilton, C. Schäffner. — Amsterdam : Benjamins, 2002. P. 204—236.
11. Dijk T. A. van, Kintsch W. Cognitive psychology and discourse: recalling and summarizing stories // Current Trends in Textlinguistics. — Berlin : Walter de Gruyter, 1978. P. 61—80.
12. Larsen J. R., Christensen C. Groups as problem-solving units: toward a new meaning of social cognition // British Journal of Social Psychology. 1993. 32. P. 5—30.
13. Kahneman D., Tversky A. The Framing of decisions and the psychology of choice // Science, New Series / pub. by American Association for the Advancement of Science. 1981. Vol. 211. № 4481. P. 453—458.
14. Kahneman D., Tversky A. Rational choice and the framing of decisions // Journ. of Business. 1986. Vol. 59. № 4 (2). P. 251—278.
15. Kraus M., Zarefsky D. Cognitive communities and argument communities // Conference Archive / pub. by OSSA. 2011. № 23. P. 1—18.
16. Stubbs M. Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis Of Natural Language. — Oxford : Basil Blackwell, 1983. 256 p.
17. Thargard R. Adversarial problem solving: modeling an open problem using explanatory coherence // Cognitive Science. 1992. № 16 (1). P. 123—149.

ktivny : materialy vtoroy Mezhdunar. nauch. konf. — M. : MGLU, 2014. S. 27—29.

7. Plotnikova S. N. Reshenie problem v serii besed // Frazeologiya i lichnost'. — Irkutsk : Izd-vo IGPIIYa, 1995. S. 119—134.

8. Stenogramma zasedaniya (19 noyab. 2013 g.). URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3960/> (data obrashcheniya: 15.09.2015).

9. Daft R., Weik R. E. Toward a model of organizations as interpretation systems // Academy of Management Review. 1984. 9 (2). P. 284—295.

10. Dijk T. A. van. Political discourse and political cognition // Politics as Text and Talk. Analytical Approaches to Political Discourse / ed by P. A. Chilton, C. Schäffner. — Amsterdam : Benjamins, 2002. P. 204—236.

11. Dijk T. A. van, Kintsch W. Cognitive psychology and discourse: recalling and summarizing stories // Current Trends in Textlinguistics. — Berlin : Walter de Gruyter, 1978. P. 61—80.

12. Larsen J. R., Christensen C. Groups as problem-solving units: toward a new meaning of social cognition // British Journal of Social Psychology. 1993. 32. P. 5—30.

13. Kahneman D., Tversky A. The Framing of decisions and the psychology of choice // Science, New Series / pub. by American Association for the Advancement of Science. 1981. Vol. 211. № 4481. P. 453—458.

14. Kahneman D., Tversky A. Rational choice and the framing of decisions // Journ. of Business. 1986. Vol. 59. № 4 (2). P. 251—278.

15. Kraus M., Zarefsky D. Cognitive communities and argument communities // Conference Archive / pub. by OSSA. 2011. № 23. P. 1—18.

16. Stubbs M. Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis Of Natural Language. — Oxford : Basil Blackwell, 1983. 256 p.

17. Thargard R. Adversarial problem solving: modeling an opponent using explanatory coherence // Cognitive Science. 1992. № 16 (1). P. 123—149.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1-1(Горалик Л.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-8,445

ГСНТИ 17.82.10

Код ВАК 10.01.01

Н. В. Барковская
Екатеринбург, Россия

РЕЧЬ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ (СТИХОТВОРЕНИЕ ЛИНОР ГОРАЛИК «КОГО ЗАБРАЛИ ИЗ ЖИВЫХ ПЕРЕД ПРОДЛЕНКОЙ...»)

АННОТАЦИЯ. Одна из характерных тенденций в современной поэзии — «новая социальность». Материалом для анализа выбрано стихотворение Линор Горалик «Кого забрали из живых перед продленкой...», фиксирующее речевой поток повседневности, в чем сближается с эстетикой «постдокументальности». Именно речь сохраняет следы множественных психологических травм, обусловленных историческим, социальным, бытовым контекстом XX века. Одним из исходных для интерпретации стихотворения служит тезис М. Фуко о том, что дискурсивная практика всегда опосредована существующими властными отношениями.

Автор демонстрирует механизмы речевого насилия старших над младшими. Концептуальную нагрузку в стихотворении несет контраст речевых «зон» сына и его матери. Эти две «зоны» строятся на противоположных основаниях. Сознание мальчика воплощается в дискурсе романтической свободы; речь матери реализует дискурс власти, бытовую речевую агрессию. Автор-свидетель не обнаруживает своих эмоций, он дает образ речи, а значит, и сознания наших современников. Сиюминутный акт коммуникативного насилия разворачивается в широкий исторический фон, сигналами к которому служат слова, акцентированные повторами или, напротив, своей неуместностью. Немецкий колорит сценической площадки, на которой разыгрывается маленькая драма, требует от читателя дополнительного осмысления исторического и современного культурного контекста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; речевая деятельность; анализ стихотворения; детско-родительские отношения; семейное воспитание; коммуникативное насилие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Одна из заметных тенденций в современной поэзии — так называемая «новая социальность». Задача статьи заключается в попытке показать приемы воплощения социального, исторического, культурного опыта в языке актуальной поэзии, критически представляющей повседневную речевую практику. Каким образом современный поэт конструирует из речевого «сора» вполне определенный и оцененный образ мира?

В журнале «Зеркало» (№ 48 за 2016 г.) опубликована подборка новых стихотворений Линор Горалик. Первое из них можно интерпретировать как пример меморизации детской травмы.

кого забрали из живых перед продленкой
бежит и крошечное яблочко кусает
летит в делирии под липами дер линден
летит пушинкой в распростертые объятья
пока они десятиречные глаголы
сияя сольфеджио остзейского союза
на пыльном глобусе скрипучего цайтгайста
в конторских закутках где шредеры
скрежещут
и в узких спальнях для трудных упражнений —
а он несется в лучезарном упоенье
теряет чешки, пролетая над калиткой,
и тянет ручки к внеурочному сиянию
гештальт вскрывающую и сладость
приносящу
дай я возьму огрызок ты липкий
куда руками я возьму тебе сказали
покаж где чешки, чешки, почему без чешек
ну значит будешь босиком авось запомнишь
[Горалик 2016]

Стихотворение не рисует сколько-нибудь воплощенных образов персонажей, это некие мальчик («он, кого забрали...») и его мама («я»), фон составляют «они» (занятые нудной учебой или не менее скучной службой), противопоставленные родственной паре Мать и Дитя. Основным способом представления персонажей выступает речь, решающим событием, запустившим механизм памяти («авось запомнишь»), является дискурсивный контраст и коммуникативное насилие старшего над младшим. Главный предмет изображения в данном стихотворении — образ речи, сплошного речевого потока, процесса говорения. И эта речь (дискурс, т. е. речь, рассмотренная в аспекте диалогического общения) локализована в социально-историческом времени, сигналами которого выступают акцентированные повторами или, напротив, своей неуместностью слова.

Пуант маленькой мизансцены дан в финале. Из 17 строк стихотворения 13 посвящены ребенку, только последние 4 — речевая зона матери. Причем автора интересует не информативная (смысловая) сторона речи (сообщения), а именно дискурсивный контраст речевых зон персонажей, не разграниченных формально (знаками пунктуации).

В. И. Тюпа, рассматривая в ряде своих работ соотношение дискурса и жанра, дискурса и наррации, приводит мнение М. Фуко, как нельзя более подходящее для дискурсивной стратегии в стихотворении Линор Горалик. Согласно М. Фуко, дискурс есть коммуникативная реальность, располагаю-

© Барковская Н. В., 2017

щаяся «между мыслью и речью» [Фуко 1996: 74]. Традиционно называют дискурсом и единичное событие общения, и устойчивую форму социальной практики речевого поведения, т. е. некий тип говорения. В нашем случае важна мысль М. Фуко о том, что дискурсивная практика всегда опосредована существующими в данном социуме властными отношениями.

В стихотворении Горалик состояние мальчика передается со стороны, ребенок словно бы «вне себя» в этот счастливый миг; речь матери — приказ, окрик, команда, выговор. Таким образом, функция речи здесь не информативная, а перформативная: речевой жест отталкивания/наказания/отторжения, «интерсубъективное пространство раз-общения» [Тюпа 2013: 10]. Мальчик переживает момент освобождения, внутренней легкости, яркого счастья. Его «забрали... перед продленкой», т. е. он и тут выступает не субъектом, а объектом чужой воли, ведь в другие дни его не забирают раньше времени. Он преодолевает все преграды, не только стены школы, ограду, калитку, но даже и само земное притяжение: «бежит», «летит», «летит пушинкой», «несется», «пролетает». Ребенок бежит навстречу материнским объятиям «в лучезарном упоенье», «тянет ручки к внеурочному (и забрали раньше обычного времени, и освободили от уроков — Н. Б.) сиянью», переживает состояние сверхвидения (делирий, гештальт), райское блаженство, о чем свидетельствует такая деталь, как яблочко (включающая в ассоциативный ореол всю накопленную в культуре мифопоэтику яблока).

Дискурс ребенка (вернее, относящийся к нему) — это романтический дискурс свободы, по классификации В. И. Тюпы [Тюпа 2010: 113—114]. Романтичен «немецкий» колорит, устаревшие формы слов «вскрывающая», «приносящая». Используется подчеркнуто-книжная лексика, с романтической окраской («летит пушинкой», «в лучезарном упоенье»), противопоставленная «конторским закутам» и «узким спальням для трудных упражнений». Стиховая форма не классична, однако вполне ритмизована, отдаленно напоминая торжественную силлабику: все строки по 13 слогов (правда, без цезуры, так как ситуация разворачивается стремительно), интонационно завершены, сплошные женские клаузулы, эффектные внутренние созвучия. Формируется пусть иллюзорный, но свой, обособленный и уникальный, образ мира.

Однако детский порыв навстречу матери заканчивается психоментальной катастрофой, резким возвращением с небес на зем-

лю — его отталкивают («куда руками?»), им брезгают («ты липкий»). Причем первая строка в «материнской» зоне еще доброжелательна («дай я возьму», «огрызочек»), но уже следующая строка («куда руками я возьму тебе сказали» — характерно множественное число, выражающее авторитарную точку зрения) звучит с раздражением (и строка более напряжена, всего 11 слогов, а не 13). И далее — материнский гнев, угроза, наказание как урок на будущее (возвращается тема школьной несвободы, отрицающая «внеурочность» свободы), хотя провинность вроде бы незначительная и чисто бытовая (потеря чешек). Очевидна обыденность происходящего, т. е. подобная нечуждость к состоянию ребенка — ежедневная норма общения, привычное коммуникативное насилие.

По контрасту с книжной лексикой части, посвященной ребенку, в речевой зоне матери дано обилие просторечий («покаж»), разговорных оборотов («ну значит», «авось»). Ребенок лишен слова, вместо диалога мы слышим только нервный монолог матери. В отличие от ребенка, воспаряющего в какой-то иллюзорный мир, она фиксирует только «ближний» предметный план, здесь и теперь — руки, огрызок, отсутствие чешек. Ее речь использует стереотипные, клишированные обороты, выражающие «коллективное бессознательное», прецедентную картину мира. Ребенку вещи покупают родители, сам он при этом как бы и не хозяин своих вещей. Сравним: герой стихотворения А. Ахматовой, забывший хлыстик и перчатку, не будет наказан за пропажу [Ахматова 1912: 22], а вот в стихотворении С. Маршака, адресованном *детям*, котятки, потерявшие перчатки, просят: «Мама, мама, не злись...» — но мама сердита: «Потеряли перчатки? Вот дурные котятки! Я вам нынче не дам пирога» [Маршак 1968]. Так что ребенок не только лишен права голоса, но и права собственности; не распоряжается он и своим временем, его водят в школу, на продленку, в секцию или кружок (тактика насильной социализации).

Речь матери реализует дискурс власти, авторитет непререкаемого слова, для нее характерны интенция долженствования, однозначные нормы и оценки. Но в классической поэзии дискурс власти тяготел к высоким, нормативным жанрам, излюбленным в так называемом рефлексивном традиционализме, с его эйдетической поэтикой, согласно С. Н. Бройтману [Бройтман 2001: 136—137]. Дискурс матери также ориентирован на «общие места», но отнюдь не высокого канона — это топосы просторечия, воспроизводимые говорящей не рефлексивно,

а на бессознательном уровне. Мать вписана в роевое (коммунальное) сознание, диктующее формы отношений старших к младшим. Вместе с тем в речи матери выражается, если использовать терминологию В. И. Тюпы, дискурс роевого сознания, «мы-сознания», строящийся на прецедентной картине мира, служащий сохранению и утверждению существующего миропорядка [Тюпа 2010: 101].

Линор Горалик в своих последних произведениях работает именно с дискурсом повседневности.

В книге короткой прозы «Это называется так» опубликован цикл «Говорит:», состоящий из серии очень коротких реплик, фрагментов разговоров, ведущихся по сотовому телефону. Персонажи анонимны, а обрывки высказываний замещают сюжет («...жена пришла, а кошка пахнет чужими духами» [Горалик 2014: 193]), выражают обиду («...что Аня у нее в телефоне — „Дочка“, а я у нее в телефоне — „Катя“» [Горалик 2014: 160]), даже метонимически воссоздают историю страны — так, как она отложилось в бытовом сознании («... располагающие к себе люди. Жена у него, кстати, почти румынка, но дед ее лежит у нас на кургане с нашей стороны» [Горалик 2014: 223]).

В целом это серия жалоб, монологически произнесенных в пустоту (ответных реплик мы не слышим), речевой «мусор» повседневности, «речевой воздух», которым мы все дышим. К оформлению обложки книги дан комментарий: «Объект на обложке: Линор Горалик, „Семейный портрет“ (дерево, архивные препараты Института медицинской паразитологии и тропической медицины им. Е. И. Марциновского)». На обложке, следовательно, изображены стекла с препаратами — комарами, рядом указано место, дата поимки, пол особи. Институт занимался изучением возбудителей и переносчиков паразитарных болезней, к 1960 г. эпидемиологи победили малярию, занялись изучением клещей и проч. Авторская позиция в цикле «Говорит:» — это позиция исследователя, который препарирует «комаров», отдельных особей, изъятых из коллективного тела — социума с его роевым сознанием. Сотовая связь и Сеть получают метафорическое значение характеристики повседневного существования обезличенных особей, принуждаемых ежедневно осуществлять бытовое и производственное «роевание», жить в спальных районах, где дома с квартирками похожи на соты, общаться по сотовой связи.

В последнее время завоевал популярность термин «лайфлоггинг», означающий фиксацию текущих событий повседневности на автоматические записывающие устрой-

ства. Главная цель лайфлоггинга — не позволить событиям из повседневной жизни ускользнуть от хрупкой человеческой памяти. С. Оробий достаточно продуктивно распространяет технику лайфлоггинга на описание определенных тенденций в современном искусстве [Оробий].

Впрочем, Линор Горалик утверждает, что за редким исключением высказывания в цикле «Говорит:» не подслушаны, а выдуманы. Но в любом случае, такая фиксация устного речевого потока современников выполняет функцию и социального анализа, и меморизации травм коллективной психики.

Стратегия Линор Горалик совпадает с новой тенденцией в современном искусстве, которую называют «постдокументальностью». «Постдок» предполагает художественное исследование невымышленного или имитирующего невымышленное [Постдок]. Линор Горалик предпринимает фиксацию, архивирование, документирование сегодняшнего речевого потока, ее цель — социальная аналитика, препарирование (потому и помещены биологические препараты на обложке). З. Абдуллаева [Абдуллаева 2011: 449], А. Венкова [Венкова 2013: 140—144] отмечают в произведениях «постдок» усиление этической позиции автора при нейтрализации авторского голоса.

Вернемся к стихотворению. Один из проектов Линор Горалик посвящен истории моды, и она, конечно, не случайно так акцентировала слово «чешки». Этот вид спортивной обуви впервые появился в Чехии, где Мирослав Тырш в 1862 г. основал молодежное спортивно-патриотическое движение Sokol [Энциклопедия обуви]. Чешки были популярны в Советском Союзе с середины XX в., но смеем предположить, что речь в стихотворении идет о 1970—1980-х гг. В позднесоветский период детская обувь, в том числе чешки (особенно если требовались белые для занятий гимнастикой или танцами), были дефицитом. Столь резкая реакция матери на потерю чешек может быть объяснена бытовыми тяготами, накопившейся усталостью, постоянной нехваткой денег на самое необходимое. В таком историко-социальном контексте стихотворение прочитывается как проговаривание ранящих детских воспоминаний.

Однако та часть стихотворения, которая посвящена переживаниям мальчика, пронизана «немецкой» темой. Берлинская деталь «липы дер линден» появляется, вероятно, по созвучию со словом «делирий»; дальше упоминаются «остзейский союз» (попытка прибалтийских немцев создать герцогство, подданное прусскому королю), «цайтгайт»

(«дух времени»). Даже название аппарата по измельчению бумаги (шредер) прочитывается почти как фамилия Герхарда Шрёдера, бывшего генеральным канцлером ФРГ в 1998—2005 г., усыновившего девочку и мальчика из детского дома в Санкт-Петербурге; предисловие к мемуарам Шрёдера, изданным на русском языке в 2008 г., написал Дм. Медведев. Шрёдер осуждал вторжение США в Ирак. Выражение «дух времени» отсылает к философии Гегеля, который утверждал, что дух человека определяется духом его времени. В 2008—2011 г. демонстрировался документальный фильм в трех частях американского режиссера Питера Джозефа, также названный «Дух времени». Фильм получил распространение на интернет-сайтах, сервисе *YouTube.com* и вызвал достаточно широкое обсуждение общей концепции фильма, направленной на критику христианской религии и тайной власти международных банкиров (в частности, им инкриминировалась в фильме подготовка атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г.).

Кроме того, начало стихотворения — «кого забрали из живых...» — на фоне «немецкой» темы задает еще одну историческую ассоциацию, особенно в соотнесении с финалом: «будешь босиком». Как известно, в 1930-х гг. Гитлер планировал «окончательное решение еврейского вопроса» путем депортации евреев с немецких территорий и помещения их в специальные гетто, даже на острове Мадагаскар. Концлагеря начали работать позднее, только после провала первоначальных планов. Эта ассоциация не поддерживается основным содержанием произведения, звучит очень неявно, внося, однако, дополнительный смысловой оттенок.

Наконец, если исходить из немецких речей текста и жесткой реакции матери на потерю чешек, можно предположить еще один вариант ситуации: перед нами сценка из жизни эмигрантов так называемой «третьей волны». В произведениях Анны Сохриной, Татьяны Розиной, Людмилы Коль показаны трудности адаптации к новой стране проживания тех, кто уехал из СССР с «советским» менталитетом, часто не зная немецкого языка, не умея найти достойное место работы, вынужденный смириться с понижением социального статуса. На фоне общей неустроенности возникают конфликты между взрослыми и детьми. Так, в рассказе Татьяны Розиной «Жизнь длиною в ночь» девочка Юля (их семья приехала из Казахстана) жалуется: «Понимаешь, мы как в Германию переехали, мать как подменили.

Она всё время психованная. Орёт как припадочная, чуть что не так. Все говорят, что ей лечиться надо. К психиатру...» Девочка старается почаще уходить из дома под предлогами дней рождения подруг, мать не верит: «Вдогонку я расслышала мамины крики: — Вернись только, я тебе покажу... какая дрянь! Мерзавка! Ты у меня научишься взрослых слушаться. Возможно, она кричала что-то ещё, но я была уже далеко. Я бежала, потом перешла на быстрый шаг, потом снова побежала. Слезы лились ручьями по лицу, а я размазывала их, растирая по щекам расплывшуюся с ресниц тушь» [Розина]. Детям, сменившим в 1970—1980-е гг. страну проживания, сейчас как раз около сорока лет, вполне возможно, что стихотворение Горалик высвечивает подобные фантомные боли от психологических травм, полученных в детстве или в подростковом возрасте.

Отметим еще важный аспект в речевой организации стихотворения Горалик — мотив спутанного сознания, отчетливый привкус алогизма, что задается уже медицинским термином «делирий» (бред). «Десятеричные глаголы» — контаминации десятичных дробей с неправильными глаголами; «солясольфеджио» также «пластилинное слово», состоящее из разных терминов, характерных для уроков музыки в школе (термин А. Левина — В. Строчкова, авторов лингвопластики как одной из поэтических стратегий постмодернизма [Левин 2001: 169—184]). В свою очередь, уроки музыки «слипаются» с уроками истории и «пыльным глобусом»... Невротичная реакция матери на потерю чешек, состоящая из набора почти бессвязных приказов-выкриков, также свидетельствует о душевном неблагополучии.

Подводя итоги, отметим, что рассогласованность дискурсивных практик матери и сына, отсутствие здравого смысла, неясность прорисовки как «действующих лиц», так и «сцены», на которой разыгрывается эта маленькая драма, при абсолютной обыденности психологического насилия и готовой прорваться в любой момент агрессии — все это воссоздает мир, пугающий своей враждебностью по отношению к личности. Бумажные документы можно уничтожить конторскими шредерами, но сама речь сохраняет отпечатки множественного травматического опыта нескольких поколений, являясь документом эпохи. Ребенок усваивает речевое насилие как норму общения, входит в жизнь с этим бэкграундом. Автор-свидетель не обнаруживает своих эмоций, он дает образ речи, а значит, и сознания наших современников, ставит диагноз нашему обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева З. Постдок. Игровое/неигровое. — М. : Новое литературное обозрение, 2011. 480 с.
2. Ахматова Анна. Вечер. Стихи. — СПб. : Цех поэтов, 1912. 92 с.
3. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. — М. : РГГУ, 2001. 320 с.
4. Венкова А. В. Постдокументальная визуальность и ужас реального // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 2. С. 140—144.
5. Горалик Линор. Это называется так (короткая проза). — М. : Dodo Magic Bookroom, 2014. 384 с.
6. Горалик Линор. Стихи // Зеркало. 2016. № 48. URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2016/48/stihi.html> (дата обращения: 10.03.2017).
7. Левин А. Орфей необязательный. — М. : АРГО-РИСК ; Тверь : Колонна, 2001. 192 с.
8. Маршак С. Я. Произведения для детей. — М. : Художественная литература, 1968. (Собр. соч. в 8 т. ; т. 2).
9. Оробий С. Джойс, Джобс и поэтика флуда. URL: <http://literatura.org/nosleep/criticism/353-sergey-orobiy-vse-ch-to-ugodno-tolko-ne-roman.html> (дата обращения: 08.09.2016).
10. Постдок. О новом термине. «Круглый стол» // Искусство кино. 2012. № 1. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/2012/01/n1-article> (дата обращения: 10.10.2016).
11. Тупа В. И. Дискурс / жанр. — М. : Intrada, 2013. 211 с.
12. Тупа В. И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. — М. : Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
13. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. — М., 1996. 448 с.
14. Энциклопедия обуви. URL: <http://mir-obuvi.org/obuv/163-cheshki-obuv-dlya-tancev-i-gimnastiki.html> (дата обращения: 14.02.2015).
15. Розина Т. А. Жизнь длиною в ночь // Самиздат. URL: http://samlib.ru/r/rozina_t_a/lebenineinacht.shtml (дата обращения: 14.02.2015).

N. V. Barkovskaya
Ekaterinburg, Russia

SPEECH AS A DOCUMENT OF THE EPOCH (THE POEM BY LINOR GORALIK)

ABSTRACT. *One of the current trends in modern poetry is “new sociality”. The material for this research is the poem “Who was picked up before the homework club” by Linor Goralik. It describes the routine of daily life and is close to “postdocumentalism”. It is the speech that keeps the mark of the multiple psychological traumas caused by the historical, social and everyday context of the XXth century. One of the initial statements used for the interpretation of the poem is that of M. Fuko, who wrote that discursive practice is always influenced by the existing authoritative relations.*

The paper describes the mechanisms of verbal violence of the older on the younger. The contrast of the speech “zones” of the son and his mother has a special conceptual importance in the poem. These “zones” are built on the contradictory bases. The boy’s consciousness is embodied in the discourse of romantic freedom; the speech of the mother imitates the discourse of power, verbal aggression. The author is the witness who doesn’t express her emotions; she gives the speech a definite image, and consequently describes the minds of our contemporaries.

Instantaneous act of communicative violence develops into a broad historical background, the signals of which are the words marked by repetition, or, on the contrary, by their inappropriateness. The German tint of the scene of the drama makes the reader consider the historical and contemporary cultural context.

KEYWORDS: *Russian poetry; Russian female poets; poetic works; speech; poem analysis; relations between parents and children; family upbringing; communicative violence.*

ABOUT THE AUTHOR: *Barkovskaya Nina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Abdullaeva Z. Postdok. Igrovoe/neigrovoe. — М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 480 s.
2. Akhmatova Anna. Vecher. Stikhi. — SPb. : Tsekh poetov, 1912. 92 s.
3. Broymtan S. N. Istoricheskaya poetika. — М. : RGGU, 2001. 320 s.
4. Venkova A. V. Postdokumental'naya vizual'nost' i uzhas real'nogo // Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2013. № 2. S. 140—144.
5. Goralik Linor. Eto nazyvaetsya tak (korotkaya proza). — М. : Dodo Magic Bookroom, 2014. 384 s.
6. Goralik Linor. Stikhi // Zerkalo. 2016. № 48. URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2016/48/stihi.html> (дата обращения: 10.03.2017).
7. Levin A. Orfey neobyazatel'nyy. — М. : АРГО-РИСК ; Тверь : Колонна, 2001. 192 с.
8. Marshak S. Ya. Proizvedeniya dlya detey. — М. : Khudozhestvennaya literatura, 1968. (Sobr. soch. v 8 t. ; t. 2).
9. Orobij S. Dzhoyis, Dzhobs i poetika fluda. URL: <http://literatura.org/nosleep/criticism/353-sergey-orobiy-vse-chto-ugo-dno-tolko-ne-roman.html> (дата обращения: 08.09.2016).
10. Postdok. O novom termine. «Kruglyy stol» // Iskusstvo kino. 2012. № 1. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/2012/01/n1-article> (дата обращения: 10.10.2016).
11. Tyupa V. I. Diskurs / zhanr. — М. : Intrada, 2013. 211 s.
12. Tyupa V. I. Diskursnye formatsii. Ocherki po komparativnoy ritorike. — М. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010. 320 s.
13. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let / M. Fuko. — М., 1996. 448 s.
14. Entsiklopediya obuvi. URL: <http://mir-obuvi.org/obuv/163-cheshki-obuv-dlya-tancev-i-gimnastiki.html> (дата обращения: 14.02.2015).
15. Rozina T. A. Zhizn' dlinoyu v noch' // Samizdat. URL: http://samlib.ru/r/rozina_t_a/lebenineinacht.shtml (дата обращения: 14.02.2015).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Снигирева.

Ю. В. Богоявленская
Екатеринбург, Россия

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ И ПРОСПЕКТИВНАЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В СМИ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье автор обращается к актуальной проблеме парцелляции, феномен которой рассматривается с позиций когнитивно-семиотического подхода. Парцелляция трактуется как специальная визуально-графическая операция, расчленяющая единую структуру предложения на конститuentы — основу и парцеллят. Для обозначения оператора парцелляции, финальной синграфемы, осуществляющей это членение, вводится понятие «парцеллографема». Парцеллографема и заглавная буква, с которой начинается парцеллят, являются экзогенными факторами (внешними стимулами), которые управляют распределением внимания в парцеллеме посредством смещения аттенционального фокуса на парцеллят. В ходе анализа были выявлены два типа парцеллем, реализующих ретроспективное и проспективное фокусирование. Ретроспективный парцеллят размещается постпозиционно по отношению к основе. Данный тип парцеллята возвращает реципиента к предшествующей информации, что обеспечивает удержание в памяти, лучшее запоминание всей парцеллемы и позволяет актуализировать парцеллятный сегмент. Проспективный парцеллят направляет мысль адресата на то, что будет впереди, но не раскрывает структуры ситуации и ее участников. Находящаяся в фокусе информация в парцелляте проспективно настраивает адресата, мобилизует его творческий потенциал, заставляет предугадывать то, что будет сконструировано в основе. Сопоставительное исследование позволяет утверждать, что доминирующим типом парцелляции во французских и российских СМИ является ретроспективная парцелляция. При этом проспективная парцелляция несколько чаще применяется во французской прессе. Данный факт отчасти обусловлен особенностями грамматической системы французского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парцелляция; парцеллема; синтаксис; когнитивная лингвистика; ретроспекция; проспекция; фокусирование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Богоявленская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 465; e-mail : jvbog@yandex.ru.

Парцелляция — явление живое, активное, преуспевающее [Ринберг 1987: 39], вызывающее пристальный интерес как российских, так и зарубежных исследователей на протяжении уже более 70 лет. Как показывает анализ научной литературы, рассмотрение и интерпретация парцелляции осуществляются преимущественно через призму традиционной лингвистики. В центре внимания исследователей оказываются различные аспекты данного феномена: синтаксический (Ю. В. Ванников [Ванников 1965], А. А. Добрычева [Добрычева 2012], В. Combettes [Combettes 2007], А. Gautier [Gautier 2010]), риторико-стилистический (А. П. Сковородников [Сковородников 1981], Г. А. Копнина [Копнина 2003], М. Noailly [Noailly 2002]), прагматический (Л. С. Суровенкова [Суровенкова 1982], А. З. Хаймурзина [Хаймурзина 2008]). Описаны некоторые дискурсивные функции и особенности парцелляции (Н. Н. Гурьева [Гурьева 2014], А. Кууитсиуан [Кууитсиуан 2009]), ее восприятие (Р. О. Зелепукин [Зелепукин 2007]), когнитивные особенности (А. Sanford & al. [Sanford, Sanford, Molle, Emmott 2006]) и диахроническая динамика (Е. В. Литвиненко [Литвиненко 1984]). Несмотря на обилие диссертаций и статей о парцелляции, многие вопросы, связанные с ее сущностью, природой, механизмами построения и функционирования в различных типах дискурса еще не получили должного освещения.

Решение этих вопросов возможно при рассмотрении данного феномена в когнитивно-семиотическом ракурсе с опорой на

результаты исследований экспериментальной и когнитивной психологии. Речь идет об экспериментах, проведенных в лаборатории Энтони Сенфорда (Университет Глазго), которые позволили ученым определить парцелляцию как одно из средств «захвата внимания» [Sanford, Sanford, Molle, Emmott 2006: 109]. Когнитивные психологи установили, что парцеллятный разрыв не остается незамеченным: он деавтоматизирует восприятие, стимулирует внимание к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Следовательно, парцелляция несет когнитивную нагрузку, является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в аттенциональном фокусе какого-либо аспекта информации о референтной ситуации.

Материалом для исследования стал французско-русский объектно ориентированный корпус газетных статей, сформированный и аннотированный при помощи компьютерной программы *Linguistica* (свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 в Роспатенте от 06.10.2014). Под объектно ориентированным корпусом понимаем корпус текстов, предназначенный для изучения конкретного лингвистического феномена (более подробно о характеристиках корпуса см.: [Богоявленская 2016]).

Выбор материала исследования обусловлен следующими соображениями. В отличие от художественных, газетные тексты ограничены по объему, передают информацию в доступной для массового адресата

форме и используют такие приемы и средства, которые обеспечивают легкость их восприятия и ориентированы на воздействие. Парцелляция является одним из оптимальных средств фокусирования, в котором границы фокусной зоны визуально четко очерчены. Введение в фокус внимания определенных свойств объектов или ситуаций производится преднамеренно и часто направлено на манипулирование сознанием реципиента [Ирисханова 2014], чем можно объяснить широкую востребованность парцелляции в СМИ.

В научных работах по проблеме парцелляции для обозначения расчлененных на части предложений используются конкурирующие термины «*парцеллированные высказывания (предложения)*», «*парцеллированные структуры*», «*парцелляции*» или «*парцеллированные конструкции*», каждый из которых акцентирует внимание на структурном или структурно-семантическом аспекте явления. Обращаясь к изучению парцелляции с позиций когнитивно-семиотического подхода, мы не можем не признать, что вышеперечисленные термины не имеют достаточной объяснительной силы и не отражают тех специфических смыслов, которые проявляются при рассмотрении парцелляции с когнитивно-семиотической позиции. В связи с этим в метаязык исследования вводим термин «парцеллема», под которой понимаем сентенциональный знак, денотатом которого выступает сущность неязыковой онтологии — фрагмент реальной или вымышленной действительности (ситуации, положения дел). Предлагаемый термин имеет два значения. Во-первых, это эмическая единица, отнесенная к уровню абстрактных сущностей, реально не существующих, но выводимых на основе выявления общих черт их вариантов. Другими словами, парцеллема в первом значении есть идеализированный объект, соответствующий классу однородных реальных объектов — конструкций с парцелляцией. Во втором значении парцеллема есть проявление этой абстрактной единицы, ее материальное воплощение в дискурсе.

В этом воплощении парцеллема содержит в своем составе особый элемент, который и делает ее парцеллемой — **парцеллографему**. Введение данного термина оправдано, на наш взгляд, как с точки зрения упорядочения лингвистической терминологии, используемой в работе, так и в связи с необходимостью функционального разграничения финальных синграфем, выступающих в своей первичной функции, и парцеллографем как операторов парцелляции. Под пар-

целлографемой понимаем **финальную синграфему, используемую для визуально-графической операции парцелляции**. Парцеллографема является знаком, значение которого в языке можно сформулировать как «*наиболее важное, новое в текущем выражении*». Это — стабильная часть семантики данного знака. Рассмотрение парцеллографемы, как и других пунктуационных знаков как единиц языка, опирается на их понимание, представленное в работах Н. Л. Шубиной [Шубина 1999, 2006], Ю. С. Степанова [Степанов 1985], В. Т. Садченко [Садченко 2009], N. Catach [Catach 1980, 1998] и многих других исследователей.

Попадая в «когнитивный котел» — дискурс, где и происходит смыслообразование, лингвосемиозис, — парцеллографема приобретает конкретные *дискурсивные смыслы* (переменная часть семантики знака), связанные с актуализацией ее языкового значения и дискурсивной интерпретацией. Дискурсивные смыслы — бесконечное множество интерпретаций, которые невозможно каталогизировать; в каждом конкретном случае выявление и содержание этих смыслов будет зависеть от интерпретатора, его фоновых знаний, опыта, компетенции и т. д.

Инвентарь парцеллографем включает ряд финальных синграфем: точку, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие, которые вкупе с постпарцелляционными знаками образуют различные типы **парцеллянтной сетки** (данное понятие также введено нами [Богоявленская 2016]), определенным образом «программирующую» восприятие парцеллемы.

Благодаря **парцелляции, т. е. специальной визуально-графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конституенты**, парцеллема получает материально-графическое воплощение. Финальная синграфема в роли парцеллографемы и заглавная буква парцеллянта являются устойчивыми маркерами предложения и в данной конфигурации становятся *экзогенным фактором* (внешним стимулом), управляющим распределением внимания адресата посредством смещения фокуса на парцеллянт.

Анализ корпуса позволил выделить различные типы парцеллянтов по нескольким параметрам: локализация парцеллянта по отношению к основе, удаленность от основы, протяженность, количество парцеллянтов и т. д. В настоящей статье рассмотрим первый параметр — локализацию парцеллянта по отношению к основе, который позволяет охарактеризовать специфические особенности построения парцеллемы. В ходе анализа

было выделено два типа парцеллятов: ретроспективные и проспективные.

Ретроспективный парцеллят — парцеллят, размещенный в постпозиции по отношению к основе, например: *Renan se serait trompé. A moins qu'une nation ne soit pas, précisément, l'esprit de clocher institutionnalisé, mais une volonté de vivre ensemble malgré ses différences* (Libération. 19.10.2007); *Dès lors, tout va très vite. Et sans tendresse aucune* (Le Monde. 30.04.1999); *Les explications du porte-parole n'ont aucun sens car aucun avocat ne prendrait une telle situation à la légère et se permettrait une erreur administrative. Sans parler du quiproquo entre les deux versions* (L'Humanité. 08.07.2002); *А из зеркала на него смотрел мужчина, который ему не очень нравился. В последнее время* (Российская газета. 07.05.2002); *В старинном парке гуляют люди в халатах и спортивных костюмах. С руками и шеями в гипсе, палками, костылями, иногда на колясках* (АиФ. 14.02.2014); *Однако в 2000 году в армейской печати случилась очередная коренная реорганизация. Или оптимизация* (Российская газета. 21.06.2002).

Ретроспективный парцеллят возвращает реципиента к предшествующей информации, что обеспечивает удержание в памяти, лучшее запоминание всей парцеллемы и позволяет актуализировать парцеллятный сегмент.

Всякая соотнесенность одной единицы с другой неизбежно влечет за собой сопоставление этих единиц с точки зрения их когнитивной значимости. Размещая информацию в постпозиции по отношению к основной части, продуцент выводит в фокус внимания именно тот объект, отношение, аспект ситуации, который ему представляется наиболее значимым. Реципиент сохраняет в памяти информацию о ситуациях, событиях, обстоятельствах их протекания, участниках и их характеристиках и выстраивает, сознательно или подсознательно, свое видение и отношение к ним и, шире, к содержанию текста.

Ретроспективный парцеллят может представлять собой актант (за исключением актанта — одиночного грамматического подлежащего), сирконстант, атрибут или, так же как и основа парцеллемы, содержать предикативную основу (при парцелляции сложных предложений).

Проспективные парцелляты можно определить как тип парцеллятов, направляющих мысль адресата на то, что будет впереди, но не раскрывающих структуры ситуации и ее участников. Этот тип отличается малой частотностью. Находящаяся в фокусе информация в парцелляте проспективно

настраивает адресата, мобилизует его творческий потенциал, заставляет предугадывать то, что будет сконструировано в основе.

Показательно, что существительные в проспективном парцелляте либо не сопровождаются артиклями, так как это имена собственные, приложения или ряд существительных, для которых опущение артикля естественно, либо используются с неопределенными артиклями, являющимися сигналами предынформации, например: *Un pays riche avec le pétrole, le gaz, le phosphate. L'Algérie a besoin de paix* (Le Figaro. 01.10.2002).

Как показал проведенный анализ, локализация парцеллята играет существенную роль в распределении аттенциального фокуса, меняет его «угол» и специфичность. На этом основании мы можем выделить два типа фокусирования, соответствующие выделенным конструктивным типам: в ретроспективных парцеллятах реализуется ретроспективный тип аттенциального фокусирования, проспективным свойственен проспективный тип фокусирования.

Результаты сопоставительного анализа позиций парцеллятов указывают на окказиональность проспективного парцеллята в исследованном нами русском корпусе и на некоторую регулярность во французском, которая подчиняется определенным тенденциям. Мы полагаем, что возможность выноса парцеллята в проспективную позицию во французском языке связана с некоторыми явлениями как синтактико-стилистического, так и прагматического характера. Во-первых, случаи проспективного парцеллята можно сравнить с характерной для французского языка местоименной репризой в предложениях типа *Elle, elle est heureuse; Le train, il est arrivé*, в которых происходит перестановка темы и ремы. В русском языке это средство не относится к продуктивным, и подобный эффект создается изменением порядка слов или другими средствами. Проспективные парцелляты, как мы убедимся далее, обладают эффектом интриги, их декодирование требует больших когнитивных усилий, чем более распространенных ретроспективных парцеллятов.

Как свидетельствуют полученные статистические данные, преобладание ретроспективного парцеллята очевидно в обоих корпусах (98 % во французском и 99,6 % в русском). Проспективные парцелляты находятся на периферии феномена парцелляции, составляют небольшую, но очень интересную группу. Без ее анализа невозможно получить всестороннее представление о парцелляции и отразить все богатство ее воз-

возможностей, динамику развития.

Рассмотрим специфические особенности проспективных парцеллятов, извлеченных из французского корпуса. Анализ показывает, что разрыв происходит по линии инфрасинтагматических связей. Проспекция, создаваемая в процессе линейного развертывания парцеллята, обязательно находит свое завершение в основе. Следует отметить, что парцеллятная пунктуационная сетка, оформляющая проспективный парцеллят, часто включает парцеллографему «многоточие», которое, на наш взгляд, существенно сглаживает разрыв между парцеллятом и основой.

Выбор размещения фокусной информации в проспективном или в ретроспективном парцелляте — индивидуально-авторская стратегия, на которую накладываются, однако, существенные синтаксические ограничения. В проспективный парцеллят могут быть вынесены только номинальные координативные синтагмы, представляющие собой:

- эндоцентрические конструкции — параллельные ряды, обобщающее слово которых расположено в основной части: **Angel, Daniel, Fleur, Yinn, Mai...** « *Ils existent tous. Ils sont là* », insiste Marie-Claire Blais, montrant le salon, où nous sommes assises, d'un geste éloquent (Le Monde. 09.10.2014); **Islam, bouddhisme, judaïsme, christianisme...** Ces religions attendaient ou attendent beaucoup d'efforts de notre part (L'Humanité. 21.08.2002); **Amplitude des pas et couleurs intermittentes, costumes.** Tout s'assemble (L'Humanité, 07.01.2003);

- номинальные синтагмы, дублирующиеся в основной части местоимением (местоименная реприза) или находящиеся в аппозитивных отношениях с подлежащим основной части: **Formidables matous.** Ils sont partout, dans les rues, les jardins, les livres (Le Monde. 19.06.2014); **Un chasseur, une écologiste, un communiste, un ancien ministre de droite, un souverainiste...** François Bayrou avait joliment travaillé son plan de table (Le Figaro. 07.01.2003).

Последний пример интересен для более подробного анализа. «Высвеченный» фокусным «аттенциональным лучом» проспективный парцеллят представляет собой перечень противоположных по смыслу существительных: охотник/эколог, коммунист / бывший министр от правых, сторонник суверенитета ЕЭС — такова противоречивая и интригующая характеристика человека, имя которого возникает лишь в начале основы: Франсуа Байру. Интригу поддерживает и парцеллятная сетка с многоточием, позволяющая выдержать многозначительную паузу между

частями парцеллемы. Неопределенные артикли также поддерживают этот код. В создании сообщения также активно участвуют фоновые знания о личности известного писателя и политика. Антитезы, артикли, а также нетипичная протяженность проспективного парцеллята, затем наречие *joliment* (упон. мило) и метафора в основе успешно способствуют шифровке/расшифровке иронического кода. Как представляется, автор избрал весьма удачную стратегию кодирования сообщения.

В проспективных парцеллятах происходит обратная реализация обычной схемы: конкретизация в парцелляте предшествует словам с обобщающим значением или лексически неполноценным, малоинформативным словам — дейктическим, именам собственным, местоимениям. То есть это кореферентное замещение всегда постцедентно. Адресант сознательно выбирает этот достаточно оригинальный тип фокусирования внимания на особой для него значимости элемента действительности, отраженного в парцелляте. Атенциональный фокус в проспективных парцеллятах имеет, таким образом, предвосхищающий характер.

Заметим также еще одну конструктивную особенность: проспективные парцелляты могут располагаться только в контактной позиции, тогда как ретроспективные парцелляты размещаются как контактно, так и дистанционно. Приведем примеры дистанционных парцеллятов: **Внутри себя Россия сплотилась.** Рейтинги Путина побили очередной рекорд. **Но с внешней репутацией нашей страны происходит самая настоящая катастрофа** (Московский комсомолец. 22.07.2014); **В Минэкономразвития имен и явок не называют.** Не их профиль. **Но перечисляют отрасли-аутсайдеры** (Московский комсомолец. 10.02.2014).

В русском корпусе наблюдаемые проспективные парцелляты не укладываются в рамки каких-либо конкретных групп: это могут быть части сложных высказываний, дискурсивные слова, координативные синтагмы: **И вообще, если по-большому... То есть — по-государственному мыслить, надо объявить конкурсный набор!** (АиФ. 19.02.2014); **Кстати. Памятник нашему Алёше в Пловдиве нежно любят** (АиФ. 24.04.2013); **Пряно и непосредственно. Проходит первая индийская Биеннале современного искусства** (Коммерсантъ. 25.12.2012).

Подводя итоги предпринятого исследования, выделим следующие моменты.

1. Под парцелляцией понимаем когнитивно-семиотический феномен, демонстрирующий то, как продуцент речи конструирует в

сознании и, соответственно, в языке описываемую сцену, какие ее составляющие и свойства являются для него салиентными и какой он хочет представить эту сцену адресату; это осознанный и контролируемый продуцентом отбор и размещение в attentionальном фокусе какого-либо свойства объекта, ситуации, представляющихся продуценту значимыми, важными. Парцелляция нами понимается также как специальная визуально-графическая операция, назначение которой заключается в расчленении единой структуры на парцеллему, включающую основу, парцеллографему, парцеллят и пост-парцеллятную финальную синграфему. Парцеллографема — это финальная синграфема, используемая для визуально-графической операции парцелляции.

2. Архитектура парцеллемы может быть охарактеризована по различным параметрам: по локализации парцеллята по отношению к основе, по его удаленности от основы, по протяженности, по количеству парцеллятов и т. д. По первому параметру выделяются два типа парцеллятов: ретроспективный и проспективный.

3. Ретроспективный парцеллят, размещаемый постпозиционно по отношению к основе, возвращает реципиента к предшествующей информации, что обеспечивает удержание в памяти, лучшее запоминание всей парцеллемы и позволяет актуализировать парцеллятный сегмент. Проспективный парцеллят направляет мысль адресата на то, что будет впереди, но не раскрывает структуры ситуации и ее участников. С точки зрения распределения внимания в первом типе реализуется ретроспективное фокусирование, во втором — проспективное (предвосхищающее) фокусирование.

4. Как во французской, так и в российской прессе доминирует ретроспективная парцелляция. В отличие от российской, во французской прессе парцеллемы с проспективным типом фокуса встречаются несколько чаще, чем в русском, что отчасти обусловливается особенностями грамматической системы французского языка.

5. В обоих языках ретроспективный парцеллят может представлять собой актант (кроме одиночного грамматического подлежащего), сирконстант, атрибут или предикативную основу (при парцелляции сложных предложений). Во французский проспективный парцеллят выносятся только номинальные координативные синтагмы, представляющие собой параллельные ряды, обобщающее слово которых расположено в основной части, номинальные синтагмы, дублирующиеся в основной части местоимением

или находящиеся в аппозитивных отношениях с подлежащим основной части. В зафиксированных русских проспективных парцеллятах могут быть размещены части сложных высказываний, дискурсивные слова, координативные синтагмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богоявленская Ю. В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен : моногр. / УрГПУ. — Екатеринбург, 2016. 180 с.
2. Богоявленская Ю. В. Объектно-ориентированный корпус в сопоставительных исследованиях // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—30.09.2016) / УрГПУ. — Екатеринбург, 2016. С. 37—38.
3. Ванников Ю. В. Явление парцелляции в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — М., 1965. 529 с.
4. Гурьева Н. Н. Парцелляция как стратегия авторского дискурса в печатных СМИ // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2014. № 3. С. 216—223.
5. Добрычева А. А. Парцелляция в прозе С. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Владивосток, 2012. 21 с.
6. Зелепукин Р. О. Экспериментальное психологическое исследование восприятия парцелляции // Вестн. МГОПУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2007. № 1. С. 34—39.
7. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
8. Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — Красноярск, 2003. 413 с.
9. Литвиненко Е. В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов: опыт диахронического исследования : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. — Киев, 1984. 401 с.
10. Ринберг В. Л. Конструкции связного текста в современном русском языке. — Львов : Вища школа, 1987. 165 с.
11. Садченко В. Т. Вторичный семиозис в художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — Хабаровск, 2009. 355 с.
12. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. — Томск : Томский ун-т, 1981. 255 с.
13. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М. : Наука, 1985. 335 с.
14. Суровенкова Л. С. Присоединение и парцелляция в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. — М., 1982. 185 с.
15. Хаймурзина А. З. Прагматические аспекты парцеллированных конструкций в художественном тексте: на материале короткого рассказа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — М., 2008. 27 с.
16. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка : учеб. — М. : Академия, 2006. 256 с.
17. Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — СПб., 1999. 455 с.
18. Catach N. La ponctuation // Langue française. — Paris : Larousse, 1980. № 45. P. 16—27.
19. Catach N. La Ponctuation et les systèmes d'écriture : dedans ou dehors? // À qui appartient la ponctuation? / J.-M. Defays, L. Rosier, F. Tilkin (éds). — Paris, Bruxelles : Duculot, 1998. P. 31—46.
20. Combettes B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles & al. eds. — Ophrys, 2007. P. 119—131.

21. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection? // Travaux de linguistique. 2010. № 60. P. 91—107.

22. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz & al. (éds.). — Berne : Peter Lang, 2009. P. 30—50.

Y. V. Bogoyavlenskaya

Ekaterinburg, Russia

RETROSPECTIVE AND PROSPECTIVE PARCELING IN MASS MEDIA

ABSTRACT. *The article is devoted to an important problem of parceling. This phenomenon is considered from the point of view of the cognitive-semiotic approach. Parceling is interpreted as a special visual graphic operation dividing a single sentence structure into constituents including a base and a parcelled fragment. To define the operator of parceling, the final singrapheme performing the segmentation, we use the term "parcellographeme". The parcellographeme and the capital letter, which the parcel begins with, are exogenous factors (external incentives) that control the distribution of the attention in parcelleme by shifting the attentional focus to the parcel. The analysis revealed two types of parcelleme realizing retrospective and prospective focusing. Retrospective parcel is postpositional to the base. This type of parcel returns recipient to the previous information and that ensures its retention in memory, better remembering of the whole parcelleme and allows updating parcel segment. Prospective parcel leads the thought of the recipient to what will be ahead but does not reveal the structure of the situation and its participants. The focused information contained in the parcel prospectively adjusts the recipient, mobilizes its creative potential and makes them anticipate what will be constructed at the base. A comparative study allows taking up the position that the dominant type of parceling in the French and Russian media is a retrospective parceling. However, the prospective parceling is more often used in French media. This fact is partly due to the peculiarities of the grammatical system of French.*

KEYWORDS: *parceling; parcelleme; syntax; cognitive linguistics; retrospection; perspective; focusing.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bogoyavlenskaya Yulia Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bogoyavlenskaya Yu. V. Partsellyatsiya kak kognitivno-semioticheskiy fenomen : monogr. / UrGPU. — Ekaterinburg, 2016. 180 s.

2. Bogoyavlenskaya Yu. V. Ob"ektno-orientirovanny korpus v sopostavitel'nykh issledovaniyakh // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 26—30.09.2016) / UrGPU. — Ekaterinburg, 2016. S. 37—38.

3. Vannikov Yu. V. Yavlenie partsellyatsii v sovremennom russkom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — M., 1965. 529 s.

4. Gur'eva N. N. Partsellyatsiya kak strategiya avtorskogo diskursa v pechatnykh SMI // Vestn. Tver. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. 2014. № 3. S. 216—223.

5. Dobrycheva A. A. Partsellyatsiya v proze S. Dovlatova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — Vladivostok, 2012. 21 s.

6. Zelepukin R. O. Eksperimental'noe psikhologicheskoe issledovanie vospriyatiya partsellyatsii // Vestn. MGOPU im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki. 2007. № 1. S. 34—39.

7. Iriskhanova O. K. Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 320 s.

8. Kopnina G. A. Ritoricheskie priemy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01. — Krasnoyarsk, 2003. 413 s.

9. Litvinenko E. V. Semanticheskoe i sintaksicheskoe oslozhenie struktury predlozheniya v rezul'tate obosobleniya i partsellyatsii ego komponentov: opyt diakronicheskogo issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.20. — Kiev, 1984. 401 s.

10. Rinberg V. L. Konstruktsii svyaznogo teksta v sovremenном russkom yazyke. — L'vov : Vishcha shkola, 1987. 165 s.

11. Sadchenko V. T. Vtorichnyy semiozis v khudozhestvennom tekste : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01. — Khabarovsk, 2009. 355 s.

23. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique? // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131—145.

24. Sanford A.J. S., Sanford A. J., Molle J., Emmott C. Shallow processing and attention capture in written and spoken // Discourse Processes. 2006. № 2 (42). P. 109—130.

12. Skovorodnikov A. P. Ekspressivnyye sintaksicheskie konstruktsii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo issledovaniya. — Tomsk : Tomskiy un-t, 1981. 255 s.

13. Stepanov Yu. S. V trekhmernom prostranstve yazyka. Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva. — M. : Nauka, 1985. 335 s.

14. Surovenkova L. S. Prisoedinenie i partsellyatsiya v sovremennom frantsuzskom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.05. — M., 1982. 185 s.

15. Khaymurzina A. Z. Pragmaticheskie aspekty partsellirovannykh konstruksiy v khudozhestvennom tekste: na materiale korotkogo rasskaza : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. — M., 2008. 27 s.

16. Shubina N. L. Punktuatsiya sovremennogo russkogo yazyka : ucheb. — M. : Akademiya, 2006. 256 s.

17. Shubina N. L. Punktuatsiya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte i ee mesto v semioticheskoy sisteme russkogo teksta : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01. — SPb., 1999. 455 s.

18. Catach N. La ponctuation // Langue française. — Paris : Larousse, 1980. № 45. P. 16—27.

19. Catach N. La Ponctuation et les systèmes d'écriture : dedans ou dehors? // À qui appartient la ponctuation? / J.-M. Defays, L. Rosier, F. Tilkin (éds.). — Paris, Bruxelles : Duculot, 1998. P. 31—46.

20. Combettes B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles & al. eds. — Ophrys, 2007. P. 119—131.

21. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection? // Travaux de linguistique. 2010. № 60. P. 91—107.

22. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz & al. (éds.). — Berne : Peter Lang, 2009. P. 30—50.

23. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique? // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131—145.

24. Sanford A.J. S., Sanford A. J., Molle J., Emmott C. Shallow processing and attention capture in written and spoken // Discourse Processes. 2006. № 2 (42). P. 109—130.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

П. В. Кропотухина
Екатеринбург, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ КРИЗИСНОГО ДИСКУРСА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу концептуальных метафор в кризисном дискурсе Соединенного Королевства. Предметом исследования являются различия в использовании метафор субъектами кризисного дискурса в зависимости от их принадлежности к сторонникам или противникам выхода страны из Евросоюза. В целях сравнения данных полюсов кризисного дискурса были использованы сравнительный метод, методика метафорического моделирования и контент-анализ. Автор рассмотрел весь набор аргументов за и против расставания Великобритании с Евросоюзом. В результате были выявлены метафорические модели, подкрепляющие риторику той или иной стороны. Со стороны партии власти это модель «Брексит — это торговая сделка». Для освещения кризиса газета «Гардиан» использует метафорические модели «Брексит — это иллюзия», «Брексит — это самоповреждение», «Брексит — это боль», «Брексит — это катастрофа», «Брексит — это психическое состояние», «Брексит — это битва». Оппозиционная риторика требует использования практически полного арсенала агрессивных, тревожных концептуальных метафор. Авторы «Гардиан» целенаправленно разворачивают кризисный дискурс, практически не предлагая конструктивных шагов. Напротив, премьер-министр Т. Мэй от имени правительства и партии власти предлагает программу выхода из ЕС, демонстрируя высокий уровень готовности к антикризисным действиям и опираясь на позитивные метафоры, подчеркивающие амбициозность и устремленность Великобритании в будущее, открытость всему миру. Работа адресована дискурсологам, политологам, журналистам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; кризис; кризисный дискурс; метафора; СМИ; Соединенное Королевство; Великобритания; Европа; Брексит; выход из Европейского союза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кропотухина Полина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 481; e-mail: pauline8@mail.ru.

На протяжении истории политическая система любой страны неизбежно переживает периоды подъема и спада, стагнации и реформирования. Кризисные моменты в социально-политической жизни государства представляют интерес для исследователя как в теоретическом, так и в практическом отношении, позволяя оценить эффективность тактик и стратегий, направленных на преодоление кризиса, выявить мотивы и установки участников кризиса, а также разработать ряд антикризисных мер на будущее (А. Н. Баранов, Ф. А. Ветров, М. Ф. Гайнашин, А. Г. Соколов; О. Denti, L. Fodde, D. Fuchs, A. Graf, Ch. De Landtsheer, B. Stråth, R. Wodak).

Вслед за Т. Н. Митрохиной под кризисным дискурсом мы понимаем «совокупность коммуникативных практик, имеющих вербальный и невербальный характер, интегрированных по такому проблемному основанию, как отношение к кризисным явлениям и характерных для определенного социального сообщества» [Митрохина 2016: 136—137]. Кризисный дискурс сохраняет все черты современного политического дискурса, и анализ данного типа дискурса можно провести с использованием всего спектра известных методик [Тичер, Мейер, Водак, Веттер 2009]. В то же время работ, исследующих метафоры текущего кризисного дискурса, не так много.

Исследователи кризисного дискурса отмечают, что в медиатекстах кризисной коммуникации содержится специфический набор «точек дискурсивности», а также языковых средств и приемов, имеющих особые

цели и оказывающих более сильный воздействующий потенциал по сравнению с текстами относительно благополучных периодов. Например, важные сведения о сущности кризисного дискурса приводит Н. В. Степанова: «...отрицательно окрашенные концепты (FEAR, FAILURE) преобладают в кризисном дискурсе, и репрезентирующие их лексические единицы описывают кризисные явления, актуальные для настоящего момента. Положительно окрашенные концепты (SUCCESS, HOPE) представлены в англоязычном кризисном дискурсе весьма слабо, а вербализующие их единицы описывают различные события (как правило, не связанные с кризисом) в прошлом и будущем» [Степанова 2014: 6]. Являясь объектом дискурса, кризис как новостное событие может быть озвучено определенным лицом (сотрудником массмедиа, членом правительства), а может представлять собой оценку, интерпретацию и анализ конкретных фактов либо содержать предысторию или прогнозы разной степени удаленности во времени.

Первоочередной задачей адресанта кризисной коммуникации является создание оптимальной коммуникативно-информационной среды, способной побудить адресата к определенным действиям и, что немаловажно, поддерживать солидаризирующую позицию с целевой аудиторией.

Любой дискурс характеризуется наличием определенной структуры. Как правило, кризисный дискурс организован вокруг следующих тем:

- признание факта кризиса, оценка его глубины и сущности;

– анализ причин кризисных явлений, направленность и эффективность антикризисных мер;

– определение виновников неудачных преобразований и кризисных явлений в стране, содержательное наполнение оппозиции «мы — они»;

– оценка эффективности и качества функционирования управленческих структур, роли государственного управления;

– оценка и прогнозирование последствий кризиса, направленность дальнейшего развития и модернизации страны [Митрохина 2014: 5].

Несомненно, целью анализа кризисного дискурса является обнаружение основных особенностей и различий в интерпретации кризиса субъектами кризисного дискурса. Одной из задач при этом должно быть выявление специфики данного дискурса, анализ лингвистических средств, в целом способствующих созданию данного дискурса.

Авторы коллективной монографии «Кризисные дискурсы в Европе» провели исследование в Германии, Греции, Венгрии, Испании, Италии и Бельгии и выявили общие темы, свойственные кризисному дискурсу в Европе. Во-первых, кризис в этих странах изображается как абстрактная данность, «сверхъестественный феномен», и при этом исключительно экономического характера. Это исключает возможность обсуждения причин и путей выхода из кризиса. Наблюдается недостаток освещения политических причин кризиса. Во-вторых, в дискурсе конкретной страны Европейский союз регулярно репрезентируется как некто «чужой», «другой», связанный со страданиями данной страны, если не виновный в них. Отдельные страны Евросоюза также часто предстают «чужими»; солидарность с ними высказывается редко. В-третьих, создание образа «чужой» Европы происходит, несмотря на тот факт, что кризисный дискурс обнаруживает высокий уровень европейской интеграции, участие в таком дискурсе принимают как политики, так и массмедиа. В-четвертых, кризисный дискурс — это дискурс элит, его воспроизводят власть и экономические «эксперты». Европа в кризисе — это не место проживания европейских граждан, а скорее удаленная вертикальная бюрократическая машина [Tamsin Murray-Leach 2014: 5].

В соответствии с целью исследования в данной статье мы используем сравнительный метод, методику метафорического моделирования и контент-анализ. Мы рассмотрим метафорические модели британского дискурса и сравним полюсы кризисного дискурса этой страны.

Брексит — это широко используемый термин для обозначения выхода Соединенного Королевства из Европейского союза [Oxford Dictionaries [http](http://)]. Во время референдума 2016 г. за выход Великобритании из Европейского союза высказалось 51,9 % проголосовавших, соответственно за продолжение членства в ЕС выступило 48,1 % избирателей. В субъектах Великобритании итоги голосования различались: так, жители Шотландии и Северной Ирландии высказались преимущественно против выхода, а представители Англии (не считая столицы) и Уэльса — за [Brexit // Wikipedia]. После проведения референдума и объявления премьер-министра Дэвида Кэмерона о своей отставке Тереза Мэй выдвинула свою кандидатуру на пост главы Консервативной партии и, следовательно, премьер-министра Великобритании. По итогам выборов 13 июля 2016 г. Тереза Мэй стала второй женщиной в истории Великобритании, занявшей пост премьер-министра [Theresa May // Wikipedia]. Среди политиков первое место по частоте упоминания в кризисном дискурсе Соединенного Королевства занимает премьер-министр. Поэтому в качестве отправной точки нашего исследования мы проанализировали полный текст выступления британского премьер-министра Терезы Мэй, на долю которой выпала роль «антикризисного менеджера». Эта речь от 17 января 2017 г. является текстом стратегической важности, так как в наиболее полном виде показывает понимание главой правительства политической, экономической и социальной действительности, сложившейся в стране после референдума о выходе из ЕС [Read Theresa May's Speech Laying Out the U.K's Plan for Brexit]. Контент-анализ речи показывает, что оптимистический тон текста создается целенаправленно путем тщательно подобранных и повторяющихся языковых средств. Основной мотив речи премьер-министра заключается в том, что Великобритания должна считать своим преимуществом выход вовне, преодоление границ, охват мира. Слово «world» — одно из самых частотных в тексте из 6451 слова. Ср.: *to embrace the world, a country that reaches beyond the borders of Europe, a country that gets out into the world, outside the European Union, a country that has always looked beyond Europe to the wider world*. Это подразумевает, что в рамках Евросоюза страна была скована унифицирующими и контролирующими инстинктами Европы как государства над государством. Соответственно, тема свободы и открытости является ведущей в данном тексте. Частотное словосочетание «free trade»

должно объяснять электорату суть антикризисного плана правительства, желающего налаживать торговые связи не только со странами ЕС. Обращает на себя внимание устремленность слов премьер-министра вперед и в будущее, что дает возможность обсуждать надежды и перспективы. С другой стороны, складывается впечатление, что премьер-министра не заботит происходящее «здесь» и «сейчас», что она сознательно обходит молчанием реальное положение вещей. Так реализуется дискурсивная стратегия противопоставления кризиса благополучному периоду. Один раз Т. Мэй определяет текущую ситуацию в стране как «период перемен». Усилению этого эффекта надежды на более светлое будущее служат повторяющиеся прилагательные в сравнительной степени: *stronger, fairer, more united, more outward-looking United Kingdom, a brighter future*. Что касается будущего отношений со странами Европы, политик настойчиво повторяет лишь отчуждающие словосочетания «друзья и соседи», «друзья и союзники», сознательно избегая семейных метафор.

В целом речь весьма позитивна и оптимистична еще и благодаря тому, что премьер-министр не использует метафоры с ярко выраженными негативными сферами-источниками. Мы обнаружили лишь восемь метафор, описывающих возможные негативные последствия Брексита, например: «дорога будет неясной иногда», «попасть в вечное политическое чистилище». Премьер-министр четко обозначает свою роль в сложившейся ситуации. Она утверждает, что ее главная задача — «заключить справедливую сделку» для Соединенного Королевства с Евросоюзом, и для адресата предстает в образе решительной бизнес-леди, готовой вступить в переговоры за выгодный контракт. Учитывая наиболее частотные слова *trade, market, deal, negotiations*, мы определяем основную метафорическую модель данной речи как *Брексит — это торговая сделка*.

Для сравнения мы рассмотрели концептуальные метафоры, сферой-мишенью которых служит британский премьер-министр и ее сторонники в публикациях «Гардиан». Т. Мэй — это стрелок, военачальник, охотница, карточный игрок, снежная королева. Ср.: *That is why the prime minister clearly felt the need to lay the revolver of “hard Brexit” on the table. She threatened them with a trade war and fiscal blitzkrieg* [Jenkins 2017b] / Вот почему премьер-министр почувствовала необходимость положить револьвер „жесткого Брексита“ на стол. Она угрожала другой стороне переговоров торговой

войной и фискальным блицкригом. Кроме того, сторонники Брексита, «брекситёры», — это, по мнению издания, бесшабашные, отчаянные люди, фанатики, и они откровенно высмеиваются на страницах газеты. Ср.: *She has sided with the swashbuckling cavaliers of hard Brexit and their quest for the “open seas and skies” of world trade* [Jenkins 2017a] / Она встала на сторону удалых кавалеров жесткого Брексита и их стремлению в „открытое море и небеса“ всемирной торговли.

Наше исследование базируется на анализе тридцати двух статей с ресурса *www.theguardian.com*, датированных мартом 2016 — апрелем 2017 г. и затрагивающих проблему выхода Соединенного Королевства из Евросоюза. Официальный сайт «Гардиан» — это вторая по посещаемости онлайн-газета [Theguardian.com // Wikipedia]. В первую очередь нас интересовало, как авторы «Гардиан» освещают процесс выхода Соединенного Королевства из Евросоюза, какие модели восприятия кризиса и какие пути улучшения ситуации они предлагают своей аудитории. Отметим, что по политическим взглядам издание относят к пролейбористским [Бодрунова 2013]. Таким образом, в данный момент дискурс «Гардиан» можно считать оппозиционным.

В результате анализа текстов статей были выделены метафорические модели концептуализации кризиса. Среди них весьма продуктивна *Брексит — это иллюзия*. Наиболее сильными аргументами за выход из Евросоюза были возврат в страну денег, выделяемых на нужды Евросоюза, свободная торговля со странами по всему миру, ограничение миграции. Следующие выражения противопоставлены данным обещаниям: *The era of Brexit fantasy is finally ending / эра фантазий о Брексите наконец заканчивается; their dreams aren't worth a euro / их мечты не стоят и евро; betrayed by wild Brexit promises / обманутые сумасбродными обещаниями; Britain great again fairytales / сказка о новом величии Британии; delusional thinking / бредовые мысли; froth / пустые слова; sky-high expectations / заоблачные ожидания; the helium-filled unreality of the Conservative party conference / наполненная гелием нереальность конференции Консервативной партии*. Используя эту метафорическую модель, противники Брексита пытаются обесценить обещания политиков — сторонников выхода.

Близко к рассмотренной выше стоит метафорическая модель *Брексит — это кошмар*. *If Brexit gave the British government a headache, it should have given the rest of the continent a nightmare* [Jenkins 2017a] / Если

Брексит вызвал у британского правительства головную боль, то для остального континента он должен был стать кошмаром. Необходимость проснуться, вернуться к реальности подчеркивается в контекстах статей «Гардиан».

Метафорическая модель *Брексит* — это самоповреждение призвана объяснить, что Соединенное Королевство — это неотъемлемая часть единого организма Европы, и расставание с ней подобно акту самоповреждения, ампутации, даже самоубийству: *Theresa May appeared to be channelling Sky's corporate motto as she confirmed to parliament that Britain has officially triggered the process of cutting nose off to spite face. Stop calling it a disfigurement, everyone! Think of it rather as an opportunity to create new ways of smelling* [Chakraborty, Toynbee, Fraser, Hinsliff 2017] / Казалось, Т. Мэй транслировала девиз корпорации „Скай“, когда подтвердила в парламенте, что Британия официально запустила процесс отрезания носа, чтобы досадить лицу. И прекратите все называть это уродованием! Лучше считайте это возможностью изобретения новых способов дыхания.

Метафорическая модель *Брексит* — это боль тесно связана с предыдущей. Очевидно, что самоповреждение приносит боль, в статьях «Гардиан» сферы-мишени таких метафор — это негативные экономические и таможенные последствия выхода Великобритании из ЕС (*a painful blow* / болезненный удар; *British voters will feel the economic pain* / британские избиратели пострадают экономически).

Рассмотренный материал позволяет выделить метафорическую модель *Брексит* — это трагедия. Приведем пример развертывания данной модели: *Brexit is a tragedy, but there's much we can do before the final act. This week opened Act III of a five-act drama called Brexit. The play will take at least five years, more likely 10, and only Act V will reveal whether it is a tragedy, a farce, or some very British theatre of muddling-through. And we're not just the audience. We are actors in this play and our main task is to persuade our fellow actors* [Ash 2017] / *Брексит* — это трагедия, но до последнего акта мы можем сделать многое. Неделя началась с третьего из пяти актов драмы под названием „Брексит“. Пьеса займет минимум пять лет, а вероятно все 10, и только пятый акт покажет, была это драма, или фарс, или истинно британский театр, где всё перемешано. А мы не просто публика. Мы актеры в этой пьесе, и наша главная задача — убедить наших товарищей-актеров.

Следующая модель, *Брексит* — это катастрофа, вербализована в лексике, отражающей признаки и последствия катастроф: *damage* / ущерб, *full-scale implosion* / полномасштабный взрыв, *a national disaster* / национальное бедствие, *chaos* / хаос, *shambles* / руины, бойня, беспорядок, кавардак, разрушения, *mayhem* / нанесение увечья, хаос, беспорядок.

Перейдем к модели *Брексит* — это психическое состояние. Метафоры этой модели сообщают о настроении британского народа. Ср.: *but this one is between two complex unions, each of which is going through an existential crisis* [Ash 2017] / Но это происходит между двумя сложными союзами, каждый из которых переживает экзистенциальный кризис; *We are simultaneously in freefall and at a standstill, in a moment of intense and collective disorientation* [Younge 2016] / Мы одновременно находимся в свободном падении и стоим на мертвой точке в момент глубокой коллективной дезориентации. Состояние раздвоенности и растерянности — основной смысл метафор данной модели.

Последняя модель британского кризисного дискурса, рассмотренная нами, *Брексит* — это битва. В понимании журналистов битва прежде всего ведется с Евросоюзом за наиболее выгодные условия расставания. Ср.: *Now the battle line is drawn before Theresa May's disastrous Brexit* [Toynbee 2017] / Перед катастрофическим Брекситом Терезы Мэй проведена линия фронта. Кроме того, полем битвы стала и сама страна, поскольку после референдума британское общество оказалось расколотым.

В заключение следует сказать, что рассмотренные концептуальные метафоры подтверждают статус Брексита как глубокого политического, социального и экономического кризиса, являющегося частью кризиса Еврозоны. В этих условиях авторы «Гардиан» целенаправленно разворачивают кризисный дискурс. Подчеркнуто оппозиционная риторика требует использования практически полного спектра агрессивных, тревожных, депрессивных концептуальных метафор. Наш взгляд, отличительной чертой кризисного дискурса «Гардиан» являются ирония и сарказм в отношении главных субъектов кризисного дискурса, отчасти выполняющие функцию психотерапии. Кроме того, частые сравнительные ретроспекции, восприятие кризиса как факта истории не способствуют поиску путей улучшения ситуации. Вышесказанное подтверждает, что поляризация общества в кризисном дискурсе в значительной степени зависит от ориентации на разные группы электората. Так, официальный

правительственный дискурс строится с помощью конструктивных метафор. Премьер-министр Т. Мэй от имени правительства и партии власти предлагает программу выхода из ЕС, демонстрируя высокий уровень готовности к антикризисным действиям и опираясь на позитивные метафоры, подчеркивающие амбициозность и устремленность Великобритании в будущее, большую степень свободы, открытость всему миру.

ИСТОЧНИКИ

1. Ash T. G. Brexit is a tragedy, but there's much we can do before the final act // The Guardian. 2017. 30 March. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/30/brexit-tragedy-negotiations-2020-change-public-mood>.
2. Brexit // Wikipedia : the free encyclopedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Brexit> (date of access: 17.04.17).
3. Chakraborty A., Toynbee P., Fraser G., Hinsliff G. Theresa May has signed, sealed and delivered article 50. Our writers respond // The Guardian. 2017. 29 March. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/29/theresa-may-article-50-eu-panel>.
4. Jenkins S. Britain's treaty with Europe is dead. Time to strike a new one // The Guardian. 2017a. 30 March. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/30/britain-treaty-europe-dead-brexit-eu>.
5. Jenkins S. This is Brexit poker - and Theresa May was right to up the stakes // The Guardian. 2017b. 18 Jan. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/18/brexit-poker-theresa-may-strategically-sensible>.
6. Oxford Dictionaries. URL: <https://www.oxforddictionaries.com>.
7. Read Theresa May's Speech Laying Out the U.K's Plan for Brexit // Time. 2017. 17 Jan. URL: <http://time.com/4636141/theresa-may-brexit-speech-transcript/>.
8. Theguardian.com // Wikipedia : the free encyclopedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Theguardian.com>.
9. Theresa May // Wikipedia : the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Theresa_May.
10. Toynbee P. Now the battle line is drawn before Theresa May's disastrous Brexit // The Guardian. 2017. 28 March. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/28/battle-line-theresa-may-car-crash-brexit-labour>.
11. Younge G. Brexit: a disaster decades in the making // The Guardian. 2016. 30 June. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/30/brexit-disaster-decades-in-the-making>.

P. V. Kropotukhina
Ekaterinburg, Russia

CONCEPTUAL METAPHORS OF THE UK CRISIS DISCOURSE

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of conceptual metaphors in crisis discourse of the United Kingdom. The subject of the study is the difference in the use of metaphors by the subjects of crisis discourse depending on their reference to supporters or opponents of the withdrawal of the country from the European Union. In order to compare these poles of crisis discourse we used the comparative method, metaphorical modeling technique, and content analysis. The article considered the whole set of arguments for and against the withdrawal of Great Britain from the EU. The findings were the metaphorical models which help to support the rhetoric of this or that party. From the governing party's point of view "Brexit is a deal". To cover the crisis the Guardian uses such metaphorical models as "Brexit is a delusion", "Brexit is self-destruction", "Brexit is pain", "Brexit is a disaster", "Brexit is a mental state", "Brexit is a battle". The authors of the Guardian purposefully unfold crisis discourse without putting forward any constructive proposals. Opposition rhetoric requires the use of an almost complete arsenal of aggressive, alarming conceptual metaphors. On the contrary, Prime Minister T. May on behalf of the government and the governing party, proposes a Brexit program demonstrating a high level of preparedness for anti-crisis actions and relying on positive metaphors that emphasize Britain's ambitions and aspirations for the future, openness to the whole world. The work is addressed to discourse analysts, political scientists, journalists.*

KEYWORDS: *political discourse; crisis; crisis discourse; metaphor; mass media; United Kingdom; Great Britain; Europe; Brexit; withdrawal from EU.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kropotukhina Polina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Professionally Oriented Linguistic Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ЛИТЕРАТУРА

12. Баранов А. Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Linguistic Change in Europe 1990—2000. — Wien, 2000.
13. Бодрунова С. С. Британский рынок прессы и политический процесс: символический и медиакратический смысл «глобальных поворотов» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2013. № 1.
14. Ветров Ф. А. Моногород vs инноград: полюса кризисного дискурса (по материалам журнала «Эксперт») // Вестн. Черепов. гос. ун-та. 2012. Т. 1. № 40-3.
15. Гайнаншин М. Ф. Лингвосинергетический аспект метафорического моделирования экономического кризисного дискурса // Наука и образование: новое время. 2016. № 2 (13).
16. Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ / под ред. Т. Н. Митрохиной. — М.: РОССПЭН, 2014. 183 с.
17. Митрохина Т. Н. Кризисный дискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 1.
18. Соколов А. Г. Кризисный дискурс «Единой России» и КИРФ: сравнительный анализ // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия : материалы VI Всерос. конгресса политологов (Москва, 22—24 нояб. 2012 г.). — М., 2012.
19. Степанова Н. В. Англиязычные экономические медиатексты кризисного периода: когнитивно-дискурсивный анализ : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2014.
20. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса : пер. с англ. — Харьков : Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
21. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4).
22. Denti O., Fodde L. The financial crisis hits hard: The impact of emerging crisis on discursive strategies and linguistic devices in EU Financial Stability Reviews (2004-2010) // Discourse and Crisis: Critical Perspectives / A. De Rycker, Z. Mohd Don (eds.), John Benjamins Publ. Comp. — Amsterdam/Philadelphia, 2013.
23. Fuchs D., Graf A. Universität Münster, FB Erziehungswissenschaft und Sozialwissenschaften, Institut für Politikwissenschaft (Ed.): The financial crisis in discourse: analyzing the framing of banks, financial markets and political responses. — Münster, 2010.
24. Stråth B., Wodak R. Europe-discourse-politics-media-history: Constructing 'crises' // The European Public Sphere and the Media: Europe in Crisis / A. Triandafyllidou, R. Wodak, M. Krzyżanowski (eds.). — Palgrave Macmillan, 2009.
25. Tamsin Murray-Leach. Crisis Discourses in Europe. London School of Economics and Political Science, 2014.

REFERENCES

1. Ash T. G. Brexit is a tragedy, but there's much we can do before the final act // The Guardian. 2017. 30 March. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/30/brexit-tragedy-negotiations-2020-change-public-mood>.
2. Brexit // Wikipedia : the free encyclopedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Brexit>.
3. Chakraborty A., Toynbee P., Fraser G., Hinsliff G. Theresa May has signed, sealed and delivered article 50. Our writers respond // The Guardian. 2017. 29 March. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/29/theresa-may-article-50-eu-panel>.
4. Jenkins S. Britain's treaty with Europe is dead. Time to strike a new one // The Guardian. 2017a. 30 March. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/30/britain-treaty-europe-dead-brexit-eu>.
5. Jenkins S. This is Brexit poker - and Theresa May was right to up the stakes // The Guardian. 2017b. 18 Jan. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/18/brexit-poker-theresa-may-strategically-sensible>.
6. Oxford Dictionaries. URL: <https://www.oxforddictionaries.com>.
7. Read Theresa May's Speech Laying Out the U.K's Plan for Brexit // Time. 2017. 17 Jan. URL: <http://time.com/4636141/theresa-may-brexit-speech-transcript/>.
8. Theguardian.com // Wikipedia : the free encyclopedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Theguardian.com>.
9. Theresa May // Wikipedia : the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Theresa_May.
10. Toynbee P. Now the battle line is drawn before Theresa May's disastrous Brexit // The Guardian. 2017. 28 March. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/28/battle-line-theresa-may-car-crash-brexit-labour>.
11. Younge G. Brexit: a disaster decades in the making // The Guardian. 2016. 30 June. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/30/brexit-disaster-decades-in-the-making>.
12. Baranov A. N. Metafori v politicheskom diskurse: yazykovye markery krizisnosti politicheskoy situatsii // Linguistic Change in Europe 1990—2000. — Wien, 2000.
13. Bodrunova S. S. Britanskiy rynek pressy i politicheskii progress: simvolicheskii i mediakraticheskii smysl «tabloidnykh povorotov // Vestn. S.-Peterb. un-ta. 2013. № 1.
14. Vetrov F. A. Monogorod vs innograd: polyusa krizisnogo diskursa (po materialam zhurnala «Ekspert») // Vestn. Cherepov. gos. un-ta. 2012. T. 1. № 40-3.
15. Gaynanshin M. F. Lingvosinergeticheskiy aspekt metaficheskogo modelirovaniya ekonomicheskogo krizisnogo diskursa // Nauka i obrazovanie: novoe vremya. 2016. № 2 (13).
16. Krizisnyy diskurs ofitsial'noy vlasti i sistemnoy oppozitsii v sovremennoy Rossii: sravnitel'nyy analiz / pod red. T. N. Mitrokhinoy. — M. : ROSSPEN, 2014. 183 s.
17. Mitrokhina T. N. Krizisnyy diskurs // Diskurs-Pi. 2016. № 1.
18. Sokolov A. G. Krizisnyy diskurs «Edinoy Rossii» i KPRF: sravnitel'nyy analiz // Rossiya v global'nom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodeystviya : materialy VI Vseros. kongressa politologov (Moskva, 22—24 noyab. 2012 g.). — M., 2012.
19. Stepanova N. V. Angloyazychnye ekonomicheskie mediateksty krizisnogo perioda: kognitivno-diskursivnyy analiz : dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2014.
20. Tischer S., Meyer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza teksta i diskursa : per. s angl. — Xar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2009. 356 s.
21. De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4).
22. Denti O., Fodde L. The financial crisis hits hard: The impact of emerging crisis on discursive strategies and linguistic devices in EU Financial Stability Reviews (2004-2010) // Discourse and Crisis: Critical Perspectives / A. De Rycker, Z. Mohd Don (eds.), John Benjamins Publ. Comp. — Amsterdam/Philadelphia, 2013.
23. Fuchs D., Graf A. Universität Münster, FB Erziehungswissenschaft und Sozialwissenschaften, Institut für Politikwissenschaft (Ed.): The financial crisis in discourse: analyzing the framing of banks, financial markets and political responses. — Münster, 2010.
24. Stråth B., Wodak R. Europe-discourse-politics-media-history: Constructing 'crises' // The European Public Sphere and the Media: Europe in Crisis / A. Triandafyllidou, R. Wodak, M. Krzyżanowski (eds.). — Palgrave Macmillan, 2009.
25. Tamsin Murray-Leach. Crisis Discourses in Europe. London School of Economics and Political Science, 2014.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. В. Лупанова
Москва, Россия

ОБРАЗНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию образности фразеологических единиц в языковой картине мира представителей англо-американской военной субкультуры. Фразеологические единицы военного социолекта как часть картины мира военнослужащих, включающие профессиональные термины и жаргонизмы, выступают в качестве вторичных наименований явлений и предметов, которые имеют свои дефиниции в нормированном литературном языке. Анализ жаргонных фразеологизмов выявил наличие образов животных и птиц (в ряду жаргонных фразеологических единиц наиболее распространены образы собаки, крысы, курицы, свиньи, лошади; большинству зооморфизмов в армейском социолекте свойственна пейоративная окраска), частей тела человека, пищи и цвета (например, голубой или синий цвет символизирует тоску, смерть, красный — опасность), лежащих в основе формирования восприятия военнослужащим окружающей действительности. Автор приходит к выводу, что военная субкультура как неотъемлемая часть культуры народов англоговорящих стран характеризуется наличием особых образов, символов, стереотипов и кодов культуры, с помощью которых происходит наименование объектов и складывается понимание носителем языка внутреннего и внешнего мира. Образные системы, лежащие в основе фразеологизмов военного социолекта, позволяют рассмотреть особенности языковой картины мира военнослужащих, выявить морально-нравственные установки и ценности, изучить проявления этнического менталитета, отображенные в семантике фразеологических единиц.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологические единицы; военная субкультура; языковая картина мира; фразеологизмы; фразеология английского языка; английский язык; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лупанова Екатерина Вячеславовна, адъюнкт кафедры английского языка (основного), Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (Москва); 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14; e-mail: katu9751@rambler.ru.

Культура, представляющая собой в широком смысле мировидение человека, находит свое воплощение в языке, который участвует в формировании, хранении и репрезентации ее ценностей, эталонов и стереотипов. Язык существует в тесном взаимодействии с культурой народа, в нем находит отражение самосознание, национальный менталитет, традиции и мировоззрение представителей этнической общности. Впоследствии язык выступает в качестве орудия культуры, прививая носителю особенности мировидения, формируя личность члена языкового коллектива и национальной культуры [Тер-Минасова 2000: 14—15].

Влияние, которое культура этнической общности оказывает на человека, определяет характер общения между представителями народов, облегчая понимание между носителями одной культуры и затрудняя процессы коммуникации между членами разных этносов. В языкознании равноценность отдельной личности и нации признается за счет постижения человеком культурного наследия, заложенного в фондах языка, выступающего в роли хранилища и зеркала национальной культуры. Как отмечает В. А. Маслова, язык — это основной способ закрепления знаний об окружающей действительности. Приобретая языковое значение, комплекс знаний превращается в так называемую «языковую картину мира», которая включает, помимо запечатленных в языковой форме знаний о мире, отношение человека к объектам и явлениям. Языковая картина мира строится на основании системы оценок и отношений, нашедших отображение в языке [Маслова 2001: 64].

Процесс формирования языковой картины мира происходит за счет работы индивидуального и коллективного сознания. Результат этого взаимодействия закреплен в соответствующих «матрицах» языка, что дает право говорить о различных вариантах существования языковых картин мира — научной картине мира, языковой картине мира, общей для всех носителей языка, и картине мира человека [Корнилов 2003: 4].

В контексте данного исследования нас интересует языковая картина мира представителей вооруженных сил, в частности ее фразеологический состав. Фразеология, национально-специфичная по своей природе, является фрагментом языковой картины мира членов определенного этноса. Фразеологизмы, описывающие реалии военной сферы, служат для сохранения и передачи опыта носителей языка, их культурного и исторического наследия, морально-этических установок и ценностей.

Фразеологические единицы военного социолекта как часть картины мира военнослужащих, включающие профессиональные термины и жаргонизмы, выступают в качестве вторичных наименований явлений и предметов, которые имеют свои дефиниции в нормированном литературном языке [Бойко 2008: 54]. Появление вторичного наименования в некоторых случаях связано с имеющейся у фразеологической единицы внутренней формой. Данное понятие было впервые введено Вильгельмом фон Гумбольдтом, рассматривающим *innere Sprachform* (внутреннюю форму языка) как идею

национального духа, который находит отражение в системе языка [Гумбольдт 1984].

Внутренняя форма играет особую роль в семантике фразеологических единиц. В ней заключается образное основание фразеологизма, служащее для номинации объекта или явления окружающего мира. Образ, заложенный в основе фразеологической единицы, является носителем национально-культурной информации, которая закодирована в семантике фразеологических единиц (ФЕ) [Гудков 2005: 25—31]. Ценностное содержание, вырабатываемое культурой и закодированное в языке, в частности, в его фразеологическом фонде, составляет картину мира, отражающую мировидение этнической общности, и образует систему кодов культуры — вторичных знаковых систем, служащих для означивания культурных смыслов, заложенных в ФЕ [Ковшова 2016: 170].

Особенности языка и культуры его носителей проявляются в наличии специфических черт, свойственных образу мышления представителей определенного этноса. Характер внутренней образности и смыслов, заложенных во фразеологизм, определяется спецификой национального менталитета этноса и обуславливается культурой народа [Красных 2002: 232].

Военная субкультура как составная часть национальной культуры отличается спектром особых образов, символов, кодов культуры, с помощью которых происходит наименование объектов окружающей действительности и складывается понимание носителем языка внутреннего и внешнего мира. Ниже мы попытаемся рассмотреть образы, лежащие в основе фразеологических единиц военного социолекта как части образной системы английского языка и культуры англоговорящих этносов.

Проведенный нами анализ жаргонных фразеологических единиц выявил широкое применение образов животных, частей тела человека, пищи и цветов в процессе формирования мировосприятия военнослужащих.

В картине мира английской военной субкультуры происходит сравнение человека с образами животного мира: *bird man* — насм. *летчик*; *street monkey* — насм. *музыкант военного оркестра*; *beetle cruncher* — *пехотинец*.

Военные ФЕ, апеллирующие в сознании носителя к образам животных и птиц, являются воплощением зооморфного кода культуры, включающего комплекс стереотипных суждений о свойствах и особенностях поведения представителей фауны, выступающий в качестве источника миропонимания индивида и имеющий, помимо основных природ-

ных свойств, функционально-значимые культурные смыслы [Там же: 256].

В ряду жаргонных фразеологических единиц наиболее распространены образы собаки, крысы, курицы, свиньи, лошади.

Например, фразеологизм *bilge rat* означает «предатель, ненадежный человек». При восприятии ФЕ в сознании коммуникантов возникает образ помойной крысы. В английской культуре крыса традиционно ассоциируется с неприятным, подлым и злобным существом, что находит отражение и в других военных ФЕ: *boonie rat* — фам. насм. *солдат, воюющий в джунглях*; *rat trap* — фам. пренебр. *подводная лодка*; *base rat* — фам. презр. *тыловик, «тыловая крыса»*. Образ крысы характеризует человека, деятельность которого вызывает презрение и недовольство, труса или предателя.

Мировосприятие человека формируется за счет оценки им фактов окружающей действительности на основании собственного к ним отношения. Оценка осуществляется путем соизмерения явлений на основании знаний, имеющихся у индивида, и комплекса ценностей и морально-нравственных установок [Телия 1988: 40].

Большинству зооморфизмов в армейском социолекте свойственна пейоративная окраска, основанная на сложившихся стереотипах о характере поведения некоторых животных: *pig of the port* — *некрасивая женщина, осматривающая судно*; *pig palace* — *бар или ресторан низкого пошиба*; *cattle boat* — *судно для перевозки пехоты, морской транспорт (скотовоз)*; *boars nest* — *груб. фам. казарма*.

Специфика военных зооморфизмов обуславливается тем, что их семантика подразумевает не столько качества и повадки реального животного, сколько характеристики, приписываемые ему сознанием языкового коллектива. В языке закрепляются собственные представителю животного мира качества, что дает возможность применять наименование данного животного как эталон определенных характеристик [Литвин 2005: 27—28].

В армейской субкультуре распространен образ курицы, выступающий в качестве символа трусости и робости (в отличие от русской культуры, где данными качествами традиционно наделяется заяц: «заячья душа»). Например, с помощью фразеологизма *chicken of the sea* выражается эмоционально-негативное отношение к морякам, несущим службу на атомной подводной лодке, что связано со стремлением избегать прямых столкновений с кораблями противника. Примерами апелляции к образу трусливого животного

служат ФЕ *chicken out* — *покидать, оставлять*; *chicken treatment* — *строгое соблюдение субординации и церемоний (при взаимоотношениях между военнослужащими)*.

Универсальным для многих языков служит образ собаки, использующийся для характеристики человека. В военной субкультуре наименование животного обладает в основном пейоративной окраской: *dog face* — *рядовой*. Ассоциации с собакой как подневольным животным, которого держат на цепи, послужили основой для возникновения военного жаргонизма *dog tag* — *груб. фам. личный знак*, в котором происходит сравнение металлического личного знака военнослужащего, который носят на шее, с жетоном на собачьем ошейнике.

Между тем отсутствие отрицательной коннотации находим в фразеологизме *top dog* — *насм. самолет, прикрывающий строй сверху; победитель*. Данное выражение используется скорее в насмешливом, ироничном смысле и вызывает в сознании носителя образ собачьих бегов.

Среди фразеологизмов военного социолекта встречаются ФЕ, вызывающие в сознании носителей образ лошади — животного, исторически играющего важную роль на войне. Лошадь — животное трудолюбивое, это качество символизируется в фразеологии посредством выражений *war horse* — *ирон. пренебр. старослужащий*; *salt horse* — *офицер флота*.

Особое место в исследовании образности военной фразеологии отводится жаргонным ФЕ, имеющим в составе соматизм — слово, обозначающее часть тела: *angel face* — *молодой офицер*; *dead eye* — *меткий стрелок*; *part his teeth* — *попасть в центр мишени, попасть в яблочко* (досл. *разжать зубы*). Человек переносит знания о собственном организме на окружающий мир, его тело во многом выступает в качестве ориентира в познании действительности. Таким образом, свойства и особенности различных частей тела становятся носителями культурно значимых смыслов, стереотипов и эталонов мышления этноса, составляют соматический, или телесный код культуры. Изучение соматических фразеологизмов позволяет сделать вывод о том, как носитель языка интерпретирует явления окружающего мира, создавая проекцию действительности и социума на основании знаний о структуре собственного тела и особенностях функционирования его частей [Букулова 2006: 5].

Военные ФЕ — соматизмы отображают специфику мировосприятия американских и английских военнослужащих благодаря ряду ярких образов, заложенных в их внутренней

форме. Например, в военном жаргонизме с компонентом *back* на передний план выдвигается идея уязвимости и незащищенности спины: *back scratching* — *огонь по танковому десанту противника* (досл. *почесывание спины*).

В английской военной субкультуре компонент «нога» используется в составе устойчивых оборотов, применяемых для наименования военнослужащих различных родов и видов войск исходя из характера их повседневной службы: *straight leg* — *шутл. пехотинец (военнослужащий, не имеющий парашютной подготовки)*; *web foot* — *морской десантник* (досл. *плетеные ступни*); *yellow leg* — *кавалерист*; *blister foot* — *насм. пехотинец* (досл. *мозолистые ступни*).

Примером отождествления физического тела человека с окружающим миром в армейской среде служит фразеологизм *cold feet*, который означает «трус». Образ ФЕ вызывает в сознании носителя языка представление о состоянии человеческого организма, при котором от переживаемого стресса происходит повышенное выделение адреналина — гормона страха, приводящего к напряжению мышц и резкому понижению температуры тела в ногах и руках.

Яркой образностью в военной субкультуре обладает нос. При восприятии следующих военных жаргонизмов в сознании коммуникантов возникает образ кровоточащего носа: *give the bloody nose* — *фам. нанести противнику тяжелые потери; потрепать противника в бою*; *bloody nose hill* — *груб. фам. холм — место ожесточенных кровопролитных боев*. В некоторых случаях в основе создания фразеологизмов лежит юмористический намек на внешнее сходство, например: *blue nose* — *шутл. имеющий опыт службы в условиях Крайнего Севера или Антарктиды, полярник*; *пересекающий полярный круг*; *blue nose certificate* — *шутл. запись в послужном списке о прохождении службы в условиях Крайнего Севера или Антарктиды*.

Большой материал для исследования нравственных ориентиров, социально-исторического опыта, стереотипов и установок представителей военной субкультуры как составной части культуры англоговорящих этнических общностей составляют жаргонные фразеологические единицы, имеющие в составе компонент со значением пищи. Еда, как необходимое условие существования человека, выступает в качестве одного из самых древних компонентов материальной культуры этноса и членов армейского социума, его неотъемлемой составляющей.

Жаргонные фразеологические единицы, апеллирующие в сознании коммуникантов к образам пищи, функционируют в английском языке в самом разном статусе: от профессиональных терминов, служащих для обозначения реалий военной службы, например: *egg-shell defense* — *слабая оборона, не эшелонированная в глубину* (происходит сравнение с хрупкостью яичной скорлупы), до грубых, презрительных и фамильярных выражений, используемых для передачи эмоционально-экспрессивного отношения к определенным явлениям, бытующим в армейской среде: *meat wagon* — *машина скорой помощи*, *honey wagon* — *автофургон, грузовик для перевозки нечистот*, *cheese toaster* — *штык*.

Образным системам, лежащим в основе военных жаргонных ФЕ, свойственен метафорический перенос значений на основании шутливого и пренебрежительного отношения военнослужащих к условиям питания в вооруженных силах: *army biscuit* — *шутл. сухарь*; *cake and wine* — *насм. ирон. строгий арест в карцере (на хлебе и воде)*; *soldier's supper* — *голодание*. Во внутренней форме данных ФЕ проявляется стереотипное представление об однообразии и низких вкусовых качествах еды в войсках.

Основу фразеологизма *sour dough*, применяющегося для наименования старослужащего, составляет образ прокисшего теста. Таким образом, с помощью ФЕ фиксируется представление о возрасте, физическом состоянии, здоровье человека, а также передается эмоциональное отношение недовольства, пренебрежения, ассоциирующееся со вкусовыми ощущениями от употребления кислых продуктов.

Фразеологизмы *apple polish (shine)* — *насм. наводит внешний блеск; заускивать*; *apple polisher (shiner)* — *насм. подхалим* отражают характер межличностных отношений в армейской среде, где традиционно презрительно относятся к солдатам, сержантам и офицерам, старающимся выслужиться, заискивающим перед вышестоящим командованием.

Немаловажным отличием образной системы английского военного жаргона служит референция к цвету в составе фразеологических единиц: *green berets* — *военнослужащий специальных операций армии США*; *white hat* — *фам. матрос*; *blue belt* — *в США: медицинская сестра*; *black shoe* — *в США: офицер корабельной службы на авианосце (в отличие от летного состава, носящего коричневую обувь)*; *red hat* — *бр. фам. пренебр. штабной офицер, штабист (англий-*

ские офицеры высших штабов носят фуражки с красным околышем). В основе образов заложена ассоциация с определенным родом и видом войск, цветом обмундирования военнослужащих. Например, представители военно-воздушных сил США, имеющие синюю форму одежды, традиционно зовутся *blue suiters*. В Великобритании офицеры пренебрежительно именуется *red flannel*, так как знаки различия офицера английской армии включают красные петлицы.

Голубой или синий цвет в армейской субкультуре символизирует тоску, смерть. В качестве примера приведем фразеологизм *blue on blue* — *гибель солдат со стороны огня своих войск*. При восприятии ФЕ в сознании коммуникантов всплывает представление о печальном, дважды трагическом событии.

В устойчивых словосочетаниях военного социолекта красный цвет служит символом опасности, тревоги: *red streak* — *опасное положение, требующее немедленных мер*; *red hot* — *особо опасный*; *red tab* — *бр. фам. старший офицер; бирка особой срочности (к документу)*. Отсюда выражение *put a red tab on a matter* — *ускорить решение какого-либо вопроса*, в котором происходит референция к образу *red tab* — бирки на документе особой срочности, подчеркивающей необходимость незамедлительного решения вопроса.

Подводя итог, следует отметить, что военная субкультура, представляющая собой неотъемлемую часть культуры народов англоговорящих стран, характеризуется наличием особых образов, символов, стереотипов и кодов культуры, с помощью которых происходит наименование объектов окружающей действительности и складывается понимание носителем языка внутреннего и внешнего мира. Образные системы, лежащие в основе фразеологических единиц военного социолекта, позволяют рассмотреть особенности языковой картины мира военнослужащих, выявить морально-нравственные установки и ценности, изучить проявления этнического менталитета, отраженные в семантике ФЕ. Анализ жаргонных фразеологизмов английского языка выявил наличие образов животных и птиц, частей тела человека, пищи и цвета, лежащих в основе формирования восприятия военнослужащим окружающей действительности и позволяющих рассмотреть особенности нравственных установок, социально-исторического опыта, кодов и стереотипов военной субкультуры как составной части культуры англоязычной этнической общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балканов И. В. Теория и практика военной лексикографии первой половины XX века (на материале англо-русских военных словарей) // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 124—128.
2. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов : моногр. — М. : Воен. ун-т, 2008.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. — Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2000.
4. Букулова М. Г. Соматическая фразеология тюркских языков: на материале турецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. — М., 2006.
5. Гудков Д. Б. Коды русской культуры: проблемы описания // Мир русского слова. — М. : Наука, 2005. № 1—2.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1984.
7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд. 3-е. — М. : ЛЕНАНД, 2016.

E. V. Lupanova
Moscow, Russia

PHRASEOLOGICAL UNITS IMAGES IN LINGUISTIV WORLDVIEW OF BRITISH-AMERICAN MILITARY SUBCULTURE REPRESENTATIVES

ABSTRACT. *The paper studies the images created by phraseological units in linguistic worldview of British and American military subculture representatives. Phraseological units of military social dialect, as a part of worldview of military men, include professional terms and jargonisms. They are secondary nomination units used to describe the phenomena and objects, which have their names in the literary language. Analysis of jargon phraseological units proved the abundance of the images of animals and birds (the most wide-spread are the images of a dog, a rat, a hen, a pig, a horse; most of zoomorphic units have pejorative connotations in military sociolect), parts of human body, food and colors (for example, blue symbolizes melancholy and death, red stands for danger). These phraseological units are the basis of the view of life of military men. The paper concludes that military subculture, as an inseparable part of the English-speaking nations, has its peculiar images, symbols, stereotypes and culture codes by means of which the objects are named and the images of the inner and outer worlds are created. The basis of military phraseological units are imagery systems that reveal the features of the linguistic worldview of military men, single out their moral values and help to study ethnic mentality reflected by phraseological units semantics.*

KEYWORDS: *phraseological unit; military subculture; linguistic worldview; phraseology; English phraseology; English; linguoculturology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lupanova Ekaterina Vyacheslavovna, Adjunct, Candidate of Philology Degree Applicant, Department of English, Military University of the Russian Federation Defense Ministry, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Balkanov I. V. Teoriya i praktika voennoy leksikografii pervoy poloviny XX veka (na materiale anglo-russkikh voennykh slovarey) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4. S. 124—128.
2. Boyko B. L. Osnovy teorii sotsial'no-gruppovykh dialektov : monogr. — М. : Voен. un-t, 2008.
3. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika : kurs lektsiy po angliyskoy filologii. — Тамбов : Изд-во Тамбов. un-та, 2000.
4. Bukulova M. G. Somaticheskaya frazeologiya tyurkskikh yazykov: na materiale turetskogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.02. — М., 2006.
5. Gudkov D. B. Kody russkoy kul'tury: problemy opisaniya // Mir russkogo slova. — М. : Nauka, 2005. № 1—2.
6. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. — М. : Progress, 1984.
7. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury. Изд. 3-е. — М. : ЛЕНАНД, 2016.

8. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. — М. : ЧеРо, 2003.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. — М. : Гнозис, 2002.
10. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. — М. : КомКнига, 2005.
11. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. — М. : Академия, 2001.
12. Миронова М. Ю. Метафоризация терминов английского языка (на примере политического термина lame duck) // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 141—146.
13. Романов А. С., Корниевская Т. К. Вербовочный слоган как самобытный феномен армейской субкультуры США // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 228—233.
14. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М. : Наука, 1988.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М. : Слово, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Б. Л. Бойко.

Е. Г. Малышева, И. А. Крамарь
Омск, Россия

ИНТЕРДИСКУРСИВНАЯ ПРИРОДА КОНЦЕПТА 'ТОЛЕРАНТНОСТЬ', ОБЪЕКТИВИРОВАННОГО В ЖУРНАЛИСТСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ О КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается феномен интердискурсивности, типы интердискурсивности и способы их реализации в специальных дискурсах. На примере концепта 'Толерантность', объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх, выявлено, как в разных случаях интердискурсивная природа концепта может служить не только цели дополнения одного дискурса ресурсами другого, но и цели воздействия на адресата. Важным для понимания интердискурсивной природы концепта является анализ использованных при его вербализации прецедентных текстов. Прецедентные тексты, несущие имплицитную информацию, оказывают сильное персуазивное воздействие на адресата, что является важным для авторов политематических воздействующих текстов, которые они адаптируют под конкретно взятый дискурс. Проведенное исследование позволило установить, что обусловленная социально-политическими изменениями в мире интердискурсивная природа концепта 'Толерантность', объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх, характеризуется наличием как естественной, спонтанной интердискурсивности, привносящей в изучаемый дискурс новые когнитивные структуры и лексический арсенал, необходимый для их номинации, так и инсценируемой интердискурсивности, служащей целям персуазивного имплицитного воздействия на адресата, не ожидающего подобных приемов в нехарактерном для этого типа дискурса. Данный воздействующий потенциал концепта, который сравнительно недавно вошел в прядерную зону журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх, сигнализирует о возрастающей диффузности специальных дискурсов, о получении ими роли вспомогательного инструмента политического и социального дискурсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; интернет-дискурс; интердискурсивность; информационные технологии; СМИ; средства массовой информации; медиадискурс; медиатексты; толерантность; компьютерные игры; прецедентные тексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-а; e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Крамарь Игорь Александрович, магистрант, инженер-лаборант, кафедра журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-а; e-mail: hombrahumor@gmail.com.

Вводные замечания

Отношения массмедиа и политики — один из интереснейших процессов, который можно наблюдать в поле развития информационно-коммуникационных технологий. Взаимовлияние медиа и политики становится все более многогранным и приобретает новые формы. С точки зрения когнитивной лингвистики одним из главных показателей проникновения политического дискурса в медиадискурс является феномен интердискурсивности, посредством которого возможно определить отношения дискурса к дискурсу.

Важность рассмотрения интердискурсивной природы когнитивных структур, объективированных, казалось бы, в далеких от политики дискурсах, обусловлена высоким персуазивным воздействием на адресата, к когнитивным процессам мышления которого апеллируют при создании подобного гетерогенного текста.

В. Е. Чернявская утверждает, что «интердискурсивность как смена дискурса, как игра с дискурсами становится видимой только в текстовой ткани, т. е. через разного рода интертекстуальные сигналы» [Чернявская 2009: 221]. Исследователь выделяет маркеры интердискурсивности как на уровне игры с текстообразовательной моделью (монтаж и смешение текстовых типов), так и на графическом (тип, форма шрифта) и паралингвистическом (просодия, акцент, тембр голоса) уровнях [Чернявская 2009: 222—226].

Согласно теории Т. ван Дейка, структура дискурса предстает как поделенная на уровни макроструктуры и суперструктуры. Уровень макроструктуры конституируется концептами и сценариями («фреймами», как их называет М. Минский [Минский 1979: 7]), которые манифестируются в языке при помощи лексических средств. Уровень же суперструктуры выражается через слова (морфология), предложения (синтаксис) и текст (грамматика текста), и все эти явления в совокупности выступают как маркеры своего дискурса [ван Дейк 1989: 129—132].

Следует также заметить, что границы дискурсов подвижны, и одна сфера деятельности может обслуживаться рядом дискурсов. Сам же дискурс имеет полевою структуру (об этом говорит, например, Е. Г. Малышева, выделяя на примере спортивного дискурса ядерную и периферийную дискурсивные зоны [Малышева 2011: 21—23]), причем периферийные области могут являться местами контакта между дискурсами, порождая интердискурсивность. Выявить эту интердискурсивную природу на примере одного концепта можно при помощи методики фреймово-полевого моделирования концепта, т. е. при комплексном исследовании, сочетающем в себе принципы теории фреймового анализа и теории полевого организации элементов концепта в виде ядерных и периферийных зон (см. подробнее о полевого организации структуры концепта, например: [Попова, Стернин 2003: 60—64]).

Подобная модель была ранее предложена при анализе концепта 'Толерантность', объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх. Исследование [Крамарь 2016] показало, что ядерные слоты концепта 'Толерантность' находятся в оппозитивных отношениях двух основных фреймов — общественно-политического и личностно ориентированного. Была выдвинута гипотеза, что концепт 'Толерантность' выступает как многокомпонентная когнитивная структура, являющаяся как этической доминантой изучаемого дискурса, так и когнитивным феноменом, содержащим универсальные структурные элементы, получающие объективацию в основном в социально и политически направленных текстах.

В фреймово-полевой модели было обнаружено, что процентное отношение общественно-политического фрейма к другим фреймам, объективированным в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх, составляет 33,44 %, что характеризует диффузность двух дискурсов, которые ещё несколько лет назад никак не пересекались друг с другом.

Важным аспектом понимания интердискурсивной природы концепта 'Толерантность', объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх, является анализ использованных при его вербализации прецедентных текстов. Прецедентность, по мнению Ю. Н. Караулова, это известность, хрестоматийность, востребованность текста как отдельной языковой личностью, так и языковыми группами [Караулов 1987: 216].

В процессе взаимодействия дискурсов прецедентные тексты, несущие имплицитную информацию, оказывают сильное персуазивное воздействие на адресата, что является важным для авторов поликодовых воздействующих текстов, которые они адаптируют под конкретно взятый дискурс. Н. А. Кузьмина, говоря о специфике медиадискурса, характеризует прецедентные тексты как «тексты влияния» в современном социуме [Кузьмина 2011: 1].

Использование маркеров политического дискурса при вербализации концепта 'Толерантность' в поликодовых текстах о компьютерных играх

В качестве иллюстрации обсуждаемых вопросов рассмотрим следующий фрагмент, взятый из материала «Не грози „Ведьмаку“, попивая сок у себя в квартале», размещенного на портале «Канобу» 17 мая 2015 г.:

*Я ничего не имею против **чернокожих** или **геев**. Но если героев в игру вставляют не ради сюжета, а для выполнения квоты,*

*какой в этом толк? Зачем намеренно загонять себя в рамки, пытаюсь **ублажить условного ЛГБТ-Будду**? В чем культурная ценность персонажей, созданных по принципу „потому что надо“? Чтобы было как в **джексоновском „Хоббите“**, где в **Озерном Городе** каким-то чудом оказалась **негритянка**?*

<...>

*Пишите уж сразу на обложке — „**игра от польско-арийского ордена, собравшая 1488 наград на выставке Рейх 3**“. А в коллекционное издание положите нашивки и особый **ведьмачий „Шмайсер“**“. Полная ведь чушь. Особенно в контексте того, что поляки уже красочно раскрыли тему **расовых притеснений** — вспомните, как в книгах и играх изображены **краснолюды и эльфы**. И необязательно углубляться в **пигментную палитру**, чтобы рассуждать на серьезные темы. Все и так сказано [Иванов 2015].*

Речь в материале идет о том, что автор статьи возмущен нападками западного портала «Polygon» на студию, выпустившую игру «Ведьмак-3», из-за того, что в их игре практически нет представителей расовых и сексуальных меньшинств. При помощи прецедентных текстов, некоторые из которых маркированы кавычками («**ублажить условного ЛГБТ-Будду**», «**игра от польско-арийского ордена, собравшая 1488 наград на выставке Рейх 3**», «**в коллекционное издание положите нашивки и особый ведьмачий „Шмайсер“**»), автор оказывает персуазивное воздействие на адресата, создавая параллель между семантическими оппозициями «свой — чужие» и «разумность — толерантность», а также иронизируя над мнением иностранного журналиста, который видит «нацистов» в тех, кто исключает из своих произведений тему меньшинств.

Очевиден скрытый прагматический аспект, которым могут пользоваться журналисты, чьей целью является создание отношения адресата к определенной политически направленной теме. Этот аспект непосредственно влияет на поведение адресата. Эффективная информация приведет к изменению поведения адресата в желаемом для автора текста направлении, что означает наличие прагматического содержания у информации.

Выраженное через язык визуальной, аудиальной или иной семиотической природы сообщение, заложенное в тексте, обладает высоким уровнем прецедентности. Например, материал «Как расовая сегрегация повлияла на кино и при чем тут видеоигры», опубликованный на портале «Канобу» 18 мая 2015 года, изображением, приведенным на рис. 1.

Рис. 1

В самом материале шла речь о расовой сегрегации в американском кино и о видеоиграх, но номинация «Ку-клукс-клан» не фигурировала в тексте статьи. Тем не менее достаточно одного взгляда, чтобы данное изображение (рис. 1) произвело на адресата определенное воздействие и сформировало у него понимание того, что в данном материале пойдет речь о социальных и политических проблемах, а компьютерные игры (кои́м посвящен портал «Канобу») будут восприниматься через призму политического дискурса.

Интердискурсивность выступает в виде связующего звена между основным сообщением и выраженным имплицитно. По мнению В. Е. Чернявской, интердискурсивность можно поделить на естественную (т. е. спонтанную, коммуникативно обусловленную) и инсценируемую. Первая возникает, когда один специальный дискурс обнаруживает в себе языковые элементы других специальных дискурсов. «Такая спонтанная интердискурсивность демонстрирует естественный процесс реинтеграции человеческих знаний, рассредоточенных в разных дискурсивных формациях» [Чернявская 2009: 229]. Большая часть лексических объективаций общественно-политического фрейма, принадлежащего концепту 'Толерантность', относится именно к сфере естественной интердискурсивности. В связи с активным вовлечением социума в политическую жизнь мира многим медиа приходится перестраивать свою модель поведения на рынке специализированных СМИ. И если в «нулевых» годах в игровой журналистике и речи не было о политике, то теперь журналистский дискурс о компьютерных играх обнаруживает в себе перемещение политически окрашенных концептов из дальней периферии в ближнюю или даже в приядерную зону. В связи с этим возникает и потребность в лексическом аппарате политического медиадискурса, который привносится в журналистский интернет-дискурс о компьютерных играх.

Например, когда «игровые» журналисты начинают использовать лексемы «ЛГБТ»,

«меньшинства», «политкорректность», «ксенофобия» и «феминизм», то они делают это не с целью персуазивного воздействия, а лишь из-за необходимости номинации новых для этого дискурса явлений.

Классы привязаны к расе и полу персонажа: первые четыре класса — женские, на долю джентльменов остаются только „оружейные“ титаны и рыцари. Разработчики объясняют подобный феминизм тем, что в MMORPG слишком мало девушек, а им не хотелось превращать Last Chaos в поместь мужского монастыря и казармы. Три расы — люди, эльфы и титаны — также жестко привязаны к классу [Исаев 2008].

Такой тип интердискурсивности не несет в себе прагматической составляющей и является естественной частичной или полной транспозицией концептов одного дискурса в другой. Социальные и политические изменения в мире заставляют изменяться языковую картину мира, и специальные дискурсы испытывают необходимость в «приобретении» когнитивных структур, знаний и сценариев других дискурсов и, как следствие, в необходимости номинации новых знаний.

Совершенно иначе предстает инсценируемая интердискурсивность, которая «проявляет себя как особая стратегия автора, осознанно и целенаправленно решающего задачу формулирования своего текста» [Чернявская 2009: 229]. Прототипические элементы, прецедентные тексты, органично присущие одному типу дискурса, включаются в другой дискурс. Такой тип интердискурсивности является особой формой поликодовости текста, выраженной через взаимодействие «различных дискурсов как системы когнитивных стратегий, операциональных шагов, языковых единиц и структур» [Чернявская 2009: 230]. Инсценируемая интердискурсивность обладает прагматической ценностью и несет в себе высокий персуазивный воздействующий потенциал.

Пример инсценируемой интердискурсивности был обозначен выше, когда автор материала намеренно использовал прецедентные тексты, нехарактерные для журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх, с целью воздействия на адресата и убеждения его в своей точке зрения. Данный тип интердискурсивности помогает обнаружить нехарактерный идеолого-манипулятивный потенциал, транспозиционированный в журналистский интернет-дискурс о компьютерных играх из политического медиадискурса. Поликодовость текстов позволяет авторам имплицитно доносить свой посыл до адресата, кодировать его, например, в изображениях, которые, по словам социо-

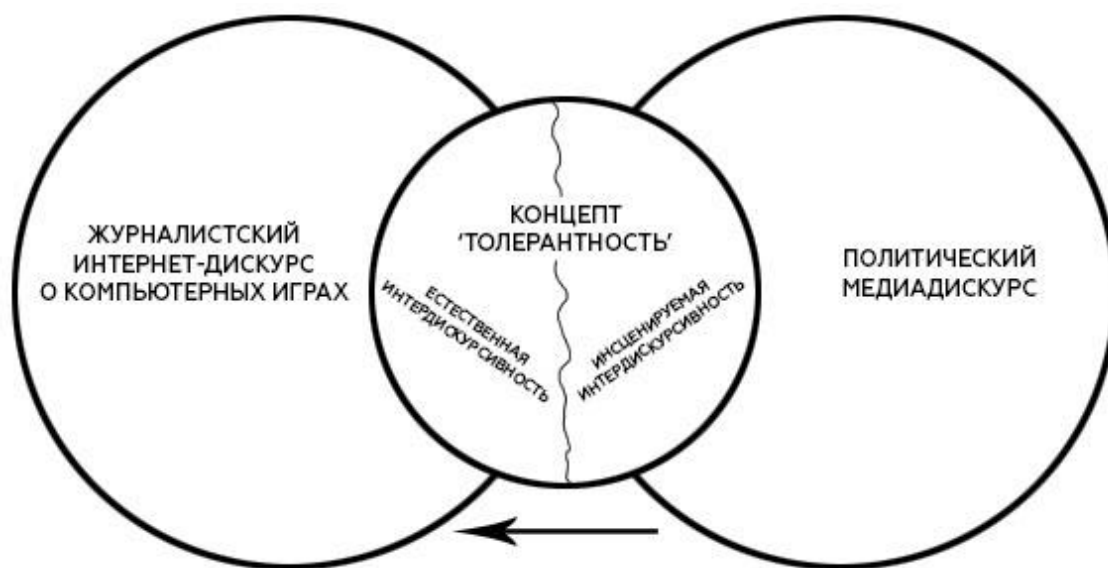

Рис. 2

лога Элизабет Чаплин, не только отображают содержание письменного текста, но и могут корректировать его [Chaplin 1994: 3].

Выводы

Таким образом, можно представить интердискурсивную природу концепта 'Толерантность', объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх, в виде схемы, приведенной на рис. 2.

Можно сделать вывод, что феномен интердискурсивности обнаруживает диффузность современных специальных дискурсов. Обусловленная социально-политическими изменениями в мире, интердискурсивная природа концепта 'Толерантность', объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх, характеризуется наличием как естественной, спонтанной интердискурсивности, привносящей в изучаемый дискурс новые когнитивные структуры и лексический арсенал, необходимый для их номинации, так и инсценируемой интердискурсивности, служащей целям персуазивного имплицитного воздействия на адресата, не ожидающего подобных приемов в нехарактерном для этого типе дискурса. Данный воздействующий потенциал концепта, который сравнительно недавно вошел в приядерную зону журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх, сигнализирует о возрастающей диффузности специальных дискурсов, о получении ими роли вспомогательного инструмента политического и социального дискурсов. Перспективным же направлением дальнейшего изучения интердискурсивности концептов, объективированных в специальных дискурсах, можно назвать изучение метафорических и метонимических моделей, ведь метафоричность человеческого мышления обусловли-

вает самые неожиданные параллели, приводящие к установлению субъективных междискурсивных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горина Е. В. Тематическое преобразование — структурная особенность Интернета // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 173—179.
2. Дейк Т. А. ван. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. С. 111—160.
3. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: Изд-во МГУ, 1997.
4. Желтухина М. Р., Павлов П. В. Социальная сеть «Facebook» как социальная структура и инструмент организации современных коммуникаций и политических конфликтов // Политическая лингвистика. 2016. № 5. С. 117—123.
5. Зелянская Н. Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 120—126.
6. Иванов М. Не грозь «Ведьмаку», попивая сок у себя в квартале // Канобу. 2015. 17 мая. URL: <http://kanobu.ru/articles/ne-grozj-vedmaku-popivaya-sok-u-sebja-v-kvartale-369019/>.
7. Исаев А. Играем. Last Chaos // Игромания. 2008. 8 марта. URL: http://www.igromania.ru/article/12882/Igraem_Last_Chaos.html.
8. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М., 1987. С. 105—126.
9. Крамарь И. А. Лингвокогнитивная специфика концепта 'Толерантность' в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 71—78.
10. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса. — Омск, 2011. 262 с.
11. Мальшева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: моногр. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 324 с.
12. Минский М. Фреймы для представления знаний. — М.: Энергия, 1979. 154 с.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2003. 192 с.
14. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
15. Chaplin E. Sociology and Visual Representation. — London: Routledge, 1994. 304 p.

E. G. Malysheva, I. A. Kramar
Omsk, Russia

**INTERDISCURSIVE NATURE OF THE CONCEPT 'TOLERANCE',
OBJECTIFIED IN THE JOURNALISTIC INTERNET DISCOURSE ON COMPUTER GAMES**

ABSTRACT. *The paper discusses the phenomenon of interdiscursivity, its types and usage in special discourses. Based on the concept "tolerance", it is shown how interdiscursive nature of the concept can not only supply one discourse with the resources of the other, but also manipulate the addressee. To understand interdiscursive nature of the concept it is important to analyze precedent texts used to verbalize the concept. Precedent texts express the information implicitly and have a strong persuasive influence on the addressee, which is important for polycode text authors when they adapt their text to some particular discourse. The research revealed that interdiscursive nature of the concept "tolerance", found in journalistic internet discourse on computer games, is dictated by socio-political changes in the world. It is characterized by both natural spontaneous interdiscursivity, which enriches the discourse with the new cognitive structures and lexical units, and artificial interdiscursivity used to persuade and manipulate an addressee who doesn't expect such techniques to be present in this type of discourse. This manipulative potential of the concept, which was recently included in the pre-nuclear area of journalist internet discourse on computer games, manifests the growing diffuseness of special discourses and acquisition of the role of additional tool of political and social discourses.*

KEYWORDS: *concepts; Internet-discourse; interdiscursivity; information technologies; mass media; media; media discourse; media texts; tolerance; computer games; precedent text.*

ABOUT THE AUTHORS: *Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor; Head of Department of Journalism and Medialinguistics, Faculty of Philology and Mass Communications, Omsk State University, Omsk, Russia.*

Kramar Igor Alexandrovich, Master's Degree Student, Engineer-Laboratory Technician, Department of Journalism and Medialinguistics, Omsk State University, Omsk, Russia.

REFERENCES

1. Gorina E. V. Tematicheskoe preobrazovanie — strukturnaya osobennost' Interneta // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 173—179.
2. Deyk T. A. van. Analiz novostey kak diskursa // Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya / T. A. van Deyk. — M. : Progress, 1989. S. 111—160.
3. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M. : Izd-vo MGU, 1997.
4. Zheltukhina M. R., Pavlov P. V. Sotsial'naya set' «Facebook» kak sotsial'naya struktura i instrument organizatsii sovremennykh kommunikatsiy i politicheskikh konfliktov // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5. S. 117—123.
5. Zelyanskaya N. L. Mediaobraz politika: internet-soobshchestvo kak agens politicheskoy real'nosti // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 120—126.
6. Ivanov M. Ne grozi «Ved'maku», popivaya sok u sebya v kvartale // Kanobu. 2015. 17 maya. URL: <http://kanobu.ru/articles/ne-grozi-vedmaku-popivaya-sok-u-sebya-v-kvartale-369-019/>.
7. Isaev A. Igraem. Last Chaos // Igromaniya. 2008. 8 marta. URL: http://www.igromania.ru/article/12882/Igraem_Last_Chaos.html.
8. Karaulov Yu. N. Rol' pretsedentnykh tekstov v strukture i funktsionirovaniy yazykovoy lichnosti // Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. — M., 1987. S. 105—126.
9. Kramar' I. A. Lingvokognitivnaya spetsifika kontsepta "Tolerantnost'" v zhurnalistskom internet-diskurse o komp'yuternykh igrakh // Kommunikativnye issledovaniya. 2016. № 2 (8). S. 71—78.
10. Kuz'mina N. A. Intertekstual'nost' i pretsedentnost' kak bazovye kognitivnye kategorii mediadiskursa. — Omsk, 2011. 262 s.
11. Malysheva E. G. Russkiy sportivnyy diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie : monogr. — Omsk : Izd-vo Om. gos. un-ta, 2011. 324 s.
12. Minskiy M. Freymy dlya predstavleniya znaniy. — M. : Energiya, 1979. 154 s.
13. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoy lingvistike. — Voronezh : Istoki, 2003. 192 s.
14. Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' : ucheb. posobie. — M. : LIBROKOM, 2009. 248 s.
15. Chaplin E. Sociology and Visual Representation. — London : Routledge, 1994. 304 p.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Т. И. Сурикова
Москва, Россия

ЗА ЧТО ТЕРМИН ПРИЗНАН ЛУКАВЫМ?

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы функции прежде всего политико-экономической терминологии в СМИ как вербального средства реализации интенций коммуникантов в текстовой и дискурсивной оппозиции «народ — власть». Эта лексика создает нужную картину мира, чаще всего выгодную коммуникатору, но семиотически искажает действительность, за что и получает метаязыковую оценку «лукавый термин». В зону подобного оценивания попадают и термины других предметных областей, если оказываются вовлечены в названную оппозицию.

Как результат сознательного языкотворчества, общественная терминология отражает не только и не столько действительность, сколько взгляд терминотворца на предмет. Она не лишена субъективизма, коммуникативно и исторически обусловлена и заряжена интенциями создателей.

Выделяются универсальные целеустановки, реализующие принцип вежливости в коммуникации, и характерные оппозиции «народ — власть». Последние, в свою очередь, могут реализоваться обоими субъектами оппозиции, таково извлечение выгоды. Но при этом могут различаться приемы ее терминологического извлечения. Скажем, власть использует умолчание по принципу «нет термина — нет проблемы», народ в лице его отдельных представителей находит номинативные дыры в законе.

Вторая группа интенций реализуется одной из сторон оппозиции, чаще это действия власти по отношению к народу. Таковы расширение зоны юридически/этически санкционированного в пределах существующей системы ценностей, отмежевание от старой и создание новой системы ценностей, легитимизация в глазах народа и международного сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; средства массовой информации; СМИ; язык СМИ; медиадискурс; медиатексты; терминология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сурикова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова; 103009, Россия, Москва, Моховая, д. 9, ауд. 204; e-mail: surikova_t@mail.ru.

В дискурсе СМИ политическая и экономическая терминология часто оценивается как лукавая, хотя в прямом назначении это концептуальное ядро, лексикон мировоззрения [Дешериев 1984; Зекрист 2012; Блакар 1987; Купина 1995; Леонтьев 1983; Солганык 1981; Эпштейн 1991]. В политической лингвистике эту лексику анализируют как систему идеологем и мифологем [Вепрева, Шадрина 2006; Клушина 2014; Малышева 2009]. Но это еще и способ семиотического ретуширования действительности вплоть до полного расхождения с реальностью за счет замалчивания, размывания предмета, ухода от темы, выпячивания, изменения модуса [Левин 1974; Левин 1998]. Она исследовалась как инструмент манипулирования сознанием и поведением аудитории [Бессарабова 2015; Гронская 2003; Гронская 2009; Доценко 1997; Кара-Мурза 2005; Маслова 2008; Сурикова 2012 и др.].

Исследованы размывание, подмена понятий, жонглирование непонятной терминологией, создающее иллюзию компетентности коммуникатора, эвфемизация/дисфемизация номинаций, которая рассматривается как средство оправдания себя и союзника: умеренная оппозиция (США о террористических организациях ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» (запрещены в РФ. — ред.)), Министество обороны, отрицательный экономический рост (падение ВВП), легитимизация капиталов (незаконных), оптимизация (сокращение бюджета, штатов и под.), государственные деньги (вместо деньги налогоплательщиков), операция по при-

нуждению к миру (о военном подавлении агрессии, но без необходимого мандата ООН); гуманитарная операция (бомбардировки) США в Югославии, Афганистане, Сирии, Ливии — и обвинения противника: агрессия России против Грузии / Украины / Сирии (с точки зрения Запада), оккупированная территория (Крым), антитеррористическая операция (Киев о гражданской войне на Донбассе). Явление это интернациональное [Кейлз 2009] и часто рассматривается как современный политический новояз [Дементьев 2010], составная часть лингвистики лжи [Блакар 1987; Болинджер 1987; Вайнрих 1987; Гусейнов 1989; Купина 1995; Левин 1974; Левин 1998 и др.].

Считается, что в дискурсе СМИ терминология детерминируется [Валгина 2003]. Однако в данном случае только в том смысле, что она в СМИ меняет профессиональную сферу на массовую, номинативную функцию — на оценочную, расширяет возможности управления массовой аудиторией, но только до тех пор, пока воспринимается как объективное отражение действительности, т. е. термин. В массмедиа термин становится идеологемой [Клушина 2014; Малышева 2009] — вербальным знаком идеологической ценности/антиценности.

С одной стороны, СМИ выступают как ретранслятор языка власти, когда тиражируют ее идеологию и точку зрения ее же языком. С другой — предстают и в качестве ее комментатора, когда оценивают ее с позиций аудитории [Шейгал 2004: 59—61], в частности, когда при распознавании манипу-

ляции упомянутая лексика квалифицируется как лукавая.

Так оцениваются номинации политического строя, субъектов политической деятельности, общественно-политических принципов, состояний общества и экономики, юридических действий, а также медицинская терминология, употребляемая в прямом, не метафорическом значении в том случае, если вовлекается в формирование дискурсивной оппозиции «народ — власть».

Анализ терминов (*vs* идеологем) в оппозиции «народ — власть» показал, что их возможности и интенции коммуникатора не ограничиваются упомянутыми явлениями. Выделяются **универсальные интенции терминотворчества**, действующие как в направлении «власть → народ», так и «народ → власть».

Первая из них — соблюдение максимы вежливости по отношению к прямому и косвенному адресату. Политический дискурс — частный случай этикетной эвфемизации. Так, депутаты Госдумы решили заменить термин *пенсия по старости на пенсию по возрасту*, чтобы не обижать женщин старше 55 лет. Выражение *человек с ограниченными возможностями* заменило собой термин *инвалид*, чтобы не травмировать последних. Первый вице-премьер И. Шувалов предложил отказаться от термина *эконом-жилье*, вернувшись к прежнему *доступное жилье*, чтобы не оскорблять большинство российского населения напоминанием о финансовом неравенстве.

Вторая — извлечение выгоды семиотическим путем, т. е. выбором номинации. Так, более 300 лет, вплоть до революции в 1917 г., в России существовали традиции винокурения. Почти в каждом поместье были винокурни, семейные рецепты изготовления спиртного. Назывались эти напитки *водка*. Упоминание этих традиций есть в литературе, например у Н. В. Гоголя в «Старосветских помещиках» и у М. А. Булгакова в «Собачьем сердце». После революции с целью монополизации сверхприбыли государство ограничило объем термина *водка* напитком, *изготовленным на государственных предприятиях*. А все остальное стало *самогонным спиртом, самогонной водкой*, а потом — *самогоном*, что тоже отражено и в художественной литературе. См. у С. Есенина: *Ах, сегодня так весело россам, / Самогонного спирта — река. / Гармонист с провалившимся носом / Им про Волгу поет и про Чека* [Есенин 1924]. В 1990-х гг. высшие российские чиновники для индексации социальных выплат и зарплат в госсекторе использовали термин *инфляция*, а для себя — тер-

мин *индекс потребительских цен*. Зачем? Ведь этот индекс — частный случай инфляции. Он выше, так как потребительские цены растут быстрее остальных, так что и индексация тоже [Велехов 2004]. В наше время в Белоруссии замена термина *тара* на *упаковку* (у терминологии синонимии быть не должно, но она есть и, как видим, творчески используется) позволило увеличить количество обязанных организаций, подпадающих под действие указа № 313 об обращении с бытовыми отходами [Новости http].

Народ (точнее, отдельные его представители или организации, часто не без помощи чиновников) тоже использует терминологию для извлечения выгоды. Решается эта задача актуализацией номена из ряда существующих или изобретением нового для обозначения старого смысла. Так, перед Новым годом (2017 г.), чтобы не раздражать общество за пределами дорогими праздничными вечерами во время кризиса, «некоторые корпорации (государственные. — Т. С.) пошли на хитрость и заменяют *корпоративы конференциями* [Пятый канал] (курсив наш. — Т. С.). Ранее ООО «Экоресурс», собираясь устроить еще один *полигон для утилизации ТБО* (твердых бытовых отходов), проще говоря, свалку, назвала ее изящно *хвостохранилище* [Мусорные короли 2012].

Кстати, терминотворчество с целью извлечения выгоды — любимая тактика товаропроизводителей. Новый конкурентоспособный товар создать сложно, в отличие от названия, в том числе несуществующих предметов, таких как *легкие сигареты, лечебная косметика, отрицательная калорийность* (массовый стереотип «ешь — и худеешь»).

Выгода не обязательно будет финансовой. Так, замена термина *военное общежитие* на *общежитие* и соответственно *КПП* — на *проходную* и др. позволяет этот объект включить в реестр приватизации. Сборник тезисов конференции издается под обязывающим названием *коллективная монография*, а любая конференция в России становится *международной*, если в ней зарегистрирован хоть один участник, скажем, из Белоруссии.

Игра в термины становится средством ухода от законодательного преследования, по крайней мере, на какое-то время, пока уловка не распознана и название не попало под законодательный запрет. И эта игра названиями, категориями и дефинициями с использованием дыр в вербальной семиотике закона бесконечна. Так, когда *казино* перенесли в специальные зоны, на их месте появились *стимулирующие лотереи* (те же

казино), а догадливые коммерсанты продавали водку под названием *хлебная добавка «Пшеничная»* на одной полке с кетчупом в то же время и, надо полагать, с теми же акцизами.

Кроме общих, **выделяются специфические интенции коммуникаторов** и функции специальной лексики в дискурсе СМИ, которые обуславливают обоснованность оценки *лукавый термин*.

Самая распространенная цель игры в политические термины со стороны власти — расширение юридически (или этически) санкционированной зоны действия термина в пределах существующей системы ценностей, в том числе и за счет упомянутой эвфемизации. Так, в Китае в г. Гуанчжоу, столице подделок высокотехнологичных товаров, вместо термина *подделка* предписано употреблять слово *копия*.

Добавим: в условиях информационной или гибридной войны один и тот же термин развивает значение эвфемизма-самооправдания для коммуникатора и дисфемизма-обвинения для его оппонента. Например: сирийская *умеренная оппозиция* (США о террористической организации ИГИЛ (запрещена в РФ. — ред.)) — к оппозиции надо прислушиваться; *антитеррористическая операция (АТО), пророссийский сепаратист, террорист* (о гражданской войне на востоке Украины). Так коммуникатор в сознании общества расширяет зону санкционированного. А в языковой картине мира, тиражируемой СМИ и унифицирующей сознание аудитории, в террористах оказываются даже грудные дети, т. е. референция остается вне зоны внимания.

Расширение зоны «можно» происходит и за счет терминов, которые получают произвольное, расплывчатое толкование. Так, неопределенность терминов *неприличная форма выражения, оскорбление* позволила в 1995 г. бывшему и. о. Генпрокурора РФ А. Ильюшенко возбудить уголовное дело против программы НТВ «Куклы», в которой впервые политическая элита подвергалась публичному осмеянию. Однако общественный протест привел прототипов телегероев в сознание. Премьер В. С. Черномырдин почел за благо появиться на экране в обнимку со своей маской.

Расширяет зону допустимого и замена термина или дефиниции к нему другим термином и другой дефиницией. В частности, подмена термина *бывший супруг* на *бывший член семьи* в Жилищном кодексе сделала бывшими не только разведенных супругов, но и родителей, детей. Это дало возможность применения по отношению к ним ра-

нее запретных процедур, например выселения по решению суда новорожденного ребенка вместе с матерью в случае ее развода с отцом — владельцем жилья.

Замена в европейском лексиконе понятий *муж (отец)* и *жена (мать)* на *супруг 1 (родитель 1)* и *супруг 2 (родитель 2)* фактически и юридически легализовала гомосексуальные семьи и усыновление ими детей. Предложение британского Министерства здравоохранения называть беременных женщин *беременными людьми*, а не *будущими мамами*, «чтобы не обижать трансгендеров» [Россия-24. Вести. 29.01.2017], продолжило легализацию сексуальных девиаций в языковой картине мира, а через нее и в сознании ее носителей. Украина, видимо, в качестве шага к евроинтеграции включила в медицинские документы графу *человек неопределенного пола* [Россия-24. Вести. 22.02.2017].

Замена советского термина *потребительский минимум* идентичным для восприятия *прожиточным минимумом* в начале 1990-х гг. позволила незаметно для общества уменьшить минимальную потребительскую корзину в два раза: новый термин — новое содержание. Несколько позже на базе *прожиточного минимума* появился *прожиточный минимум пенсионера* — еще меньше.

Также расширяет зону «можно» нежелание вводить адекватную номинацию для неприглядного явления по принципу «нет слова — нет проблемы». Явление существует, приобретает угрожающие масштабы, но ненаказуемо, поскольку не отражено в терминологии — вербальном основании для санкций. Скажем, определение термина *коррупция* законодатели вырабатывали с 1991 г. более 15 лет (в 2008 г. принят закон «О противодействии коррупции»). А до того коррупционеров судили за *злоупотребление служебным положением*. СМИ же обо всем информировали общество.

В 2006 г. из избирательных бюллетеней убрали рубрику *Против всех*, мотивировав это тем, что подобное голосование не выражает гражданской позиции. Политолог А. Зудин прокомментировал это так: «Градусник разбили» [Культура. Что делать? 08.10.2006].

Замалчивание, наряду с заменой и введением нового термина или дефиниции к нему, позволяет решать и более масштабные задачи. Самая масштабная — внедрение новой идеологии, нового экономического строя и, соответственно, изменение традиционной системы ценностей. Так, после революции с 1930-х гг. редактировались даже труды основоположника марксизма К. Марк-

са. Экономическое понятие *ценность* ИМЭЛ заменил на *стоимость*, чтобы актуализировать сему трудозатрат на ее получение. В соответствии с этой концепцией были приведены и новые переводы А. Смита, Д. Риккардо, Дж. С. Милля [Гальперин и др. 2003]. Но духовно-нравственные феномены сохранили традиционное наименование *ценность*.

Весь советский период в толковых словарях *капитал* определялся 1) как экономический атрибут капитализма; 2) «Капитал» — труд К. Маркса. В Философском энциклопедическом словаре термина *капитал* не было вовсе [Капитал 1983]. Согласно политической конъюнктуре, из экономических, производственных словарей термин *капитал* по отношению к советскому строю выводился. Так, *основной капитал* был заменен понятием *фонды*, а *оборотный капитал* превратился в *оборотные средства*.

Для отмежевания от старого строя нужна была тотальная смена лексики. И она закономерно произошла в сфере политики и экономических отношений за счет создания новой терминологии, о чем известно каждому по курсу школьной истории (*бедняк, середняк, кулак, продразверстка, военный коммунизм, НЭП, диктатура пролетариата* и др.).

Однако перелицовывали лексикон даже там, где в этом, казалось бы, не было необходимости. Например, в 1918 г. в медицинских дипломах термин *лекарь* был заменен на термин *врач* [Лекарь http]. В 1920-х гг. вместо термина *учитель* появился *шкраб* (и словечко-ответ из школьного жаргона — *шкрабиловка* вместо *учительской*).

Переориентация идеологии наблюдается в современной истории Украины. Замена там после 2014 г. термина *фашизм* на *национализм*, названия *Великая Отечественная война* на *Вторая мировая война*, смена референции почетного звания *Герой Украины*, которое президент В. Ющенко присвоил С. Бандере, по общепринятой до того юридической классификации *нацистскому преступнику*, — свидетельство смены идеологии, крен в сторону фашизма.

В истории постсоветской России таких радикальных изменений не происходит. Но после реформ 1990-х гг. появился термин *добавленная стоимость*. Это не что иное, как избавленная от негативных коннотаций советского времени Марксова *прибавочная стоимость*. А другие случаи трансформации терминологии — свидетельство переоценки истории. Скажем, было предложение заменить в новом школьном учебнике термин *сталинские репрессии* на *сталинский социализм*, *Великая Октябрьская социали-*

стическая революция на *Великая русская революция XX века*, *татаро-монгольское иго* на *система зависимости русских земель от ордынских ханов*.

Однако заменить слово — не значит изменить действительность. Так, несколько лет назад традиционный термин *медицинская помощь* с целью встраивания медицины в рыночную экономику был заменен на *медицинские услуги*, и многие это восприняли как бездумную имплантацию рыночных отношений в медицину, вследствие чего врачевание ставится в один ряд с коммунально-бытовыми услугами, а врач — на одну доску с парикмахером [Закирова 1996]. То же самое касается введения термина *образовательные услуги*. Это элементы новой идеологии *общества потребления*, отношений *производитель — товар / услуга — потребитель*.

Государство без истории, после революций, переворотов нуждается в легитимизации в сознании граждан, завоевании авторитета, в утверждении на мировой арене. В крайних случаях для этого создается и возводится в ранг фактов истории политико-историческая мифология. Частью ее становится безреферентная терминология — историческая пустышка, выдумка. Классикой жанра стали исторические мифы Третьего рейха, такие как само название *Третий рейх*, возводимое к *Священной Римской империи*, или *чистая кровь, арийская раса*. Последний по времени пример — мифические *древние укры*, народ, якобы живший на территории древней Трои и давший название древней *Украине*, которая переводится не как окраина, а как *любимая земля*.

Терминология становится языком расправы с негодными властями. Так, в ленинское время понятие *санаторий* использовалось для обозначения места ссылки некоторых из них. Например, революционный трибунал постановил некую Спиридонову «изолировать в санатории, где ей будет предоставлена возможность заниматься полезным физическим и умственным трудом». В сталинское время им клеили ярлык *враг народа*, а позже ставили диагнозы *вялотекущая шизофрения, паранойяльное развитие личности*. А еще раньше А. Н. Радищева на суде вынудили признать, что он написал «Путешествие из Петербурга в Москву» *по сумасшествию* [Гиндин 2006].

Таким образом, терминология, оказавшаяся частью политического дискурса, нередко становится гибким инструментом искажения и выгодного коммуникатору представления действительности, за что и получает эпитет *лукавая*.

ИСТОЧНИКИ

1. Велехов Л. Россия — рай для чиновников // Совершенно секретно. 2004. 1 сент. № 9 (184). URL.: www.sovsekretno.ru/articles/id/1249/ (дата обращения: 25.01.2017).
2. Есенин С. А. Снова пьют здесь, дерутся и плачут // Москва кабацкая. — Л., 1924. URL.: <http://slova.org.ru/esenin/div5/> (дата обращения: 25.01.2017).
3. Новости. URL: www.mintorg.gov.by (дата обращения: 25.01.2017).
4. Пятый канал. 2016. 2 дек.
5. «Мусорные короли» // Частный корреспондент. 2012. 21 марта. URL: http://www.chaskor.ru/article/musornye_koroli_27325/ (дата обращения: 25.01.2017).
6. Россия-24. Вести. 2017. 29 янв.
7. Россия-24. Вести. 2017. 22 февр.
8. Культура. Что делать? 2006. 8 окт.
9. Капитал // Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983.
10. Лекарь // Большая медицинская энциклопедия. URL: <http://bme.org/index.php/ЛЕКАРЬ> (дата обращения: 25.01.2017).
11. Закирова С. А. Модель цены медицинских услуг // Здравоохранение Российской Федерации. 1996. № 5. С. 25.
12. Гальперин В. М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика. — СПб.: Экономическая школа, 2003.
13. Гиндин В. П. Психиатрия: мифы и реальность. 2006. URL: <https://www.litres.ru/valeriy-gindin/psihiatriya-mify-i-realn-ost/chitat-onlayn/> (дата обращения: 25.01.2017).

ЛИТЕРАТУРА

14. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. С. 88—125.
15. Бессарабова Н. Д. Журналист и слово. — М., 2015.
16. Боллинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. С. 23—43.
17. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. С. 48—55.
18. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003.
19. Вепрева И. Т., Шадрин Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессорского Урал. ин-та экономики, управления и права. 2006. Вып. 3. С. 120—131.
20. Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестн. Нижегород. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Международные Отношения. 2003. Вып. 1. С. 220—231.

T. I. Surikova
Moscow, Russia

WHY IS THE TERM CONSIDERED EVIL?

ABSTRACT. *The article analyzes the functions of political and economic terminology in mass media used to represent discursive opposition "people-power" as a verbal means of communicators intentions realization. This vocabulary creates the necessary worldview, most beneficial for communicator, but it distorts reality semiotically, for which it receives a metalinguistic evaluation as an "evil term". The area of such evaluation include terms of other areas, if they are involved in the abovementioned opposition.*

As a result of conscious language creation, public terminology reflects not only the reality, but the creator's opinion on the subject. It is not devoid of subjectivity, it is communicative and historically determined and it is full of intentions of the creators.

There are universal goals, which are based on the principle of politeness in communication, and typical opposition "people-power". The latter, in turn, can be realized by both members of the opposition. But in this case the ways of terminology extraction may vary. For example, the government uses the principle of non-disclosure — "no term — no problem," some find gaps in the law.

The second group of intentions is realized by one member of the opposition, most often it is the government actions towards the people. Among them are expansion of the zone of legal/ethical approved within the limits of the existing values system, dissociation from the old and the creation of a new values system, legitimation in the eyes of the people and the international community.

KEYWORDS: *political discourse; mass media; media; language of mass media; media discourse; media texts; terminology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Surikova Tatiana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Stylistics Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Velekhov L. Rossiya — ray dlya chinovnikov // Sovershenno sekretno. 2004. 1 sent. № 9 (184). URL.: www.sovsekretno.ru/articles/id/1249/ (data obrashcheniya: 25.01.2017).
2. Esenin S. A. Snova p'yut zdes', derutsya i plachut // Moskva kabatskaya. — L., 1924. URL.: <http://slova.org.ru/esenin/div5/> (data obrashcheniya: 25.01.2017).

21. Гронская Н. Э. Язык и политика: коммуникация, дискурс, манипулирование. — Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2005.
22. Гусейнов Г. Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11. С. 65—69.
23. Дементьев В. В. Русский новояз в свете коммуникативных ценностей // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 24—40.
24. Дешериев Ю. Д. Язык как орудие идеологии и как объект идеологической борьбы // Современная идеологическая борьба и проблемы языка. — М.: Наука, 1984.
25. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо: Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
26. Зекрист Р. И. Идеологически нагруженный язык как орудие власти // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 35 (289). С. 66—72. (Вып. 28: Философия. Социология. Культурология).
27. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2005.
28. Кейлз. Язык Пентагона — это разновидность новояза // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 177—180.
29. Клушина Н. И. Теория идеологема // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54—58.
30. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995.
31. Левин Ю. И. О семиотике лжи // Материалы симпозиума по вторичным и моделирующим системам. — Тарту, 1974. Вып. 1 (5). С. 245—247.
32. Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. — М.: ВИНТИ, 1974. Вып. 4. С. 108—117.
33. Леонтьев А. А. Язык пропаганды: социально-психологический аспект: обзор // Язык как средство идеологического воздействия: сб. обзоров. — М., 1983. С. 15—33.
34. Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокультурный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4. С. 32—40.
35. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 43—48.
36. Солганик Г. Я. Лексика газеты. — М.: Высшая школа, 1981.
37. Сурикова Т. И. Журналист, аудитория, власть: лингвоэтические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ // Язык СМИ и политика. — М., 2012. С. 199—145.
38. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004.
39. Эпштейн М. Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19—33.

3. Novosti. URL: www.mintorg.gov.by (data obrashcheniya: 25.01.2017).
4. Pyatyy kanal. 2016. 2 dek.
5. «Musornye koroli» // Chastnyy korrespondent. 2012. 21 marta. URL: http://www.chaskor.ru/article/musornye_koroli_27325/ (data obrashcheniya: 25.01.2017).
6. Rossiya-24. Vesti. 2017. 29 yanv.

7. Rossiya-24. Vesti. 2017. 22 fevr.
8. Kul'tura. Chto delat'? 2006. 8 okt.
9. Kapital // Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1983.
10. Lekar' // Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya. URL: <http://bme.org/index.php/LEKAR> (data obrashcheniya: 25.01.2017).
11. Zakirova S. A. Model' tseny meditsinskikh uslug // Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii. 1996. № 5. S. 25.
12. Gal'perin V. M., Ignat'ev S. M., Morgunov V. I. Mikroekonomika. — SPb. : Ekonomicheskaya shkola, 2003.
13. Gindin V. P. Psixhiatriya: mify i real'nost'. 2006. URL: <https://www.litres.ru/valeriy-gindin/psixhiatriya-mify-i-realnost/chitat-onlayn/> (data obrashcheniya: 25.01.2017).
14. Blakar R. M. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M. : Progress, 1987. C. 88—125.
15. Bessarabova N. D. Zhurnal'ist i slovo. — M., 2015.
16. Bollindzher D. Istina — problema lingvisticheskaya // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M. : Progress, 1987. C. 23—43.
17. Vaynrikh Kh. Lingvistika lzhi // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M. : Progress, 1987. C. 48—55.
18. Valgina N. S. Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke. — M. : Logos, 2003.
19. Vepreva I. T., Shadrina T. A. Ideologema i mifologema: interpretatsiya terminov // Nauchnye trudy professorov Ural. in-ta ekonomiki, upravleniya i prava. 2006. Vyp. 3. S. 120—131.
20. Granskaya N. E. Yazykovye mekhanizmy manipulirovaniya massovym politicheskim soznaniem // Vestn. Nizhegor. gos. un-ta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye Otnosheniya. 2003. Vyp. 1. S. 220—231.
21. Granskaya N. E. Yazyk i politika: kommunikatsiya, diskurs, manipulirovanie. — N. Novgorod : Nizhegor. gos. un-t, 2005.
22. Guseynov G. Ch. Lozh' kak sostoyanie soznaniya // Voprosy filosofii. 1989. № 11. S. 65—69.
23. Dement'ev V. V. Russkiy novoyaz v svete kommunikativnykh tsennostey // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 4 (34). S. 24—40.
24. Desheriev Yu. D. Yazyk kak orudie ideologii i kak ob'ekt ideologicheskoy bor'by // Sovremennaya ideologicheskaya bor'ba i problemy yazyka. — M. : Nauka, 1984.
25. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M. : CheRo : Izd-vo MGU, 1997. 344 s.
26. Zekrist R. I. Ideologicheski nagruzhennyy yazyk kak orudie vlasti // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2012. № 35 (289). S. 66—72. (Vyp. 28 : Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya).
27. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : Eksmo, 2005.
28. Keylz. Yazyk Pentagona — eto raznovidnost' novoyaza // Politicheskaya lingvistika. 2009. Vyp.4 (30). S. 177—180.
29. Klushina N. I. Teoriya ideologem // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S 54—58.
30. Kupina N. A. Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktzii. — Ekaterinburg ; Perm' : Izd-vo Ural. un-ta, 1995.
31. Levin Yu. I. O semiotike lzhi // Materialy simpoziuma po vtorichnym i modeliruyushchim sistemam. — Tartu, 1974. Vyp. 1 (5). S. 245—247.
32. Levin Yu. I. O semiotike iskazheniya istiny // Informatsionnye voprosy semiotiki, lingvistiki i avtomaticheskogo perevoda. — M. : VINITI, 1974. Vyp. 4. S. 108—117.
33. Leont'ev A. A. Yazyk propagandy: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt : obzor // Yazyk kak sredstvo ideologicheskogo vozdeystviya : sb. obzorov. — M., 1983. S. 15—33.
34. Malysheva E. G. Ideologema kak lingvokul'turnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. Vyp. 4. S. 32—40.
35. Maslova V. A. Politicheskii diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? // Politicheskaya lingvistika. 2008. Vyp. 1 (24). S. 43—48.
36. Solganik G. Ya. Leksika gazety. — M. : Vysshaya shkola, 1981.
37. Surikova T. I. Zhurnal'ist, auditoriya, vlast': lingvoeticheskie aspekty vzaimodeystviya v politicheskom diskurse SMI // Yazyk SMI i politika. — M., 2012. S. 199—145.
38. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004.
39. Epshteyn M. N. Ideologiya i yazyk. Postroenie modeli i osmyslenie diskursa // Voprosy yazykoznaniya. 1991. № 6. S. 19—33.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. И. Клушина.

К. М. Шилихина, Ю. А. Стратиенко
Воронеж, Россия

ФРЕЙМ «ВОЛШЕБНЫЙ МИР ГАРРИ ПОТТЕРА» КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется использование прецедентных текстов о Гарри Поттере в англоязычных текстах СМИ. Популярность этих текстов позволяет говорить о том, что знание сюжета и основных героев книг о Гарри Поттере стало частью когнитивной базы миллионов людей (особенно представителей молодого поколения) по всему миру. Кроме того, книги Дж. Роулинг затрагивают проблемы, характерные не только для мира волшебников, но и для современной реальности (расизм, дискриминацию, социальное неравенство). Цель исследования — показать, как в современных условиях сказочный сюжет становится своеобразным когнитивным шаблоном, который используется в общественно-политическом дискурсе для анализа острых общественных проблем и ситуаций, в которых наблюдается противоборство различных политических сил. В качестве когнитивной модели, на основе которой в публицистическом тексте осмысливается текущая политическая ситуация, используется фрейм, слотами которого являются персонажи и объекты волшебного мира Гарри Поттера. Связи между слотами отражают отношения между персонажами книг Дж. Роулинг и те роли, которые герои сказки играют в развитии сюжета. В текстах СМИ отношения между персонажами и их личностные качества проецируются на важные политические события и их участников. Таким образом, на основе сюжета книг Дж. Роулинг в СМИ осуществляется категоризация реальной политической ситуации и формируется читательское восприятие событий. Поскольку в политическом дискурсе многие ситуации часто представляются именно как противоборство сил добра и зла, тексты «поттерианы» используются в качестве когнитивного шаблона для полярной категоризации участников политических событий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественно-политический дискурс; фреймы; прецедентные тексты; английский язык; политическая ситуация; средства массовой информации; медиадискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Шилихина Ксения Михайловна, доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет; 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1; e-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru.

Стратиенко Юлия Алексеевна, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет; 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1; e-mail: ustra@list.ru.

Явление прецедентности в дискурсе оказалось в фокусе внимания исследователей относительно недавно, однако интенсивность, с которой лингвисты изучают тексты и отдельные текстовые элементы, относящиеся к классу прецедентных, привела к появлению целого ряда теорий, цель которых заключается в объяснении различных типов связей между текстами и их компонентами [Слышкин 2000; Красных 2002; Нахимова 2010; Нахимова 2011; Чумак-Жунь 2014]. Несмотря на терминологические и методологические различия существующих концепций прецедентности, их авторы сходятся во мнении относительно той роли, которую прецедентные сюжеты, тексты и имена играют в культуре и, шире, в познании окружающего мира: прецедентные явления становятся не только связующим элементом культуры (известно, что знание прецедентных текстов и умение опознавать интертекстуальные отсылки является надежным критерием отделения «своих» от «чужих»), но и удобным инструментом осмысления, категоризации и оценки явлений и событий реального мира [Шилихина 2009].

Прецедентность не ограничивается сферой художественной литературы. Многие другие сферы дискурса также активно используют возможность «наложения» прецедентного текста на реальную ситуацию [Гришаева 2003; Гришаева 2008; Ворошилова 2009; Смиренский 2016; Петрова, Раци-

бургская 2017]. В этом отношении весьма характерным примером является общественно-политический дискурс, где использование прецедентных явлений является одним из распространенных приемов анализа текущей общественно-политической ситуации [Катермина 2016]. Так, имена героев прецедентных текстов активно используются для называния участников реальных событий; в результате категоризация политических деятелей и их действий проводится в терминах тех ролей, которые играют герои прецедентного текста. Иными словами, на основе текста определяются характеристики и функции участников ситуации; сам же текст становится своего рода шаблоном, на основе которого формируются ожидания и осуществляется понимание реальной ситуации. Более того, поскольку известно, как развиваются события в исходном тексте и чем заканчивается книга, мы можем делать прогнозы относительно дальнейшего развития событий.

В медиатекстах, в том числе англоязычных, нередко упоминаются персонажи, тексты и ситуации из широко известных детских сказок [Нахимова 2007]. Это происходит неслучайно: адекватное восприятие авторского замысла с использованием прецедентных феноменов предполагает наличие у адресата определенного уровня фоновых знаний. Поэтому использование хорошо знакомых образов сказочных героев и сюжетов в но-

вом контексте позволяет журналистам и политологам управлять процессом категоризации реальных событий и формировать определенное отношение читателей к этим событиям.

Одним из популярных источников прецедентности в современных англоязычных аналитических публикациях СМИ являются книги о Гарри Поттере. Популярность этих текстов позволяет говорить о том, что знание сюжета и основных героев книг Дж. Роулинг стало частью когнитивной базы миллионов людей по всему миру. Сказочный сюжет о борьбе мальчика-волшебника с Волан-де-Мортом затрагивает вечную тему противоборства добра и зла, и именно поэтому герои и события, описанные в книгах Дж. Роулинг, стали удобным инструментом осмысления и оценки текущей политической ситуации, богатой на противоречия и неразрешимые конфликты, влияющие на судьбы людей по всему миру.

Как правило, в публикациях СМИ упоминаются не только два главных героя поттерианы, но и второстепенные персонажи, чья роль в развитии сюжета оказывается порой весьма значима. Поэтому, на наш взгляд, весь цикл текстов о Гарри Поттере должен рассматриваться как единый фрейм, слоты которого заполняются именами персонажей

и объектами волшебного мира. Поскольку «за значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры — сущности, которые можно описать на одном из специально разработанных языков представления знаний» [Баранов, Добровольский 1997: 14], фрейм как структура представления знаний является когнитивной моделью, которая может быть эффективно использована не только для моделирования структуры сюжета [Бурцева 2013], но и для описания взаимосвязей прецедентного художественного текста и реальной ситуации.

Согласно М. Минскому, «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных частей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов» [Minsky 1974: 274]. Таким образом, фрейм, сформированный в сознании читателя прецедентным текстом, представляет собой инструмент, который задает определенные ассоциации и, следовательно, направляет восприятие описываемой в статье ситуации в необходимое русло.

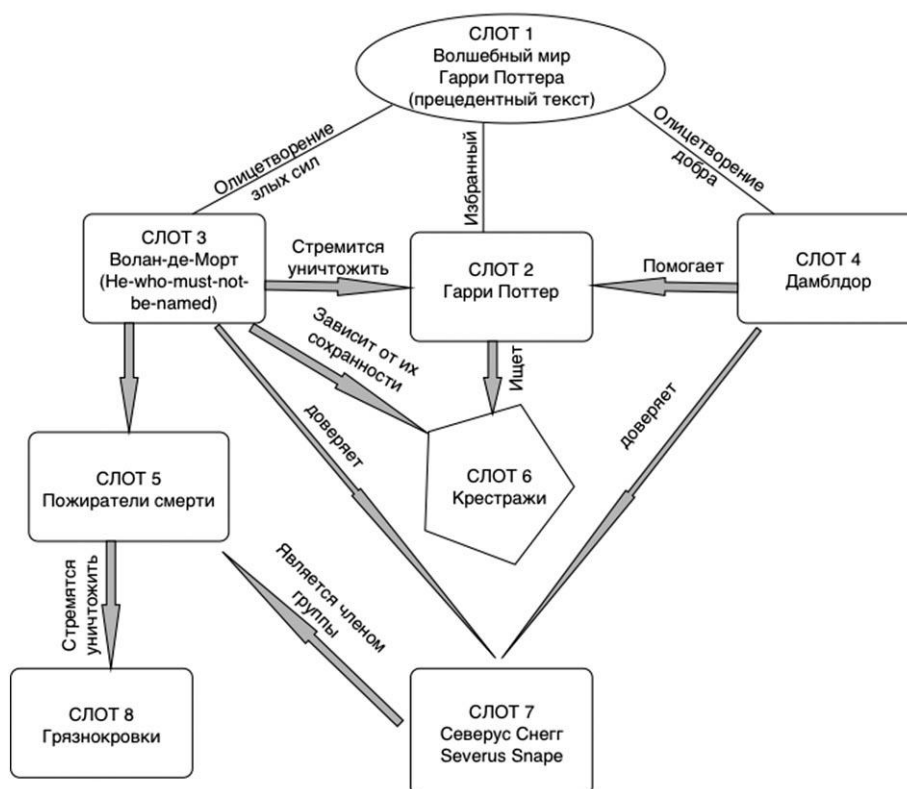

Рис. Фрейм «Гарри Поттер» как способ осмысления политической ситуации

Характерными чертами фрейма являются четко выстроенная структура, наличие конвенционального начала, подразумевающего динамику его уровней (слотов), а также категориальный принцип организации знания. Основываясь на данных проведенного анализа, выстроим композиционно графическую модель фрейма «Гарри Поттер», выделяя те слоты, которые наиболее часто активируются в текстах СМИ (см. рис.).

Отметим, что в отличие, например, от фрейма «Золушка» и его реализации в англоязычных медийных текстах [Стратиенко 2016], уровни фрейма «Гарри Поттер» при их актуализации в современных политических контекстах выстраиваются и заполняются безотносительно к главному герою. Линия «жизнь Гарри Поттера» не является здесь основной, а слот «Гарри Поттер» в тексте газетной статьи может оказаться факкультативным. Так происходит потому, что моральные ценности и сюжет поттерианы гораздо глубже и сложнее, чем у более простой с точки зрения сюжета сказки о Золушке. Книги Дж. Роулинг затрагивают проблемы, характерные не только для мира волшебников, но и для современной реальности (расизм, дискриминацию, социальное неравенство), а потому главная «битва» в англоязычных политических текстах СМИ разгорается между силами добра и зла — главным злодеем Волан-де-Мортом и могущественным мудрецом Альбусом Дамблдором, на фоне деления общества на маглов и волшебников, а последних на «чистокровок» и «грязнокровок». В текстах СМИ «на передовой» часто оказываются второстепенные персонажи, имеющие прямое отношение к основной линии — Пожиратели Смерти (последователи Темного Лорда) и крестражи (предметы, в которых заключена душа злодея, условие его бессмертия). Гарри Поттер в политических текстах англоязычных СМИ чаще всего выступает как прецедентное имя, основная функция которого — активировать в сознании читателя весь сюжет прецедентного текста. Его индивидуальные характеристики — «мальчик, который выжил» и «избранный» — оказываются не столь важными для реальной ситуации, которая структурируется по аналогии со сказочными текстами.

В статье британской газеты «The Guardian» *Harry Potter and the boycott of Israel: JK Rowling's latest spell in politics* [Lewis 2015] имя Гарри Поттера служит триггером для активации в сознании читателей всего сказочного сюжета. В публикации проводится аналогия между вымышленным миром из сказочной саги и арабо-израильским кон-

фликтом. Мир волшебников в статье — это аллюзия на Ближний Восток: автор текста выступает в поддержку палестинской стороны, приравнивая израильское правительство к Пожирателям Смерти. При этом автор задается вопросом, является ли премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху полностью негативным персонажем (законченным злодеем Волан-де-Мортом) или же роль Нетаньяху в палестино-израильском конфликте до конца неясна (Северус Снегг): ***Is it fair to compare the Israeli government to Death Eaters? Is Binyamin Netanyahu more like Severus Snape or Lord Voldemort?***

Активируя с помощью прецедентных имен персонажей соответствующие слоты фрейма, автор также активизирует связи и отношения, которыми эти персонажи объединены в книге: для описания арабо-израильского конфликта важной становится «двойная игра», которую на протяжении всего повествования ведет Северус Снегг.

Слот «Дамблдор» в данной ситуации соотносится с теми участниками реальной ситуации, которые стремятся к продолжению культурных контактов с Израилем и взаимодействию с Б. Нетаньяху. В их числе и Джован Роулинг, чьи слова приводит автор в поддержку своих доводов. В оригинальной сказке Дамблдор оказался прав, доверившись Снеггу, персонажу, истинная позиция которого остается неясной практически до конца повествования. В тексте статьи упоминается и цитата самой Роулинг в *Twitter*, где она называет Дамблдора «ученым, который верит в то, что некоторые каналы связи должны оставаться открытыми»: ***Dumbledore is an academic and he believes that certain channels of communication should always remain open*** [Rowling 2015].

В качестве противоположной точки зрения на арабо-израильский конфликт и невозможность его урегулирования путем мирных переговоров в статье Х. Льюис приводятся слова фанатов Дж. Роулинг, в которых упоминаются имена и реалии, формирующие фрейм «Волшебный мир Гарри Поттера»:

If Harry had tried to coax Lord Voldemort to a UN summit in Geneva rather than destroying his Horcruxes, everyone would have ended up dead.

Возможные события на саммите ООН в Женеве трактуются здесь в соответствии с той частью сюжета поттерианы, которая посвящена поиску и уничтожению крестражей.

Автор статьи выражает свое мнение по поводу арабо-израильского конфликта, говоря о том, что мораль книг о Поттере близка ситуации на Ближнем Востоке. Отсылка к ситуации «Господство Волан-де-Морта»,

преследование «грязнокровок», рабство домашних эльфов — это аллюзия на оккупационную политику Израиля в отношении Палестины, расизм и дискриминацию:

During Voldemort's reign, for example, the wizarding world becomes obsessed with purging "mudbloods", even though many of the most talented characters come from non-magical families. Hermione's big political cause is freeing the house elves, who are kept as slaves.

Показательно, что в заключительном абзаце автор текста неожиданно пишет о том, что в роли Дамблдора, «могущественного человека с большим самомнением, который верит в свою победу даже тогда, когда все остальные утратили веру в него», выступает Т. Блэр, заканчивая статью прецедентной фразой заклинания, которое в сказке заставляет предмет подлететь к волшебнику: «**Accio Chilcot inquiry!**» Отсылка к результатам расследования комиссии Чилкота может быть интерпретирована двояко: с одной стороны, автор статьи, возможно, верит в невиновность Т. Блэра и в то, что результаты расследования могут представить его как человека, который знал больше других, верил в свою правоту и все сделал правильно. Однако не исключено, что благодаря референциальной интертекстуальности в сочетании с языковой игрой в финале автор иронизирует, говоря о том, что результаты расследования комиссии Чилкота могут «волшебным» образом противоречить общественному мнению, следуя которому именно Т. Блэр является виновником вторжения и гибели британских солдат и десятков тысяч мирных граждан.

В текстах Дж. Роулинг произнесение имени главного злодея представляет собой табу для всего волшебного мира. Вместо этого используются другие способы номинации: Темный Лорд, «Тот-кого-нельзя-называть» (He-Who-Must-Not-Be-Named). Этот факт из «биографии» Волан-де-Морта часто используется авторами текстов. В статье *Latest China-Japan Spat: Who's Voldemort?*, опубликованной в газете «The New York Times», фрейм «Волшебный мир Гарри Поттера» используется для осмысления китайско-японского политического конфликта. Автор статьи выстраивает параллели между политической ситуацией и сюжетом сказки, подчеркивая, что ситуация двояка, злодей не определен и каждая из сторон обвиняет другую, называя политического противника прецедентным именем Волан-де-Морт:

...the villain Lord Voldemort is also known as He-Who-Must-Not-Be-Named, a reference to magical powers so great that most fear to

utter his name. But in the latest round of name-calling between China and Japan, Voldemort has become the insult of choice.

Для более образного описания актуализируются связи основных действующих лиц со слотом «Крестражи». Милитаристский режим в Японии — это, по мнению китайской стороны, «японский Волан-де-Морт», святилище Ясукини — крестраж, заключающий в себе «темную сторону японской нации»:

If militarism is like the haunting Voldemort of Japan, the Yasukuni Shrine in Tokyo is a kind of horcrux, representing the darkest parts of that nation's soul.

В свою очередь, по мнению японской стороны, именно Китай рискует стать *the Voldemort in the region* в случае дальнейшего обострения конфликта и отказа от мирных переговоров. Показательно, что прецедентное имя *Voldemort* настолько популярно в текстах современных англоязычных СМИ, что превратилось в словосочетание *the Voldemort of*, которое используется не только и не столько для обозначения конкретного человека, но чаще политического режима, страны, организации, которые наводят ужас одним только упоминанием о них: *the Voldemort of Japan, the Voldemort of the region, the Voldemort of geo-politics*. Ср. заголовок онлайн-публикации на сайте *Daily KOS: Caliphate: The Voldemort of geo-politics?*

Поскольку книги Дж. Роулинг стали современным эталоном для описания ситуации борьбы добра со злом, сюжет проецируется не только на межгосударственные конфликты, но и на другие политические ситуации, для которых характерна высокая степень состязательности. В качестве примера обратимся к событиям избирательных кампаний в США в 2012 и 2016 гг.

Во время обеих избирательных кампаний журналисты активно обращаются к книгам о Гарри Поттере, описывая события сквозь призму сказочного текста, называя кандидатов в президенты, политических и общественных деятелей именами героев сказки, приписывая их черты, слова и даже поступки, характерные для персонажей книг, обсуждаемым персонам. Благодаря обращению к хорошо знакомым сказочным образам описываемые события и политические фигуры становятся близки и понятны даже далекому от политики и незаинтересованному человеку.

В статье *Harry Potter cast a spell on the U.S. to propel Barack Obama to Presidency twice*, опубликованной в газете «Daily Mail», приведено мнение профессора политологии из Вермонтского университета Э. Джерзински. Исследования Джерзински легли в ос-

нову его книги «Гарри Поттер и 2000-е: методы исследования и политики магловского поколения». Политолог считает, что мораль и нравственные ценности книг о Гарри Поттере (терпимость к другим этносам и толерантность) оказали влияние на мнение американских избирателей и помогли Барак Обама дважды одержать победу на президентских выборах. Профессор объясняет это тем, что 65 % голосовавших за Обаму — молодые люди, родившиеся между 1980 и 2000 гг. (для них Джерзински придумал особый термин — *millennials*). Их взросление совпало с появлением книг Дж. Роулинг, поэтому это поколение склонно сопоставлять реальный мир с волшебным миром Гарри Поттера. В статье «Daily Mail» политика Республиканской партии сравнивается с наводящим ужас режимом Волян-де-Морта, а демократы во главе с Обамой представляются теми, кто, подобно Гарри Поттеру и его сторонникам, может противостоять злу.

Следующий пример — статья *Mitt Romney Is Dolores Umbridge*, опубликованная на интернет-портале журнала *Slate*, — иллюстрирует оригинальный авторский взгляд на участников предвыборной гонки США 2012 г. сквозь призму фрейма «Волшебный мир Гарри Поттера». Автор статьи рассказывает о совместном просмотре финальных дебатов между Барак Обама и Миттом Ромни вместе со своей 9-летней дочерью — поклонницей Гарри Поттера. Именно ребенок использовал сюжет поттерианы для категоризации участников политического диалога. Консерватору-республиканцу Ромни девочка отвела роль яркого министерского бюрократа из сказки — Долорес Амбридж — с «приторно-слащавой самовлюбленной усмешкой» и напыщенными разговорами “*the ministry this*”, “*the ministry that*”. Здесь же прослеживается аллюзия на радикальные милитаристские взгляды Ромни: автор говорит о системе регистрации маглов, введенной Амбридж, и гонениях на «грязнокровок». Подзаголовок статьи выглядит как вопрос: “*If Mitt Romney is Dolores Umbridge, who is Barack Obama?*”. Ответ автора может показаться неожиданным. Обама, в его интерпретации, вовсе не Гарри Поттер, не «мальчик, который спасает мир», не «избранный» и не «драматический герой» — президент удостоился роли «мудрого, убеленного сединами» Альбуса Дамблдора. В оригинальной сказке Дамблдор обладает авторитетом и всеобщим уважением, он также известен своими меткими, емкими иносказаниями и пророчествами. Эти качества директора Хогвартса автор переносит на Обаму и даже приводит известное высказывание американского президен-

та про лошадей и штыки (*We also have fewer horses and bayonets*) в уверенности, что эти слова легко могли бы прозвучать из уст Дамблдора. Далее в тексте статьи автор использует цитату из книги Дж. Роулинг. Слова, сказанные в сказке о Дамблдоре, автор переносит и на Обаму, цитируя фразу из книги: «Вы можете не любить его, министр, но должны признать: Дамблдор действует эффективно».

Сказочные «роли» в статье получают и другие известные личности, задействованные в дебатах. Мишель Обама становится Гермией Грейнджер, «умной, серьезной, образованной», а ее соперница Энн Ромни — Петуньей Дурсль — «карикатурой на домохозяйку 50-х, с приторно-материнским выражением лица защищающей не тех людей». Диктор и политический консультант Джордж Стефанопулос — это, по мнению журналиста, Северус Снегг, «не внушающий доверия, до конца непонятный, замкнутый». Журналистка Диана Соьер — Нимфадора Тонкс — «метаморф, который магическим образом изменяет внешность». «Благовидный, полный достоинства» журналист Боб Шиффер — профессор Слизнорт. Признавая, что Слизнорт, в отличие от «воспитанного, вежливого и сдержанного» Шиффера, «немного напыщен, зациклен на собственной персоне и фамильярен», автор тем не менее сравнивает попытки Шиффера контролировать дебаты и постоянно возвращать оппонентов к заявленной теме внешней политики с тем, как Гораций Слизнорт принимал исследования Волян-де-Морта в вопросах черной магии как нечто чисто теоретическое.

Как же автор видит результаты выборов? Дамблдор погибает в схватке с Темным Лордом, а Амбридж сгубила жажда власти. «В Гарри Поттере, — пишет автор, — спутники победы — кровопролитие, усталость и потери, идеалы могут запятнаться, извратиться, переродиться во что-то другое. Побеждая, ты не одерживаешь полноценную победу». В доказательство приводится прецедентный текст про то, что мир не делится на хороших людей и Пожирателей Смерти: *The world isn't split into good people and Death Eaters. We've all got both light and dark inside us.* Вместе с тем очевидно, на чьей стороне симпатии автора: “*But anyway. Go, Dumbledore!*”

В рамках выборов 2012 г. американские СМИ обращаются и к прошлому, сравнивая предшественника Обамы — Джорджа Буша-младшего — с Волян-де-Мортом. В статье *George W. Bush, Voldemort Of American Politics, Rules From The Shadows* автор открыто называет Буша «Волян-де-Мортом

американской политики», заявляя, что он является злодеем не только в глазах Демократической партии, но и республиканцам лучше воздержаться от упоминания даже имени своего бывшего лидера, если они хотят одержать победу на выборах:

To Democrats, George W. Bush is the Voldemort of American politics, an evil force. But even to Republicans, he is He-Who-Must-Not-Be-Named, someone you dare not talk about as you try to win the votes of conservative lowans.

Тема расизма всегда занимала особое место в жизни Соединенных Штатов. Во время дебатов 2012 г. пресс-секретарь Дональда Трампа Катрина Пирсон разместила в Сети провокационное заявление: *“Perfect Obama’s dad born in Africa, Mitt Romney’s dad born in Mexico. Any pure breeds left?”* [Piercon 2012], заявив, что ни один из кандидатов не является «чистокровкой». В ответ автор волшебной саги Джоан Роулинг назвала Пирсон Пожирателем Смерти: *Death Eaters walk among us* [Rowling 2016]. Учитывая должность Пирсон, несложно догадаться, кому, по мнению Роулинг, а за ней и журналистов, досталась роль главного злодея. В рамках президентской кампании 2016 г. американские журналисты уже наперебой сравнивают Дональда Трампа с Волан-де-Мортом (ср. заголовки статьи *What If Donald Trump Really Is Voldemort?*, опубликованной на сайте *Popsugar.com*). В прессе в 2016 г. даже появился неологизм *Trump-demort*.

Назовем еще одну статью, посвященную президентским выборам 2016 г. — *Rubio Backers: He’s Harry Potter, Trump is Voldemort, and Bush is a Horcrux*, в которой соперником Волан-де-Морта (Трампа) выступает сам герой волшебной саги — Гарри Поттер (Марко Рубио), единственный, кто, по мнению автора, способен победить злодея. Ср.: *Donald Trump is Voldemort, and Mr. Rubio — like the hero of the beloved “Harry Potter” series — is the only one who can defeat him*. Остальным кандидатам отводится роль крестражей. Аналогия между поиском и уничтожением крестражей и сходом с дистанции Джеба Буша и остальных кандидатов от республиканцев ясна. Таким образом, Поттер-Рубио остается один на один со своим соперником Трамп-де-Мортом, что, в авторской интерпретации, позволит победить его. Ср.: *The super PAC compares the remaining Republican candidates in the race, aside from Mr. Trump and Mr. Rubio, to “horcruxes” — objects which, in the Harry Potter series, preserve the immortality of the villain, Voldemort. As those horcruxes were destroyed — or in this case, as candidates like Jeb Bush leave the field —*

“Voldemort became increasingly vulnerable,” the memo states. “When all of the horcruxes were gone, Voldemort lost his one-on-one battle with Harry Potter”. В финале статьи приведено прецедентное высказывание из текста сказки (*The reward? Probably 10 points to Gryffindor!*). Не исключено, что таким образом автор хотел выразить ироничное отношение к событиям, описываемым в статье.

Сопоставительный анализ актуализации фрейма «Гарри Поттер» в текстах, посвященных избирательной кампании США 2012 и 2016 г., показал, что в них имеют место очевидные расхождения. В то время как в 2012 г. во время президентских выборов соперничество кандидатов в американских политических текстах описывалось как противостояние между Альбусом Дамблдором и Долорес Амбридж, роли которых «исполнили» Барак Обама и Митт Ромни, в 2016-м на политическую сцену вышел сам Гарри Поттер (Марко Рубио), а его соперником американские журналисты называют сказочного злодея Лорда Волан-де-Морта (Дональд Трамп).

Подводя итоги, можно говорить о том, что в современном мире тексты о Гарри Поттере представляются важным источником прецедентности. Представленный в виде фрейма «Волшебный мир Гарри Поттера» сюжет является моделью ситуации борьбы добра со злом. Поскольку в политическом дискурсе многие ситуации могут быть представлены именно как противоборство сил добра и зла, тексты поттерианы оказываются удобным «шаблоном» для полярной категоризации участников политических событий. Даже для участников конфликтов, роль которых по шкале «добро — зло» остается до конца не определенной, фрейм «Волшебный мир Гарри Поттера» имеет свой слот — слот «Северус Снегг». Отсылки к книгам о Гарри Поттере позволяют журналистам, во-первых, представить конфликтные ситуации максимально понятным для читателей способом и, во-вторых, сформировать у читателей восприятие реальной ситуации на основе сюжета книг.

ИСТОЧНИКИ

1. Caliphate: The Voldemort of geo-politics? // Daily KOS. 2015. 14.12. URL: <http://www.dailykos.com/story/2015/12/13/1459965/-Caliphate-The-Voldemort-of-geo-politics> (date of access: 10.11.2016).
2. George W. Bush, Voldemort Of American Politics, Rules From The Shadows // The Huffington Post. 2012. 01.02. URL: http://www.huffingtonpost.com/howard-fineman/george-w-bush-election-2012_b_1179655.html (date of access: 12.11.2016).
3. Harry Potter cast a spell on the U.S. to propel Barack Obama to Presidency twice // Daily Mail. 2013. 15.08. URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2394636/Vermont-professor-Anthony-Gierzynski-claims-Harry->

Potter-helped-Obamas-election.html (date of access: 10.11.2016).

4. Latest China-Japan Spat: Who's Voldemort? // The New York Times. 2014. 09.01. URL: http://sinosphere.blogs.nytimes.com/2014/01/09/latest-china-japan-spat-whos-voldemort/?_r=0 (date of access: 10.11.2016).

5. Lewis H. Harry Potter and the boycott of Israel: JK Rowling's latest spell in politics // The Guardian. 2015. 29.10. URL: <http://www.theguardian.com/books/booksblog/2015/oct/29/jk-rowling-harry-potter-and-the-boycott-of-israel> (date of access: 12.11.2016).

6. Mitt Romney Is Dolores Umbridge // Slate Magazine. 2012. 23.10. URL: http://www.slate.com/articles/double_x/roiphe/2012/10/harry_potter_presidential_campaign_romney_is_umbridge_obama_is_dumbledore.html (date of access: 12.11.2016).

7. Piercon Katrina // Twitter. 2012. 19 Jan. URL: <https://twitter.com/katrinapierson/status/160181303680040960>.

8. Rowling J. K. Why Dumbledore went to the hilltop // Twitter. 2015. 27 Oct. URL: http://www.twtlonger.com/show/n_1sno25c.

9. Rowling J. K. // Twitter. 2016. 24 Jan. URL: https://twitter.com/jk_rowling/status/691193475086286849.

10. Rubio Backers: He's Harry Potter, Trump is Voldemort, and Bush Is a Horcrux // The Wall Street Journal. 2016. 21.02. URL: <http://blogs.wsj.com/washwire/2016/02/21/rubio-backers-hes-harry-potter-trump-is-voldemort-and-bush-is-a-horcrux/> (date of access: 12.11.2016).

11. What If Donald Trump Really Is Voldemort? // Popsugar.com. 2016. 14.03. URL: <http://www.popsugar.com/news/2016-Presidential-Candidates-Harry-Potter-Characters-39131350#photo-39131385> (date of access: 12.11.2016).

ЛИТЕРАТУРА

12. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56. № 1. С. 11—21.

13. Бурцева О. И. Фреймовый анализ сказочного повествования (на примере сказки В. А. Жуковского «Сказка о Иване-Царевиче и Сером Волке») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2013. № 7 (25): в 2 ч. Ч. 2. С. 52—54.

14. Ворошилова М. Б. Советский прецедентный текст в дискурсе русского рока: «Дети красной звезды» // Политическая лингвистика. 2009. № 28. С. 121—124.

15. Гришаева Л. И. Прецедентный текст как модель осмысления действительности // Содержание единиц языка и текста. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. С. 148—156.

16. Гришаева Л. И. Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 118—123.

17. Катермина В. В. Политическая неоминимация в массмедийном дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 27—33.

18. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М. : Гнозис, 2002.

19. Нахимова Е. А. Прецедентное имя Буратино в современных СМИ // Проблемы образования, науки и культуры. Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 52. Вып. 22. Филология. С. 105—112.

20. Нахимова Е. А. Аспекты когнитивного исследования использования имени собственного // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 12—17.

21. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. — Екатеринбург, 2011. 276 с.

22. Петрова Н. Е., Радцбургская Л. В. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. — М. : Флинта, 2017. 246 с.

23. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М. : Academia, 2000. 125 с.

24. Смирнский В. Б. Когнитивная семантика и фреймовый анализ интертекстуальности поэтического текста // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 576—580.

25. Стратенко Ю. А. Фрейм «Золушка» как источник прецедентности в британских и американских СМИ // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 102—107.

26. Чумак-Жуны И. И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия. — М. : Директ-Медиа, 2014. 228 с.

27. Шилихина К. М. Ироническая номинация // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2009. № 1. С. 50—54.

28. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision. — New York : McGraw-Hill, 1975. P. 211—277.

K. M. Shilikhina, Y. A. Stratienko
Voronezh, Russia

THE FRAME „MAGIC WORLD OF HARRY POTTER“ AS A TOOL FOR CATEGORIZATION OF POLITICAL SITUATIONS IN BRITISH AND AMERICAN MASS MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper analyzes British and American mass media texts containing references to Harry Potter books. The popularity of J. Rowling's novels about "the boy who lived" resulted in the fact that for millions of people, especially for younger generations, the plot of the Potteriana became a part of their cognitive background. What is more, J. Rowling's books discuss problems that exist not only in the magic world, but also in modern reality (e.g., racism, discrimination, social inequality). The aim of the research is to demonstrate how the plot of Potteriana is used as a cognitive template for the analysis of major social problems and political situations in modern mass media publications. In the paper, the plot of J. Rowling's novels is modeled as a frame. Its slots are filled with the names of characters and objects which belong to the world of magic. Connections between the slots mark functions of protagonists and their personal characteristics. Mass media texts project these functions and characteristics on important political events and their participants. Thus, the plot of J. Rowling's books becomes a cognitive model for the categorization of the real-life political situations. References to book characters also shape reader's perception of the real-life situations. It is characteristic of political discourse to describe events and situations as confrontation of "the good" and "the evil". Therefore, Harry Potter books have become a convenient tool for bipolar categorization of political actors.*

KEYWORDS: *social and political discourse; frames; precedent texts; English; political situation; mass media; media discourse.*

ABOUT THE AUTHORS: *Shilikhina Ksenia Mikhailovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia.*

Stratienko Yulia Alekseevna, Post-graduate Student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

REFERENCES

1. Caliphate: The Voldemort of geo-politics? // Daily KOS. 2015. 14.12. URL: <http://www.dailykos.com/story/2015/12/13/1459965/-Caliphate-The-Voldemort-of-geo-politics> (date of access: 10.11.2016).

2. George W. Bush, Voldemort Of American Politics, Rules From The Shadows // The Huffington Post. 2012. 01.02. URL:

http://www.huffingtonpost.com/howard-fineman/george-w-bush-election-2012_b_1179655.html (date of access: 12.11.2016).

3. Harry Potter cast a spell on the U.S. to propel Barack Obama to Presidency twice // Daily Mail. 2013. 15.08. URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2394636/Vermont-professor-Anthony-Gierzynski-claims-Harry-Potter-helped-Obamas-election.html> (date of access: 10.11.2016).

4. Latest China-Japan Spat: Who's Voldemort? // The New York Times. 2014. 09.01. URL: http://sinosphere.blogs.nytimes.com/2014/01/09/latest-china-japan-spat-whos-voldemort/?_r=0 (date of access: 10.11.2016).
5. Lewis H. Harry Potter and the boycott of Israel: JK Rowling's latest spell in politics // The Guardian. 2015. 29.10. URL: <http://www.theguardian.com/books/booksblog/2015/oct/29/jk-rowling-harry-potter-and-the-boycott-of-israel> (date of access: 12.11.2016).
6. Mitt Romney Is Dolores Umbridge // Slate Magazine. 2012. 23.10. URL: http://www.slate.com/articles/double_x/roiphe/2012/10/harry_potter_presidential_campaign_romney_is_umbridge_obama_is_dumbledore.html (date of access: 12.11.2016).
7. Piercon Katrina // Twitter. 2012. 19 Jan. URL: <https://twitter.com/katrinapierson/status/160181303680040960>.
8. Rowling J. K. Why Dumbledore went to the hilltop // Twitlonger. 2015. 27 Oct. URL: http://www.twitlonger.com/show/n_1sno25c.
9. Rowling J. K. // Twitter. 2016. 24 Jan. URL: https://twitter.com/jk_rowling/status/691193475086286849.
10. Rubio Backers: He's Harry Potter, Trump is Voldemort, and Bush Is a Horcrux // The Wall Street Journal. 2016. 21.02. URL: <http://blogs.wsj.com/washwire/2016/02/21/rubio-backers-hes-harry-potter-trump-is-voldemort-and-bush-is-a-horcrux/> (date of access: 12.11.2016).
11. What If Donald Trump Really Is Voldemort? // Popsugar.com. 2016. 14.03. URL: <http://www.popsugar.com/news/2016-Presidential-Candidates-Harry-Potter-Characters-39131350#photo-39131385> (date of access: 12.11.2016).
12. Baranov A. N., Dobrovolskiy D. O. Postulaty kognitivnoy semantiki // Izvestiya AN. Ser. literatury i yazyka. 1997. T. 56. № 1. S. 11—21.
13. Burtseva O. I. Freymovyy analiz skazochnoy povestvovaniya (na primere skazki V. A. Zhukovskogo «Skazka o Ivane-Tsareviche i Serom Volke») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2013. № 7 (25): v 2 ch. Ch. 2. S. 52—54.
14. Voroshilova M. B. Sovetskiy pretседentnyy tekst v diskurse russkogo roka: «Deti krasnoy zvezdy» // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 28. S. 121—124.
15. Grishaeva L. I. Pretседentnyy tekst kak model' osmysleniya deystvitel'nosti // Soderzhanie edinits yazyka i teksta. — SPb. : Izd-vo SPbGU, 2003. S. 148—156.
16. Grishaeva L. I. Pretседentnyy tekst kak universal'noe sredstvo peredachi i khraneniya kul'turnoy informatsii // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 24. S. 118—123.
17. Katermina V. V. Politicheskaya neonominatiya v massmediynom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 27—33.
18. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. — M. : Gnozis, 2002.
19. Nakhimova E. A. Pretседentnoe imya Buratino v sovremennykh SMI // Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. Izv. Ural. gos. un-ta. 2007. № 52. Vyp. 22. Filologiya. S. 105—112.
20. Nakhimova E. A. Aspekty kognitivnogo issledovaniya ispol'zovaniya imeni sobstvennogo // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 2. S. 12—17.
21. Nakhimova E. A. Pretседentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya. — Ekaterinburg, 2011. 276 s.
22. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. Yazyk sovremennykh SMI. Sredstva rechevoy agressii. — M. : Flinta, 2017. 246 s.
23. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvoly: lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov v soznanii i diskurse. — M. : Academia, 2000. 125 s.
24. Smirenskiy V. B. Kognitivnaya semantika i freymovyy analiz intertekstual'nosti poeticheskogo teksta // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2016. № 26. S. 576—580.
25. Stratienko Yu. A. Freym «Zolushka» kak istochnik pretседentnosti v britanskikh i amerikanskikh SMI // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2016. № 2. S. 102—107.
26. Chumak-Zhun' I. I. Khudozhestvennyy tekst kak fenomen kul'tury: intertekstual'nost' i poeziya. — M. : Direkt-Media, 2014. 228 s.
27. Shilikhina K. M. Ironicheskaya nominatsiya // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. 2009. № 1. S. 50—54.
28. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision. — New York : McGraw-Hill, 1975. P. 211—277.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81/42:34
ББК Ш105.51

ГСНТИ 02.41.41; 16.31.61

Код ВАК 09.00.13; 10.02.19

П. К. Зверева
Тюмень, Россия

ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. Целью настоящего исследования является описание моделей распознавания, понимания и создания юридических текстов. Достижения лингвистики 70—80-х годов прошлого века — лингвистики текста — нашли свое отражение в работах по политической лингвистике, достижения когнитивной лингвистики — в исследованиях политической метафоры, теории дискурса — в работах, посвященных юридическому дискурсу (выделяемого в оппозиции к юридическому тексту). Поскольку язык является формой выражения права, его объективации, то есть в языке заложены основания права, закономерно обращение лингвистов к юридической проблематике. Язык права требует при рассмотрении междисциплинарного подхода и использования идей, сформулированных на стыке философии языка, философии права, когнитивной лингвистики, лингвистики текста. Важнейшей задачей правоведа является «прояснение» юридического языка через анализ словоупотребления основных юридических понятий. Многозначность юридического понятия снимается контекстом употребления, при этом отсутствует общепризнанное представление о том, что является контекстом для всего закона. Принято считать, что таковым контекстом является правовая система соответствующего государства. Поддержание и воспроизводство правовой системы имеет аналогию с рекурсией в лингвистике. Предпринята попытка переосмыслить некоторые положения Г. Л. Харта на уровне важнейших юридических текстов (закон, Конституция). Представления о том, что люди говорят текстами (а не высказываниями, предложениями, словами), требуют пересмотреть ряд положений философии права. Статья содержит отдельные примеры применения достижений современной лингвистики для разрешения проблем философии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридические тексты; юридический дискурс; контекст; правовые понятия; язык права; когнитивная лингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зверева Полина Константиновна, аспирант кафедры гуманитарных и социальных наук, Тюменский индустриальный университет; 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38; e-mail: polyusha@inbox.ru.

Введение

Социальные и гуманитарные науки часто критикуют за отсутствие явной сменяемости научной парадигмы. Для естественных и точных наук смена научной парадигмы является, как правило, окончательной, влияющей на все сопутствующие теории. В социальных и гуманитарных науках указанные процессы менее выражены, те или иные концепции продолжают свое существование, имеют своих последователей, свои научные школы, свой метаязык, несмотря на явное отставание от других, более перспективных и доказавших свою научную привлекательность теорий. Одной из причин этого представляется отсутствие единого метаязыка в социальных и гуманитарных науках. «Лингвистический поворот» в гуманитарных науках сыграл свою положительную роль, его структурирующий и объяснительный потенциал сначала «захватил» научное сообщество, а затем вполне предсказуемо уступил место другим главенствующим течениям в науке. Примером того, что «лингвистический поворот» не утратил своей актуальности, является исследование «языка права» (известного под несколькими наименованиями), создание искусственного интеллекта, политическая лингвистика, компьютерная лингвистика и многие другие научные области. В настоящей статье мы рассмотрим важнейшие идеи на стыке «философии языка», «философии права», «когнитивной лингвистики», «лингвистики текста» для демонстрации их теоретического и объясни-

тельного потенциала для пересмотра теории всех социальных и гуманитарных наук.

Язык как основание права

Начиная с 70-гг. XX в. в США возникает новое направление междисциплинарных исследований — «язык и право». Приблизительно в это же время формируется аналитическая теория и философия права — «специфическое течение, являясь изначально частью аналитической философии, а после самостоятельной отраслью научного знания, характеризуется широким применением новаций и методик лингвистического анализа языка к исследованию правовых конструкций» [Оглезнев 2012: 3]. Аналитические философы, обратившись к правовой системе с ее избытием понятий и методов, способствовали «более углубленному пониманию структуры и взаимосвязи правовых систем и отношений между правовыми и моральными правилами» [Там же: 21]. По мнению Норбера Рулана, «текст — это не просто совокупность написанного, он представляет собой независимый авторитет, который организует право и общество» [Рулан 1999: 246]. Верно и обратное утверждение: авторитет тексту придает общество и государство через процедуры (практики, ритуалы) безусловного служения такому тексту (клятва президента (судей) при вступлении на должность на Конституции, соответствие законодательства конституционным принципам и идеям). К примеру, сформулированный принцип о том, что «избирательное правосудие» — отсутствие правосудия. Из этого

© Зверева П. К., 2017

следует, что только безусловное применение правосудия, во всех случаях, а не его избирательность является основанием для авторитета текста закона. Вместе с тем «прояснение» [Оглезнев 2012: 3] юридического языка через анализ словоупотребления основных юридических понятий становится основной задачей правоведа, от успешности решения которой в конечном счете будет зависеть качество и эффективность правовой системы. Язык является формой выражения права, его объективации, **в языке заложены основания права**. Исследование правового языка неизбежно связано с вопросом о сущности права. Словам принадлежит ключевая роль в ритуальных практиках, слова закрепляют ритуальный характер права, образуют ритуальные феномены (фразы, тексты, дискурс). Рассмотрим пример ритуальных действий (ритуальных фраз), которые влекут за собой вполне определенные юридические последствия.

В диссертационном исследовании А. А. Паламарчук, посвященном изучению гражданского права в *раннестюартовской* Англии, приводятся такие сведения: «...принесение клятвы нередко сопровождало заключение крупных сделок или соглашений и означало *сакрализацию* данного обещания. Если простую устную договоренность между частными светскими лицами тексты декреталий однозначно относили к юрисдикции светских судов, то в случаях, если договор сопровождался промиссивной клятвой, он попадал в юрисдикцию суда церковного...» [Паламарчук 2016: 321—324]. В то же время некоторые устные сделки, описанные в Гражданском кодексе РФ (далее ГК РФ), соответствуют понятию когнитивной лингвистики *сценарий*. Примером может служить статья 786 ГК РФ «Договор перевозки пассажира»: «2. Заключение договора перевозки пассажира удостоверяется билетом, а сдача пассажиром багажа багажной квитанцией». Следование «*сценарию*» «перевозка пассажира» может осуществляться без слов, однако требует исполнения действий согласно «*сценарию*»: зайти в автобус на автобусной остановке, передать денежные средства автобусному контролеру, получить билет либо без оплаты войти в транспортное средство (автобус, метро, трамвай и т. д.). Следовательно, в отличие от ситуации с произнесением ритуальной фразы «*Я завещаю...*» (произносимой правомочным лицом и при особых обстоятельствах), требуется ввести понятие когнитивной лингвистики — *сценарий*, который подразумевает следование установленному порядку, для осмысления возникновения правовых последствий.

Лингвистика текста, дискурс с точки зрения когнитивной науки

Современное понимание текста и дискурса основано на том, что любой текст — это мозаика цитаций, осознанных или неосознанных, скрытых или явных. К. Дж. Джерджен предложил еще более широкий взгляд: «...значительная доля человеческой деятельности вырастает из взаимообмена и направлена на дальнейший взаимообмен. Когда я пишу эти строки, в них отражаются, например, мои бесчисленные диалоги с коллегами и студентами, посредством которых я устанавливаю отношения с читателями. Это не „мои“ слова, их авторство мнимое. **Я**, скорее, носитель определенных отношений, которые превращаю в новые отношения...» [Джерджен 2003: 43].

В книге французского психолога Жана Франсуа Ришара осуществляется попытка систематизации различных когнитивных теорий и экспериментальных данных на основе понятия **ментальной репрезентации**. Ж. Ф. Ришар полагает, что «**репрезентации**, с точки зрения их природы, необходимо отделить от знаний и верований. Репрезентации — это конструкции, зависящие от обстоятельств. Они построены в конкретном индивидуальном контексте для специфических целей: для осведомленности в данной ситуации, для того, чтобы быть готовым к требованиям текущей задачи и понимать текст (который читают), инструкцию (которую слушают), проблему (которую надо решить). Конструирование репрезентации направляется задачей и природой решения, которое необходимо найти» [Ришар 1998: 3]. Ж. Ф. Ришар заявляет о разных типах наименования репрезентаций, например о «*репрезентациях в смысле замещений*» (в противоположность референциям), мы предпочитаем для краткости сохранить термин репрезентации для нестабильных конструкций, т. е. связанных с обстоятельствами, а термин знания — для стабильных конструкций...» [Там же: 3].

Стереотип, согласно которому члены юридического сообщества обладают уникальным набором юридических понятий, недоступных для «обывателя», и идеи стабильных/нестабильных конструкций Ж. Ф. Ришара противоречит «*открытой структуре*» Г. Л. Харта. Описывая «*открытую структуру*» Г. Л. А. Харта, исследователь В. В. Оглезнев постулирует вывод о том, что «правовые понятия одинаковым образом неопределены и для профессионального юриста, и для лица, не обремененного юридическими знаниями. Так происходит потому, что человек не понимает правил, конституирующих ис-

пользование юридического языка...» [Оглезнев 2012: 29]. В свою очередь, «неопределенности границ понятий, используемых в повседневной жизни права и в других сферах, где нормы права, содержащие такие понятия, не в состоянии определить уникальность решения в специфических случаях» [Там же: 30]. Примем во внимание следующее рассуждение Коллинза Рэндалла о том, что «общество не может существовать без *идей*. Но эти *идеи* эффективны потому, что они социальны, поскольку они напоминают индивидам об их членстве в обществе и их привязанностях. Дюркгейм называл их „*коллективными репрезентациями*“. Лучше всего их описывать как заряженные частицы, которые циркулируют среди людей и поселяются на время в их головах, но эти частицы возникают в групповых ритуалах» [Рэндалл 2009: 201]. *Идеи*, передаваемые из поколения в поколения в виде неписаного права (запреты, табу) — «запрет убивать», «красть», «желать жену ближнего своего» и т. д. — в бесписьменных обществах, затем включаются в религиозные тексты. Библия как источник права — текст, в котором объективировались *идеи*, передаваемые затем в виде текстов во вновь создаваемые юридические (светские и религиозные) тексты. Тексты и еще раз тексты послужили и служат контекстом для толкования юридических понятий. Толкование же целых текстов возможно только через мир других текстов. Текст живет в мире интертекстов, который в числе прочего (*правовая культура, правовая традиция*) является его контекстом.

Мы предлагаем рассматривать основные концепции Дж. Остина и Г. Л. А. Харта на уровне юридических текстов. М. М. Бахтин высказал мысль: «...где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [Бахтин 1986: 1]. И. Р. Гальперин позднее в своем *общепринятом* определении *текста* указывает, что «текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. П. Хартман предположил, что «все носители языка <...> говорят только текстами, а не словами и не предложениями» [Хартман 1978: 169]. С нашей точки зрения, такая функция текста, как передача ин-

формации, неизбежно имеет следствием то, что текст со временем формирует определенные семантические поля, которые могут сужать и расширять смыслы и менять их. Согласно Г. Л. А. Харту, «правовым понятиям присуще „ядро (core)“ и „полутень (penumbra)“ значения, то есть набор как очевидных, центральных, так и неясных, пограничных, маргинальных случаев употребления» [Оглезнев 2012: 29]. Французский литературовед и семиолог Р. Барт резюмирует, что «*тексту* присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая — множественность неустранимая, а не просто допустимая. В Тексте нет мирного сосуществования смыслов — Текст пересекает их, движется сквозь них; поэтому он не поддается даже плюралистическому истолкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла. Действительно, множественность *Текста* вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а, если можно так выразиться, пространственной многолинейностью означающих, из которых он соткан» [Барт 1989: 413—423]. Двигаясь выше по иерархической структуре, отметим, что юридический текст существует как часть *юридического дискурса*. Под *юридическим дискурсом* понимается совокупность «переживаний индивида, корреляций субъективного опыта с овладением определенными профессиональными знаниями, составляющими содержание профессиональной юридической деятельности <...> *текст права* в динамике, в процессе толкования и разъяснения. Установить определенные границы юридического дискурсивного сообщества не представляется возможным ввиду его „размытости“: в структуру юридического дискурса входят тексты нормативно-правовых актов (законы), научные и учебные тексты, речь профессиональных участников деятельности, а также общение неспециалистов на правовые темы» [Константинова 2011: 9].

Знаковый характер метаязыка социальных и гуманитарных наук

В исследовании С. Н. Слепухина сформулированы следующие положения: «...динамика и характер развития *юридического дискурса* как метасемиотической системы обеспечивается знаковыми отношениями между активно изменяющимся планом содержания, состоящим из юридических идей и ценностей, воплощенных в значениях слов, словесных выражений и текстов, и консервативным, фактически не изменяющимся планом выражения, представленным

языковыми средствами объективации юридического дискурса...» [Слепухин 2014: 220—221]. Исследователь обосновывает существование в юридическом дискурсе *сценарных нормативных процедур*, которые часто носят выраженный **ритуальный характер**. Объясняется это тем, что в юридическом дискурсе предполагается принятие на себя определенной конвенциональной роли, или лица — заявителя, ответчика, истца, президента, доверителя и т. д.

Центральные (базовые) символы государства (например, Конституция, конституционные законы) в результате постоянного воспроизводства в официальных ритуалах мифологизируются и наделяются сакральным смыслом, что обеспечивает легитимность и непрерывность функционирования соответствующих правовых институтов и структур власти.

Тён А. ван Дейк, представитель критического дискурс-анализа, исследователь дискурсивного характера властных взаимоотношений в современном обществе, их репрезентации в текстах и дискурсах различного вида, полагает, что «мы не поймем, как социальные ситуации или социальные структуры вторгаются в *текст* и *речь*, если не поймем, как люди интерпретируют и репрезентируют эти социальные условия в рамках особых ментальных моделей — контекстных моделей» [Дейк 2013: 15]. Разъяснение понятий дискурса и контекстных моделей дается в другой статье Т. ван Дейка: «...конкретный дискурс составляет часть коммуникативного контекста, мы можем предположить, что *репрезентация текста* является частью контекстной модели <...> дискурс является неотъемлемой составляющей контекста. Он связан не только с объектами, о которых идет речь, и, следовательно, для его понимания требуются не только ситуационные модели. Дискурсы сами по себе являются социальными действиями, которые могут запоминаться ради самих себя. Такие дискурсы могут вызывать важные изменения в социальных отношениях и социальных ситуациях. **Судебное разбирательство**, например, в значительной степени состоит из обусловленных ситуацией речевых действий, таких, как обвинение (обвинительные заключения), иски, свидетельства, допросы и приговоры, которые в своей совокупности могут иметь важные социальные последствия» [Дейк 2000: 96].

Социальные практики и ритуалы как процесс постижения и изменения смысла юридических текстов

Рассмотрим пример того, как расширяются и воспроизводятся смыслы, извлекае-

мые из одного и того же юридического текста, в различных культурно-исторических контекстах. Право человека на жизнь относится к фундаментальным правам человека, и запрет на необычное и жестокое наказание относится к вечным проблемам, таким как добро и зло. В XVIII в. в Великобритании более двухсот преступлений карались смертью, и большинство из них составляли преступления против собственности, такие как мелкая кража, сруб дерева или изъятие кроликов с места их обитания. Впоследствии отношение к подобным наказаниям менялось: «...первые признаки того, что Верховный суд склоняется к тому, чтобы распространять действие Билля о правах на штаты в той же мере, что и федеральное правительство, ощутились в 1892 г. <...> в этом деле было заявление ответчика, что штат Вермонт вынес ему „жестокое и необычное наказание“ в нарушение Восьмой поправки <...> Билль о правах, писал Филд в своем „особом мнении“ (ибо большинство членов Суда просто проигнорировало вопрос о „жестокости и необычности наказания“), распространяется только на федеральную власть, постольку, поскольку поправки представляют собой „сдержки для власти“ <...> Штат, таким образом, как и Соединенные Штаты в целом, „не может применять [к гражданину] никаких пыток, вроде закручивания пальцев — т. е. никаких жестоких и необычных наказаний“» [Рейчли 1996: 97—128]. Как видно из обширной цитаты, судья Филд высказал идею распространения действия запрета на необычное и жестокое наказание на все штаты. Другой судья Верховного суда США, Стефан Брейер, через сто двадцать лет в «*особом мнении*» (**dissenting**) повторит, что «The Constitution there forbids the “inflict[ion]” of “cruel and unusual punishments”» [Breyer] (...*смертная казнь по своей сути может сегодня считаться законодательно запрещенным, жестоким и необычным наказанием*... — Верховный суд США, 29 июня 2015 г.). В вопросах смертной казни в законодательстве ряда штатов США до сих пор имеются различия, поскольку в сфере законодательной политики штаты обладают большой независимостью. В целом же «в западноевропейской культуре сегодня признается даже **неотъемлемое право на жизнь**, что исключает смертную казнь» [Четвернин 2003: 56].

Развитие науки о языке привнесло в социальную и философскую науки понятия «*текста*», «*философского дискурса*», «*юридического и правового дискурса*». С учетом современных достижений психологии и социологии возникают понятия «*обыденного*

сознания», «социальных и коллективных представлений». Содержание юридических текстов теперь рассматривается учеными как основанное на базовых понятиях правовой культуры, поддерживаемых ритуалами (дискурсивными практиками), в которых в форме языковых и предметных символов объективируются соответствующие идеи, принципы и ценности. Вместе с тем, учитывая идеи Пьера Бурдьё, можно говорить о том, что господствующий класс через почти неограниченное влияние в образовании, науке и вообще в культуре определяет, какое прочтение (понимание, воспроизводство) «юридического текста» является предпочтительным на данном историческом этапе развития данного общества. В развитие теоретических работ Дж. Л. Остина и Г. Л. А. Харта мы предлагаем использовать достижения лингвистики текста, когнитивной и корпусной лингвистики для описания того, как действуют посредством языка юридические тексты, либо правовых сценариев (ритуалов) и целиком правовых систем.

Контекст для толкования понятия.

Интертекст для толкования всего текста

Для устранения многозначности юридического понятия бывает достаточно **контекста**, но для устранения неопределенности юридического текста, такого как закон, контекстом, определяющим его значение, является система ценностей общества, международно-правовые договоры и соглашения и т. п. Во введении нами обозначена проблема устранения многозначности юридического понятия, которая снимается контекстом употребления. Рассмотрим как пример ключевое понятие современной политико-экономической системы западноевропейской цивилизации — «**верховенство права (закона)**». Запрос в сервисе «Гугл-тренд» (см.: [Google Trends]). Это публичное веб-приложение корпорации «Google», основанное на поисковой системе «Google», которое показывает, как часто определенный термин ищут по отношению к общему объему поисковых запросов в различных регионах мира и на различных языках) указывает на то, что запрос **supremacy of law** осуществляется только с территории США, **rule of law** встречается в 33 раза чаще, на 4 континентах (кроме Южной Америки, т. е. испаноговорящих стран), что можно связать с более широким значением второго выражения, включающего понятие **правового государства**. Поисковый запрос на русском языке «верховенство права (закона)» дает почти нулевой результат. На испанском языке запрос «**primacia (prioridad) de la ley**» (исп. «верховенство права») для испаноговорящей

части мира (около 500 млн человек) подтверждает отсутствие запросов по этому понятию. На немецком языке «**Rechtsstaatlichkeit**» (нем. «**верховенство права**») также дает незначительное количество запросов. Для франкоговорящей части мира **la prééminence de la loi** (фр. «верховенство права») также демонстрирует весьма скромное количество поисковых запросов. Мы использовали удобный и простой инструмент для того, чтобы сравнить языковую картину мира в аспекте важнейшего понятия права «верховенство права» для англо-, франко-, испано-, немецкоговорящей части мира. Являясь изобретением правовой мысли Британии, «**rule of law**» вызывает интерес в странах Британского Содружества (англ. **Commonwealth realms**) и США.

Закон также может быть «многозначным». На нескольких примерах поясним, что является контекстом для всего закона. Использование государством «спящих» **неправовых законов** упоминается в высказывании Дж. Милля: «...хотя английский Закон о печати и до сих пор еще так же подл, как был во времена Тюдоров, но мало опасности, чтобы он когда-либо был применим на самом деле, исключая разве в паническую минуту, по случаю каких-либо необычных обстоятельств, когда, например, страх восстания выведет министров и судей из их нормального состояния...» [Милль 1895: 10—15]. О. Э. Лейст, напротив, полагает, что «сущностным качеством права является официальное установление (санкционирование или создание) правовых норм государством и охрана их государственным принуждением <...> правовая норма существует с момента ее признания или создания и объявления обязательной государством. Норма действует до ее официальной отмены или до разрушения создавшего ее государственного строя <...> нельзя согласиться с мнением о возможности „фактической отмены“ правовой нормы. Если правовая норма долгое время не реализуется в правоотношениях, а противоречение ей деяния (правонарушения) не пресекаются и не караются, но сама норма официально не отменена, она остается действительной и действующей нормой» [Лейст 2008: 47].

В действительности **контекстом**, определяющим правильное толкование всего закона, является Конституция, а также ратифицированные международные договоры и обязательства соответствующего государства. Ограничение противоправных законов действующей Конституцией описывает Ганс Кельзен. «К политическим правам причисляются также т. н. основные права и

(охраняемые правом) свободы (*Grund- und Freiheitstrechte*), предусмотренные конституциями современных государств. Так, эти конституции гарантируют равенство перед законом, свободу (т. е. неприкосновенность) собственности, свободу личности, свободу слова (в особенности свободу печати), свободу совести (в частности, свободу религии), свободу создания объединений, свободу собраний и т. д. <...> это скорее запреты нарушать гарантированные свободы посредством законов (или законозаменяющих постановлений), т. е. отменять или ограничивать эти свободы. И суть этих запретов состоит не в том, что на законодательный орган возлагается правовая обязанность не издавать таких законов, а в том, что если такие законы стали действительными, они могут на основании их „неконституционности“ быть снова отменены по специально предусмотренной для этой цели процедуре» [Кельзен 2015: 180—181].

В заключение статьи отметим следующее. С одной стороны, представления об уподоблении правовой системы языковой системе, соблюдения правил грамматики — следованию закону являются общеизвестными. С другой стороны, отсутствует обязанность устранять недостатки правовой теории в связи с образовавшимся отрывом от смежной междисциплинарной научной отрасли — лингвистики. Первый «лингвистический поворот» существенно изменил важнейшие направления ряда гуманитарных исследований, после чего уступил место другим актуальным направлениям в социально-гуманитарной науке. Лингвистика за прошедшие десятилетия, когда интерес к ней был утрачен, приросла новыми методами, теориями. Рекурсивные механизмы, подробно рассмотренные в лингвистике, будут иметь решающее значение для моделирования юридических текстов (законов), для производства и воспроизводства текстов законов и, самое главное, воспроизводства заложенных в основание права ценностей и смыслов. В свою очередь, лингвистике необходимы достижения других гуманитарных наук, поскольку значительное число языковых явлений объясняется социально-культурными факторами и передачей опыта от одних людей к другим. Научение социальному опыту путем повторяющихся социальных практик и ритуалов неоднократно попадало в поле зрения ученых и описывалось («снимать шляпу в церкви», «ходить в кино по субботам»), необходимо расширить применение новых моделей для построения

собственного метаязыка социально-гуманитарных наук.

Исследования по философии права и языка обогащаются новыми фактами и теориями. Результаты междисциплинарного изучения языка с обращением к таким наукам, как психология, когнитивистика, информационные технологии и другие, демонстрируют значительные научные и коммерческие успехи, следовательно, применение таких подходов к неразрешенным и «старым» проблемам аналитической философии, философии языка, философии права является необходимым и своевременным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : Прогресс, 1989. С. 413—423.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1986.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1981. 138 с.
4. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика : сб. статей / пер. с англ. А. М. Корбута. — Минск : БГУ, 2003. 232 с.
5. Дейк Тён А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
6. Константинова М. В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) : автореф. ... канд. филол. наук. — Курск, 2011.
7. Кельзен Ганс. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. — СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
8. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. — М. : Зерцало, 2008. 246 с.
9. Милль Дж. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10—15.
10. Оглезнев В. В. Теория юридического языка в философии права Г. Харта : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Томск, 2012.
11. Паламарчук А. А. Гражданское право в раннеэпохальной Англии: институты и идеи : дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2016.
12. Рейчли Джеймс. Свобода совести и толкование Первой поправки к Конституции США // Российский бюллетень по правам человека : [сб.]. 1996. С. 97—128.
13. Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / сокр. пер. с франц. Т. А. Ребеко. — М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. 232 с.
14. Коллинз Рэндалл. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. — М. : Территория будущего, 2009. 320 с.
15. Рулан Н. Юридическая антропология / пер. с франц. В. С. Нерсесянц. — М. : НОРМА, 1999. 310 с.
16. Слепухин С. Н. Индоевропейские механизмы стереотипизации в юридическом дискурсе (на примере категорий «persona», «res mobilis / res immobilis») : дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2014. 250 с.
17. Хартман П. Текст, тексты, классы текстов // Проблемы теории текста : рефератив. сб. / АН СССР. — М., 1978. С. 168—185.
18. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства. — М. : Ин-т государства и права РАН, 2003. 204 с.
19. Breyer J. Dissenting. Supreme Court of the United States. No. 14–7955 : Richard E. Glossip, et al., petitioners v. Kevin J. Gross, et al.
20. Google Trends. URL: <https://www.google.ru/trends/>.

P. K. Zvereva
Tyumen, Russia

LINGUO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF LEGAL TEXT

ABSTRACT. *The goal of the paper is to describe the models of distinguishing, comprehension and creation of legal texts. Linguistics of the 1970–80-s had a great impact on different areas of research. Text linguistics is found in political linguistics papers, cognitive linguistics is used in the study of metaphors, discourse theory is applied to the study of legal discourse (which is opposed to legal text). Linguists are interested in legal texts, as language is a form of expression of law, the bases of law are fixed in the language, or with the help of the language. The study of the language of law requires interdisciplinary approach and ideas that are based on the philosophy of language, philosophy of law, cognitive linguistics and text linguistics. The main task of a legal expert is to explain the language of law by means of interpretation of the main legal concepts. The meaning of a legal concept often depends on the context, but at the same time there is no unanimous notion of what the context of law is. It is believed that the context of law is the legal system of the state. Support and reproduction of the legal system have much in common with the linguistic phenomenon of recursion. The paper attempts to reconsider some notions offered by H.A. Hart on the level of the main legal texts (law, Constitution). The conception that people speak in texts, rather than in phrases, sentences or words, require reconsideration of some ideas of philosophy of law. The paper provides examples of how the findings of contemporary linguistics are used to solve some problems of philosophy.*

KEYWORDS: *legal texts; legal discourse; context; legal concepts; language of law; cognitive linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zvereva Polina Konstantinovna, Post-graduate Student, Department of Humanities and Social Sciences, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia.*

REFERENCES

1. Bart R. Ot proizvedeniya k tekstu // Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika : per. s fr. / R. Bart ; sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. — M. : Progress, 1989. S. 413—423.
2. Bakhtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza // Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. — M., 1986.
3. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — M. : Nauka, 1981. 138 s.
4. Dzherdzhen K. Dzh. Sotsial'nyy konstruksionizm: znanie i praktika : sb. statey / per. s angl. A. M. Korbuta. — Minsk : BGU, 2003. 232 s.
5. Deyk Ten A. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii : per. s angl. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.
6. Konstantinova M. V. Spetsifika yuridicheskoy metafory v individual'nom leksikone (eksperimental'noe issledovanie) : avtoref. ... kand. filol. nauk. — Kursk, 2011.
7. Kel'zen Gans. Chistoe uchenie o prave. 2-e izd / per. s nem. M. V. Antonova i S. V. Lezova. — SPb. : Alef-Press, 2015. 542 s.
8. Leyst O. E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. — M. : Zertsalo, 2008. 246 s.
9. Mill' Dzh. O svobode / per. s angl. A. Fridmana // Nauka i zhizn'. 1993. № 11. S. 10—15.
10. Ogleznev V. V. Teoriya yuridicheskogo yazyka v filosofii prava G. Kharta : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Tomsk, 2012.
11. Palamarchuk A. A. Tsivil'noe pravo v rannestyuartovskoy Anglii: instituty i idei : dis. ... d-ra ist. nauk. — SPb., 2016.
12. Reykli Dzheymz. Svoboda sovesti i tolkovanie Pervoy popravki k Konstitutsii SSHA // Rossiyskiy byulleten' po pravam cheloveka : [sb.]. 1996. S. 97—128.
13. Rishar Zh. F. Mental'naya aktivnost'. Ponimanie, rassuzhdenie, nakhozhdenie resheniy / sokr. per. s frants. T. A. Rebeiko. — M. : Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 1998. 232 s.
14. Kollinz Rendall. Chetyre sotsiologicheskikh traditsii / per. V. Rosmana. — M. : Territoriya budushchego, 2009. 320 s.
15. Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya / per. s frants. V. S. Nersesyants. — M. : NORMA, 1999. 310 s.
16. Slepukhin S. N. Indoevropeyskie mekhanizmy stereotipizatsii v yuridicheskom diskurse (na primere kategoriy «persona», «res mobilis / res immobilis») : dis. ... kand. filol. nauk. — Novosibirsk, 2014. 250 s.
17. Khartman P. Tekst, teksty, klassy tekstov // Problemy teorii teksta : referativ. sb. / AN SSSR. — M., 1978. S. 168—185.
18. Chetvernin V. A. Vvedenie v kurs obshchey teorii prava i gosudarstva. — M. : In-t gosudarstva i prava RAN, 2003. 204 s.
19. Breyer J. Dissenting. Supreme Court of the United States. No. 14–7955 : Richard E. Glossip, et al., petitioners v. Kevin J. Gross, et al.
20. Google Trends. URL: <https://www.google.ru/trends/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филос. наук, проф. В. Лезьер.

К. В. Злоказов

Санкт-Петербург, Россия

Т. И. Колмыкова, Е. А. Рыбьякова, Р. И. Степанов

Екатеринбург, Россия

**ВОСПРИЯТИЕ ЧИТАТЕЛЕМ УГРОЗЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

АННОТАЦИЯ. В предлагаемой работе с теоретической и экспериментальной частью рассматривается проблема восприятия читателем угрозы в информационном пространстве. Показано, что угроза является актом речевой манипуляции и нередко нацелена на оказание воздействия на читателя с целью изменения его модели поведения. В работе обсуждаются процедура и результаты экспериментального исследования, в котором испытуемым предъявлялись три информационных сообщения с угрозами здоровью, потери социального статуса, репутации. Испытуемыми являлись 70 студентов (52 % — мужчины, $M = 20$, $\sigma = 1,1$). Изучалась точность восприятия угрозы, в том числе понимания ее смысла, оценивались эмоции, возникающие в ответ на угрозу.

Результаты показывают, что восприятие разных угроз не является тождественным и определяется двумя группами моделирующих переменных. Они влияют на точность восприятия угрозы и образ совладающего с угрозой поведения. Первая группа переменных определяется социально-культурными особенностями испытуемых, их полом и возрастом. Она влияет на большую подверженность репутационным угрозам у девушек, большую негативную оценку угрозам здоровью и социальному статусу у юношей. Вторая группа переменных определяется эмоциями. Установлено, что угрозы здоровью воспринимаются точнее, если сопровождаются страхом, риск социальному статусу сочетается с гневом и печалью, угрозы репутации воспринимаются точнее и адекватнее, если человек находится в нейтральном, уравновешенном состоянии.

Наконец, определено, что распространенной моделью поведения в ответ на угрозу выступает поиск информации об угрозе, причинах ее возникновения, потенциальной реализуемости. Важную роль в формировании образа поведения играют сила эмоции и ее модальность. Позитивные эмоции способствуют конструктивному, совладающему поведению, а негативные — реконструктивному, поисковому.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационные угрозы; информационное пространство; восприятие информации; негативное воздействие; модели поведения; экспериментальные исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общей психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург); 198515, Россия, Санкт-Петербург, Стрельна, Санкт-Петербургское шоссе, д. 17; e-mail: zkrivit@yandex.ru.

Колмыкова Татьяна Ильинична, курсант факультета подготовки следователей, Уральский юридический институт МВД России; 620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: t.colmykova@yandex.ru.

Рыбьякова Екатерина Алексеевна, курсант факультета подготовки следователей, Уральский юридический институт МВД России; 620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: katya.rybyakova@mail.ru.

Степанов Роман Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики, Уральский юридический институт МВД России; 620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: ramanist89@mail.ru.

Окружающее человека информационное пространство растет с каждым годом. Информация производится во все больших объемах: последние двадцать лет радио и телевидению успешно составляют конкуренцию интернет-источники информации. Интернет-аудитория растет взрывными темпами [Дружинин 2016]: 70 % граждан России в возрасте от 18 лет и старше пользуются Интернетом, среди молодежи 16—29 лет лица, использующие Интернет, к настоящему времени составляют 97 % [Ардавов 2016].

Изменяется не только количественный, но и качественный вид информации в сети Интернет. Она упрощается по содержанию, визуализируется, содержит больше элементов, привлекающих внимание читателя. Производители информации прямо заинтересованы в визуальности и эмоциональности формы, поскольку зависят от количества читательской аудитории [Маркетинг в социальных медиа 2013]. В этих условиях усиливается проблема достоверности сведений,

ведь получение зрителем ангажированной, рекламной, фейковой информации влечет за собой принятие неверных решений, риск стать жертвой мошенничества [Казанцев, Згадзай 2011].

Помимо роста информации, наблюдается изменение способов ее воспроизводства и представления. Это наиболее заметно проявляется в поведении аудитории. Позиция зрителя становится активной — человек сам выбирает источники информации, форму ее подачи [Куракин 2016]. Поэтому производители информации в сети Интернет стремятся привлечь внимание читателя. Для этого используются знания о психологии читателя.

Известно, что при выборе информации более актуальной становится та, что прямо связана с удовлетворением жизненных потребностей человека. Сообщение об опасности, потенциальной угрозе привлекает внимание читателя в большей степени и будет с большей долей вероятности прочита-

но, нежели сообщение, не содержащее такой информации. Информация о возможности подвергнуться заболеванию, лишиться социальных льгот, положения в обществе, быть обманутым близким человеком надежно приковывает к себе внимание зрителя.

Нередко угрозы здоровью, социальному положению или межличностным отношениям используются для управления поведением человека и выступают одной из форм манипуляции при мошенничестве в сети Интернет [Никитина 2010]. При этом возбуждение страха производится целенаправленно, для того чтобы повлиять на принятие решений человеком, например затормозить или ускорить решение либо склонить его в пользу конкретного варианта действий.

В свете этих соображений изучение влияния угроз в информационном пространстве на читателя становится важным с научной и прикладной точек зрения.

В научной публицистике проблеме угрозы посвящено множество лингвистических, социально-психологических исследований. Согласно наиболее общему описанию, угроза представляется как разновидность речевого воздействия [Быстров 2001], нацеленная на формирование чувства страха [Melov, Mohandie, Green 2008], изменение социального поведения [Frauser 1975] или социального статуса субъекта, который ей подвергается [Bourdieu 1991]. Угроза разделяется на реализуемую и нереализуемую (псевдоугрозу), цель которой — манипуляция поведением. Прослеживаются две линии исследований угрозы: одна концентрируется на оценке реалистичности — реализуемости, вторая оценивает влияние угрозы на поведение жертвы. Оба направления имеют прикладной характер, поскольку позволяют прогнозировать риск угрозы, например при сообщении в полицию о террористическом акте [Злоказов, Рыбьякова, Степанов 2016], определять характеристики анонимного лица. С другой стороны, влияние на жертву выступает предметом судебной экспертизы личности и поведения преступника и жертвы. Несмотря на важность исследований восприятия угрозы человеком, в отечественной научной литературе оно представлено в виде социологических исследований представлений человека об угрозах качеству жизни, рисков, связанных с социально-экономическим положением, преступностью, политикой и прочим.

Психолингвистические исследования восприятия угрозы представлены в основном в зарубежных работах и выполнены на материале анонимных звонков. Анализ переживаний жертвы проводится посредством опи-

сания негативных эмоций, а формирование представлений об угрозе находится вне зоны исследовательских интересов. Наше исследование направлено на восполнение этих пробелов. Его цель — описать восприятие угрозы, поступающей из СМИ, очертить факторы, влияющие на формирование представления об угрозе и моделирование поведения, связанного с ее совладанием. Мы полагаем, что установление отношений между информацией об угрозе и восприятием читателя, его эмоциональным состоянием обогатит представление о речевых манипуляциях, их проявлениях и воздействиях на общество.

Изучение угрозы происходит в рамках когнитивного подхода, разрабатываемого в психологии [см.: Солсо 1996]. Его ключевые положения в том, что поведение человека полностью зависит от его познавательных способностей, способов восприятия и переработки социальной информации. Общаясь друг с другом, люди обмениваются сведениями, принимают решение, планируют свои действия, учитывая имеющуюся информацию.

Теоретической основой концептуальной схемы восприятия угрозы стали работы, посвященные моделированию образа ситуации [Завалова, Ломов, Пономаренко] человеком и саморегуляции поведения под влиянием угрозы [Конопкин 1980]. В соответствии с ними, представление человека о явлении, точнее его образ, определяет отношение к нему и последующее поведение, а реагирование человека на угрозу включает в себя следующие базовые этапы: 1) восприятие; 2) интерпретацию; 3) моделирование поведения. Преодоление угрозы может быть описано следующей последовательностью шагов: восприятие информации об угрозе перетекает в ее интерпретацию и завершается моделированием действий, направленных на ее предупреждение, избегание, минимизацию последствий.

К примеру, восприятие угрозы во время пилотирования самолета включает в себя ощущения от органов чувств, свидетельствующие о крене, тряске, сигнал датчика «отказ двигателя», изменение показателей приборов измерения давления, топлива, оборотов. Получение информации обо всех этих явлениях интерпретируется и обобщается пилотом в целостный образ нештатной ситуации и приводит к выбору определенной модели поведения. Конечно, непонимание сути сигнала, принципов работы прибора, незнание ведет к искажению представлений об угрозе и ошибкам при пилотировании. Поэтому восприятие угрозы выступает первоначальным и важным этапом реагирова-

ния на нее: от целостного образа угрозы зависят дальнейшие действия человека.

Однако получение информации об угрозе в среде Интернет или СМИ имеет, как нам представляется, некоторую специфику, изменяющую процесс ее интерпретации, так образ угрозы представлен не в сенсорном или перцептивном, а семантическом виде. Прочитывая статью, заметку, человек получает полные сведения о потенциально опасном событии, не нуждаясь в обобщении признаков, сличении их с образцом-эталоном угрозы. Человек действует, исходя из того, воспринял ли он сведения как угрозу или нет. Это зависит в том числе от отождествления с угрозой, т. е. понимания, является ли информация об опасности угрожающей читателю либо нет.

Еще одним важным этапом восприятия угрозы читателем выступает модель поведения. Она связана с угрозой и направлена на избегание либо преодоление последствий опасного события. В ситуации оперативной работы модель поведения является заданной. Так, пилот или водитель знает, какие действия необходимо предпринять для выхода из опасной ситуации. В интернет-пространстве, СМИ информация об угрозе сопровождается сведениями о действиях по ее предупреждению. Например, уведомление об эпидемии сочетается с рекомендациями врачей о профилактике либо покупке лекарств, прохождении процедур. Таким образом, в отличие от действий специалиста, в примере с пилотом информация об угрозе в интернет-среде может не проверяться на истинность. Зачастую ее верификация зависит от отношения читателя к источнику информации, уровня осведомленности, способностей к анализу, жизненного опыта. В истории средств массовой информации описаны ситуации паники, возникавшие под влиянием недостоверных сообщений, например, о высадке инопланетян, состоявшихся экономических, политических событиях [Зубанова 2008].

Итак, опираясь на изложенные соображения, можно полагать, что влияние угрозы, полученной из интернет-среды или СМИ, должно изучаться с учетом: 1) восприятия информации об угрозе; 2) интерпретации читателем угрозы; 3) представления о модели поведения, направленной на преодоление, избегание угрозы. Эти области изучения легли в основу нашего исследования восприятия угрозы читателем.

Поскольку исследований со схожим планом нами обнаружено не было, для изучения угрозы была разработана процедура эксперимента, описание которой приведено ниже.

Она включала в себя собственно экспериментальную часть и сбор данных о психологических особенностях мышления испытуемых, чертах их личности. Обобщение результатов эксперимента проводится в два этапа. В рамках данной публикации будут описаны факты, связанные с восприятием и интерпретацией угрозы, без учета психологических особенностей читателей. В последующей публикации будет показано, как психологические особенности влияют на восприятие, интерпретацию угрозы и моделирование поведения.

Модель эксперимента. Изучались восприятие и интерпретация трех видов угроз: здоровью, социальному статусу, репутации — образу «я» в глазах окружающих людей. Рассматривались особенности восприятия и интерпретации образа угрозы читателем. Гипотезами исследования выступали следующие утверждения:

- а) разные виды угроз различаются по точности восприятия и вызываемым у читателя эмоциям;
- б) точность восприятия угроз зависит от вида эмоциональных переживаний;
- в) угроза влияет на модель поведения.

Процедура эксперимента и показатели. Исследование осуществлялось посредством предъявления человеку информационного сообщения об угрозе, изучения восприятия текста угрозы, интерпретации и стратегий преодоления. Испытуемому предъявлялись три вида угроз.

1. Угроза здоровью: *Говорят, что в городе нашли новый вирус чесотки. Он поражает не всех подряд, а лишь людей с особым типом генов. Он передается даже с кипяченой водой. Симптомы — зуд, высыпания на лице, шее, животе, а у некоторых могут выпасть волосы. Вирус живет 5—6 месяцев, а потом ослабевает.*

2. Угроза социальному статусу: *Есть новость, что наш институт и, следовательно, студенческие группы скоро могут быть расформированы. Конечно, в этом случае можно легко доучиться в другом вузе, но получить менее престижный диплом.*

3. Угроза образу «я» в глазах окружающих: *Твой знакомый распространяет такие слухи, что от тебя отворачиваются близкие люди и друзья.*

Для регистрации ответов нами был разработан специальный бланк, на первом листе которого находился текст угрозы, на последующих — вопросы и задания, которые были обобщены по типам и сгруппированы в рамках одного листа. Испытуемый самостоятельно прочитывал угрозу, после чего

переворачивал лист и не обращался к нему более. Так происходило и с каждым последующим типом заданий.

На втором листе бланка находилось два задания: дословно написать, что содержалось в угрозе, а также изложить то, что понял из текста читатель. Посредством этого изучалось восприятие угрозы человеком, рассматриваемое нами как соответствие текста угрозы ее описанию читателем. Для этого использовались следующие показатели: а) количество слов, применяемых для описания; б) точность — неточность восприятия угрозы; в) сопряжение «я» и угрозы (использование личных местоимений, указаний на читателя: «я», «мой», «мне» и прочих рассматривалось как сопряжение, а их отсутствие — как различие читателя с угрозой).

На третьем листе нами анализировалось представление об угрозе, сформировавшееся у читателя посредством интерпретации информации. Для этого использовались инструкции, актуализирующие интерпретационный этап работы с информацией: «Прочитай текст, я в первую очередь подумал о...», «Пока писал, мне пришла еще мысль о...», «И напоследок...». Испытуемый следовал этим инструкциям, свободно описывал свои мысли, переживания, возникшие в связи с прочитанной угрозой. Нами оценивались четыре стратегии поведения, вызванные угрозой:

1) усиливающая опасное воздействие, т. е. **деструктивная стратегия**. Например, пренебрежение здоровьем, нападение на лицо, распространяющее слухи и сплетни о читателе, готовность отказаться от социального статуса;

2) оценивающая опасное воздействие, т. е. **реконструктивная стратегия**. Например, сбор информации о болезни, попытки понять мотивы лица, распространяющего слухи, спрогнозировать риски в связи с исключением из вуза;

3) противодействующая опасному воздействию, снижающая его последствия, т. е. **конструктивная стратегия**. Например, закупка лекарств, объяснение с друзьями, поиск новых знакомых в вузе;

4) не изменяющаяся под влиянием воздействия, т. е. **уклоняющаяся стратегия**. Здесь читатель перекадывал ответственность за противодействие угрозе с себя на окружающих, не формулировал никаких стратегий подготовки к опасному событию.

Четвертый лист бланка включал оценку эмоциональных переживаний, вызванных текстом угрозы. Для этого применялась инструкция «Какие чувства вызвала эта новость?» и форма семантического дифференциала с набором эмоциональных пере-

живаний, взятых нами из описания К. Изарда [Изард 1999]. Они, согласно автору, являются базовыми, т. е. распространены в обществе, понятны людям, легко ими выражаются и распознаются. Информация об эмоциональных переживаниях, связанных с угрозой, обобщалась путем расчета общего среднего значения по всему перечню эмоций. То есть исследователи не различали влияние угрозы на проявление отдельных эмоций, а оценивали их смещение в сторону негативных либо позитивных выражений.

Извлечение показателей из бланков осуществлялось методом контент-анализа. Для этого все бланки прочитывались экспериментаторами и на основании разработанных правил интерпретации информация заносилась в таблицу.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие студенты юридического и психологического факультетов юридического института, всего 70 человек (52 % — мужчины, средний возраст — 20 лет).

Основные результаты и их обсуждение. Опишем полученные результаты в соответствии с ранее выдвинутыми предположениями о влиянии угрозы на читателя.

1. **Влияет ли вид угрозы на восприятие информации о ней и эмоциональное отношение?**

Ответ на данный вопрос предполагал проведение двух видов измерений: влияния вида угрозы на восприятие и эмоциональное отношение. Рассмотрим полученные нами результаты последовательно.

1.1. Влияние вида угрозы на восприятие информации о ней. Для оценки испытуемому ставилась задача воспроизвести текст угрозы. О специфике восприятия судили по показателям: 1) количества слов, используемых для описания угрозы (больше либо меньше, чем в угрожающем сообщении); 2) точности передачи смысла угрозы; 3) использования личных местоимений при описании угрозы. Анализ осуществлялся путем оценки различий со средними значениями посредством расчета t-критерия Стьюдента.

Различия в восприятии угрозы установлены по показателям количества слов при описании угрозы и точности передачи смысла угрозы. Описание угрозы образу «я» в глазах других людей происходит с использованием большего количества слов, чем угрозы здоровью ($t = 4,01$; $p < 0,01$) и социальному статусу ($t = 2,75$; $p < 0,05$). Это сказывается на точности передачи смысла: угрозы образу «я» искажены в большей степени, чем угрозы здоровью ($t = -2,15$; $p < 0,05$). Причина различий в том, что угроза репутации в глазах близких людей воспринимается

испытуемыми более ярко и непосредственно, нежели угрозы здоровью или социальному положению. Для ее выражения используются слова неполностью либо контекстуально нечетко передающие смысл угрозы. Опасность здоровью и социальному статусу воспроизводилась участниками исследования точно и с минимальным количеством искажений. Интересно, что испытуемые употребляли личные местоимения при воспроизведении текста угрозы здоровью чаще, чем в ситуации угрозы межличностным отношениям ($t = 9,39$; $p < 0,01$). Это же наблюдалось при восприятии угрозы потери социального статуса ($t = 8,39$; $p < 0,01$). Можно предполагать, что эти разновидности угрозы сопровождались ассоциацией читателя с подобной опасностью, направлением угрозы в свой адрес.

Итак, угроза образу «я» в глазах окружающих воспринимается менее точно, описывается большим количеством слов по сравнению с угрозами здоровью или социальному статусу. В целом можно заключить,

что в условиях эксперимента вид угрозы влияет на точность ее восприятия. Менее точным оказалось восприятие угрозы репутации человека, более точным — угрозы здоровью и социальному статусу.

1.2. Определяются ли эмоции читателя видом угрозы? Для оценки эмоциональной реакции на угрозу использовались данные субъективного шкалирования эмоций читателями. Ответы градуировались в значениях от 1 (максимальное выражение негативного полюса эмоции) до 7 (максимальное выражение позитивного полюса эмоции; см. табл. 1), средний балл ответов по всем эмоциям составил 4,36, стандартное отклонение равнялось 0,56. Статистически эти реакции можно интерпретировать как нейтрально-негативные. Отметим показатель стандартного отклонения: он характеризует меру размаха ответов, количественно не превышающую 1 по шкале. То есть эмоциональные оценки в целом по выборке согласованные, их распределение базируется на шкале.

Таблица 1

Фрагмент бланка оценки эмоций

<i>Радость</i>	7	6	5	4	3	2	1	<i>Грусть</i>
----------------	---	---	---	---	---	---	---	---------------

Примечание: испытуемый отмечал, какую эмоцию вызвало у него сообщение об угрозе, обводя соответствующее значение на шкале.

Поскольку выражение эмоций имеет носительный характер, ценность представляют не их абсолютные значения, а разница между реакциями на виды угроз. В частности, установлено, что угрозы потери социального статуса воспринимаются наиболее негативно (средний балл — 4,23) по сравнению с угрозами здоровью (средний балл — 4,31) или образу «я» в глазах окружающих (средний балл — 4,58).

Статистический анализ показал, что эмоции зависят от вида угрозы, но опосредующим фактором, влияющим на их проявление, является пол испытуемых. Так, угрозы образу «я» у мужской части выборки вызывают положительные эмоции: их оценки чаще склоняются к положительному диапазону проявления эмоций, чем у девушек, негативно оценивающих угрозу своей репутации. Вероятно, это объясняется влиянием культурных особенностей восприятия социальных отношений молодежью данного возраста. Девушки более сфокусированы на самопрезентации, нежели их сверстники противоположного пола, и, соответственно, склонны болезненно реагировать на негативную оценку собственных качеств. Юноши негативно воспринимают угрозы своему социальному статусу и здоровью.

2. Какие параметры восприятия угрозы определяются эмоциями читателя? Посредством однофакторного дисперсионного анализа установлено, что эмоциональные реакции влияют на точность восприятия читателем всех угроз в эксперименте. Но эмоции оказывают сложное влияние на точность. Отчасти оно определяется модальностью эмоции: одни эмоции способствуют детальности и полноте восприятия, другие затрудняют его. Отчасти на точность влияет уровень выраженности: чем менее эмоциональным является читатель, тем точнее он передает угрозу. В целом не все эмоциональные проявления влияют на восприятие информации и не всегда их яркое, сильное выражение влияет на точность восприятия. Посмотрим подробнее применительно к видам угроз.

2.1. Угроза болезни. Лучшему восприятию информации о болезни способствует страх: чем страшнее казалась угроза, тем точнее описывалась болезнь, ее признаки ($F = 2,01$, $p < 0,05$).

2.2. Угроза социальному статусу. Точности передачи информации об опасности социальному статусу в эксперименте способствуют эмоции печали ($F = 5,64$, $p < 0,01$) и гнева ($F = 8,07$, $p < 0,01$). Их проявления

схожи, но сочетания не имеют статистически значимого совокупного эффекта. Другими словами, часть опрошенных точно передает информацию под влиянием печали, часть — под влиянием гнева, но наличие обеих эмоций у одного испытуемого не влияют на точность восприятия угрозы. Важно и то, что максимальная точность характерна для крайнего выражения эмоций: испытуемые, выразившие крайнюю степень негодования, были наиболее точны и детальны в передаче признаков угрозы.

2.3. Угроза образу «я» в глазах окружающих воспринимается точнее в связи с подавлением эмоции радости ($F = 2,69, p < 0,05$), снижением уровня печали ($F = 2,67, p < 0,05$). Получается, что на точность влияет не характер эмоции, а уровень ее проявления для данной модальности. Чем нейтральнее эмоциональное переживание радости и печали, тем правильнее воспринимается опасность угрозы утраты репутации.

Обобщая, отметим, что понимание угрозы зависит от различных видов эмоций, а также связано с уровнем их проявления: сильные эмоции печали и гнева делают восприятие опасности потери социального статуса более точным, а риск утраты репутации, напротив, четче воспринимается более спокойными, нежели радостными либо печальными испытуемыми.

3. Влияет ли угроза на модель поведения? В ходе контент-анализа впечатлений читателя мы обращали внимание на то, какую стратегию поведения выберет читатель, оказавшийся под воздействием угрозы. Сравнение средних значений показывает, что большинство испытуемых выбирает конструктивную стратегию поведения в ответ на

все виды угроз в эксперименте. Такая модель поведения нацелена на сбор дополнительной информации, ее обсуждение и оценку (см. табл. 2).

Как следует из таблицы, деструктивные стратегии связаны с угрозами репутации человека. Для остальных видов угроз действия, способствующие возникновению опасности, повышающие тяжесть ее последствий, не обнаружены. Это объяснимо готовностью людей защищать представление о себе и наносить вред человеку, который посягает на него. Поэтому оскорбления, сплетни близких друзей вызывают у опрошенных нами лиц стремление ответить им тем же.

Подчеркнем обнаруженную роль эмоций, вызванных прочтением сообщения об угрозе, в формировании поведения участников эксперимента. Позитивные эмоции в ответ на угрозы социальному статусу и образу «я» в глазах окружающих способствуют формированию конструктивных моделей поведения, а негативные — реконструктивных. В ситуации риска здоровью реконструктивные модели связаны с сильным проявлением эмоций любой модальности, а конструктивные модели поведения формулируются испытуемыми, находящимися в уравновешенном состоянии.

Можно предполагать, что эмоции вносят моделирующий вклад в формирование образа поведения. Проявление позитивной или негативной модальности, а также их степень (от сильной до нейтральной) влияют на испытуемых и меняют их поведение в ответ на угрозу [Baron, Kenny 1986]. Впрочем, это предположение основано на результатах интерпретации и нуждается в более тщательной эмпирической проверке на более представительной выборке.

Таблица 2

Выбор моделей поведения под влиянием угрозы, %

Угроза:	Модели поведения			
	деструктивная, усиливающая воздействие	реконструктивная, оценивающая воздействие	конструктивная, противодействующая воздействию	уклоняющаяся, не изменяющаяся
здоровью	0	16	43	36
социальному статусу	0	10	59	30
образу «я» в глазах окружающих	5	15	26	16

Примечание: часть испытуемых не назвала модель поведения, поэтому сумма процентов не равна 100.

Заключение. Цель статьи заключалась в изучении последствий чтения информации, содержащей в себе угрозу. Для этого был проведен эксперимент, в котором его участникам предъявлялись к прочтению три разновидности угроз: здоровью, социальному статусу, образу «я» в восприятии окружающих. Было установлено, что восприятие угрозы не является однотипным. Так, на точность восприятия влияет характер угрозы, а на эмоциональное состояние дополнительно воздействуют пол и возраст испытуемых. Угрозы образу «я» у девушек вызывают негативные эмоции, юноши более негативно воспринимают угрозы своему социальному статусу и здоровью.

Эмоции, вызываемые информационной угрозой, оказывают влияние на ее восприятие и формирование модели совладающего поведения. Однако это влияние является сложным: угрозы здоровью воспринимаются точнее, если сопровождаются страхом, риск социальному статусу сочетается с гневом и печалью, угрозы репутации воспринимаются точнее и адекватнее, если человек находится в нейтральном, уравновешенном состоянии.

Угрозы влияют на модели поведения: преобладающий вес имело реконструктивное поведение, означающее стремление собрать больше информации об угрозе, причине ее возникновения, реалистичности осуществления. Большую роль в формировании образа поведения играют сила эмоции и ее модальность. Позитивные эмоции способствуют конструктивному, совладающему поведению, а негативные — реконструктивному, поисковому.

Общим результатом исследования стало представление о сложности и неоднородности воздействия угрозы в информационном пространстве на читателя. Полученные нами результаты выходят за рамки поставленных гипотез, поэтому их обсуждение будет продолжено в дальнейших работах.

Становится понятно, что в условиях пилотного исследования результаты работы нуждаются в дополнительных уточнениях концептуального и методического характера.

С концептуальной позиции становится понятно, что чтение текста — неокончательный этап понимания угрозы читателем, не установленное, но, вероятно, существенное значение может иметь время обдумывания, а также процедура осмысления. Угрозы воспринимаются неоднородно: испытуемые по-разному относятся к прочитанному ими, в том числе и несерьезно. Недостаточно освещена роль текста, содержащего угрозу, и контекста его предъявления.

Практически не выяснена позиция адресата, ситуация, в которой читатель относит себя к жертве угрозы. Это, видимо, может оказывать влияние на восприятие и интерпретацию опасной информации. Поэтому в дальнейших публикациях нами будет сделан акцент на влиянии психологических качеств читателя на интерпретацию информации с угрозой.

С методической точки зрения эксперимент должен дополниться группой испытуемых более зрелого возраста, которая будет контрастировать с выборкой студентов. Необходимо включать процедуры рандомизации предъявления угроз для избегания эффектов последовательности, сочетать их восприятие с самоотчетом участников экспериментов для контроля реалистичности угрозы.

Вместе с тем авторы работы надеются, что их усилия будут способствовать повышению интереса научного сообщества к исследованиям речевых манипуляций и воздействия на читателя информационной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардавов М. М. Влияние средств массовой информации на оперативную обстановку // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 5-1. С. 69—74.
2. Быстров В. В. Функционально-семантический анализ меназивных диалогических реплик : дис. ... канд. филол. наук. — Тверь : ТвГУ, 2001. 124 с.
3. Дружинин А. М. Интернет-телевидение в системе политических коммуникаций // Век качества : электр. науч. журн. 2016. № 1. С. 58—71. URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2016/116007.pdf>.
4. Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. — М. : Наука, 1986.
5. Злоказов К. В., Рыбьякова Е. А., Степанов Р. И. Анонимная угроза и план ее воплощения: экспериментальное исследование представлений автора // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 225—231.
6. Зубанова Л. Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. 2008. № 2 (14). С. 6—17.
7. Изард К. Э. Психология эмоций : пер. с англ. — СПб. : Питер, 1999. 464 с.
8. Казанцев С. Я., Згадзай О. Э. Экономическая преступность в IT-сфере. Новые угрозы и необходимые ответы // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2011. № 1 (3). С. 30—36.
9. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. — М. : Наука, 1980. 255 с.
10. Куракин Н. О. Новейшие тренды интернет-технологий на выборах депутатов ГД ФС РФ 18 сентября 2016 г. // PRO NUNC: современные политические процессы. — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2016. № 1 (16). С. 196—203.
11. Маркетинг в социальных медиа. Интернет маркетинговые коммуникации : учеб. пособие / В. П. Тихомиров, Н. В. Тихомирова, Л. А. Данченко, П. Ю. Невоструев, Л. В. Ласковец, С. В. Мхитарян, А. В. Нетесова, А. И. Евдокимчик, Т. В. Дейнекин, А. В. Москваев ; под ред. Л. А. Данченко. — СПб. : Питер, 2013.
12. Никитина И. А. Финансовое мошенничество в сети Интернет // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2010. № 337.
13. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. 1996. 600 с.
14. Baron R. M., Kenny D. A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic,

and statistical considerations // Journ. of Personality and Social Psychology. 1986. 51 (6). 1173—1182.

15. Bourdieu P. Language and symbolic power. — Cambridge, MA: Harvard Univ. Pr., 1991.

K. V. Zlokazov

St. Petersburg, Russia

T. I. Kolmykova, E. A. Rybyakova, R. I. Stepanov

Ekaterinburg, Russia

PERCEPTION OF THREAT IN INFOSPHERE BY THE READER: EXPERIMENTAL RESEARCH RESULTS

ABSTRACT. *The paper discusses the problem of perception of threat in infosphere by the readers. It is shown that threat is a verbal manipulation act and it often aims at persuasion of the reader to change their behavior. The paper describes the procedure and results of experiment, where the tested students were given three information messages containing threat to health, social status and reputation. 70 students took part in the experiment (52% - men, $M = 20$, $\sigma = 1,1$). The accuracy of threat perception was studied, including understanding of its essence, as well as emotions caused by the threat.*

The results show that perception of different threats is not always the same and it depends on two groups of variables. They influence the accuracy of threat perception and the image of behavior to cope with the threat. The first group of variables is determined by the social and cultural features of the tested students, as well as their gender and age. It influences reputation threat of females and health and social status threat of males. The second group of variables is determined by emotions. It is proved that threat to health becomes clearer if accompanied by fear; the threat to social status is more obvious if accompanied by anger and grief, the threat to reputation is realized better if the person is balanced and doesn't have any sharp emotions.

Finally, it is argued that the wide-spread model of behavior in response to threat is the search for information about the threat, its causes and potential influence. The strength of emotion and its modality are important for the choice of behavior. Positive emotions promote constructive and coping behavior, while negative emotions give rise to deconstructive behavior.

KEYWORDS: *informational threat; information space; information perception; negative impact; models of behavior; experimental research.*

ABOUT THE AUTHORS: *Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of General Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia.*

Kolmykova Tatiana Ilyinichna, Cadet of the Faculty of Investigators, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

Rybyakova Ekaterina Alekseevna, Cadet of the Faculty of Investigators, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

Stepanov Roman Ivanovich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Psychology of Official Activities and Pedagogy, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Ardavov M. M. Vliyanie sredstv massovoy informatsii na operativnyuyu obstanovku // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2016. № 5-1. S. 69—74.

2. Bystrov V. V. Funktsional'no-semanticheskiy analiz menasivnykh dialogicheskikh replik : dis. ... kand. filol. nauk. — Tver' : TvGU, 2001. 124 s.

3. Druzhinin A. M. Internet-televidenie v sisteme politicheskikh kommunikatsiy // Vek kachestva : elektr. nauch. zhurn. 2016. № 1. S. 58—71. URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2016/116007.pdf>.

4. Zavalova N. D., Lomov B. F., Ponomarenko V. A. Obraz v sisteme psikhicheskoy regulyatsii deyatelnosti. — M. : Nauka, 1986.

5. Zlokazov K. V., Ryb'yakova E. A., Stepanov R. I. Anonimnaya ugroza i plan ee voploshcheniya: eksperimental'noe issledovanie predstavleniy avtora // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 225—231.

6. Zubanova L. B. Sovremennoe mediaprostranstvo: podkhody k issledovaniyu i printsipy interpretatsii // Vestn. Chelyab. gos. akad. kul'tury i iskusstv. 2008. № 2 (14). S. 6—17.

7. Izard K. E. Psikhologiya emotsiy : per. s angl. — SPb. : Piter, 1999. 464 s.

8. Kazantsev S. Ya., Zgadzay O. E. Ekonomicheskaya prestupnost' v IT-sfere. Novye ugrozy i neobkhodimye otvety // Vestn. Kazan. yurid. in-ta MVD Rossii. 2011. № 1 (3). S. 30—36.

16. Fraser B. Warning and threatening // Centrum. 1975. № 3 (2). P. 169—180.

17. Meloy J. R., Mohandie K., Green M. A forensic investigation of those who stalk celebrities // Stalking, threatening, and attacking public figures: A psychological and behavioral analysis / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). 2008. P. 37—54.

9. Konopkin O. A. Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatelnosti. — M. : Nauka, 1980. 255 s.

10. Kurakin N. O. Noveyshie trendy internet-tekhnologiy na vyborah deputatov GD FS RF 18 sentyabrya 2016 g. // PRO NUNC: sovremennyye politicheskie protsessy. — Tambov : Izd-vo TGU, 2016. № 1 (16). S. 196—203.

11. Marketing v sotsial'nykh media. Internet marketingovyie kommunikatsii : ucheb. posobie / V. P. Tikhomirov, N. V. Tikhomirova, L. A. Danchenok, P. Yu. Nevostruev, L. V. Laskovets, S. V. Mkhitarjan, A. V. Netesova, A. I. Evdokimchik, T. V. Deynekin, A. V. Moskave ; pod red. L. A. Danchenok. — SPb. : Piter, 2013.

12. Nikitina I. A. Finansovoe moshennichestvo v seti Internet // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. 2010. № 337.

13. Solso R. L. Kognitivnaya psikhologiya. 1996. 600 s.

14. Baron R. M., Kenny D. A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations // Journ. of Personality and Social Psychology. 1986. 51 (6). 1173—1182.

15. Bourdieu P. Language and symbolic power. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Pr., 1991.

16. Fraser B. Warning and threatening // Centrum. 1975. № 3 (2). P. 169—180.

17. Meloy J. R., Mohandie K., Green M. A forensic investigation of those who stalk celebrities // Stalking, threatening, and attacking public figures: A psychological and behavioral analysis / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). 2008. P. 37—54.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.111'42:811.111'27

ББК ШП43.21-51+ШП43.21-006.21

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.09

Код ВАК 10.02.19

Н. А. Пром, Т. С. Лихачёва
Волгоград, Россия

ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. ЭДЕЛЬМАНА

АННОТАЦИЯ. Предлагаемая статья рассматривает лингвистический аспект теории символической политики американского политолога Мюррея Эдельмана. Эта концепция представляется междисциплинарной, возникшей на пересечении политологии, социологии и лингвистики. Большая часть трудов ученого посвящена вопросам о том, почему возникли несовершенные политические системы и почему социальное неравенство так глубоко укоренилось в человеческом сознании и получило столь широкое распространение. М. Эдельман не довольствовался рассмотрением только политического аспекта публичного поведения и масс-медиа в конструировании политических образов, он изучал особенности языка и риторике политического взаимодействия, исследовал, как язык, генерированный вокруг политических проблем, формирует ход политики в политически ангажированной бюрократии и трансформирует политические действия в удовлетворительный ответ на наболевшую проблему. Эдельман показал, как в коммуникации между органами власти и общественностью элиты старательно формируют ожидания людей и способствуют тому, чтобы общественность принимала удобное элитам отношение к самой власти. Разные виды лингвистической символики, подвергшиеся изучению в политическом языке, укореняют неравенство, которое в противном случае было бы недопустимо, и обеспечивают массовое принятие неэффективных или даже вредных политических стратегий. Исследователь напоминает о том, что, когда мы позволяем политическому языку создавать нашу реальность, результаты деятельности политиков, манипулирующих общественностью с его помощью, могут быть катастрофическими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвополитология; символическая политика; политический язык; когнитивные presupпозиции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Пром Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет; 400087, Россия, г. Волгоград, ул. Новороссийская, 16; e-mail: natalyprom77@mail.ru.

Лихачёва Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет; 400005, Россия, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 34; e-mail: tatslix@gmail.com.

Введение

Американский политолог и социолог Мюррей Эдельман (1929—2001) посвятил более 40 лет изучению символов и субъективных аспектов в политике. Он наблюдал за политическими выступлениями, пытаясь понять «тайный театр теней» [Edelman 1988]. Его труды признаны классическими в области политической психологии, трудовых отношений и государственной политики.

Поскольку М. Эдельман малоизвестен в России, приведем некоторые факты его биографии. Он обучался в университете Пенсильвании, позже ему присвоили степень магистра по истории в Чикагском университете, а шесть лет спустя докторскую степень по политологии в Иллинойском университете. Он занимался исследовательской деятельностью и преподавал политологию в разных университетах [Chadwick 2003: 44]. После выхода на пенсию в 1990 г. он не оставил профессиональную деятельность и был почетным профессором и президентом Американской ассоциации исследователей общественного мнения (AAPOR), которая играет немаловажную роль в политической жизни США. Во время президентской кампании 2000 г. М. Эдельман работал в штабе Альберта Гора и, пользуясь наработанными социологическими моделями, с большой долей уверенности предсказывал его победу. Этого не случилось, и проигрыш демократов

стал его личным профессиональным поражением [Эдельман 2001: 436].

В своих книгах М. Эдельман уделяет большое внимание воздействию различных языковых форм на политические поступки и их последствия. Он напоминает нам о том, что, когда мы позволяем политическому языку создавать нашу реальность, результаты деятельности политиков, манипулирующих общественностью с его помощью, могут быть катастрофическими. М. Эдельман показывает, как газетные новости постоянно строят и перестраивают наше прошлое, настоящее и будущее, загоняя нас в ловушку собственных коллективных фантазий [Graber 1993: 98]. Работы М. Эдельмана представляют интерес для разных направлений гуманитарного знания. Новизна нашего исследования состоит в выделении и рассмотрении лингвистического аспекта его теории символической политики. Эта междисциплинарная концепция создавалась на пересечении политологии, социологии и лингвистики.

Теория символической политики М. Эдельмана

Основная заслуга М. Эдельмана состоит в создании теории символической политики. По его мнению, идея о том, что политика должна рассматриваться как символическая форма, позволяет объяснить эмпирические

несоответствия между тем, как политические институты демократического общества должны были бы функционировать в теории, и тем, как они функционируют в действительности [Малинова 2012: 7—9].

Являясь одним из сторонников широкого понимания символов и политики, М. Эдельман сумел отказаться от ряда дихотомических противопоставлений, которые задают границы социальных наук. Он рассматривал взаимосвязи между общественным сознанием и поведением без жестких границ между субъектом и объектом, индивидуальным и коллективным, задавая причинно-следственные векторы от материального к идеальному. Не опасаясь неизбежной субъективности, он предпочитал интерпретативные подходы объективным методам, основанным на стандартизированном наблюдении, вследствие чего символическая политика становится удобной категорией для исследования широкого спектра явлений и процессов, связанных с производством и обращением смыслов, под разными углами [Там же: 9]. Вместе с тем понятие символической политики включает опыт его рассмотрения в рамках других дисциплин — социальной психологии, социологии, лингвистики, семиотики, антропологии и др.

В своей самой известной книге «Символическое использование политики» [Edelman 1964] Мюррей Эдельман рассматривал то, как множественные значения отдельных событий, людей, процессов и институтов могут быть мощным альтернативным источником добра или зла. В своих работах он убедительно доказывал не только то, что «самые распространенные формы участия населения в управлении государством в значительной степени носят символический характер, но и то, что многие из государственных программ, которые, как всегда считалось, предназначены для того, чтобы принести пользу массовой общественности, на самом деле приносят пользу лишь относительно небольшим группам» [Эдельман 1977: 4]. В этом и многих других явлениях общественной жизни М. Эдельман видел проблему неравенства, чего, по его мнению, не должно было быть в его любимой Америке — стране широких возможностей. Причиной этого неравенства он считал тех, кто стоит у власти и обманывает общество, поэтому он изучил способы, с помощью которых лидеры используют ключевые символы и общие способы употребления языка, чтобы повысить легитимность своей власти.

Подход, предложенный Мюрреем Эдельманом, был поддержан многими исследователями. Массовое признание он получил в

Соединенных Штатах, где его теория символической политики стала предметом широкой междисциплинарной дискуссии. Работы М. Эдельмана более широко известны в США, чем в Европе. В Германии эта теория разрабатывалась в 1980—1990-х гг. такими учеными, как Р.-Ж. Шварценберг, У. Сарцинелли, Т. Майер, А. Дёрнер. В российской науке влияние М. Эдельмана прослеживается в философских, социологических и политологических публикациях С. П. Поцелуева, Д. А. Мисюрова, К. В. Киселева, О. Ю. Малиновой конца прошлого и начала нынешнего века. Причину столь запоздалого внимания к теории М. Эдельмана в нашей стране мы видим, с одной стороны, в том, что его философия была посвящена американскому обществу и, на первый взгляд, была неактуальна для советской науки из-за отсутствия межпартийной борьбы, равно как и общественного неравенства, с другой — в том, что Советский Союз был закрыт для популяризации работ подобного рода по тем же причинам, хотя в указанной концепции явно прослеживается влияние марксистской теории.

Гигантское влияние США, распространившееся на остальной мир в последние десятилетия, проникновение американской модели политического поведения в общественную жизнь других государств, как представляется, определяют актуальность работ М. Эдельмана в современной гуманитарной науке, поскольку они проливают свет на многие вопросы и дают возможность понять скрытые механизмы американской, а теперь уже и всемирной политики.

Лингвистический аспект теории символической политики

В основе всех социальных процессов М. Эдельман видел язык. В университетские годы в Чикаго М. Эдельман познакомился с философией Дж. Мида, оказавшей на него большое влияние и определившей лингво-социологическую сторону его исследований. Описывая процесс социализации как непрерывный человеческий опыт восприятия мира, при котором этот мир выборочно с помощью языка извлекается из нашего опыта и привносится в сознание, М. Эдельман в качестве примера рассматривает формирование опыта, позволяющего ценить вино: «...пробуя вино на вкус в первый раз, не сразу почувствуешь разницу, а лишь сильный, странный вкус, которому не хватает утонченности. С большим опытом, возможно, через несколько лет, пообщавшись с другими людьми, человек учится — с помощью языка — ценить вино, его утонченность, элегантность и силу, танины молодого вина,

и вместе с тем баланс и сложность тонкого выдержанного вина. Именно посредством языка мы понимаем собственный опыт, узнаем общие значения культуры и применяем эти значения к себе. Мы можем примерить на себя чью-либо роль и предположить, чего от нас ждут другие. Это процесс социализации» [Edelman 2001: 437].

Следовательно, влияние языка можно обнаружить в любой сфере социальной жизни человека: религии, образовании, профессиональной деятельности и, разумеется, политике, где язык играет ключевую роль в качестве инструмента воздействия на сознание реципиента. То, что большинство людей воспринимают политику опосредованно, неизбежно вводит язык в качестве посредника при формировании ее восприятия. Поэтому М. Эдельман не довольствовался рассмотрением только политического аспекта публичного поведения и массмедиа в конструировании политических образов, он изучал особенности языка и риторику политического взаимодействия, исследовал, как язык, генерируемый вокруг политических проблем, формирует ход политики в политически ангажированной бюрократии и трансформирует политические действия в удовлетворительный ответ на наболевшую проблему [Kaid 2008: 193].

Если для политологов и социологов основным чтением в научном творчестве является книга М. Эдельмана «Символическое использование политики» [Edelman 1964], то для нашего исследования представляет интерес его работа «Политический язык: успех слова и провал политики» [Edelman 1977] — сборник эссе, посвященных таким проблемам, как последствия номинации, кризис, смысл политической архитектуры, язык помогающих профессий и др. Каждое из этих эссе демонстрирует острую наблюдательность, внимание автора к языку и его широкие интеллектуальные интересы.

Наш журнал предоставляет своим читателям уникальную возможность ознакомиться с первым переводом на русский язык некоторых глав из этой книги [Эдельман 2016, 2017]. Хочется надеяться, что и в нашей стране эти эссе станут настоящим must-read для филологов, работающих с политическим дискурсом, социолингвистов, политологов и социологов. Они, несомненно, будут интересны всем, кто как-то связан с политикой или просто интересуется ей.

В социологии большинство исследований сосредоточено на формировании политики, направленной на сокращение экономического и социального неравенства, и совсем немного работ посвящено вопросу, почему возникли

такие несовершенные политические системы, как это неравенство настолько укоренилось в человеческом сознании и получило столь широкое распространение «при относительной пассивности жертв» [Lipsky 1977: XVII]. Именно учет языкового аспекта позволяет объяснить данную проблему.

Роль номинации

В 1970-х гг. появилась инновационная теория о том, что именно язык формирует большую часть политической реальности, ощущаемой людьми. Как многие социолингвисты, М. Эдельман видел важную связь между номинацией и знанием и рассматривал роль номинации и интерпретации в политике. В книге «Символическое использование политики» он наблюдает, как наименование становится способом понимания вещей, как «термины, которыми мы называем или говорим о чем-либо, делают больше, чем просто обозначают предмет; они помещают его в класс объектов, тем самым указывая, как его нужно расценивать и с чем следует сравнивать, а также определяют подход, с точки зрения которого он будет рассматриваться и оцениваться». Как и многие другие исследователи, М. Эдельман отводил языку центральную роль в понимании людьми их окружающего мира, отмечая особое влияние языка, когда он действует бессознательно, распространяясь на восприятие, понимание и опыт.

В политике, как и религии, язык, будь он ритуальным или банальным, усиливает жизнеутверждающее убеждение, независимо от его обоснованности, и блокирует скептический запрос о беспокоящих проблемах. «Язык является неотъемлемым аспектом политической сцены — не просто инструмент для описания событий, но и сам часть событий, формирующий их смысл и помогающий выявить политические роли официальных лиц и широкой общественности как участников пьесы» [Edelman 1985: 10]. В этой связи М. Эдельман дает исследователям языка методику, которая позволяет обнаружить, каким образом убеждения и понимание прикрепляются к словам (обоснованность этих убеждений не обязательна). При этом необходимо учитывать то, что понимание граждан основывается на убеждениях, которые часто привязаны к употреблению слов, независимо от того, правильны эти представления или нет [Jarvis 2005: 59].

Решающее значение выбора «именования» детально рассмотрено на примере бедности, когда «именование» может помочь или помешать созданию государственной политики, предоставляя выбор полити-

кам и общественности. Когда социологический термин «достойные и недостойные бедные» был введен в политическую дискуссию, появился выбор: должно ли правительство помогать «недостойным» бедным, заслуживают ли обе группы помощи и др. Само создание символа достойных бедных позволяет (1) правительству ничего не делать для миллионов бедных людей после того, как вербально их определили как «недостойных», и (2) обедневшим гражданам рассматривать других бедных людей как «недостойных», становясь на сторону правительственных элит, а не идентифицируя себя с теми, кто находится в таких же экономических условиях.

Во всех своих ключевых работах М. Эдельман обращает внимание на влияние сознательно навешанных ярлыков в политике. «Достойные (недостойные) бедные, незаурядный интеллект или умственная отсталость, опытный дипломат, авторитарная личность, бизнесмен-общественник — все эти определения претендуют на то, чтобы быть дескриптивными терминами, основанными на наблюдениях или достоверных выводах из наблюдений. Тем не менее, каждый из них заставляет без доказательств принять многое из того, что является спорным, неизвестным или ложным. Такие термины классифицируют людей по их предполагаемому достоинству без учета сложных и противоречивых допущений, выводов, умолчаний, вероятности ошибок, а также альтернативных возможностей, существующих для тех, кто использует термины. Их применение в политической дискуссии препятствует сохранению критической позиции в отношении ментальных процессов наблюдателя и осторожности, считающихся отличительными чертами науки. Хотя подобные способы категоризации ближе к догмам, чем к науке, они порождают сложные когнитивные структуры в обществе, которое считает, что языковые формы являются точными и научными. Они оправдывают социальное неравенство тем, что оно якобы основывается на личных качествах: интеллекте, навыках, моральных принципах или здоровье» [Эдельман 2017: 165].

Ирония американской политики в том, что она опирается на «согласие» управляемых, которое означает вынужденную общественную покорность политическим и экономическим структурам и отношениям, в которых многие люди не процветают, а оказавшись в ловушке, практически не проявляют независимую инициативу. Мнения, бросающие вызов данному статус-кво, не обладают достаточной респектабельностью, которая могла бы сделать их предметом серьезного

обсуждения. Так ненадежным политикам оказывают доверие, политический дискурс опошляется и ритуализируется, общественным мнением манипулируют, а акции протеста инсценируются и превращаются в шоу [Lipsky 1977: XVII—XX]. В общем, создается иллюзия полной демократии, существования конкуренции среди элит и возможности участия масс в процессе принятия решений.

Еще в 1964 г. в книге «Символическое использование политики» М. Эдельман показал, как в коммуникации между политическими органами власти и массовой общественностью элиты старательно формируют ожидания людей и способствуют тому, чтобы общественность принимала удобное элитам отношение к самой власти. Он продемонстрировал неявный способ анализа публичных заявлений и действий властей с точки зрения их символического содержания и психологического воздействия на зависимое население, ищущее успокоения и буквально требующее руководства. Он убедительно доказывал, что почитание независимого «общественного мнения» не имеет под собой никакого основания, так как сами лидеры стремятся, как правило, контролировать восприятие массовой общественности, которому они позже «дадут ответ». М. Эдельман смог не просто показать, что государственная политика зачастую не приводит к действиям в соответствии с заявленными намерениями творцов, но сделал убедительные доводы в пользу того, что реально политика работает на благо элит, в то время как ее символические показатели ложно успокаивают массовую общественность тем, что их интересы защищены от хищничества влиятельных групп.

Государственные бюрократические структуры успешно используют язык с тем, чтобы сформировать нужное им представление о своей работе, причем делают это значительно лучше, чем решают хронические социальные проблемы, для чего, собственно, и созданы [Edelman 1977: 78]. «Этому в значительной степени способствуют помогающие профессии, которые являются наиболее полезными современными агентами социального конформизма и изоляции... в большинстве своем не обремененными самокритикой и скептическим отношением к политическим событиям» [Там же: 76].

Следовательно, политические реалии в основном недоступны для общественности, за исключением той действительности, которую генерировали элиты посредством символов. Такие символы часто создают иллюзию политических решений сложных проблем [DeCanio 2005: 339] — решений, разработанных экспертами, осуществляе-

мых эффективными лидерами и безальтернативно успешных в их результатах.

Анализ интерпретаций

Книга «Политический язык: успех слова и провал политики» представляет собой анализ роли символов посредством исследования их периодически возникающих и устойчивых связей с наблюдаемым политическим поведением, которое меняется в зависимости от социальной ситуации и изменений значимых символов. Данные для анализа включают (1) общие термины, метафоры и другие повседневные фигуры речи по мере их появления в заявлениях государственных должностных лиц, государственных органов, в материалах СМИ; (2) термины, используемые в соответствующих профессиональных статьях и экономическом анализе, а также (3) публичные действия и реакции на них, которые обычно повторяются.

Поскольку «люди имеют дело не с политическими событиями, а с языком, на котором о них рассказывают» [Edelman 1977: 142], и политический язык, таким образом, «является политической реальностью» [Edelman 1988: 104], политолог должен изучить методы, с помощью которых язык создает политическую реальность в различных контекстах [Chadwick 2003: 49].

В своей ранней работе [Edelman 1964] М. Эдельман рассматривал различные языковые стили и их применение политическими, административными и судебными элитами. Различая *побудительный*, *юридический* и *переговорный* стили, он определил роль каждого из них в поддержании политического устройства. Наиболее распространенной формой политической риторики и важным для понимания роли риторики в обеспечении общественной поддержки является язык наставлений, или побудительный стиль. Ключевым моментом здесь является то, что лингвистическое содержание и форма объединяются, чтобы убедить общественность в том, что с ней в настоящее время *консультируются* по вопросам политики. В побудительном стиле языка присутствуют гиперболы, личные нарративы и обращения к широкой аудитории, которые служат для создания смыслового содержания. Значение побудительного политического языка можно обнаружить одновременно в его основном содержании, которое варьируется от случая к случаю, и, что самое главное, в демонстрации публичного обращения к народу для консультации по вопросам, представляющим общественный интерес [Kimmel 1978]. Тем самым элиты дают понять, что общественное мнение не игнори-

руется, а играет центральную роль в политическом процессе.

Эти идеи получили дальнейшее развитие в более поздней работе, когда М. Эдельман [Edelman 1977] обратил внимание на потребность общественности в заверениях, что их политическим лидерам приходится преодолевать трудности. «Этот психологический процесс объясняет, почему каждый режим как поощряет общественное беспокойство, так и умиротворяет его посредством риторики и успокаивающих жестов» [Edelman 1977: 147]. Язык, используемый официальными лицами, создает видимость заботы, хотя в действительности может носить воспитательный и ограничительный характер. Даже если долгосрочным результатом стал провал политики, то он все равно маскируется под ее успех [Там же: 146].

Набор часто используемых терминов также помогает сформировать уступчивую позицию по отношению к актам государственных должностных лиц. Такие слова, как *общественный*, *официальный*, *надлежащая правовая процедура*, *общественный* и *национальный интерес* не имеют конкретного референта, но вызывают значительную степень одобрения предлагаемых мер, которые могли бы быть восприняты со скептицизмом или враждебностью [Edelman 1988: 98].

Эти темы получили твердое эмпирическое обоснование в результате анализа политических новостей [Edelman 1988]. Хотя М. Эдельман не говорит об «интертекстуальном» характере новостей, он утверждает, что новость основана на нескольких слоях интерпретации: «Для любой аудитории массмедийное сообщение является интерпретацией интерпретации. Адекватный анализ распознает это как момент в сложной цепи интерпретаций, в которой каждая фаза прогнозирует дальнейшие интерпретации и помогает формировать их. Неоднозначность и субъективность не являются ни отклонением, ни патологией в распространении новостей; они являются составной частью политического мира» [Edelman 1988: 95].

В политическом спектакле новости — это средство для формирования народной поддержки и напоминание о бессилии общественности, которая играет лишь роль зрительской аудитории. По своей функции схожие с религиозными церемониями, которые передают недоступную мощь божества, новости вызывают чувство политической важности путем стратегического использования языка.

Язык помогающих профессий и язык бюрократии

Презентуя язык помогающих профессий, М. Эдельман утверждает, что лингвистиче-

ские приемы и публичные жесты обуславливают сложность и необоснованность представлений о социальных проблемах в сознании людей. Задача данного анализа заключается в раскрытии процесса, с помощью которого язык и жесты превращаются в мифы. Его метод состоит в изучении повседневных реакций на хронические социальные проблемы путем анализа заявлений, содержащих объяснения этих проблем, и действий, направленных на их преодоление. В центре внимания находятся государственные должностные лица, органы власти, язык и идеология «помогающих профессий» в области психиатрии, социальной работы и образования — профессий, имеющих отношение к бедности и связанным с ней недугам, в силу их очевидного влияния на убеждения и политические действия, а также потому, что они иллюстрируют связь между языком и познанием, доступную для наблюдения и анализа. Наиболее показательным в этих профессиях являются термины для классификации событий и оправдания ограничительного образа действий с тем, чтобы определить и защитить иерархию власти.

Рассмотрим, как наиболее распространенные виды деятельности — занятия спортом, беседы и даже чтение — маркируются как «терапия»: танцевальная терапия, реабилитационная терапия, групповая терапия, библиотерапия. За счет того, что ограничительные мероприятия проводятся под вывеской образования, терапии или реабилитации, они приобретают альтруистический характер. Таким образом, для того, чтобы обозначить общественную деятельность, как если бы она была медицинской, нужно зафиксировать роли начальника и подчиненного, закрепляя тем самым информацию о том, кто отдает приказы и кто их выполняет, с тем, чтобы заранее оправдать запреты, наложенные на подчиненный класс [Edelman 1977: 57—76].

Помимо определения и поддержания статуса и власти иерархий, язык помогающих профессий, по М. Эдельману, может также служить для расширения властных полномочий. Поскольку внимание отвлечено от экономических и социальных корней проблемы, собственная основа власти элит может быть расширена. Одна из форм, которую она принимает, — это толкование отсутствия девиантного поведения в качестве состояния, ему предшествующего. В психиатрической литературе говорится о препсихотическом состоянии; источники в области социальной работы рассматривают личность, склонную к антисоциальному поведению. Следовательно, внимание реципиента

концентрируется на профилактике и борьбе, а также отвлекается от связи между бедностью и преступностью [Там же]. Такая терминология также вселяет уверенность в способности профессионалов предсказать, кто будет проявлять антисоциальное поведение в будущем, а кто нет. Использование специального символического языка для того, чтобы влиять на социальный конформизм и препятствовать критике, не является, однако, уникальным для этой группы. Это также характерно в значительной степени для бюрократического языка.

Язык бюрократии часто служит для того, чтобы навсегда закрепить в основном неэффективные организации. Выживание административных учреждений, кажется, зависит в большей степени от беспокойства общественности о проблемах, с которыми она имеет дело, чем от их эффективности функционирования [Kimmel 1978]. «Язык определяет, что руководители и общественность считают само собой разумеющимся, чьи притязания признаются законными, а чьи игнорируются, как они определяют свои функции и какой особый смысл они вкладывают в результаты своей политики» [Edelman 1977: 90].

По причине несовместимых целей или двусмысленности языка оценки спорящих организаций часто не обнаруживают никакой информации об эффективности этих организаций. Расплывчатые цели — *национальная безопасность, улучшенные жилищные условия* — могут вызывать оценки, которые преувеличивают как полезность услуг, так и результативность. Чем конкретнее термины, используемые для формулирования целей, тем больше вероятность того, что они окажутся конфликтными и совершенно неэффективными.

Социальная адаптация через противоречивые убеждения

Особый стиль М. Эдельмана, его способность приводить убедительные аргументы ярко проявляются при описании социальной адаптации посредством противоречивых убеждений. Наиболее распространенные когнитивные реакции на бедность вписываются в одну из двух альтернативных моделей. Первая модель усматривает ответственность бедных за их затруднительное положение, которые нуждаются в контроле, необходимом для того, чтобы «компенсировать их <заявленную> неадекватность, жадность, отсутствие самодисциплины, безнравственность...» [Edelman 1977: 6]. Этой точки зрения часто придерживаются законодатели и чиновники, выступающие против увеличения пособий по социальному обес-

печению, а также традиционные психиатры и социальные работники. Альтернативная точка зрения рассматривает бедных как жертвы, терпящие лишения из-за социальной, политической и экономической эксплуатации, а не по причине личных недостатков. Либеральные политики и представители помогающих профессий, вероятно, являются сторонниками этой модели.

В то время как большинство людей будут выбирать для себя одну из этих двух моделей в качестве доминирующей теории, они все же учатся воспринимать обе, используя ту или другую в зависимости от конкретной цели. Это не только выражает индивидуальную амбивалентность, но и способствует развитию противоречия в политической риторике и общественной практике. Язык, в котором выдержаны оба объяснения, и сформированные с его помощью убеждения поддерживают спокойное общественное признание бедности как жизненного факта. Воспринимать бедность в терминологии неадекватности бедных — это значит лечить ее симптомы, в то время как категории, используемые для определения в терминах функционирования экономических, социальных и политических институтов, — *система* и *экономический закон* — обесценивают борьбу с ней, показывая ее бесполезность.

Политическое ограничение через символическое успокаивание

Мюррей Эдельман задается вопросами о том, как получается, что правительства могут проводить политику, которая не является успешной и даже порой противоречит ценностям, которые политики должны поддерживать. Как получается, что при избыточной риторике о мире и разоружении конференции по разоружению не демонстрируют существенного прогресса, а оборонный бюджет продолжает забирать основную часть национальной казны? Ответ мы находим в самой известной цитате М. Эдельмана: «Люди не имеют дела с политическими событиями напрямую, скорее они имеют дело с языком, на котором им рассказывают об этих событиях. Непредвиденные последствия действий и языка часто являются более важными, чем изначально запланированные, поэтому обычное наблюдение и традиционные методы исследования (в частности, исследование мнений) главным образом говорят нам, какие символы в настоящее время в силе, а не то, в чем состоит реальность» [Edelman 1977: 142].

Почему в сфере защиты интересов потребителей многие меры демонстрируют гораздо больше символическую, чем реаль-

ную работу; и как получается, что регулирующие органы и коммунальные комиссии в конечном итоге действуют в интересах бизнес-групп, которые они должны регулировать? Как только эти органы получают положительные отзывы, а их конкретные должностные лица характеризуются как ответственные защитники прав потребителей, найти упоминание об их неэффективных действиях будет невозможно.

Люди хотят верить в целостность и эффективность их государства, говорит М. Эдельман, поэтому они принимают ту степень амбивалентности, которая позволяет продолжать политику, порождающую амбивалентность. В противном случае это означало бы политическую жизнь, наполненную протестом и сопротивлением. «Подавляющее большинство хотят верить, что их собственные роли вносят значимый вклад во всеобщее благо, и поэтому есть веские основания соглашаться с жизнеутверждающей точкой зрения на государственную политику, а не с мнением, лишаящим их веры в институты, которые они поддерживали, и их веры в самих себя» [Edelman 1977: 156].

Критика концепции М. Эдельмана

В основе безусловно функционального и ответственного демократического государства лежит символическая система, которая приводит невежественную общественность в латентное состояние. Государство, средства массовой информации, гражданское общество, межличностные отношения, даже народное творчество являются частью массового спектакля, который держится на плаву за счет пустых символических убеждений. Признавая привлекательность идей М. Эдельмана, М. Фенстер, однако, указывал на слабость его теоретического и методического подхода на фоне относительно сильных сторон более поздних исследований в этой области, что делает его работу неспособной послужить ни моделью, ни трамплином для современного изучения политических символов [Fenster 2005: 367].

М. Гейс видит в работах М. Эдельмана, как и в большей части научной литературы о связях языка и политики, две проблемы. Во-первых, не всегда понятна суть утверждения. Во-вторых, существует сравнительно мало комментариев и четких объяснений конкретных лингвистических примеров. Отсутствие ясности становится причиной важной терминологической путаницы [Geis 1987: 49]. В качестве примера приводится довольно известная цитата, содержащая весьма экстравагантное, по мнению критика, заявление: «Люди имеют дело с языком, на ко-

тором им рассказывают о политических событиях; даже события, которые происходят совсем рядом, приобретают значение через язык, используемый для их описания. Таким образом, политический язык и является политической реальностью; с точки зрения актера и зрителей нет никакого другого значения событий» [Edelman 1985: 10].

Яркие образы политики как спектакля, взаимосвязь между политическим языком и политической мыслью в работах М. Эдельмана создают сильное впечатление. Тем не менее их основательность является иллюзорной, поскольку М. Эдельман использует термин «значение» довольно своеобразно. Можно обоснованно говорить о значении предложения и значении события. Тем не менее это два совершенно разных вида использования этого термина. Лингвисты и философы используют стандартное значение, в соответствии с которым, по мнению большинства, определяется значение предложения. Так, определить значение предложения — значит определить условия, при которых оно истинно, и условия, при которых оно ложно [Geis 1987: 51]. Это лингвистическое значение.

Когда М. Эдельман говорит, что события приобретают значение через язык или что язык формирует значение событий, он не может иметь в виду лингвистическое значение, так как события, в отличие от предложений или утверждений, не имеют значения истинности. Утверждая, что язык формирует значение событий, он должен иметь в виду, что язык формирует значимость событий. Если заменить термин *значение* на слово *значимость* в цитате выше, ее смысл станет намного точнее. Тогда мы могли бы построить лингвистическое значение политического утверждения через его политическую значимость. Разумеется, реальное слово *событие* не имело бы лингвистического значения, но оно могло бы иметь политическую значимость.

Некоторые положения рассматриваемой концепции М. Гейс пытается уточнить на основе идеи о когнитивных пресуппозициях языка как фоновых знаниях, которые имеют тенденцию выходить за пределы сознательного понимания. Именно тогда, когда мы принимаем, а не оспариваем эти фоновые допущения, язык может бессознательно влиять на наше поведение. По его мнению, политический язык обычно передает информацию на двух уровнях. Первым из них является лингвистическое значение того, о чем говорится. Вторым выступает уровень политических убеждений, которые включены в конкретные ситуации применения политиче-

ского языка и актуализируются при его использовании. М. Гейс в качестве примера приводит гипотетическое утверждение Р. Рейгана о том, что необходимо поддержать правительство в Сальвадоре в борьбе против пытающихся свергнуть его марксистско-ленинских партизан. Многие американцы придерживались тогда точки зрения, что Советский Союз вместе с другими зависящими от него коммунистическими государствами находится в заговоре с целью подорвать политическую стабильность стран, дружественных Соединенным Штатам [Geis 1987: 54]. (Справедливости ради отметим, что на сегодняшний день эти пресуппозиции американского общества вряд ли претерпели изменения.) Как и ожидалось, использование фразы *марксистско-ленинские партизаны* активизировало этот код, который закрепил значительный уровень доверия и чрезвычайную актуальность требования.

Подобных примеров, когда ничем не подкрепленные обвинения становятся поводом для начала военных операций, и из новейшей истории американской политики можно привести немало. Если несколько десятилетий назад кодовыми словами, имеющими негативный ассоциативный фон, были *Советский Союз*, *коммунизм* и другие, то сегодня эту функцию выполняют *терроризм*, *русские хакеры* и т. п. Продуманное их использование в политическом заявлении обеспечивает абсолютную поддержку самого нежелательного для общественности плана мероприятий при любом требуемом финансировании. Очевидно, что большинство обывателей строят свою реакцию на основе когнитивных ассоциаций с тем или иным термином, а не на его лингвистическом значении. Пресуппозиции, в свою очередь, также формируются посредством политического языка. Следовательно, до тех пор, пока мы сохраняем когнитивные пресуппозиции слова или фразы отдельно от ее лингвистического значения, с одной стороны, можно будет разрабатывать теорию взаимосвязи между политическим языком и политической мыслью, а с другой — политические технологии, созданные после Второй мировой войны, будут успешно эксплуатироваться в современном обществе.

Рассмотрев в разном приближении большую часть работ М. Эдельмана, приходим к выводу, что за столь долгую карьеру объекты анализа в его эклектичных теоретических изысканиях оставались на удивление постоянными. Его работы всегда сосредоточены на двух разных, но взаимосвязанных областях, которые имеют большое значение для анализа современной политики — язык и сим-

волическое представление. Ответ на вопрос почему нам, к сожалению, ни у самого М. Эдельмана, ни у его критиков и последователей найти не удалось.

Признавая правоту М. Гейса, мы отметим некоторую запоздалость его работ для современного исследователя. Тот факт, что политики манипулируют обществом посредством воздействующей силы языка, определенных тактик и стратегий, список которых уже известен в современной лингвистике, ошеломлял читателя в 60—70-е гг. XX в. Сегодня он воспринимается как очевидный факт, а политические технологии, в основе которых, вероятно, и были работы М. Эдельмана и других лингвополитологов и лингво-социологов, четко отработаны. Теория номинаций давно признана и не производит потрясающего впечатления. Сам термин *политический язык* представляется не совсем корректным и точным.

Таким образом, с позиции лингвистики возникает ряд вопросов в отношении как выбора понятий и терминов, так и применяемых методов. Обращает на себя внимание тот факт, что, рассматривая языковой аспект политики, М. Эдельман не слишком щедр на конкретные примеры политического языка, ограничиваясь упоминанием отдельных терминов и описанием ситуаций их использования. Представляется, что это обусловлено его основными сферами деятельности — политологией и социологией, для которых особую важность представляет не лингвистический материал, а эффект его использования. В этом смысле М. Эдельман — лингвополитолог, для которого язык состоит на службе у политиков, в то время как для политического лингвиста политика — всего лишь одна из сфер господства языка. Тем не менее труды классиков, к которым, несомненно, относятся М. Эдельман, никогда не теряют актуальности. Обязательно найдется тот, кто увидит в них источник вдохновения и сможет прочитывать то, чего не смогли увидеть другие.

Заключение

Заявления элит подпитывают и частично создают речевые структуры, термины, которые обеспечивают людям понимание мира и психологически защищают их место в этом мире от противоречий. В данном контексте политика начинается не с массовых эмоций или политических предпочтений, а с концептуальных структур, в которых люди получают информацию и превращают ее в картину мира, служащую основой для действия или бездействия. М. Эдельман обеспечил серьезную аналитическую основу для понимания *согласия управляемых* и показал, как отно-

шение власти проявляется в повседневной жизни посредством языковых форм, мифов и символических ответов на глубокие общественные нужды для успокоения и порядка.

Представляется, что для М. Эдельмана не являются серьезными проблемы, которые связаны с сознательным обманом, хотя такие случаи, безусловно, имеют большое значение для государственной политики и интересны с точки зрения научного анализа. Он скорее беспокоится за органы власти, которые вовлечены в этот символизм, и незлиты при доминировании первых. Виды лингвистической символики, подвергшиеся изучению в политическом языке, укореняют неравенство, которое в противном случае было бы недопустимо, и обеспечивают массовое принятие неэффективных или даже вредных политических стратегий. Экономические, социальные и психологические последствия правительственных мер по борьбе с бедностью иногда сами становятся основными факторами, способствующими бедности и связанными с нею проблемам. Новейшая история показывает, что для относительно бесправных групп сопротивление может оказывать определенное влияние на элиты и часто в истории способствовало улучшению жизненных условий, пусть и в отсроченном будущем, приносило выгоду. Мифическое восприятие, которое порождает наш политический язык, отражает мощные (хотя и не непреодолимые) факторы, сдерживающие такое сопротивление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., отд. полит. наук. — М., 2012. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 5—18.
2. Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. — М., 2012. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 17—53.
3. Эдельман М. Категоризация, восприятие и политика. Ч. 1 // Политическая лингвистика. 2016. № 58. С. 244—250.
4. Эдельман М. Категоризация, восприятие и политика. Ч. 2 // Политическая лингвистика. 2016. № 59. С. 165—171.
5. Эдельман М. Язык исследования и язык власти // Политическая лингвистика. 2017. № 61. С. 161—170.
6. Chadwick A. Murrey Edelman // Key Thinkers for the Information Society. / ed. by Christopher May. — London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2003. Vol. 1. P. 43—65.
7. DeCanio S. Murray Edelman on symbols and ideology in democratic politics // A Journal of Politics and Society: Academic and Media Bias. 2005. Vol. 17, Iss. 3—4. P. 339—350.
8. Edelman M. Constructing the Political Spectacle. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1988. 250 p.
9. Edelman M. Political Language and Political Reality // PS: Political Science & Politics / American Political Science Association. 1985. Vol. 18. P. 10—19.
10. Edelman M. Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. — New York : Academic Pr., 1977. 164 p.
11. Edelman M. Presidential address defining our profession and ourselves // Public Opinion Quarterly / American Association for Public Opinion Research. 2001. Vol. 65. P. 436—444.

12. Edelman M. The symbolic uses of politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964. 201 p.
13. Fenster M. Murray Edelman, polemicist of public ignorance // A Journal of Politics and Society: Academic and Media Bias. 2005. Vol. 17, Iss. 3—4. P. 367—391.
14. Garfinkel H. Introduction // Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / M. Edelman. — New York : Academic Pr., 1977. P. XVII-XXII.
15. Geis M. L. The Language of Politics. — New York : Springer Verlag., 1987. 190 p.
16. Graber D. A. Editor's foreword to essays written to Honor Murray Edelman Political Communication. 1993. Vol. 10, Iss. 2. P. 97—98.
17. Jarvis Sh. E. The Talk of the Party: Political Labels, Sym-

bolic Capital, and American Life. — Rowman & Littlefield, 2005. 277 p.

18. Kaid L. L. Christina Holtz-Bacha Encyclopedia of Political Communication. Vol. 1. — SAGE, 2008. 499 p.

19. Kimmel R. Political Language // Institute for Research on Poverty. URL: <http://www.irp.wisc.edu/search/website.htm?cx=006757642343079979639%3A5j3eguwohem&cof=FORID%3A11&q=Roberta+kimmel&sa=Search&siteurl=www.irp.wisc.edu%2Fpublications.htm&ref=www.irp.wisc.edu%2Findex.htm&ss=9806j14931920j15> (date of access: 15.03.2017).

20. Lipsky M. Introduction // Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / Edelman Murray. — New York : Academic Pr., 1977. P. XVII—XXII.

Выражаем благодарность Анатолию Прокопьевичу Чудинову за идею, вдохновившую нас на написание этой статьи.

N. A. Prom, T. S. Likhacheva
Volgograd, Russia

M. EDELMAN'S LINGUO-POLITICAL CONCEPTION

ABSTRACT. *The article considers the linguistic aspect of the theory of symbolic politics developed by the American political scientist Murray Edelman. This conception seems to be an interdisciplinary phenomenon at the intersection of political science, sociology and linguistics. Most of his works are devoted to such questions as why such imperfect political systems have arisen, how inequality has been so ingrained in the human mind and has become so widespread. M. Edelman did not content himself with considering only the political aspect of public behavior and mass media in the design of political images, he studied the features of the language and rhetoric of political interaction; he explored how language generated around political problems shapes politics in a policy-driven bureaucracy and transforms political action into a satisfactory response to felt need. Edelman showed how in the communication between political authorities and the mass public, elites diligently shape people's expectations and help ensure that the public accepts the elites' convenient attitude to the authorities themselves. The types of linguistic symbols that were studied in the political language enroot inequalities, which otherwise would be unacceptable, and ensure the mass adoption of ineffective or even harmful political strategies. He reminds us that when we let political language create our realities, disastrous outcomes of activities of the politicians manipulating the public may ensue.*

KEYWORDS: *linguistic and political science; symbolic politics; political language; cognitive presuppositions.*

ABOUT THE AUTHORS: *Prom Natalya Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.*

Likhacheva Tatiana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

REFERENCES

1. Malinova O. Yu. Cimvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya // Simvolicheskaya politika : sb. nauch. tr. / RAN. INION, Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled., otd. polit. nauk. — M., 2012. Vyp. 1 : Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyy resurs. S. 5—18.
2. Potseluev S. P. «Simvolicheskaya politika»: k istorii kontseptov // Simvolicheskaya politika : sb. nauch. tr. / RAN. INION. — M., 2012. Vyp. 1 : Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyy resurs. S. 17—53.
3. Edelman M. Kategorizatsiya, vospriyatye i politika. Ch. 1 // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 58. S. 244—250.
4. Edelman M. Kategorizatsiya, vospriyatye i politika. Ch. 2 // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 59. S. 165—171.
5. Edelman M. Yazyk issledovaniya i yazyk vlasti // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 61. S. 161—170.
6. Chadwick A. Murrey Edelman // Key Thinkers for the Information Society. / ed. by Christopher May. — London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2003. Vol. 1. P. 43—65.
7. DeCanio S. Murray Edelman on symbols and ideology in democratic politics // A Journal of Politics and Society: Academic and Media Bias. 2005. Vol. 17, Iss. 3—4. P. 339—350.
8. Edelman M. Constructing the Political Spectacle. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1988. 250 p.
9. Edelman M. Political Language and Political Reality // PS: Political Science & Politics / American Political Science Association. 1985. Vol. 18. P. 10—19.
10. Edelman M. Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. — New York : Academic Pr., 1977. 164 p.
11. Edelman M. Presidential address defining our profession

and ourselves // Public Opinion Quarterly / American Association for Public Opinion Research. 2001. Vol. 65. P. 436—444.

12. Edelman M. The symbolic uses of politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964. 201 p.

13. Fenster M. Murray Edelman, polemicist of public ignorance // A Journal of Politics and Society: Academic and Media Bias. 2005. Vol. 17, Iss. 3—4. P. 367—391.

14. Garfinkel H. Introduction // Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / M. Edelman. — New York : Academic Pr., 1977. P. XVII-XXII.

15. Geis M. L. The Language of Politics. — New York : Springer Verlag., 1987. 190 p.

16. Graber D. A. Editor's foreword to essays written to Honor Murray Edelman Political Communication. 1993. Vol. 10, Iss. 2. P. 97—98.

17. Jarvis Sh. E. The Talk of the Party: Political Labels, Symbolic Capital, and American Life. — Rowman & Littlefield, 2005. 277 p.

18. Kaid L. L. Christina Holtz-Bacha Encyclopedia of Political Communication. Vol. 1. — SAGE, 2008. 499 p.

19. Kimmel R. Political Language // Institute for Research on Poverty. URL: <http://www.irp.wisc.edu/search/website.htm?cx=006757642343079979639%3A5j3eguwohem&cof=FORID%3A11&q=Roberta+kimmel&sa=Search&siteurl=www.irp.wisc.edu%2Fpublications.htm&ref=www.irp.wisc.edu%2Findex.htm&ss=9806j14931920j15> (date of access: 15.03.2017).

20. Lipsky M. Introduction // Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / Edelman Murray. — New York : Academic Pr., 1977. P. XVII—XXII.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.161.1'274
ББК ШП41.12-4

ГСНТИ 16.21.29; 16.21.51

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

А. М. Камчатнов
Москва, Россия

КАК УЛОВИТЬ НЕУЛОВИМОЕ?

(рецензия на «Словарь русской ментальности» В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновой)

АННОТАЦИЯ. Представлена общая характеристика и оценка «Словаря русской ментальности», подготовленного коллективом авторов, состоящим из В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновой. Уникальный исторический словарь отражает движение лексического состава от праславянского периода через Средневековье к Новому времени. Каждая из эпох представлена лексемами, отражающими национальные концепты. В словаре реализована попытка зафиксировать закрепившиеся в русском сознании ментальные линии смысла. Для этой исследовательской работы особую важность представляет разграничение понятий ментальности и менталитета, которые очень часто смешиваются. По В. В. Колесову, ментальность онтологична, она предсуществует в народном характере, воспитанном веками, и составляет его сущность, тогда как менталитет гносеологичен и представляет собой интеллектуализацию ментальности в отвлечении от нравственного чувства и воли. Ментальность как синоним духовности находит свое выражение в историческом действии и слове; слово является хранителем ментальности, и это обстоятельство позволяет подойти к теме лингвистически. Для описания ментальности используются термины «образ», «понятие», «символ» и «концептум» (возводится не к лат. *conceptus* 'понятие', а к *conceptum* 'зерно'). Концептум — не понятие, а сущность понятия, смысл, лишенный формы; он устойчив, постоянен, неподвижен. Формами проявления концептума являются этимон слова, переносные значения слова, словообразовательные связи в пределах словообразовательного «древа», системные синонимические и антонимические отношения слова, сочетаемость слова, гипер-гипонимические отношения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; языковая картина мира; национально-специфичная лексика; историческая лексикография; русская ментальность; словари.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Камчатнов Александр Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Литературного института им. А. М. Горького; 123104, Россия, Москва, Тверской бульвар, д. 25; e-mail: alexmk52@gmail.com.

Конечной целью всякой лингвистической работы является создание одной из двух книг: грамматики или словаря. Не каждому лингвисту, как бы ни были важны его книги и статьи, удается это сделать — В. В. Колесову и его сотрудникам это удалось. Появлению словаря предшествовали длительная исследовательская работа профессора Колесова над теоретическим осмыслением того, что же представляет собой ментальность как лингвистическая категория, а также накопление языкового материала из всей глубины существования русского языка. Начало было положено книгой «Мир человека в слове Древней Руси» [Колесов 1986], затем наступило некоторое затишье, во время которого шел очень сложный подземный процесс вызревания совершенно новых идей, вылившийся в колесовский big bang: в течение нескольких лет одна за другой стали выходить книги одна интереснее другой: «Русская речь вчера, сегодня, завтра» [Колесов 1998], «Жизнь происходит от слова...» [Колесов 1999], фундаментальная «Философия русского слова» [Колесов 2002], «Слово и дело» [Колесов 2004], «Реализм и номинализм в русской философии языка» [Колесов 2007], «Русская ментальность в языке и тексте» [Колесов 2006], венцом которых и стал рецензируемый словарь [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 1, т. 2]. Само название книг дает нам основания говорить о «феномене Колесова» как о лингвисте-мыслителе,

каких было очень немного в истории отечественного языкознания.

Россия, русские, русскость, начиная по меньшей мере с князя М. М. Щербатова, всегда были предметом философской рефлексии. Что нового может сказать на эту тему лингвист? Цели его — желание понять и объяснить коренные свойства русской духовности — ничем не отличаются от целей множества великих и не очень философов, историков и культурологов. Понять — значит выразить в понятии, но понятие — категория логическая, а не лингвистическая. Наконец, где, в каких источниках искать русскую духовность, ведь духовность — от слова дух, а дух, как известно, дышит, идеже хоцет.

Хорошо осознавая эти сложности, В. В. Колесов находит собственно лингвистический подход к решению поставленной задачи, который заключается в следующем. Прежде всего нужно отграничить ментальность от того, что на нее похоже, но ею не является: от типического и характерного, от идеала, от менталитета. Благодаря такому отделению становится ясной стратегия: «Задача же состоит в определении существенно цельных признаков ментальности, своего рода инварианта народного сознания, как он уясняется из данных языка и рисуется на основе всех проявлений „народного духа“» [Колесов 2006: 17]. Или иначе: ментальность есть «способность воспринимать и оценивать мир и человека в катего-

риях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 2: 531]. Чрезвычайно важным представляется разграничение понятий ментальности и менталитета, которые очень часто смешиваются. По В. В. Колесову, ментальность онтологична, она предсуществует в народном характере, воспитанном веками, и составляет его сущность, тогда как менталитет гносеологичен и представляет собой интеллектуализацию ментальности в отвлечении от нравственного чувства и воли.

У каждого народа свой инвариант, и его «ни похитить, ни подделать невозможно» [Колесов 2006: 17], равно как и отделаться от него. В этом определении ментальности есть что-то роковое: мы можем мыслить, воспринимать мир так и только так, и всякие попытки мыслить иначе или заведомо обречены на провал и ничего, кроме мучений, не принесут, или грозят потерей национальной идентичности. Иначе говоря, ментальность сродни аристотелевской энтелехии — тому активному началу, которое превращает возможность в действительность, созидает историческое тело нации, выявляет себя в ходе истории.

Ментальность как синоним духовности находит свое выражение в историческом действии и слове; слово является хранителем ментальности, и это обстоятельство позволяет подойти к теме лингвистически. Слово же для автора — не звук пустой и не условный знак, а форма и образа, и понятия, и символа, исполненного бесконечным содержанием и как такового требующего истолкования; так определяется герменевтический подход к слову. Историческая взаимосвязь слова и дела требует исторической же перспективы для толкования. Живое слово существует лишь в текстах; репрезентативными для своей темы В. В. Колесов считает философские тексты: «...мы говорим о ментальности через рефлектирующую интуицию русских философов, которая основана на глубинных концептах русско-славянского слова» [Колесов 2006: 4].

Затем необходимо найти язык описания ментальности. Этот язык В. В. Колесов находит в древнем споре реалистов, концептуалистов и номиналистов: отсюда он извлекает все термины языка описания — концепт, образ, понятие и символ. Исходным теоретическим пунктом для изучения ментальности является известный «семантический треугольник»: в отличие от многих исследователей, В. В. Колесов рассматривает его не как данность, а как заданность, когда согласованность отношений **слова, вещи и идеи** достигалась в ходе сложного истори-

ческого процесса, обусловившего те «начала», которые стали определяющими для русской ментальности: это глагольность, диалогичность, символичность русского слова, единство слова и дела (слово как «проект» дела, без которого оно пустая болтовня), предпочтение красоты — пользе, качества — количеству, живой целостности (синтетичность) — мертвой расчлененности (аналитичность), в частности, доверие к живому авторитету, а не к отвлеченной истине.

Утверждение о том, что ментальность находит свое выражение в формах родного языка, является слишком общим, надо еще найти ту единицу ментальности, которая и будет при помощи слова являться в формах образа, символа и понятия. Такой единицей является концепт. По В. В. Колесову, концепт следует возводить не к лат. *conceptus* 'понятие', а к лат. *conceptum* 'зерно, зародыш'. Именно он — концептум — и есть искомая единица ментальности. «Таким образом, концептум предварительно можно определить как *минимальный квант смысла — единицу сознания, не обретшую своей формы*. Концептум — не понятие, а сущность понятия, смысл, лишенный пока формы: свернутая точка возможных смыслов» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 2: 534]. Концептум, как и всякое зерно, невидим, скрыт под землей, но, как зерно прорастает в ствол с листьями, цветами и плодами, так и концептум «прорастает» в образ, понятие и символ; языковым носителем этих форм ментальности является слово. Концептум устойчив, постоянен, неподвижен, то есть «вечен»; именно поэтому все исторически изменчивые формы его проявления в слове сохраняют единство, так как все они отнесены к одному внеисторическому концептуму. Сам концептум апофатичен, катафатическим приближением к нему являются представленные в «Словаре» исторически засвидетельствованные в текстах формы его проявления в слове — образ, символ и понятие. Апофатичностью концептума определяется интересная особенность «Словаря русской ментальности»: это не справочник, по отношению к которому читатель занимает пассивную позицию потребителя; он требует от читателя ответного творческого усилия для реконструкции концептума, предлагая ему для этого весь (или почти весь) необходимый языковой и текстовый материал. Концептум оставляет «следы» в словесной культуре народа; «Словарь» собирает и представляет эти «следы»; читатель идет по «следам» и по мере своих сил, творческих возможностей и воображения восходит к концепту как первосмыслу собственной

культуры. Такими «следами», или формами проявления концептума, являются этимон слова, переносные значения слова, словообразовательные связи в пределах словообразовательного «древа», системные синонимические и антонимические отношения слова, сочетаемость слова, гипер-гипонимические отношения [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 2: 537].

В развитие теории в Приложении освещаются некоторые частные проблемы: соотношение понятий концептума и внутренней формы слова, значения и смысла, синкретизма и многозначности, историческое значение тропов — метонимии, синекдохи, метафоры, иронии — в семантическом развитии слова. Из этих частных вопросов хотелось бы остановиться подробнее на понятии семантической парадигмы, которую авторы словаря определяют следующим образом: «Семантическая парадигма образуется общностью *корня*, то есть сводит все однокоренные образования к единому концептуму» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 2: 550]. Далее на примере слов *притькнуть* — *притьча* — *притчина* — *причинный* — *причинность* показано, как выраженный корнем концептум являет себя в последовательных формах образа (*притькнуть*), символа (*притьча*), обособленного признака (*причинный*) и, наконец, «дозревает» до отвлеченного понятия (*причинность*). При полном согласии с этим хочется спросить: как быть с другими членами этой семантической парадигмы, т. е. со словами *тыкать*, *точка*, *точность*, *ткать*, *ткань*, *сутки*, *дотошный*? Если исходить из определения, то эти слова тоже как-то выражают единый концепт, однако в тексте Словаря имеются отдельные словарные статьи **Притча**, **Причина**, **Причинность**, **Точка**, **Точность**, **Дотошный**. Если *точка* и *притча*, будучи этимологически однокоренными, выражают разные концептумы, то однокоренные слова *потеха* и *утеха* едва ли можно считать выразителями разных концептумов, на что указывает сходство их толкований [см.: Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 2: 72, 440], тем не менее они, к нашему удивлению, образуют отдельные словарные статьи. Таким образом, выявляется внутренняя противоречивость теоретических основ Словаря: с одной стороны, если это словарь ментальности, а единицей ментальности является концептум, то каждая словарная статья должна быть посвящена отдельному концептуму; с другой стороны, если утверждается, что все однокоренные образования сводятся к единому концептуму, то они должны быть помещены

в одной словарной статье, чего на деле мы не наблюдаем. Выход из этого противоречия, на мой взгляд, в том, чтобы признать, что концепты имеют внеязыковую, нелингвистическую природу, что **разные** концепты могут найти выражение в **однокоренных** словах (*причина* и *точка*) и **один** концепт — в разных словах, т. е. в том, чтобы отказаться от понятия семантической парадигмы. Это понятие будет полезным в словаре другого типа — историко-словообразовательном, а не в словаре ментальности.

Нужно согласиться с авторами в том, что нельзя «поставить знак равенства между любыми единицами смысла и назвать их все концептами» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 1: 538]. В таком случае возникает естественный вопрос о принципах построения словника «Словаря», о принципах отбора слов — носителей концептов. Как видно из последнего раздела Приложения «Семантика», из трех видов явления концептума — образа, понятия и символа, которым соответствуют три ипостаси существования слова — корень, термин и имя, предпочтение отдается именам. Корень дает лишь *образ* понимания концептума, термин истончает его до строго определенного *понятия*, тогда как имя является полным выражением национального концептума, *символически* представляющее и психологический образ, и логическое понятие и потому неисчерпаемое в толковании. Однако и среди имен не все удостоились чести попасть в Словарь, ибо «предпочтение отдавалось *концептуальным именам*, которые в общей структуре максимально вбирают в себя все содержательные формы концепта — образ, понятие и символ — и тем самым приближаются к выражению самого концептума» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 2: 547]. На этом основании в Словарь не включены глагол *водить* (образ), причастие *водящий* (понятие), но внесены имена *вождь* и *вожак*. Таким образом, «Словарь русской ментальности» не является ни русским корнесловом, ни словарем отвлеченных понятий; это — словарь концептуальных имен.

Как же решить, какое имя концептуальное, а какое — нет? Например, после слова *кровь* следует слово *кротость*. В толковом словаре русского языка между ними (исключая заимствованные лексемы) находятся такие имена существительные, как *крой*, *кройка*, *крома*, *кропанье*, *кропило*, *кропотливость*, *крот* и их производные; между *ложь* и *ломка* — такие имена, как *лоза*, *локоть*, *лом* и их производные. На память приходят и *кромешный ад*, и *крот* как символ слепоты (у Чехова в «Дуэли»), и *лоза* как

символ Христа (в Евангелии), и выражение *чувство локтя*. Это все не имеет отношения к русской ментальности? Или выражаемые ими концептумы имеют еще какое-то другое выражение, нашедшее отражение в «Словаре»? И вообще: надо ли полагать, что «Словарь» отражает **все** концептумы русской ментальности? Является ли список концептумов принципиально открытым или закрытым?

Нет достаточного объяснения тому, на каком основании в словарь *русской* ментальности одни заимствованные слова включены (*ад, ангел, балаган, баня, буква, варварство, витязь, деньги, дьявол, идея, изба, икона, кавардак, кумир, София, тюрьма, хам, шабаш, ярлык*), а другие — нет. Хотя в «Предисловии» сказано, что «слова, которые сегодня осознаются как заимствованные, за редкими изъятиями из Словаря исключены, хотя и они пронизаны воздействием русской ментальности, пропитаны „русским духом“» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 1: 3], этого недостаточно для понимания причины того, почему приведенные выше в скобках слова оказались на особом положении.

При просмотре словника обращает на себя внимание его неоднородность: с одной стороны, это такие «вкусные», пропитанные истинно русским духом слова, как *баба, болван, блажь, буйство, восторг, дотошный, жалость, жопа, запанибрата, изгой, истошный, кузька, лохмотья, мещанство, навет, отвага, подвиг, потачка, потеха, удаль, урюмство, халуга* и многие другие; их «русскость», их непереводаемость, их принадлежность к русскому способу мыслить мир не вызывает сомнений; с другой стороны, это слова типа *влияние* (ср. лат. *influxio*), *время* (ср. лат. *tempus*), *голод* (ср. франц. *faim*), *причинность* (ср. англ. *causality*) и другие подобные. Понятно, что авторы хотели показать, как концептум «дорастает» до понятия, как слово становится термином, выражающим общечеловеческие категории разума, однако какое это имеет отношение к **русской** ментальности? Может быть, стоило *причину* и *причинность* совместить в одной словарной статье? Во всяком случае, соотношение «родного» и «вселенского» в Словаре надо было как-то оговорить.

Изложенные принципы нашли свое выражение в структуре словарных статей и в самом их содержании.

Что касается структуры, то в ней представлены: а) концептуальное значение заголовочного слова, б) этимология слова, в) постоянные эпитеты слова, г) метонимические смещения и метафорические замещения слова в современном употреблении, д) иллюстративный материал, е) замечания авто-

ров о развитии концептума, когда прочих материалов недостаточно. В совокупности это те самые «следы» концептума в словесной культуре народа, о которых говорилось выше; собранные вместе под одним заголовочным словом, они дают читателю достаточный материал для восхождения к концепту. Авторы подчеркивают, что воссоздание концептума «ведется как составителями словаря на основе классических текстов, так и творческим усилием читателя; объемность представления и его глубина прежде всего зависят от работы языкового сознания пользователя» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 1: 14]. Только на таком синергичном пути возможно приобрести новое знание.

Чтение словарных статей убеждает в том, что жизнь во всех ее проявлениях — личная, общественная, государственная, историческая — движется противоречиями, оттого и ментальность народа антиномична. Поэтому авторы уделяют большое место анализу тех исторических обстоятельств и феноменов, которые обусловили своеобразие антиномичной русской ментальности: это государство и общество, народ и государство, язычество и христианство, нация и государство, общество и личность, город и деревня, культура и цивилизация и др. При этом авторы не идеологи, отрицающие одну часть антиномии ради утверждения ценности другой. С идеологической точки зрения «Словарь русской ментальности» кажется рыхлым и противоречивым; читатель, ждущий идеологической определенности, будет разочарован. «Словарь» построен не по идеологическим, а по лингвистическим законам, основу которых составляет семантический треугольник. Для номиналиста существует только связь слова и вещи, тогда как для реалиста, каковым является В. В. Колесов, связь тройная — это связь слова, вещи и идеи, и только с позиций реализма становится понятной видимая противоречивость русской ментальности. Так, государство как **вещь** может вызывать у русского человека резкую неприязнь вплоть до анархизма и разрушительного бунта; но государство как **идея** пробуждает в русском человеке государственный инстинкт, понуждавший его защищать государство не щадя живота и раздвигать его пределы до двух океанов (см. статью **Государство**). Так, и отношение к Церкви как **вещи** может доходить до кощунственного непотребства, а отношение к ней же как **идеи** порождает благочестие, нередко доходящее до пределов жертвенности (см. статьи **Вера, Кощунство, Святость**). И если кому-то непонятно, как один и тот же народ мог защищать советское государство

в последнюю войну и с упоением разрушать его в недавние 90-е годы, пусть почитает «Словарь русской ментальности» и тогда поймет, что защищали идею, каким бы отвратительным ни было ее воплощение, а разрушали малоприятную вещь.

Справедливость словарного анализа подкрепляется обильно цитируемыми текстами русских мыслителей, в которых находят выражение обе части антиномии: государственничество и анархизм, благочестие и атеизм, национализм и универсализм, тоталитаризм и либерализм, западничество и славянофильство и т. д. Сама же антиномичность русской ментальности, по утверждению В. В. Колесова, имеет своим началом русский язык и языковой реализм, со времен Средневековья утвердившийся у нас в противоположность западному номинализму.

Нет смысла пересказывать отдельные словарные статьи, даже недостатки которых могут обернуться для читателя пользой, так как в споре с авторами словаря также может рождаться новое знание, в чем, собственно, и заключается его, авторов, цель. Но есть смысл сделать одно предупреждение: не стоит приобретать Словарь для того, чтобы поставить его на полку рядом с другими словарями, энциклопедиями и справочниками, к которым мы обращаемся по мере необходимости. «Словарь русской ментальности» — это не справочник, а книга для чтения — вдумчивого, медленного, сопровождаемого медитациями на основе собственного куль-

турно-языкового опыта. Тем же, кто профессионально занимается исследованием духовной культуры русского народа — филозофам, этнографам, историкам, литературоведам, лингвистам, — Словарь послужит ценнейшим источником как разнообразных сведений, так и творческого вдохновения.

Василий Розанов однажды заметил, что хорошо бы отдать Россию немцам: они завели бы у нас фабрики, биржи, а мы научили бы их играть на балалайке и даже попытались бы объяснить, что такое душа. «Словарь русской ментальности» — это и есть попытка объяснить, что такое русская душа, объяснить прежде всего нам самим, а потом уже и всем, кто этого пожелает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. — Л.: ЛГУ, 1986. 312 с.
2. Колесов В. В. Русская речь: вчера, сегодня, завтра. — СПб.: ЮНА, 1998. 248 с.
3. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
4. Колесов В. В. Философия русского слова. — СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
5. Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 702 с.
6. Колесов В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка. — М.: Логос, 2007. 382 с.
7. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
8. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А—О. — СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
9. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П—Я. — СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.

A. M. Kamchatnov
Moscow, Russia

HOW TO PERCEPT IMPERCEPTIBLE?

(a review of the monograph “Russian mentality dictionary” by V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov)

ABSTRACT. *This is a review of the monograph “Russian Mentality Dictionary” by V.V. Kolesov, D.V. Kolesova, A.A.Kharitonov. This is a unique historical dictionary, which reflects the changes of vocabulary from Common Slavic through Middle Ages to modern times. Each epoch is represented by the lexemes that reflect national concepts. The dictionary attempts to fix mental lines of semantics that are present in Russian mentality. The definition and differentiation of the notions mindset and mentality, which are often mixed, are of special importance for this research work. According to V.V. Kolesov, mindset is ontological, it exists in the national character, it is brought up in the course of centuries and thus it makes the essence of the national character. Mentality is gnosiological, it is intellectual mindset independent of moral feeling and will. Mindset, as a synonym of spirituality, is embodied in the historical act and word; a word is the guardian of mindset, this fact allows to treat it from linguistic point of view. To describe mindset the terms “image”, “concept”, “symbol” and “conceptum” (derived from “conceptum” - core) are used. Conceptum is not a notion, it is the essence of the notion, the meaning devoid of form; it is stable, constant and fixed. The forms of existence of conceptum are etymon of the word, figurative meanings of a word, derivational links within the derivational nest, systemic synonymic and antonymic relations of the word and hyper- hypo-relations.*

KEYWORDS: *concept; linguistic worldview; culture-bound words; historical lexicography; Russian mentality; dictionary.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kamchatnov Alexander Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Language and Stylistics, Literature Institute n.a. A. M. Gorky, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Kolesov V. V. Mir cheloveka v slove Drevney Rusi. — L.: LGU, 1986. 312 s.
2. Kolesov V. V. Russkaya rech': vchera, segodnya, zavtra. — SPb.: YuNA, 1998. 248 s.
3. Kolesov V. V. «Zhizn' proiskhodit ot slova...». — SPb.: Zlatoust, 1999. 368 s.
4. Kolesov V. V. Filosofiya russkogo slova. — SPb.: YuNA, 2002. 448 s.
5. Kolesov V. V. Slovo i delo: iz istorii russkikh slov. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. 702 s.
6. Kolesov V. V. Realizm i nominalizm v russkoy filosofii yazyka. — M.: Logos, 2007. 382 s.
7. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste. — SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 s.
8. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. Slovar' russkoy mental'nosti. V 2 t. T. 1. A—O. — SPb.: Zlatoust, 2014. 592 s.
9. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. Slovar' russkoy mental'nosti. V 2 t. T. 2. P—Ya. — SPb.: Zlatoust, 2014. 592 s.

О. Л. Соколова, Л. В. Скопова, Е. И. Ренер
Екатеринбург, Россия

**РЕЧЕВЫЕ АКТЫ РАЗЛИЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ:
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Е. В. Ерофеевой «Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке». В монографии представлен критический обзор научной литературы по прагмалингвистике: различия в российской и зарубежной научной традиции изучения речевых актов, классификация коммуникативных типов речевых актов. Рассматриваются следующие темы: коммуникативный и речевой акты. Характеристика, особенности, классификация различных речевых актов (угроза, предупреждение, обещание, просьба, клятва, приказ, команда, совет, оскорбление, похвала, комплимент, пожелание) на материале современного французского языка. Разграничение близких и смежных речевых актов по формальным и семантическим критериям. Важность изучения ответной реплики адресата, более широкого контекста для правильного понимания значения прямого и косвенного речевого акта. Дискуссионные вопросы косвенных смыслов квестивов. Ядро и периферия поля вопросительности. Особенности реализации речевых актов угрозы и предупреждения в сложных предложениях с различными типами союзной связи. Синонимические ряды перформативных глаголов. Научная новизна заключается в системном описании реализации прямых и косвенных речевых актов, в исследовании вариативности лексических и морфологических средств при реализации высказываний. Комплексный подход реализуется через анализ коммуникативного намерения говорящего, социальных отношений между коммуникантами и иных пресуппозиционных факторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевые акты; коммуникативная направленность; речевая вариативность; сопоставительная прагмалингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Соколова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; 620114, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62, к. 519; e-mail: Sokolova_olga@usue.ru.

Скопова Людмила Валентиновна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; 620114, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62, к. 519; e-mail: l-skopova@mail.ru.

Ренер Елена Игоревна, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: helena.renner@gmail.com.

Исследования речевых актов традиционно находятся в центре внимания лингвистов. Цель коммуникации по определению обмен информацией, оказание влияния на собеседника. С этой точки зрения, абсолютно любое высказывание можно трактовать как речевой акт с различной коммуникативной задачей. Идентификация всего многообразия речевых актов, изучение их свойств и функционирования в различных языках, несомненно, являются ценным вкладом в лингвистическую науку. Особый интерес представляет тот факт, что совокупность речевых актов в языке можно, по всей вероятности, отнести к языковым универсалиям, вне зависимости от того, кем, когда и на материале какого языка они были выявлены и описаны. Однако одни и те же универсальные коммуникативные цели в разных языках зачастую достигаются различными и, возможно, даже парадоксальными способами, особенно если принимать во внимание косвенные значения речевых актов и импликацию, а также семантическое переосмысление перформативного глагола.

В этой связи интерес представляет монография Е. В. Ерофеевой «Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке». Прагмалингвистика сформировалась как самостоятельный раздел языкознания чуть более полувека назад,

и ряд положений теории речевых актов, стратегий, тактик и жанров находится в стадии становления и носит дискуссионный характер.

В первой главе Е. В. Ерофеева описывает ставшие уже классическими классификации речевых актов, основанные на различных принципах (прямые и косвенные, простые, составные и сложные, инициативные и реактивные, односторонние и кооперативные, конституированные и неконституированные), а также проводит критический анализ существующих коммуникативных типов речевых актов, включающих в себя от 5 до 10 групп. Наибольшее количество коммуникативных типов, по мнению автора, выделяет В. В. Богданова, однако самой подробной Е. В. Ерофеева считает классификацию Балмера и Бренненштуля, в которой на материале английского языка выделено 8 классов, 24 модели и 660 категорий, отражающих модели речевого поведения [Ерофеева 2014: 29, 37]. Ценным представляется сопоставительный анализ российской и ряда зарубежных исследовательских лингвистических традиций заявленной тематики. В частности, автор справедливо отмечает, что в российском языкознании принят комплексный подход к теории речевых актов, в то время как зарубежные лингвисты чаще фокусируются на более узких, конкретных сторонах проблемы (зависимость степени

косвенности иллокуции от имплицатур Д. Лича, конвенциональность имплицатур Г. П. Грайса, связь глубинной структуры высказывания с контекстом речевого акта М. Крэсуэлла) [Ерофеева 2014: 46—51].

Способам формирования косвенных смыслов высказываний посвящен отдельный параграф монографии. Е. В. Ерофеева разграничивает понятия речевого и коммуникативного акта, уточняя, что речевой акт направлен на достижение цели, на действие, а коммуникативный акт предполагает акцент на социальное взаимодействие. Под речевым актом, таким образом, понимается «тип целенаправленного речевого действия (высказывания) или совокупность речевых действий, совершаемых одним говорящим с учетом другого в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в определенном обществе» [Ерофеева 2014: 65].

Вторая глава монографии представляет собой подробный прагмалингвистический анализ речевых актов со значением предупреждения нежелательного действия в современном французском языке. Е. В. Ерофеевой удалось, на наш взгляд, раскрыть глубину и разнообразие коммуникативных типов речевых актов с заявленным значением. Автор выделяет речевые акты предупреждения/предостережения и угрозы (авертивные и менасивные конструкции). Задача автора при сборе и анализе материала осложнялась тем, что при оформлении указанных речевых актов перформативный глагол зачастую отсутствует и, следовательно, необходим анализ широкого контекста для принятия решения о включении высказывания в корпус менасивов. Перформативные глаголы «предостерегать», «предупреждать», как показывает исследование Е. В. Ерофеевой, также могут быть использованы весьма формально и не являются абсолютным маркером для отнесения высказывания к группе авертивных, а, напротив, при анализе широкого контекста дают основание полагать, что высказывание содержит угрозу. Важное достоинство исследования Е. В. Ерофеевой — четкое разграничение этих смежных речевых актов, заключение в строгие, логичные критерии и категории, в частности, выражение отрицательной бенефактивности при наличии намерения говорящего осуществить негативные последствия для адресата (речевой акт угрозы) или наличие положительной бенефактивности для адресата при констатации возможных негативных последствий, осуществление которых не входит в намерения говорящего [Ерофеева 2014: 87].

Вслед за целым рядом авторов Е. В. Ерофеева относит менасивы и авертивы к рече-

вым актам побуждения. Реализация речевых интенций угрозы и предупреждения может приобретать самые разнообразные формы: запрет, разрешение (ложная стимуляция действия), совет, приказ, просьба [Ерофеева 2014: 144—145]. Е. В. Ерофеева иллюстрирует сформулированные положения примерами из современных французских текстов, демонстрируя структурно-семантическое разнообразие выражения речевых актов угрозы и предупреждения в современном французском языке (использование различных видовременных глагольных форм, различных типов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, союзов, семантическое переосмысление перформативных глаголов, различные уровни имплицитности).

Возвращаясь к мысли о включенности речевых актов в действие и коммуникативных актов — во взаимодействие, обратим внимание на п. 2.12 монографии, в котором автор исследует ответную реакцию адресата на обращенное к нему высказывание, содержащее предупреждение или угрозу. Анализ диалогических единств вполне соответствует поставленным в исследовании задачам и позволяет аргументированно и доказательно судить о действительном значении высказывания, смысл которого может быть завуалирован и даже изменен на противоположный использованием перформативного глагола в несвойственном значении, а также различными невербальными компонентами (паузами, интонацией и т. д.), не очевидными, но часто подразумеваемыми при заключении диалогов в письменную форму. В этой связи вспомним также исследование М. Б. Ворошиловой, которая, анализируя темо-рематическое членение граффити — кратких, емких, экспрессивных письменных высказываний, — придавала большое значение контексту, трактуя контекст достаточно широко: рисунки, шрифт, оформление [Ворошилова 2016: 63]. Это лишний раз доказывает контекстуальную обусловленность значения высказываний, в большей или меньшей степени свойственную близкородственным и неродственным языкам.

К интересным выводам приходит автор, исследуя количественные и качественные трансформации семантической модели речевых актов угрозы и предупреждения. Анализ многочисленных примеров показывает, что по мере увеличения степени косвенности в высказывании возрастает роль фоновых знаний и уменьшается количество языковых показателей передаваемого прагматического значения. Одной из особенностей французского языка, часто и продуктивно ис-

пользуемой в современных текстах, является модель построения высказываний авертивной семантики, в которых призыв к осторожности содержится имплицитно в косвенно описываемых негативных последствиях.

В качестве замечания отметим, что основной корпус языкового материала представлен текстами второй половины XX в. и лишь незначительная часть текстов относится к началу XXI в. Современные темпы развития средств коммуникации не могли не оказать влияния на способы оформления высказываний, тем более когда речь идет о столь тонких оттенках смысла, об имплицитности и косвенных способах выражения намерений. Тенденция проникновения разговорного языка со всеми его лексическими, синтаксическими и просодическими особенностями в литературу, несомненно, дает достаточно полное представление о современном состоянии разговорного языка, особенно в случаях, если значительная часть литературного текста представляет собой диалог, полилог или внутренний монолог персонажей. Выскажем предположение, что если бы удельный вес языкового материала последнего десятилетия был более значительным, это позволило бы автору обнаружить другие особенности и, возможно, выявить иные закономерности, обусловленные вариативностью социальных кодов в процессе коммуникации. Тем не менее выбор художественных текстов в качестве источников материала вызывает одобрение и гарантирует достоверность полученных результатов, поскольку коммуникация в художественной сфере традиционно привлекает наибольшее внимание специалистов лингвистических наук [Чудинов, Цыганкова 2016: 289].

В другой своей работе, посвященной прагматической реализации директивов во французском языке, Е. В. Ерофеева справедливо указывает на важность экстралингвистических факторов, а именно социально-психологических условий, для понимания прямых и косвенных смыслов высказывания. «Говоря о первичных и вторичных коммуникативных ролях участников РА, мы затрагиваем прагматический аспект побудительных высказываний, включающий целый ряд факторов экстралингвистического порядка, а именно: распределение социальных ролей между коммуникантами; характер межличностных отношений, который определяется в зависимости от степени социально-психологической дистанции между ними; отношение коммуникантов к потенциальному действию (где действие может быть охарактеризовано по параметрам бенефактивности и желательности)» [Ерофеева 2014: 77].

Е. В. Ерофеева подробно рассматривает эксплицитные и имплицитные смыслы, передаваемые сочинительными и подчинительными союзами в сложных предложениях, содержащих речевые акты предупреждения и угрозы, анализирует высказывания, в которых сочинительные союзы *ou*, *sinon*, *autrement*, *car*, *et* и подчинительный союз *si* служат для передачи различных лингвистических и экстралингвистических оттенков значения и ситуации: предположения о возможности совершения нежелательного действия, причинно-следственных связей, указания на наличие выбора для адресата высказывания или, напротив, импликации логических связей.

Третья глава монографии представляет собой анализ иных речевых актов на материале современного французского языка. Отдельные параграфы посвящены речевым актам обещания, клятвы, приказа, команды, просьбы, совета, оскорбления, похвалы, извинения и пожелания. В качестве замечания отметим, что в списке сокращений на с. 278 отсутствуют принятые в работе сокращения речевых актов, что несколько затрудняет чтение. Тем более что многие сокращения могут раскрываться по-разному: РАП — это речевые акты просьбы, приказа, пожелания, похвалы, РАО — это речевые акты обещания, оскорбления и т. д.

Анализ промиссивов начинается с представления синонимичного ряда существительных со значением принятия обязательства и иллокутивных глаголов со значением «обещать» в современном французском языке. Такой анализ представляется оправданным и правомерным для исследования речевых актов, так как в ходе исследования автор приходит к выводу, что наличие семы «принятие обязательства» не является однозначным маркером для классификации высказывания с данным глаголом как речевого акта обещания. Принятие обязательств, связанное с особой торжественностью или в интересах самого говорящего, рассматривается как пример иных речевых актов, например, речевого акта клятвы. Автору удалось выявить и описать характерные особенности оформления речевого акта обещания в современном французском языке, а именно: изменение позиций протазиса и аподозиса и вариативность в употреблении глагольных форм, в частности, употребление форм прошедшего времени для выражения действия в будущем [Ерофеева 2014: 179, 183].

Среди директивов Е. В. Ерофеева выделяет речевые акты приказа и команды. Особый интерес вызывают косвенные способы выражения приказа и команды во француз-

ском языке, которые демонстрируют значительное сходство с русским языком. Позволим себе любопытное наблюдение о межъязыковых различиях в выражении директивов, связанных с языковым оформлением десяти заповедей в христианской традиции: как известно, в русском языке десять заповедей представлены в виде императивов во втором лице единственного числа, в то время как во французском языке заповеди выражены формами простого будущего времени в том же лице: *tu ne voleras point, tu ne tueras point* и т. д. [Les dix commandements].

При рассмотрении речевого акта просьбы Е. В. Ерофеева подробно и доказательно описывает богатство и разнообразие косвенных смыслов речевого акта просьбы и косвенные значения иных речевых актов, имеющих значение просьбы. Несколько спорным представляется тезис о границах категории вежливости и принципе невмешательства в сферу существования слушающего. По мнению рецензента, предлагаемые автором на с. 199 примеры не вполне удачно иллюстрируют заявленные положения. Категория вежливости в прагмалингвистическом аспекте на материале французского языка действительно весьма неоднозначна, на что в своем исследовании указывают, в частности, А. А. Анищенко и Р. А. Газизов, развивая идеи Д. Лича о конкурирующей, дружественной, коллаборативной и конфликтующей иллокуции [Анищенко, Газизов 2015: 1350]. Несомненное достоинство монографии — блестящий анализ коммуникативных ходов, к которым прибегает говорящий, желая высказать просьбу. Е. В. Ерофеева тонко и убедительно показывает реализацию коммуникативных ходов «апелляция к чувствам, отношениям», «апелляция к качествам партнера», «апелляция к разуму» в современном французском языке [Ерофеева 2014: 204—205]. Отметим также, что столь же глубоко рассматриваются коммуникативные ходы речевого акта оскорбления: «прямое оскорбление», «косвенное оскорбление», «развенчание притязаний», «навешивание ярлыков». Автор справедливо отмечает, что этот список может быть расширен и дополнен, в частности, при анализе использования нестандартного сочетания слов с намерением оскорбить [Ерофеева 2014: 218].

Далее Е. В. Ерофеева рассматривает речевой акт похвалы, разграничивая похвалу и комплимент: «...для похвалы положительная оценка является основной целью, а для комплимента — способом сообщить о добрых чувствах, о благорасположении» [Ерофеева 2014: 220]. Автор высказывания прибегает к так называемым метатекстовым

показателям, чтобы сделать свое коммуникативное намерение максимально эксплицитным. Е. В. Ерофеевой удалось, на наш взгляд, проникнуть в тончайшие оттенки значений речевых актов, на что указывают, в частности, комментарии языкового материала и аргументированное выявление малейших отклонений в значении высказываний в глубинном смысле. Так, например, речевой акт комплимента может в действительности являться завуалированной просьбой и т. д.

Анализируя речевой акт извинения, Е. В. Ерофеева, помимо двух «хронологических»: проспективного и ретроспективного извинения, выделяет 11 семантических типов извинения в современном французском языке. Предлагаемые примеры показывают разнообразные сочетания речевых и языковых клише, которые автор относит к «ядерным способам передачи прагматического значения извинения» [Ерофеева 2014: 224], и творческого подхода с учетом разнообразных ситуаций общения и статусов говорящих.

Ряд исследователей, как справедливо отмечает Е. В. Ерофеева, относят речевой акт пожелания к бехабетивам/экспрессивам, целью которых является вербальное выражение реакции говорящего на поведение и события в жизни других людей. Другие лингвисты выделяют пожелание в отдельный класс оптативов, отличительные признаки которых в монографии раскрываются очень кратко и опосредованно. Сама Е. В. Ерофеева настаивает на включении речевых актов пожелания, которые формально выражены глаголом в повелительной форме, в группу директивов. С этим трудно согласиться, тем более что одним из аргументов автора является предполагаемое совершение адресатом высказывания некоторых действий для достижения результата, однако приведенные примеры «*Soyez heureux!*», «*Je vous souhaite beaucoup de bonheur!*» совсем не предполагают какого-либо действия со стороны адресата высказывания, а лишь выражают эмоциональное отношение [Ерофеева 2014: 230—231].

Отдельный параграф третьей главы посвящен анализу вопросительных высказываний — квестивов. Наибольший интерес, по нашему мнению, представляет анализ вторичных функций вопросительных предложений. Е. В. Ерофеева выделяет четыре поля, составляющих периферию поля вопросительности: поле информативности, эмоционально-оценочное поле, поле побудительности и контактное поле. Пересечения и наложения полей прямых и косвенных смыслов интеррогативов порождают многообразие значений вопросительных предло-

жений, схематично представленных на с. 233, 234 монографии.

С точки зрения теоретической значимости, монография Е. В. Ерофеевой в основном подтверждает ранее высказанные классификации и определения. Научная новизна и главное достоинство монографии заключаются в системном описании реализации прямых и косвенных речевых актов в современном французском языке, в исследовании вариативности лексических и морфологических средств при реализации высказываний. Комплексный подход, помимо прочего, реализуется через глубокий анализ современного языкового материала с учетом коммуникативного намерения говорящего, социальных отношений между коммуникантами и иных пресуппозиционных факторов. Результаты исследования Е. В. Ерофеевой, несомненно, могут быть использованы при преподавании различных вузовских курсов: прагмалингвистики, теоретической и практической грамматики, стилистики и интерпретации текста. Монография Е. В. Ерофеевой может заинтересовать исследователей новейших направлений современной лингви-

стики, занимающихся изучением влияния на адресата высказывания, таких как медиа-лингвистика, когнитивно-дискурсивные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко А. А., Газизов Р. А. Способы функционирования категории вежливости в эмпатийном речевом акте понимания (на материале французского языка) // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20, № 4.
2. Ворошилова М. Б. Тема-рематический анализ граффити // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14.
3. Ерофеева Е. В. Прагматическая реализация категории побудительности во французском дискурсе (на примере речевых актов приказа и команды) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3-1 (33).
4. Ерофеева Е. В. Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке : моногр. — Екатеринбург : УрГПУ, 2014.
5. Чудинов А. П., Цыганкова А. В. Политическая лингвистика как научное направление и учебная дисциплина в системе обучения русскому языку как родному, государственному и иностранному // Филология и культура. 2016. № 4 (46).
6. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London. — New York, 1983. 250 p.
7. Les dix commandements // Exode. 20.1-26. URL: <https://www.universdelabible.net/lire-la-segond-21-en-ligne/exode/20.1-26/> (date of access: 10.04.17).

O. L. Sokolova, L. V. Skopova, E. I. Renner
Ekaterinburg, Russia

SPEECH ACTS OF DIFFERENT COMMUNICATIVE FUNCTIONS: PRAGMATIC ASPECTS (IN FRENCH DISCOURSE)

ABSTRACT. A review of E.V. Erofeeva's monograph titled "Pragmatic Aspects of Speech Acts of Different Communicative Functions in French Discourse". A critical analysis of the literature on pragmalinguistics is given. The writer draws a distinction between domestic and foreign approaches to the study of speech acts and she provides their classification. Characterization, distinctive features and classification of speech acts (such as threat, warning, promise, request, vows, order, command, advice, insult, praise, compliment, and wish) is supported with examples from modern French. The distinction between related speech acts using formal and semantic criteria is shown. The importance of studying the addressee's response, a wider context for correct understanding of direct and indirect speech acts is emphasized. Debatable issues of indirect meaning of questions, core and periphery of the field of interrogative forms are also considered. The distinctive features of use of speech acts such as warning and threat in complex sentences, synonymic rows of performative verbs are identified. The scientific novelty of the monograph lies in the fact that the author gives a comprehensive description of direct and indirect speech acts and studies the variation of lexical and morphological forms used in utterances. A comprehensive approach is employed to analyze a communicative intention of the speaker, interlocutors' social relations and other presuppositional factors.

KEYWORDS: speech acts; communicative function; speech variety; comparative pragmalinguistics.

ABOUT THE AUTHORS: Sokolova Olga Leonidovna, Candidate of Philology, Chief of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economic, Ekaterinburg, Russia.

Skopova Ludmila Valentinovna, Candidate of Pedagogic sciences, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economic, Ekaterinburg, Russia.

Renner Elena Igorevna, Senior Lecturer, Department of linguistics and professional communication in foreign languages, Ural Federal State University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Anishchenko A. A., Gazizov R. A. Sposoby funktsionirovaniya kategori vezhливости v empatiynom rechevom akte ponimaniya (na materiale frantsuzskogo yazyka) // Vestn. Bashkir. un-ta. 2015. T. 20, № 4.
2. Voroshilova M. B. Tema-rematicheskiy analiz graffiti // Psikholin-gvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. 2016. № 14.
3. Erofeeva E. V. Pragmaticheskaya realizatsiya kategorii pobuditel'nosti vo frantsuzskom diskurse (na primere rechevykh aktov prikaza i komandy) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 3-1 (33).
4. Erofeeva E. V. Pragmaticheskie aspekty rechevykh aktov razlichnoy kommunikativnoy napravlenosti v sovremennom frantsuzskom yazyke : monogr. — Ekaterinburg : UrGPU, 2014.
5. Chudinov A. P., Tsygankova A. V. Politicheskaya lingvistika kak nauchnoe napravlenie i uchebnaya distsiplina v sisteme obucheniya russkomu yazyku kak rodnomu, gosudarstvennomu i inostrannomu // Filologiya i kul'tura. 2016. № 4 (46).
6. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London. — New York, 1983. 250 p.
7. Les dix commandements // Exode. 20.1-26. URL: <https://www.universdelabible.net/lire-la-segond-21-en-ligne/exode/20.1-26/> (date of access: 10.04.17).

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/дьюм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2017. ВЫПУСК 2 (62)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 24.04.2017. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 18,3. Усл. печ. л. — 20,4. Тираж 500 экз. Заказ 4821.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me